

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 1005 018

PSlav 665.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРШЫЙ АРХИВЪ,

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ПОЛИТИКИ

И

ИСТОРИИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ГРЕЧЕМЪ

И

ОАДДЕЕМЪ БУГАРИНЫМЪ.

Т о м ъ X L V .

(СЫНА ОТЕЧЕСТВА ЧАСТЬ 167-Я, СЪВЕРНАГО АРХИВА 81-Я.)

САИКТШЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 3 4 .

△
P Slav 665.5 ($\frac{1834}{35-43}$)

Печатать позволяется:

съ штемъ, чшобы по оппечашаніи, предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Санкшпербургъ, Августа 30 дня 1834 года.

Ценсоръ, В. Семеновъ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СѢВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 35.

I.

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КОРСАРЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА НЕИЗВѢСТНАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

..... Получивъ отъ моего Адмирала отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, я, въ качествѣ путешественника, посѣдилъ почти всѣ порты Бришанскаго канала, которые въ послѣднюю войну съ Англичанами выставляли длинный рядъ безспрашныхъ корсаровъ.

Я былъ молодъ тогда, и, не видѣвъ никогда *корсара*, гошовъ былъ пожертвованъ всѣмъ, чшобъ встрѣшншь хотя одного, но моряка истиннаго, оппечашокъ дерзкой рѣшимости и ужасовъ моря, съ проклятіями и прубкою въ ухахъ, курящаго порохъ за недоспапкомъ шабаку, съ глазами налишными кровію, испещреннаго сабельными ударами и разспрѣяннаго, какъ мишень.

Будучи на берегу, я опкрылъ што невняное

желаніе одному пріятелю нашего семейства, любезному и умному челоѣку, которому я былъ рекомендованъ. — Хорошо, сказала онъ мнѣ, завира вы будете обѣдать у меня, съ однимъ корсаромъ. — Съ корсаромъ! неужели? Да, съ настоящимъ корсаромъ, опивчалъ онъ, и съ корсаромъ, какихъ мало; съ такимъ корсаромъ, который взялъ на свою долю болѣе призовъ, нежели всѣ его шоварищи, начиная опъ Дюнкерка до Семшъ-Мале.

Я не спалъ ночь, и день показался мнѣ безмѣрно длиннымъ, хошя я пробовалъ чинать Байронова *Конрада*, чшобъ пригошовинъ себя къ этому любопытному свиданію.

Въ пять часовъ я прибылъ къ моему другу. Смицне признашся, но я одѣлся чище обыкновеннаго и почши щегольски. Хозяинъ встрѣпилъ меня съ такимъ важнымъ и задумчивымъ лицомъ, чшо я запрепешалъ неволью.

— Нашъ корсаръ придетъ только подъ конецъ обѣда, сказала мнѣ хозяйинъ; онъ договаривается съ Капитаномъ порпа. — Чшожъ дѣлать? подожду. И вышешъ съ шимъ я началъ дышать свободнѣе.

Сѣли за столъ. Я былъ помѣщенъ возлѣ жены моего хозяина; съ правой стороны у меня сѣдѣлъ мужчина лѣтъ шестидесяти, который, казалось, былъ очень коропокъ въ семействѣ; и котораго называли просто Томъ.

На этомъ господинѣ была очень просторная черная одежда, которая отражалась необык-

новенно на его багнетѣ ослѣпительной бѣлизны; оны нѣль ошкрытую и веселую анзіомію, живыя глаза, щеки полныя, блестящія, и вообще такую добрую мину, на кошорую пріятно было смотрѣть. Оны много рассказывалъ нѣ о своемъ городѣ, кошорымъ, казалое, гордился; говорилъ о прожекшированныхъ спрешіяхъ, и осперничествѣ школы монаховъ со школою взаимнаго обученія, и заключилъ, давъ нѣ знань съ благородною гордостію, что оны Членъ Муниципальнаго Правленія, Капитанъ національной гвардіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется добрымъ именемъ *фабриканта*. Я ему вѣрилъ на-слово. Всѣ эти подробносши, могли бѣ заинтересовать меня чрезвычайно во всякое иное время; но я долженъ признахся, что погда они казались нѣ довольно монотоннымъ: меня занимало одно желаніе видѣть моего *персера*. Но оны неслыся.

Напрасно хозяинъ мой, изъ соображеннаго вниманія и намѣренія разсѣять меня, началъ спорить съ Г. Томомъ на стечѣ какого-но фешивана, кошорый разрушился, не смотря на то, что ему, Тому, исключительно былъ порученъ шопъ квартали. Великодушный поступокъ добраго хозяина не принесъ нѣ ничего, кромѣ доказательства, что Г. Томъ сверхъ общественныхъ и гражданскихъ своихъ доблестей, нѣль самый кропкій, веселый и сговорчивый характеръ.

Подали десертъ. Слуги удалихся; я былъ

въ отчаяніи. Не имѣя силъ выдерживать болѣе, я съ жалобнымъ видомъ обратился къ Амфипріону: — Увы! корсаръ забылъ васъ, сказалъ я ему. — Какой корсаръ? подхватилъ Г. Томъ, щелкая съ безпечностію орѣхи. — Иншендантъ адмиралтейской, котораго я пригласилъ, опивчалъ хозяйнѣ съ громкимъ смѣхомъ.

Лице мое покрылось богровою краскою, и только прислушаніе двухъ дамъ удерживало меня отъ бѣшенства.

Въ сильной запальчивости я готовъ былъ на всякую крайность, видя, что мой хозяйнѣ, вмѣсто опивша, смѣялся, взглядывая на госпедь, которые хохотали также, исключая однако жъ Г. Тома, покрасѣвшаго до ушей, и заспѣнчиво склонившаго голову.

Только внощъ благородный гражданинъ, думалъ я, чувствуешь всю несправедливость сей глупой сцены: и я благодарилъ внутренно доспѣшнаго Совѣтника Муниципальнаго Правленія.

— Оставьте шушки, сказалъ мнѣ послѣ того хозяйнѣ, съ видомъ истинной пріязни; просните меня, что я воспользовался правами лѣтъ моихъ и опытности, чтобъ предохранить васъ отъ впечатлѣній, напередъ распитанныхъ; вно самое предубѣжденіе заспавляетъ судить несправедливо о людяхъ, заслуживающихъ вниманіе. Такимъ образомъ, когда они встрѣчаются въ настоящемъ видѣ, вмѣсто сопвореннаго мечтами, позвія ваша оскорбляется иногда холодною

существованію, и вы, на зло разсудку, цѣните людей ошибочно, или упорствуете въ томъ заблужденіи, которое имѣли на счетъ ихъ.

Я смотрѣлъ съ удивленіемъ на моего хозяина. Мнѣ было онь роду семнадцать лѣтъ; ему шестидесятъ; сверхъ того, я находилъ въ его словахъ сколько справедливости и добродушія, что мнѣ невозможно было сердиться.

— Доказательство тому, прибавилъ мой хозяинъ, ежелибъ я указалъ вамъ сей-часъ нашего корсара, вы конечно испытали бы впечатлѣніе совершенно противоположное; и между тѣмъ, шопъ безстрашный, о которомъ я говорилъ, находишь здѣсь, среди насъ; онь обѣдалъ съ нами. — Я сдѣлалъ невольное движеніе. — Увѣрю васъ въ шопъ, сказалъ хозяинъ, съ такимъ серьезнымъ видомъ, что я ему повѣрилъ.

Тогда я окинулъ взоромъ всѣ эти лица, которые ласково смотрѣли на меня, но ничто не открывало корсара.

— Осмотрите насъ получше, примолвилъ Г. Томъ, значительна улыбаясь. Послѣ того хозяинъ, указывая на Г. Тома, сказалъ мнѣ: имѣю честь представить вамъ Капитана Томаса С — Капитана С ! Вы храбрый Капитанъ С . . . ? вскричалъ я, ибо мнѣ хорошо извѣсны были имя этого неуспрашиваемого мореходца и его знаменитые подвиги; нечаянность и удивленіе сдѣлали меня неподвижнымъ; сердце билось во мнѣ скоро и сильно.

— Да, да! все вино я... я сама, сказала мнѣ корсаръ, продолжая чмспинть и жевать орѣхи.

— Вы Капитанъ С...? спросилъ я еще у Г. Тома, измѣряя его глазами, и мнѣ казалось уже что взоръ Совѣтника Муниципальнаго Правленія начинаеть пылать, чело наморщилось грозно, я слышала почти его громовой голось....

Но ничто не пылало, не гремѣло, только корсаръ ошвѣчалъ мнѣ очель въдавно: и даже къ нашимъ услугамъ, милоспивый государь, ежели вамъ угодно будеть посѣлнить рейду и гавань.

Послѣ сего, онъ снова принялся за свои орѣхи. Такое лакоментво для корсара показало мнѣ очень неутирениымъ.

По-жеститъ, я была въ чрезвычайномъ замѣшательствѣ, ибо безъ излишняго воображенія я сославша себя совершенно прошивную идею о человекѣ, который провелъ жизнь среди убійствъ и опасностей моря. Для меня было непоспнжимо, какимъ образомъ сполько потрясеній сильныхъ и ужасныхъ, не оставили ни одной морщины на впомѣ гладкомъ и лоснящемся челѣ, ни одной складки на сихъ румяныхъ и смѣющихся щекахъ.

Видя удивленіе мое, хозяйинъ сказалъ корсару: »О! шеперь онъ не повѣритъ вамъ; чнобы убѣднть его въ истинѣ поговорите съ нимъ о своемъ ремеслѣ, или лучше расскажите побѣгъ вашъ изъ *Сутгамптона*.«

Капитанъ Томъ нахмурился и молчалъ.

Я сдѣлалъ знакъ хозяину, чѣмъ онъ не поспорилъ своего требованія, и завелъ разговоръ съ веселымъ и радушнымъ Капитаномъ объ нѣкоторыхъ изъ его морскихъ дѣлъ, которыми такъ занимали насъ, Гардемариновъ.

Такое вниманіе съ моей стороны понравилось Капитану. Разговоръ завязался между нами двумя; онъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности его собственной мѣтоты биться на морѣ; но все это объяснялъ какъ хладнокровно, съ такою пріятною миною, которая составляла разительную противоположность съ мрачнымъ и трагическимъ предметомъ нашего разговора.

Въ особенности я не забуду никогда, что на вопросъ мой, какимъ образомъ онъ бралъ непріятельскій корабль на бордажъ, онъ описывалъ мнѣ, спокойно играя своею вилкою: »Э! Богъ мой! я абординовалъ его почти всегда въ дѣлну; но у меня было обыкновеніе, которое нахожу полезнымъ и совѣтую вамъ употреблять при случаѣ; оно очень просто, прибавилъ онъ шепотомъ хозяйки, которая открываетъ превосходный рецептъ для печенія кренделей. »Сцѣпившись съ непріятельскимъ кораблемъ, я посылалъ къ нему въ ту же минуту, непременно, полный залпъ изъ мушкетеровъ и орудій, тройными зарядами.

»О! вы не можете имѣть понятія о послѣдствіяхъ такой операціи» прибавилъ Капитанъ оборонясь въ половину ко мнѣ, и съ утвердительною видомъ качая головою.

Я осмѣлился увѣрять Капишана, что совершенно представляю себѣ дѣйствіе этого превосходнаго обыкновенія, которое дѣйствительно было очень просто.

— О!.. о!... У Капишана лопаются черепа! скажешь насмѣшливо мой хозяинъ; однако жъ онъ не признался еще вамъ, что боится покойниковъ?

— Да! покойниковъ! сказалъ, улыбаясь, Томъ, наполняя свой спаканъ превосходнымъ Сигаѣо.

— Покойниковъ, покойниковъ! опивчалъ мой хозяинъ, скажите Томъ, не являлся-ли къ вамъ когда человекъ съ *выдѣнными* глазами?

Физиономія Капишана приняла необыкновенное впечатлѣніе. Лице вслыхнуло, глаза заблѣспали въ первый разъ; онъ спукинулъ опорожненнымъ спаканомъ объ споль, и поднимая съдые волосы съ широкаго своего чела, сказалъ мнѣ: «Онъ хочешь непременно, чшобъ я разскажешь мой побѣгъ изъ Супгампюна. Эшо демонское приключеніе неразлучно съ пѣмъ... Слушайтежь, молодой человекъ.»

— Эй! эй! Томъ, не забудьте однако жъ объ впахъ дамахъ, прервалъ хозяинъ, указывая на свою жену и ея пріятельницу.

— Ma foi, сказалъ Капишанъ, ежели я увлекусь пылкостью разсказа, представыше, Mesdames, что вмѣсто словъ стояли почки.

Не знаю, была ли шо мечта, дѣйствіе ли Сигаѣо, отражающееся на Капишанъ, или очарованіе мрачное и магическое, раждающееся при

имени корсара... при семь грозномъ имени, которое изображалось на челъ шарика, не знаю; только всъ готовы были слушать Капитана съ живыми подобоспращіемъ. Я забылъ Муниципальнаго Совѣтника, и видѣлъ только предъ собою знаменишаго мореходца.

Капитанъ началъ разсказъ: »Сколько я могу припомнить, это было въ Сентябръ мѣсяцъ 1812 года. Выперъ дулъ прекрасный сѣверо-восточный; я сдѣлалъ очень дурное крейсированіе, и возвращался весьма спокойно въ Кале, ведя за собою тяжелый бригъ съ 280 бочекъ сахару, и деревомъ, когда мой помощникъ, командовавшій призовымъ судномъ, далъ сигналъ, что видишь паруса, идущіе на насъ подъ вѣтромъ.

»Я взглянулъ.. Не худо... Вдали возвышались марсъ-шпеныги огромныя, какъ домъ. Это была фрегата перваго ранга. Проклятый бригъ плынулъ, какъ буй (*). Я приказалъ моему помощнику прибавить парусовъ, и увѣшалъ ими бѣднѣйшій мой люгеръ до послѣдней крайности: онъ горячился, какъ демонъ и понесся спрѣлою впередъ: мы начали дышать свободнѣе... и шлю надежно..., только, къ несчастію, это не помѣшало фрегатѣ нагнать насъ въ три четверти часа.

»Чтобы попросить меня пріоспановиться, фрегата пустила два ядра, которыя снизали на

(*) Якорный поплавокъ.

моемъ суднѣ одного Гардемарица, и ранили прехъ мапросовъ.

»Для порядку, именно шолько для порядку, я ошвѣчалъ залпомъ изъ орудій каршечью, кошко-рая пощипала съ подюжины Англичанъ. Это было начашо, какъ слѣдуешь; но шѣмъ и оконни-лось: я былъ взашъ. Прошивъ обыкновенія, Ан-глийскій Капитанъ принялъ меня очень ласково и внимашельно; онъ зналъ меня, ибо я дважды былъ его плѣнникомъ, и оба раза мнѣ удавалось избѣгнути понпоновъ.

»Мы приблизились къ Порпсмушу, и снали на якорь почти въ шопъ самый часъ, какъ я расчашывала прійти въ Кале. И шакъ, вмѣсто того, чтобы обяшъ мою машь и брата, ввести призъ въ гавань и насладиться покойнымъ сномъ на машерой землѣ, я слѣдовала прямо къ одному понпону, и можешъ снащся для того, чтобы не скоро выйши ошшуда... положеніе непріаш-ное. — Но въ то время я былъ предпримчивъ, молодъ, силенъ; имѣлъ добрый кушакъ, наполнен-ный гинеями; а что больше всего, во мнѣ кипѣла *киштовая предприимчивость* Француза, и я былъ гошовъ на все... Когда Комендантъ, въ присуш-ствіи всего глупаго своего Шпаба, обратшася ко мнѣ съ длинною рѣчью, доказывая что съ шо-го времени моя свобода будешъ ограничена... что меня посадшъ въ особенную комнату, будущъ спорожнишъ каждую минушу... что всякое поку-шеніе къ побѣгу можешъ спонитъ мнѣ жизни... и множешво подобныхъ сладкихъ рѣчей.

— Я сказала Коменданту: *Je m'en moque* (я смѣюсь надъ эпимъ), и все шаки уйду.

— Посмотримъ, ошвѣчалъ Англичанинъ. — Надѣюсь швердо, ошвѣчалъ я. — И меня оправили въ *Сутгамптонъ* - озеро на поншонъ *Корона*.

Сутгамптонъ (Southampton-Lakke), есть довольно пространное озеро, разположенъ около пятнадцати миль отъ Поршсмуша; оно имѣетъ одинъ только выходъ посредствомъ узкаго канала, впадающаго въ морской рукавъ, протекающій отъ С. З., къ Ю. З.; рукавъ сей соединяетъ прѣшани: Поршсмуша, Спитгеда (Spithead) и Св. Елены, и обогнувъ острова: Порпзео, Галлингъ и Торнео, впадаетъ въ Британскій каналъ.

»Я объясняю всѣ эти подробности для того, чтобъ вы видѣли неприступность дьявольскаго озера, которое слишкомъ удачно выбрано было для шочки дюжины поншоновъ, заключавшихъ въ то время нѣсколько тысячъ пѣнныхъ Французовъ, въ число которыхъ поступалъ и я, на поншонъ *Корона* — восьмидесяти-пушечный уничтоженный корабль.

»Этимъ поншономъ командовалъ извѣстный Безрукій, по имени Роза; злобный, лихрый, пронырливый, гдѣ нужно, хорошій собою и молодой; но кромѣ того храбрый малый, который лишился руки подъ Трафальгаромъ, и опустилъ въ море столько же Французовъ, какъ я

Англичанъ: дѣло правое. Я не могу укорять вѣрными Безрукаго; онъ также любилъ свое общество.

»Въ первый день моего прибытія въ эту морскую крѣпость, Комендантъ показалъ мнѣ свой пошонъ во всей подробности, съ его рѣшетками, замками, оковами, опускаемыми дверями, запорами, рогашками; онъ далъ мнѣ ясное понятіе о рундахъ, производимыхъ чрезъ каждую четверть часа, о папрусахъ и обыскахъ, ошъ кошорыхъ непрерывно пошрясались шрухляя спѣны этого жалкаго корабля. Капитанъ заключилъ шѣмъ, что кромѣ сихъ предосторожностей, одинъ капралъ будетъ навсегда къ моимъ услугамъ, спанентъ слѣдовать за мною неоплачно, какъ шѣмъ, для чего сказалъ онъ съ коварною усмѣшкою, чтобы *предупредить малѣйшія мои желанія.*

»Между шѣмъ, прибавилъ онъ, ежелибъ вы захотѣли, Капитанъ, дашь мнѣ ваше честное слово, что не будете стараться ускользнуть, — я позволю бы вамъ сходить на берегъ всякій день и здѣсь ваша комната была бѣ свободна ошъ всѣхъ дозоровъ.

»Вы очень снисходительны, ошвѣчалъ я Коменданту, но этого слова я вамъ не дамъ, потому, что, изволише видѣшь, ушромъ и вечеромъ, днемъ и ночью, меня будетъ занимать одна мысль, единственное желаніе: бѣжать опсюда.— Вы совершенно правы; я по же сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ, сказалъ Безрукій. Только предварю васъ,

что я упрямъ и употребляю все, чтобы васъ придержать. — Конечно, это необходимо, отвѣчала я, ибо съ моей стороны не будетъ упущено *ничего* къ освобожденію отсюда.

»Но въ самомъ дѣлѣ Безрукій могъ полагаться на свою чортову западню. Представьте себѣ, что всѣ амбразуры были переплешены желѣзомъ шакъ, что невозможно было и думать просунуться чрезъ нихъ, пѣтъ болѣе, что эшки рѣшешки были осмашриваемы пять или шестъ разъ днемъ, и сколько жъ ночью; но предполагая, что можно бѣ было пролѣзть въ амбразуру, — надъ нею найдешь родъ параша, или желѣзные перилы, идущія вокругъ всего корабля, и на этой галерѣ часовые прогуливались вѣчно. Если бѣ нашелъ кто средство укрыться отъ часовыхъ, то конечно уже не ускользнулъ бы отъ вооруженныхъ лодокъ, составлявшихъ ночные рунды, и кошоры пересѣкали все пространство между понтонами. Наконецъ, ежели бѣ счастливый дерзширъ успѣлъ и здѣсь пробраться невидимо, то ему оставалось еще достигнуть впадь береговъ озера, между пѣтъ, какъ понтоны со всѣхъ сторонъ были расшоянѣемъ отъ земли около полуторы мши.

»Это еще не все: если бы озеро было вездѣ глубоко, или удобно къ плаванію, пуснишьсь впадь на шакое пространство хотя было слишкомъ дерзко, однако жъ возможно. Но важнѣйшее препятствіе состояло въ томъ, что,

слѣдуя къ берегамъ, необходимо было пройти три порога густой и вязкой пшцы, по которой не возможно ни плавать, ни ходить . . .

»Такимъ образомъ, говоря безпристрастно, одни уже эти пороги обезпечивали вѣрность понтоновъ.

»Шпіонизмъ также довольно способствовалъ Англичанамъ: бездѣльниковъ найдешь вездѣ, а пѣть скорѣе на понтонахъ, гдѣ нищета испре-бляетъ честь; изъ десяти неудавшихся побѣговъ было всегда восемь, которые опхрыпы измѣною коварныхъ поварихей.

»Плѣнные испытывали надежный способъ прошиву сихъ непріятностей, убивая предателей своихъ довольно странными мѣрами, о которыхъ, однако жъ, я умолчу въ присутствіи сихъ дамъ, (прибавилъ съ большою любезностію Капитанъ); измѣнники, говорю, получали достойную награду, если Англійскіе коменданты не успѣвали удалишь ихъ съ корабля; только это не помогало, и доносы шли своимъ порядкомъ, пошому что Англичане дорого платили за нихъ.

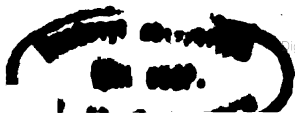
»Прошло уже восемь дней со времени прибытія моего на корабль *Корона*, какъ въ одно утро я узналъ, что одинъ мапрозъ, по имени Дюбрѣйль, землякъ мой, но большой негодяй, бѣжалъ во время ночи; видно было, что онъ нашелъ средство скрыться вечеромъ въ большую шлюбку, пригошовленную для рун-

да; когда лодки вышли въ открытое море, дезертиръ былъ принятъ за мажроза. Послѣ того, дождавшись благоприятнаго мгновенія, онъ бросился въ воду, нырнулъ и, его не видаемъ уже болѣе.

»Можете вообразить, какое желаніе возбуждала во мнѣ эта вѣсть, вырваться шакже на волю; но я не могъ еще ни кому съ безопасно-стью повѣрить свою тайну, а рисковалъ было безразсудно, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ. Какъ вдругъ счастливая моя звезда привела на корабль *Короу*, плавнаго Капитана-корсара; это былъ одинъ изъ моихъ лучшихъ пріятелей, безстрашный молодецъ, съ швердымъ характеромъ, отважный... однимъ словомъ, *селд-елькъ*!... Узнавши другъ друга, мы поняли въ ту же минуту безъ словъ, что Комендантъ ош-нюдь не долженъ знать объ нашей пріязни; для этого я показывалъ всегда холодность и даже недоброжелательство къ Тильмону (шакъ его звали).

»Тильмонъ имѣлъ при себѣ одного спараса мажроза, по имени Жюливе, котораго честность онъ испыталъ хорошо въ продолженіи двадцати-двухъ службъ. Мы распорядились, какъ слѣдуетъ... и, ровно чрезъ восемь дней послѣ побѣды Дюбрёйля, дѣла наши были въ добромъ ходу.

»Въ однош-ше день ушромъ, меня позвали въ комнашу Капитана: онъ вспрѣпилъ меня съ несмѣтными лицами, былъ одинъ шугральски,

и поглаживая подбородокъ надувала щеки шакъ, что казалось вмѣсто привѣщивія хопъ-а прыснушь со смѣху...

— Капишанъ, сказала онъ мнѣ, вы вздумали слишкомъ отважно играть со мною; счастье вамъ измѣнило; что дѣлать? впередъ выбирайте лучше вашихъ повѣренныхъ.

«Что это значить?» спросилъ я, не показывая замѣщательства.

— Ничего, — отвѣчала Безрукій, хладнокрово напягивая свое жабо; шакъ, ничего... вы должны были уйти завтра или послѣ-завтра, чрезъ дыру, пробившую въ корпусъ корабля; надъ шимъ дѣломъ прудился икъшо по имени Жолливе, кошораго вы подкупили за десять луидоровъ: онъ пошребовалъ съ меня за свою работу пятнадцать гиней, и я заплашилъ ему шончасъ; это право не дорого.

«Вообразите мое ошчаянiе; я расшерзалъ бы Жолливе, если бъ онъ попался мнѣ въ шу минушу. О!... Это ужасно! сказала я Безрукою, шоннувъ ногою. Такъ хорошо и во время усшроенный побѣгъ... шогда, какъ ошавалось шолько воспользоваться... и проч. и проч.

«Я послыгаю, какъ это прискорбно, отвѣчала мнѣ плушъ Англичанинъ; но для ушѣшенiя вашего, Капишанъ, выпьемъ по рюмкѣ мадеры, за лучший успѣхъ въ будущемъ вашемъ побѣгѣ.

«Дѣйствительно, отвѣчала я, это дѣло не совсѣмъ поперяно. Къ счастью, для дырѣ

остались спящими. И какъ въ самомъ дѣлѣ не было еще крайности убивать себя, мы выпили за успѣхъ *будущаго*, и пошли гулять по нижней башшаревѣ.

»Я былъ печалень, или лучше сказать показывалъ опчаянный видъ, тогда какъ Безрукій, въ припадкѣ необыкновеннаго удовольствія, смѣялся, свистѣлъ и мурлыкалъ подъ носъ, фальшивя, какъ испинный Англичанинъ; однимъ словомъ, онъ радовался явно неудачѣ моего побѣга; и, конечно, имѣлъ полное на то право. Между тѣмъ какъ мы гуляли уже съ полчаса, Комендантъ, показывая ту же веселость, а я продолжая посковавшъ, какой-то адскій шумъ раздавался въ 13-й башшаревѣ, надъ нашими головами.

»Что это значитъ?« спросилъ Капишанъ у одного Гардемарина, сходявшаго по лѣшницѣ.

— Тамъ наверху балъ, Г. Комендантъ; пѣвныя шанцюющъ, какъ обыкновенно всякой день.

»И чтожъ, вы думаете, осмѣлился сказать на это Безрукій негодяй: — Велише, сударь, оставишь эти веселости: онъ вовсе не приличны пѣвнымъ въ то время, какъ одинъ изъ нихъ худо разсчиталъ свой побѣгъ . . . прикажише опложитъ на-сего-дня. — Прежде нежели я успѣлъ попрепятствовать, мошенникъ Гардемаринъ былъ наверху уже, и оглушающій насъ шумъ зашхъ въ одно мгновение.

»Тогда, признаюсь, я потерялся и поблѣднлъ какъ смерть; ибо въ ту самую минушу когда шанцы прекращались, какой-то легкой звукъ,

къ счастью замѣшныи для одного только меня, слышался за перегородкою, составлявшею комнату *Тильмона*, надъ которою казалось павныи прыгали охотнѣе; эшотъ легкѣи звукъ, подобный скрипѣнѣи пилы, продолжался одну секунду послѣ панцовъ, но какъ я вамъ сказалъ, секунды шой довольно было для меня, чшотъ испытать всѣ муки ада. Я не могъ бы ужаснѣе спрадать, если бъ сердце мое распиливали на части.

»Къ счастью, Безрукѣи принялъ бѣдность мою за дѣйствѣе гнѣва, ибо я закричалъ, какъ испуганныи: *Г. Капитанъ!* Я не допущу, чшотъ эши несчастныи были наказаны за шо, что я, какъ глупецъ допустилъ провести себя; эшо несправедливо; вы хотите, чшотъ мои соопечесшвенники проклинали меня; пошупокъ вашъ низокъ, милосшвивый государъ, понимаете ли, низокъ; и ежели вы благородный человекъ, шо позволѣте имъ снова начать панцы.

»Успокойшесь, *Капитанъ*, сказалъ мнѣ ласково Безрукѣи; я сей часъ лично дамъ позволенѣе павнымъ веселѣться по прежнему.

»И безтолковый, сумасбродный *Англичанинъ*, рощозей, осель, чучело Безрукѣи, ошправился на верхъ самъ понимаете-ли самъ вскричалъ съ дѣкою радосшнѣи *Капитанъ*, хлопая руками и смѣясь, какъ сумасшедшѣи.

»Вы не узнаете по чему я такъ смѣюсь, вспоминая объ эшотъ, сказалъ успокоившѣи *Капитанъ*,

»Тутъ есть одно обстоятельство

видите ли, эти люди, которые танцевали такъ усердно, были подкуплены мною; восемь дней сряду получая отъ меня по двадцати су на человѣка, они прыгали, какъ бѣшеные надъ комнатою Тильмона, какъ будто для того, чтобы обезумишь этого бѣдняка; но въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы не слышно было когда онъ долженъ опверзшій въ стѣнѣ своей комнаты.

»Далѣе . . . въ счастливѣе заговора, составленнаго между мною, Тильмономъ и Жюливе, сей послѣдній долженъ былъ измѣнить мнѣ, и вѣрный мнѣ продалъ связанную для меня диру, для обращенія вниманія, и чтобы усилишь капиталъ нашъ пятнадцатью гинеями, полученными за нее отъ Безрукаго; наконецъ въ эту самую ночь я долженъ былъ бѣжать; ибо Тильмонъ почти кончилъ свое опверженіе, и вѣщерь начиналъ дутьъ рѣзко съ Северо-Запада, что предвѣщало мрачную и бурную ночь.

»Вы знаете уже, что это происходило черезъ недѣлю послѣ побѣга Дюбрѣйля: *фальшивая дира* была продана, танцы начались по прежнему, и опчаяніе было на лицѣ моемъ, а *Франція въ сердцѣ* . . . ибо Тильмонъ уведомилъ меня знакомъ, что опверженіе готово.

»Я хотѣлъ выйти на палубу, чтобы посмотрѣть еще отъ куда дуетъ вѣтеръ, какъ вдругъ замѣлся свистокъ. Ботмана, зовущій всѣхъ на палубу,

»Въ ту же минуту Штурманъ пришелъ ска-

зашь, что Комендантъ пребуешь меня на рангоушь.

»Не поминая ничего, я поспѣшилъ на верхъ, и вижу: Англійскіе Офицеры въ полной формѣ, экипажъ подъ ружьемъ, павинные спояшь чинно по шканцамъ, и какъ всегда, подъ выспрѣлами чешырехъ башарейныхъ орудій, заряженныхъ каршечью.

»Съ необыкновенно-важнымъ и поржесшвеннымъ лицомъ выпягивался передъ Шшабомъ своимъ Комендантъ Роза. У ногъ его спояла на полу койка, покрывшая чернымъ парусомъ.

»Безрукій приказалъ бить повѣспку, и когда барабаны умолкли, онъ сказалъ по-Французски.

»Съ недѣлю назадъ бѣжалъ изъ сего портана одинъ пльтнный. Прибывши къ шрясиннымъ порогамъ, онъ увязъ въ тинь и тамъ остался. Таковъ конецъ сего дезертира. Послѣ того оборотясь ко мнѣ, сказалъ: *Капитанъ! взгляните сюда, не знакомъ ли вамъ этотъ товарищъ?* Сказавши это, онъ опбросилъ ногою парусъ, покрывавшій койку: я увидѣлъ обнаженный, сильно вздувшійся шрущъ зеленовашаго цѣша; но что ужаснѣе: расшерзанное пѣло мершвеца висѣло кусками, и кровавыя дыры зияли на мѣсто глазъ, выѣденныхъ пшицами!..

»Искаженное, высохшее на солнцѣ лице оставало показывало ясно, что несчастный, попавши въ густую и вязкую пшину, не могъ выбишься опшуда; что, оставаясь въ сей пучинѣ,

подный жизни и смель, онъ ожидаль конца своего, цѣлыхъ восемь роковыхъ дней!! что, можеть бышь, въ последнемъ содроганіи смерти, видя хищныхъ птицъ, висящихъ надъ его головою, сирадалецъ предвидѣль, что ожидало его!..

»Одно лишь досповѣрно, что нѣшь словъ для выраженія пѣхъ впечатанній, какія чувствовала экипажъ вмѣстѣ со мною, глядя на эти спрашныя развалины человѣчества. Признаюсь, кровь оспановилась во мнѣ. Я вспомнилъ, что въ сльдующую ночь мнѣ должно будеть проходить чрезъ тѣ же пороги, и что, можеть бышь, та же участь ожидала и меня; но имѣя всегда надъ собою власть, я сохраниль присущіе духа. Проклятый Безрукой обвелъ глазами ряды, чтобы видѣшь дѣйствіе сего зрѣлища, потомъ оборотясь ко мнѣ, спросилъ въ другой разъ: *Ну! Что же Капитанъ! Узнали-ли вы этого товарища?*

»Заложа руки за спину, я ошвѣчалъ ему съ равнодушнымъ видомъ, (который, клянусь вамъ, дорого мнѣ стоило принять на себя):

»О! я знаю его хорошо . . . Это Дюбрѣйль, нашъ машрось; не важная потеря! . . . Онъ былъ большой негодяй, который билъ свою мать.

»Хладнокровіе мое изумило Безрукаго, и онъ закричалъ почти съ бѣшенствомъ шолкнувъ перстыца по ногъ, въ половину объденной врескляющимися:

»Однакожь видѣше ли, Капитанъ, чіе про-

гуливашься по шиям довольно накладно, потому, что шамь изнашиваютъ и собственную кожу....

»Да... Когда бываюшь сполько глупы, что пускаюшя въ эшомъ цупиь безъ дыжъ, опивъчалъ я, улыбаясь невольню; потому что безрукая каналья, показывая эшу изуродованную ногу, подалъ мнѣ превосходную мысль.

»Слова мои онъ принялъ за насмѣшку, посмотрѣлъ значительню на меня, и сказалъ:

»Вамъ весело, Капитанъ?

— »Очень весело, Г. Комендантъ, опивъчалъ я; но послушайте, велите лучше бросить эшу падалицину въ море; перестаньте играшь шакъ жалко моими чувствами и върьше, что конечно Творецъ Небесный накажетъ меня, если я стану дѣлать новое отверзтiе. И шакъ... спокойной ночи, Г. Комендантъ.

»И я, въ самую пору опдѣлаясь отъ него, ибо не могъ выдерживашь болѣе. Эшомъ прупъ гнилой сильно дѣйснвовалъ на мои нервы; а между тѣмъ предспоящая ночная прогулка общала мнѣ довольно удовольствiй, и кромѣ нишереснаго vis-à-vis съ Дюбрѣйлемъ.»

— И вы оемѣднлись, Капитанъ, бѣвашь въ шу же ночь? сказала съ ужасомъ одна изъ дамъ.

— »Да, сударыня, опивъчалъ съ важностию Капитанъ. И, клянусь вамъ адомъ! эше была самая гадкая ночь.»

»Варошно Капитанъ предспавилъ себя илю эшу сверхъестественную силу и пресупостию

духа, которые поддержали его въ ужасную ночь: ибо лице его сіяло чудеснымъ огнемъ непоколебимаго мужества и отчаянной рѣшимости; въ пронзительномъ взглядѣ его отразилась буря страстей, въ положеніи — угроза бѣгашья. Это была лей корсаръ! Подъ оболочкою крѣпости и простоты, мнѣ явилось на мгновение необыкновенное существо, порожденное мощью воображеніемъ.

Капитанъ продолжалъ свой разсказъ.

(Оканіе впрѣдъ.)

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Гамбургъ 28 Августа.

Я — въ Гамбургъ; мысль, къ кошорой все еще не могу порядочно привыкнуть! шакъ иногда и самая существенность кажется намъ мечтою..... Долго ли? Можетъ бытъ, до тѣхъ поръ пока еще не переспанешь бытъ занимательною.

Хотише ли, я подѣлюсь съ вами произведенными здѣсь на меня впечатленіями? — Одному и радость — не радость, и удовольствіе — не удовольствіе. А я шеперь совершенно — *одинъ*. И это одиночество шѣмъ для меня чувствительнѣе, что еще нѣшь и шрехъ дней, какъ я разспался здѣсь съ двумя Русскими путешественниками (Г. П. и Г. Р.), познакомившися со мною на пароходѣ. До сихъ поръ мы были вмѣстѣ; на дняхъ они ошправились въ Берлинъ; а я оспался здѣсь, чтобы черезъ недѣлю ѣхать на Рейнъ.

И шакъ, хотише ли — я познакомлю васъ съ Гамбургомъ? Рассказывать — не умѣю; описывать — совершенно не мое дѣло. Хотише видѣть Гамбургъ — пойдеше. Я покажу его вамъ! — Пойдемше по улицамъ, по бульварамъ; заглянемше въ церкви, въ канцлерскія, въ шеагры, въ часшные дома, въ гостиницы, — заглянемше всюду, куда можно не краснѣя заглядывать; всмо-

пришешь хорошеенько въ Нѣмецкія физиогноміи..... Успанеше,— присядемъ, опдохнемъ; нѣтъ,— пойдѣмъ далѣе,— пойдѣмъ въ Альпону, маленькій городокъ въ верстѣ ошъ Гамбурга..... Посмотримъ тамъ на Эльзу, на могилу Клопшшока, на здѣшнія дачи. Пойдемте за городъ, пойдемте куда вамъ угодно!— Вошъ улица,— вошъ Jungfersteig (Двичтя пропа)..... Куда прикажете?

Вошъ кандишерская Регіні, — первая кандишерская въ городъ. Окна моеи кварширы прямо прошивъ ея оконъ. Взойдемте! Какъ вамъ нравится эша зеркальная колоннада? Не правда ли, прекрасна! Взгляните кругомъ!— Обширно, просто, чисто; и,— всего одна комната. Снимайте вашу шляпу! Во всѣхъ прочихъ кандишерскихъ, въ шапфъ, на биржѣ, — вы можете быть въ шляпѣ; здѣсь, эшо не позволено; здѣсь не курить даже и сигаръ, ни шрубокъ. Вы можете курить вашу сигару, проходя по улицамъ, прогуливаясь по бульварамъ..... Впрочемъ не дѣлайте эшого; вась шопчасъ причисляшь къ *mauvais genre*..... Въ кандишерской Регіні курить запрещено: ее посѣщаютъ дамы. Причина самая естественная, самая учпивая! Спросите чѣмъ вамъ угодно; здѣсь все необыкновенно дешево, кромѣ конфетъ; конфетны дороги..... Ну, Богъ съ ними!— Вошъдше эшого прелестнаго пирожнаго; въ Мешербургѣ вы не найдете шакого! Мороженаго не спрашивайте; мороженое здѣсь дурно. Предоставьте намъ наши сыгъа и мороженыя, Гг. Нѣмцы, и дѣлайте ордады и цирошныя!....

Извините, что я повелъ васъ прежде всего въ кандишерскую; это былъ мой первой выходъ въ Гамбургъ. И мы не могли начать своего путешествія иначе: мы теперь на углу Jungfersteig, возлѣ гостиницы Zum Römischen Kaiser, въ которой я остановился. Первый предметъ, который кинется вамъ прямо въ глаза, — вывеска кандишерской. Если вы спанете проливъ нея, на право у васъ будетъ бульваръ, посреди гостиница Zum Römischen Kaiser, на лѣво означенная улица.

На бульваръ теперь не ходите, теперь день: Намцы любятъ прогуливаться вечеромъ. Дождемся и мы этого времени! Пока, пойдемте взглянуть на окрестности города. По улицамъ ничего ходить. Улицы—узкі, кривы, безъ прощуаровъ; по сторонамъ небольшіе спoki для воды, посреди небольшое возвышеніе..... Вы не привыкли ходить по такимъ улицамъ, — не правда ли? Московскія улицы хотя и похожи на здѣшнія, но по крайней мѣрѣ съ прощуарами; по крайней мѣрѣ — тамъ вы слышите издадека аяяяааа: пади! пади! извозчика. Здѣсь вы слышите это! Фіакры спокойно развѣзжаютъ по улицамъ, хлопая бичами, народъ шуршитъ около домовъ, или изгибается извилинами на улицѣ, загораживая дорогу самими фіакрами. Все это очень забавно для зрителей! Дома болѣею частью старинныя — высокіе, узкіе, съ готическими вышурками, и Нѣмецкою аккуратностію; шовары магазинныя вышурками наружу; сынъ замѣняютъ рабочіе

комнаты; двери настежь..... Подумаешь, у Нямцовъ все открыто..... Остановившись предъ домомъ, вы можете видѣть все что въ немъ дѣлается,— разумеется, если удовольствуетесь нижнимъ этажемъ, дворомъ и садомъ, копорые здѣсь вообще позади домовъ. Дома навлплены одинъ возлѣ другаго, такъ что, еслибы не разныя крыши, то вы не знали бы гдѣ одинъ кончился, другой начинается. Безпорядокъ въ разрывахъ улицъ между собою пресбивчивый. До сихъ поръ еще не могу пройти прехъ улицъ, чтобы не заплакаться! Замѣчаю, всматриваюсь, приглядываюсь..... все тщетно! Чуть перекрестокъ— кончено!— сбился съ дороги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто улицъ, проведены каналы, такъ что слѣны домовъ упираются прямо въ воду. Это напоминаетъ Венецію; недоспаешь гондоль..... Впрочемъ, здѣсь вы даже очень мало увидите и лодокъ на этихъ каналахъ; къ нимъ обращеня только задняя сторона строеній. Освѣщеніе, по вечерамъ, прекрасное; не грѣхъ и нашимъ городамъ пожелать у себя такого же. Въ иныхъ мѣстахъ фонари висятъ на веревкахъ, переброшенныхъ черезъ улицу..... Вообще Гамбургъ вечеромъ нравится мнѣ болѣе, нежели днемъ; дождемтесь же вечера, что бы взглянуть на него поближе. Пока подемте посмотрѣть его окрестности.

Мы остановились съ вами возлѣ бульвара, на углу.

Бульваръ обгибаетъ рѣку Альстеръ. Но Альстеръ въ этомъ мѣстѣ озеро. Вы видите

передь собою съ прехъ споронъ берега его, съ чешвершой—мостъ, отдѣляющій это озеро отъ другаго, еще большаго..... Далѣе Альсперь—рѣка. Пойдемте шуда!

Мы проходимъ первое озеро; бульваръ кончился; передь вами шянешся длинная аллея изъ шоподей,— посреди ея дорога, по шпоронамъ мѣста для пѣшеходцевъ. Вы поворачиваете на право, къ мосту..... Аллея идетъ черезъ это ш мостъ, разшигиваетъ между обоним озерамн, пролегаетъ возлѣ небольшого холмика, вдругъ раздѣляется на шри часпн и, упершись двумя изъ нихъ въ улицы, проходитъ прешью сквозь городскія воропна и шопчасъ же перяется среди множешва другихъ аллей, садовъ и роцъ. Если вы пойдете, какъ я уже сказалъ вамъ, на право— вы увидите живописныя берега Альспера, вы увидите съ одной шпороны предмѣстье Гамбурга, съ другой самый Гамбургъ, съ прешьей прелесныя ландшафшы, кошорые надобно видѣть, чшобы имѣть о нихъ понятше..... Но не шмоприте въ чешвершую шпорону!.... Мы еще будемъ тамъ. Не вдругъ; не вдругъ! Иначе вы ничего не увидите; ваши глаза не успѣють такъ скоро передать душѣ всѣхъ впечатлѣннй, кошорыя ихъ шамъ ожидаютъ.

Мы сворачиваемъ съ аллеи на одну изъ вьющихся между цвѣшамн около него дорожекъ, — мы на гулянн. Вы переходите съ возвышенн на возвышенн, съ дорожки на дорожку, отъ цвѣшника къ цвѣшнику.... Кругомъ ландшафтъ все

попъ же; но съ каждыиъ вашимъ шагомъ впередъ, глубина каршины уменьшается и между шимъ рама ея спановишся болъе и болъе.... Сказашъ ли, гдъ вы шеперь идете? Чшо значашъ всъ эши возвышенія?— Вы идете по городскому валу. Тутъ нъкогда были укрѣленія. Наполеонъ срылъ ихъ; добрые Гамбургцы превратили эшо нъсно въ гулянье.

Вопъ мы подошли къ городскимъ вѣрошамъ. Не выходите изъ нихъ; взойдемше на эшопъ холмъ, кошорый шеперь передъ нами, къ цѣли нашего путешешствія..... Смошрите, сколько цѣиновъ по споронамъ дорожекъ, — и ни одной рѣшешки вокругъ, ни одного часоваго!

Мы на холмъ. Вопъ спройный рядъ домовъ города Гамбурга, нъсколько перспекшивъ улицъ, площадей, народъ, фіакры..... Вопъ очаровательные берега Альспера, кошорыми мы сей часъ любовались; вопъ онъ подъ вашими ногами....., Вопъ ландшафты, ландшафты и ландшафты... Какъ описашъ ихъ? Луга, сады, рощи, мясны, разбросанные шамъ и самъ загородные домики, извивающіяся змѣю дороги, спройные шополн и роскошныя мвы, опкрытыя долины и синѣющіяся вдаль, за Эльбою, горы, пруды, озера, мѣльницы, деревни..... Вопъ вамъ маперіалы! — Спритайше изъ нихъ въ вашемъ воображеніи чшо вамъ угодно. Чымъ великолѣпнѣе, чымъ живописнѣе, шимъ ближе къ подлиннику!

Смошрите, любуйтесь, восхищайтесь! Вы не напрасно потеряете время. Гамбургъ гор-

дился своими окрестностями и Гамбургъ правъ! Если бы я имѣлъ шаковую жену, я бы съ ума сошелъ!

Сойдемше внизъ — я покажу вамъ Эльбу. Надобно ийти на другой конецъ города, надобно ийти въ Альшону. Тамъ Эльба во всей красѣ своей! — Вы успели, ваши ноги не привыкли еще къ здѣшней шарожевающей мостовой, — возмемше фіакръ (*). Вошь цѣлая дюжина! Простой народъ называетъ ихъ *дражками*. Задача для ученыхъ!!!! — Выбирайте любой, садитесь, — здѣсь не торгуются, здѣсь на все шакса. Не взрете, — шакъ говорилса только! Гамбургъ сущесивуетъ торговлей. Вошь мы у фіакра; мимо насъ проходитъ толпа школьничковъ, одинъ изъ нихъ опспаетъ ошь шолны, опшираетъ намъ дверцы... Мы уже въ фіакръ, — кланкъ, кланкъ.... Мы ѣдемъ. Посмотрите, какъ мало вывѣсокъ на домахъ.... Я уже ска залъ вамъ: здѣсь вышавляютъ товаръ на улицу.. Каждая улица — огромный магазинъ со всеми возможными товарами. Всѣ эти наклейныя на стѣнахъ объявленія, всѣ эти разукрашенныя гербами чешыреугольные картены — или объявленія ошь Полиція, или шаксы городскихъ лошперей.. Въ Альшонѣ, на крыльцѣ Рапуши, спит ошь всѣ принадлежноты этихъ лошперей. Вошь чернѣющая предъ вами гошническія башни и церкви

(*) Фіакръ — легонкая колесочка въ оди у лошадь.
Примечаніе для не выданныхъ дѣла Д. 2 томъ 2-го тма.

города Гамбурга..... Хопите ли зайши въ одну изъ нихъ? — Не ходите! Я расскажу вамъ посвященіе свое церкви Св. Маріи въ Любекъ. Объ этомъ я могу рассказывать....

Я зашелъ въ нее во время службы; въ ней не было почти никого.

Я остановился передъ тремя мраморными фигурами, почти въ ростъ человѣческой. Это были Іисусъ на крестѣ, Марія и Іосифъ. Ноги мои попирали надгробные камни усопшихъ гражданъ города Любека, нѣкогда знаменитаго; надъ головой моей возвышались величественные своды храма; кругомъ гремѣли торжественные звуки органа, — перваго органа во всей Германіи; въ храмѣ царствовала необыкновенная пустоша.

Какъ изъяснить вамъ впечатлѣніе этого страннаго, этого сладостно-грустнаго соединенія неба съ землею, величія съ ничтожествомъ, безнадежности съ утѣшеніемъ! Какъ изъяснить вамъ чувство чловѣка-сироты, брошеннаго судьбою въ этотъ пустой, беззвучный міръ, одною ногою попирающаго себя самого въ образѣ своихъ усопшихъ собратій, и заносащаго другую, въ безумномъ упоеніи, чрезъ вѣка и народы, на самое небо..... Какъ изъяснить вамъ чувство этого чловѣка, когда онъ надъ этимъ самымъ ничтожествомъ, которое до сихъ поръ такъ ужасало его, видитъ вдругъ все величіе неба и вѣчности; когда среди этой пустоты, которая до сихъ поръ такъ давила его душу, слышитъ вдругъ торжественные звуки какого-то невѣдо-

маго, дѣтязаснимо-сладѣснаго голоса; когда вдругъ предъ глазами его являешся все величїе неба, облеченное во всю простоту земли, — въ образъ распятаго Бого-Человѣка!.... Какъ издѣлать вамъ это чувство!...

Всѣ мы странники въ этомъ мїрѣ, бѣдные странники, горемычные шруженики! Всѣ мы стоимъ на томъ же мѣстѣ въ этомъ свѣтѣ, гдѣ я стоялъ въ храмѣ Св. Марїи: — шѣ же величественные своды — надъ головою; шѣ же усопшая знаменитость — подъ ногами, шѣ же торжественная гармонїя кругомъ, — шѣ же шѣна искупленїя — передъ глазами души..... И мы не видимъ ничего, и мы не слышимъ ничего! Мы привыкли къ своему ничтожеству; мы можемъ ко всему привыкнуть!

Я видѣлъ картину смерти, — картину будущей судьбы всего свѣта. Она изображена въ одномъ изъ придѣловъ этого храма, о которомъ говорю я вамъ; она изображена на челѣ каждаго изъ насъ.... Картина эта известна подъ названїемъ *Плѣски мертвыхъ*. Вы входите въ придѣлъ, — передъ вами, всѣ сословія людей, отъ Папы (*) до крестьянина; между каждыми двумя фигурами по плавающему скелету. Все это составляетъ дѣлнную, петструю, распянутую вокругъ всей свѣтнн цѣль, каждое звѣно которой — я, вы, онъ, мы, вы;

(*) Папа изображенъ выше Императора, Кардиналы выше Короля, — Вы, какъ вы, судить по этому древности картины!

они..... Поставьте себя на любое мѣсто въ этой цѣли, — вы будете на своемъ мѣствѣ!

Въ церкви Св. Маріи вы увидите знаменитые часы, изображающія всѣ посылы и всѣ праздники, показывающія движеніе планетъ и всякую секунду въ году, часы—весь мѣръ въ маломъ видѣ. Въ полдень и въ полночь выходятъ двѣнадцать Апостоловъ съ молодыми въ рукахъ, и, ударивъ каждый по разу въ небольшой колоколь, скрываются въ усроенной для нихъ часовнѣ. Въ этой церкви вы увидите картины: Вознесенія Господня и Вшествія въ Иерусалимъ. Первая поразила меня своею оригинальностію; о послѣдней не скажу ни слова..... Тутъ же показунъ вамъ гоиническую беребраную башню, коиорая стоиитъ болѣе милліона марокъ, — свидѣтельство прежняго богатства Любека; два знамя, съ которыми жилили этого города, вѣнчаны съ Русскими, сражались противъ Наполеона; древній рязной образъ въ родѣ нашихъ иконосѣнцевъ, кажешся, XVI вѣка... Всего страннѣе въ этой церкви соединеніе мифологическихъ изображеній съ Христіанскими.....

Вы смѣшесь?..... А! — Вы увидали здѣшняго солдата. Не правда ли — забавный костюмъ? — Хорошо, что вы не видали еще здѣшнихъ смотровъ..... Теперь я не покажу вамъ ихъ, потому что вы сдѣлаешесь нездоровы сѣзмами. — Однако не забывайте, что мы въ Гамбургѣ, и что я только рассказываю о церкви Св. Маріи въ Любекѣ.

Вопь мы возль одной изъ здѣшнихъ церквей. Взгляните на эту черную, обгорѣлую отъ солнца, башню! Гдѣ человекъ занималъ крылья, чшобы поставишь на ея вершину эшопъ флюгеръ? У какого учителя бралъ уроки, чшобы соединишь шакъ искусно простому съ величїемъ? — Чу! бьютъ часы. Прислушайтесь къ эшимъ звукамъ, — эшо музыка, тихая, заунывная, прогашельная.....

Смотрите, вопь четверть улицы передъ эшимъ домомъ устанавлена мебелью; — вы думаете, перевозжають съ кварширы? — Ни мало! — Эшо только вывѣска мебельнаго магазина. — Хотите видѣшь примѣръ опряжности: — вопь служанка *моетъ мостовую* передъ крыльцомъ.... Какъ вамъ эшо кажется? Прикажете сдѣлать чшо нибудь подобное любому изъ Петербургскихъ дворниковъ!!

А! вопь мы уже почти у городскихъ воротъ..... Видите-ли эшу въпряную мельницу? — Мельница въ городъ! — И не одна, — дача мы прошли шакже мимо мельницы на Альсбергъ. Я не упомянулъ о ней, пошому чшо засмотрѣлся на Гамбургскїя окрестности. Впрочемъ, эшо еще не диковина! Наши сатирическіе писатели говорили, чшо и въ Петербургъ куча мельницъ — только безъ крыльевъ! — — Пошлая оспроша? — Вычеркнулъ бы, да зѣнь!

Взгляните на дѣво. Прелестное строеніе, кошорое вы видите въ саду, — здѣшняя шанцовальная зала. Мы проехали сей часъ мимо На-

шурального Кабинета; я не беспокоюль васъ описаніемъ его, — не стоимъ.

Вошь мы и за городомъ! Опъ ворошь нмъ-нущя въ разныя спороны при аллеи, — мы ѡдемъ по средней. На право опъ насъ — рядъ каменныхъ домовъ, на лѣво маленькія лавочки съ фрукшами, съслными припасами, сигарами, игрушками и ш. п.; кандиперскія, балаганы и длинныя повозки, съ сыромъ и колбасами. Эши повозки — родъ подвижныхъ домиковъ на чепы-рехъ колесахъ. Время опъ времени мелькаешъ вдали Эльба. Погодите, мы будемъ на бере-гу ея.

Вошь ворота города Альшоны. Тъ же дома, шъ же улицы, какъ и въ Гамбургъ; недоспаешъ Гамбургскаго великолпня. Если вы будете когда въ Альшонъ, не забудше завернуть въ Grosse Mühlenstrasse. Тамъ, подъ No 81, живешъ первая здшняя красавица. Я ее видѣлъ. На эшошь разъ молва справедлива.

Вошь мы въ Пальмелъ. Эшо длинная, ши-рокая липовая аллея; по споронамъ дома. Я ду-маю, вы видѣли ея на рисункахъ. И шакъ даље. Вошь на лѣво церковь. Въ оградѣ эшой церкви могила Клоншпока. Простота, уединеніе, вос-поминаніе о великомъ, — вошь весь монументъ его!

Теперь начинающя дачи. Есть очень ми-ленькія; большею частію великолпныя. Взгля-ните на эшу огромную колоннаду, приклеенную къ эшому небольшому зданію. Богато, но безъ

вкуса. Эта дача сподобила поминально своему хозяину, и онъ не живетъ въ ней. Доказательство, что и въ Гамбургъ умѣютъ сорить деньги.

Вотъ мы въ знаменитой здѣшней гостиницѣ. Позабылъ названіе. Не въ томъ дѣло! Ужасно не люблю Географіи. Здѣсь мы будемъ обѣдать. Войдите въ эшопъ павильонъ. Мы на Эльбѣ; давеча былъ опливъ ея; она показалась бы вамъ небольшимъ ручейкомъ, увивающимся между песчаными берегами. Теперь песку не видно.... Чувствуете ли вы эшопъ иланснй запахъ? Это запахъ Эльбы. — Вотъ она во всей красѣ своей! — Вотъ она, расплывшись среди бархатной муравы, опдыхаетъ послѣ своего вѣдневнаго путешествія. Полюбуйтесь вѣннй прелесннми островами, разбросанными на водахъ ея! Посмотрите на эшу длинную цѣпь горъ, спрегущихъ ее отъ Севера, на эшу свѣтлую даль, манящую васъ въ свои объятія, на эшу сѣдую зелень, коцорой вамъ не видать въ Недербургѣ. Посмотрите на эни барки, на вни лодочки съ красными парусами, норхающими съ одного мѣста на другое.... Все эшо живетъ, движеться, движеться.... Вы довольны, вы веселы — не правда-ли? — Желаю хорошаго аппетита! Мы будемъ обѣдать въ одномъ изъ эшихъ павильоновъ. Кругомъ — чистый воздухъ; на столѣ — роскошный обѣдъ и прелесннми вина, прелесными — старовѣстннми ландшафты. Что же мнѣ бытъ лучше?

Вы опасаетесь, что нашъ обѣдъ будетъ дорого стоить; не безпокойтесь. Одинъ изъ путешественниковъ, о которыхъ упоминалъ я въ началѣ письма, давалъ здѣсь прощальный обѣдъ. Мы обѣдали четверо; намъ подавали по крайней мѣрѣ пашнадцать прекрасно приготовленныхъ блюдъ и все это стоило, за исключеніемъ вина, по четыре марки съ особы. За подобный обѣдъ въ Петербургѣ вы заплатите не менѣе 50 р., если не болѣе. Нѣмцы любятъ хорошо кушать, а мы теперь въ Германіи. Здѣшніе жители за два дня приготовляютъ свой желудокъ къ званому обѣду... Споишь нашихъ провинціальныхъ джентль и дней рожденія!

Обѣдашь въ Гамбургѣ вы можете такъ же очень дешево. Здѣсь есть, такъ называемые, *tables d'hôte* и просто гостиницы, въ которыхъ вы потребуеете себѣ кушанья по порціямъ. Я замѣтилъ въ одной изъ послѣднихъ прекрасное изобрѣтеніе для подобныхъ заведеній, которое, безъ сомнѣнія, введется и у насъ со временемъ. Это — говорная труба, проведенная изъ столовой залы въ кухню. Вы приказываете подать себѣ какое нибудь кушанье; прислуживающій вамъ лакей передаетъ ваше приказаніе посредствомъ этой трубы повару и ваше приказаніе тотчасъ же исполнено.

Однако, замѣчаете ли вы, что начинаеетъ смеркаться! — Въ 8-мъ часу запираются городскія ворота, и всякой опоздавшій, если не хочетъ ночевать въ полѣ, плашитъ въ особую учре-

жденную на починку эшихъ ворошь кассу, въ 8 ч. — 4 шиллинга, въ 10 ч. — 8 шил., въ 12 ч. — 12 шиллинговъ. — Я перешель уже всѣ эши степени!

Хошите видѣть здѣшніе театры? Я былъ въ двухъ изъ нихъ, въ большомъ Гамбургскомъ и въ маленькомъ въ Альшонѣ. Внутренность перваго — двѣ капли воды внутренность нашего Александринскаго, исключая нѣкопрыхъ важныхъ мелочей, кошорья Гамбургу не къ лицу Послѣдній театръ — копія нашихъ провинціальныхъ, малъ оригиналь, ежели угодно. Въ первомъ при мнѣ играла извѣстная всей Европѣ Актриса *Schröder*. Говорить о ней значить лишь ведрами воду въ Океанъ! Прочіе актеры весьма обыкновенны.... Только я замѣшилъ, что здѣсь не кричатъ и не взвизгивають на сценѣ. Вездѣ свои обычай! — Въ театрѣ въ Альшонѣ я видѣлъ Фенеллу. Увы!.... Дань благодарности здѣшнему госпепрѣимству оспанавамиваетъ перо мое. Ежели вы хошите знать, какъ сыграли бы эту пьесу въ любочномъ театрѣ, прѣзжайте посмотрѣть ее въ Альшонѣ.

Вечеръ. Наконецъ я могу познакомить васъ съ здѣшними городскими гуляньями. Воть — главное! Мы опять на Альсперѣ. Небо ясно, воздухъ чистъ, Альсперѣ дремлетъ, деревья не шедохнутъся, крутомъ фонари, кандицерскія освѣщены, какъ нельзя лучше, бульваръ полонъ народа, со всѣхъ споронъ музыка. Народъ кишитъ, снуеть, полнитъся, — и все это благоприсходѣ

но, и все это свободно, живо, весело.... Вошь въ ближнемъ домѣ нѣсколько человекъ празднуютъ пзбраніе одного изъ ихъ пріятелей въ маспера какого-то цеха. Окна расворены; до вась долетають ихъ разгульныя пѣсни и звонъ заздравныхъ бокаловъ; вошь чепверо музыканшовъ играють кваршешъ подь окнами гостиницы; вошь, немного подалѣе, пожилая женщина брячшишь на арфѣ посрединѣ улицы, шестилѣтній мальчикъ аккомпанируешъ ей на скрилкѣ; вошь группа дѣвушекъ, шакже съ арфою; вошь лодка съ музыкой разгуливаешъ по Альстеру . . . Вы не можете представишь себѣ, какое впечатлѣніе произвела на меня въ первый разъ эша картина! Хотите зайти изъ любопытства въ одну изъ этихъ кандитерскихъ, — зайдеште. Прежде всмопришешъ хорошенько въ эти группы Нѣмцевъ, сидящихъ вокругъ этихъ кандитерскихъ, на чистомъ воздухѣ. Передь каждымъ изъ нихъ маленькій столикъ съ разными лакомствами; въ зубахъ сигара; на лицѣ: «каковъ-то будешъ курсъ на золото черезъ недѣлю!»— Вошь мы въ кандитерской:— свѣзло, изобильно, дешево!— Не оставайшешъ здѣсь долго. Сей часъ являшся къ вамъ съ просьбою— *что нибудь на музыку*; кошорой вы, можете бышь, по разсѣянности своей и не слышали.

Гулянья эти, всякой день съ семи часовъ и до одиннадцати. Въ одиннадцать вы рѣдко уже кого нибудь шамъ увидите; шеперь, когда я пишу эти спроки;— полночь. Изъ оконъ моей кварши-

ры видъ прямо на Альсперъ. Альсперъ спокоенъ, небо усыпано звѣздами, вокругъ луны два живописно набросанныхъ облачка, вдали нѣсколько еще горящихъ фонарей и остовъ мельницы, движущіяся крылья которой, едва едва замѣтныя по темнотѣ въ воздухѣ, прелестно отражаются въ позлащенныхъ луною струяхъ озера. Улицы почти пусты; время опять времени раздается веселая пѣсня запоздавшихъ пѣшеходцевъ и речиславивъ ночнаго спорожа съ его безпокойною прещошкою!

Скажутъ ли вамъ что нибудь о здѣшнихъ женщинахъ? Женщины, какъ и вездѣ женщины. Здѣсь болѣе свободы въ обращеніи съ ними, нежели у насъ въ среднемъ сословіи.... Pardon, мнѣ бы должно было начать съ ихъ костюма. Костюмъ пошль же, какъ и вездѣ; въ низшемъ классѣ много костюмовъ, и, болѣею частію, презабавные, особенно у старухъ! Что мнѣ особенно нравилося въ здѣшнихъ женщинахъ, но это.... Виновать, я было и забылъ, что пишу не для однихъ мужчинъ!

Если вы взглянете на Гамбургъ мелькомъ, — онъ вамъ покажется кипящимъ муравейникомъ; если вы всмотритесь въ него, — вы увидите, что весь городъ не что иное какъ огромная биржа. Заглянувъ въ гостиницы, вы увидите необыкновенную опрятность, услужливость, богатую оидѣлку компань, часто великолѣпіе. Гамбургъ всегда кишитъ иностранцами. Заглянувъ въ магазины, вы увидите изобиліе; загля-

кувь въ частныя дома — чистоту и Нѣмецкую акурашность. Дѣвушки здѣсь вообще прудозюбивы. Проходя по улицѣ, вы не увидите ни одной подъ окномъ безъ какого нибудь занятія, даже и самыя, — — — —, народъ совершенно свободный, и нѣ что нибудь дѣлающъ. Женщины — хозяйки. Въ эпомъ вы можете удостовѣриться на каждомъ шагу. Мужчины — Боже мой! — кто не знаетъ Гамбургскихъ куницъ и Банкировъ. Общій разговоръ между собесѣдниками — политика и торговля.

До сихъ поръ я не встрѣчалъ здѣсь ни одного нищаго; какъ бы, кажется, не быть въ такомъ городѣ! Также ничего не могу вамъ сказать объ эпихъ украшеніяхъ вообще Европейскихъ городовъ, которыми нѣкоторые изъ нихъ даже часто гордятся, — о пноремныхъ замкахъ. Пока я не видалъ здѣсь ни одного.

Пытсходцевъ вы встрѣтите здѣсь въ двадцать разъ болѣе, нежели вѣдучихъ въ экипажкахъ. Въ экипажкахъ же, болыною частью, вѣдучъ въ одну лошаадь, иногда и въ двѣ лошади. На четверкахъ вѣдучъ поалко доски и нечислюшы; даже и шуръ не удостоиваетея эпой чести!

Чтобы имѣть понятіе о необыкновенной точности Нѣмцевъ, доспаточно взглянуть на надписи, которыми усваны всѣ публичныя мѣста. Проезжая изъ Травемюнде къ Любеку, вы увидите по сторонамъ большыхъ дорогъ шронники, при началѣ которыхъ написано: »Тронни-

ка для пѣшеходцевъ. — O Deutschland, Deutschland!!!

Но всего занимательнѣе теперь для меня — мое собственное положеніе. Одинъ, въ совершенно незнакомой странѣ, съ малымъ пособіемъ моихъ почтенныхъ родителей, съ совершеннымъ почти незнаніемъ Нѣмецкаго языка . . . Чтò значить *непреодолимое желаніе!*

Одною рукою пишу это письмо, въ другой держу Нѣмецкіе Разговоры . . . Идешь по-немногу!

»Voyager c'est vivre, comme vivre c'est voyager!» — написалъ мнѣ на дняхъ въ альбомъ одинъ молодой путешественникъ. Да, путешествовать — жить, но жить какою-то странною, безпокойною жизнію, ежеминутно полною новыхъ впечатлѣній, новыхъ чувствъ, новыхъ желаній, ежеминутно дѣятельною. До сихъ поръ я не могу порядочно осмопрѣться вокругъ. Душа цолна; душа кипитъ.... одна мысль гонитъ другую, не успеешь ухватиться ни за одну! До сихъ поръ я еще и не принимался порядочно ни за что. Не могу! Вчера началъ одну повѣсть, и шо — — — Впрочемъ я и забылъ, что вамъ до этого какое же дѣло, какъ мнѣ до того, каковы теперь дѣла Испаніи. Прощайте!

Т.-м.-ф.-в.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ВИЛЛИАМЪ ПИТТЪ, ГРАФЪ ЧАТАМЪ.

Питтъ, Графъ Чатамъ, безъ сомнѣнiя, принадлежишь къ числу великихъ людей; но это величiе ошзывалось какою-то неполнотою, своеволиемъ. — Взгляните на политическую жизнь Гампдена: это истинная драма, превосходно веденная, которая можетъ быть оуждаема въ цѣломъ, но которой всѣ явленiя тѣсно связаны съ главнымъ ея дѣйствiемъ. Общественная жизнь Питта, напротивъ того, представляетъ собою рядъ созданiй своенравныхъ, необдуманыхъ, безъ единства и согласiя; но за то она увлекательна, за то усѣяна блестящими подробностями, которыя выкупають предшествоующiя и послѣдующiя несовершенства.

Питтъ былъ мншелекъ и нервшелекъ. Мшценiе и гордость руководили имъ въ важнѣйшихъ обстоятельствевахъ его жизни. — Въ немъ былъ еще недостатокъ, рѣдко встрѣчающiйся вмѣстѣ съ истиннымъ величiемъ, — принужденность. Онъ одинъ почти являетъ собою примѣръ человека съ необыкновенными дарованiями, духомъ возвышеннымъ и неуспрашимымъ, но которому не дава природа въ удѣлъ простоты характера; въ кабинетѣ, въ Совѣтѣ, въ Парламентѣ, онъ вездѣ былъ актеромъ; и даже въ прiятель-

ской бесѣдѣ, не могъ оставивши драматическихъ привычекъ и образа выраженія. Одинъ изъ самыхъ искреннихъ его друзей жаловался, что его тогда только впускали къ Графу, когда все уже было приготовлено къ представленію: мебели разставлены по мѣстамъ, свѣсъ съ искусствомъ Рембрандта разлитъ на голову знаменитаго актера; когда онъ самъ драмировался на древній манеръ въ убранный своей одеждѣ, и оперся на посохъ Эдипа или Лира.

Не смотря, однако жъ, на всѣ свои недоспадки и принужденности, Пикниль въ необыкновенной степени обладалъ некопорными изъ элементовъ величія. Одаренный блестящими талантами, онъ пыталъ въ душѣ своей глубокія вопросы, — живую, пылкую чувствительность и любовь ко всему величественному и прекрасному. Въ самой измѣнчивости его завитки было какое-то благородство. Онъ заблуждался часто, даже слишкомъ часто, но какъ говорилъ Вердворинъ:

He stil retained

Mid such abasement, what he ha dreceived
From nature, an intense and glaving mind (*).

Во времена позора и униженія пріятно уже было найти человека, который, подъ владычествомъ необузданныхъ страстей, подвергъ опаснымъ жребій опчизмы, и между шымъ не въ собственн. былъ подвергнушь ее расхищенію; че-

(*) Даже и въ своемъ униженіи сохранялъ онъ то, что исключило его изъ среды гонимыхъ и глубокихъ.

ловѣка, котораго заблужденія были сладостивіемъ не гнусной любви къ корысти, но неугасяемой жажды къ блеску, могуществу, мщенію. Исторія свидѣтельствуетъ, что Пяпль предъставлялъ собою образецъ совершеннаго безкорыстія, даже и въ то время, когда общественное мнѣніе не возбраняло государственнымъ людямъ незаконную и пошдую прибыль; что въ такое время, когда думали, что власть правительственная не можеть бытъ охраняема иначе какъ просками беззависиваго коварства, онъ часпо взывалъ къ благороднѣйшимъ чувствованиямъ сердца чловѣка, что онъ не хотѣлъ властвовать подобно Пеламу, опираясь на арисидокрапическія подноры, или, какъ Бошь, на личную милость Государя; но всегда обращался къ здравомыслію, разсудительности и зависивеннымъ правиламъ среднихъ классовъ. Исторія скажеть также, что онъ умѣлъ внушить эфирнымъ классамъ безирѣдальную довѣренность къ его генію и правдивости; что, съ помощію ихъ, онъ присвоилъ себѣ обширную власть, которую Дворъ и олигархія не хотѣли бы видѣть въ его рукахъ; и улошребленіе, которое сдѣлалъ онъ изъ вшого могущества, показало, что онъ добивался его, не какъ орудія къ достиженію богатства и возможности раздавать покровительствво, но для пріобрѣтенія прочной славы зависившію заслугъ, которыя окажеть онъ обществу.

Мы не спанема утверждать, вмѣстѣ съ Г. Теккері, который написалъ, подь именемъ Мо-

шоріи, одинъ только панегирикъ Пипша, будто онъ служилъ совершеннымъ образцемъ нравственнаго достоинства, былъ правосуднѣйшимъ и честнѣйшимъ изъ людей. По мнѣнію этого Историка, Пипшъ былъ правъ и тогда, когда стараясь учредить родъ Инквизиціи и предлагая награду за клятвопреступленіе, чтобы положить голову Вальполя на плаху, и тогда когда называлъ его превосходнымъ Министромъ; онъ былъ правъ тогда, когда, будучи членомъ оппозиціи, громогласно возглашалъ, что миръ съ Испанією не можетъ быть заключенъ до тѣхъ поръ, пока эта Держава не откажется отъ права *ссмотра*; и потомъ тогда, когда будучи Министромъ, онъ, по крайней мѣрѣ, молчаніемъ своимъ, изъявилъ согласіе на договоръ, въ которомъ Испанія не отказывалась отъ этого права. По мнѣнію Г. Теккери, онъ не переставалъ быть государственнымъ мужемъ, просвѣщеннымъ и благороднымъ, когда покинулъ Герцога Ньюхемпсальскаго и потомъ съ нимъ же соединился; когда вооружался противъ налоговъ, и нѣсколько позже прашилъ ихъ съ безпримѣрною распространительностію; когда восставая противъ Ганноверскаго союза, онъ утверждалъ потомъ, что Ганноверъ для Англичанъ долженъ быть столь же драгоцененъ, какъ Гемпширъ. За то мы и не изъ Теккери заимствуемъ матеріалы для слѣдующаго очерка.

Пипшъ происходилъ отъ богатой и знаменитой фамиліи. Дѣдъ его былъ Губернаторомъ

въ Мадрасть, и привезъ изъ Индіи, извѣстный алмазь, который Герцогъ Орлеанскій, бывшій тогда Регентомъ, по совѣту Сень-Симона, купилъ за три милліона Турскихъ ливровъ и который содѣлался наилучшимъ украшеніемъ Французской Короны (*). Онъ накопилъ помѣшье и гнилыхъ мѣспечекъ, и былъ избранъ мѣспечкомъ Ольдъ-Саруи въ Члены Парламента. Робертъ, сынъ его, былъ въ другое время депутатомъ того же мѣспечка, между тѣмъ какъ младшій былъ избранъ Окамптономъ. Робертъ имѣлъ двухъ сыновей: старшій, Томасъ, наследовалъ помѣстье и парламентскія преимущества своего отца. Второй былъ знаменитый Вилліамъ Пиппъ.

Онъ родился въ 1708 году. Изъ первой части его жизни извѣстно только то, что онъ воспитывался въ Эшомъ, и на восемнадцатомъ году вступилъ въ Оксфордскій Университетъ. На второмъ году пребыванія его въ Оксфордъ, умеръ Георгъ I-й. При этомъ случаѣ, Оксфордскіе студены по обыкновенію написали списки на впо важное событіе. Списки Пиппа показы-

(*) Всѣмъ извѣстно, что этотъ алмазь, вѣсомъ въ 127 каратъ, былъ купленъ Томасомъ Пиппомъ за 48.000 пагодъ (24.000 ф. стер. или 510.000 р.), и перепроданъ Регенту за 135.000 ф. ст. (3.375.000 р.) Этотъ алмазь, находящійся нынче въ числѣ коронныхъ драгоценностей, былъ оцененъ въ росписи, опубликованной въ 1792 году Национальнымъ собраніемъ, въ 12.000.000 фр.

вающе, что онъ имѣлъ самыя непосредственныя свидѣнiя даже и въ механической часпш искусства. Все его спиконворенiе не что иное какъ школьное общее мѣсто. Въ ней часто идееть рѣчь о Марсѣ, Юмидѣ, Нептунѣ и Коципѣ. Музы призывающеся для того, чтобы омажати Цезаря; Цезарь, конюрый не умѣлъ прочести ни одного сника изъ Попа и ничѣго не любилъ на свѣтѣ, кромѣ нунца и шолсныхъ женищъ.

Пинниъ еще во время своего пребыванiя въ школѣ, спрададѣ подагрой, и ему крисовѣшевали пушенесцвовать для поправленiя здоровья. По ашой причинѣ онъ оставилъ Оксфордъ, не получивъ никакой степени, и объѣхалъ Францiю и Италiю. Онъ не замедилъ возвратиться въ родину, не получивъ впрочемъ большаго облегченiя отъ своихъ пездокъ, и во всю свою жизнь не переставалъ спрададѣ подагрой.

Отець его умеръ и оставилъ небольшое достоянiе меньшимъ дѣнгамъ; но впопу Вилалдѣ Пинниъ долженъ былъ избранъ какую нибудь саубу; онъ рѣшился вслушивъ въ военную и купилъ себѣ пашенщ. Источники достоянiя его были слишкомъ ограничены, но его родспвенники желали и могли бытъ ему полезны. При общихъ выборахъ въ 1734 году, спаршiй брашь его, Томась, былъ избранъ въ одно время и Окамптономъ и Ольдъ-Сарумомъ; онъ принялъ первое избранiе, а Вилалдѣ Пинниъ сдѣлался вреспавишелемъ Ольдъ-Сарума.

Въ это время Вальполь уже чепырнадцатиъ

лѣтъ управлялъ дѣлами. Онъ достигъ власти при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствеяхъ. Вся ширшія Выговъ, исключительнo пользовавшаяся въ это время благосклонностію царствующаго дома, и чрезвычайно привязанная къ новому правленію, тѣсно соединилась для поддержанія Вальполя. Но очаснѣю онъ не былъ въ Министерствѣ шотда, когда утверждень акшъ Южнаго моря, и хотя онъ, какъ кажется, не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій этой мѣры, но уже сильно возснавала противъ нея какъ вообще противъ всѣхъ акшовъ, дурныхъ и хорошихъ, вышедшихъ въ правленіе Зондерланда.

Когда Компания Южнаго моря выдавала своимъ акціонерамъ по 50 процентовъ дивиденда; когда акція во сто ливровъ продавалась за тысячу сто, когда Тридцатидельская улица ежедневно была заснавлена экипажами Герцоговъ и Прелатовъ, а ученые и богословы сдѣлались спекуляторами; среди этого всеобщаго броженія умовъ, подобнаго тому, которое за нѣсколько лѣтъ назадъ овладѣло Франціею(*), Вальполь умѣлъ сохранить обычное спокойствіе и ясность своего ума. Онъ всемирно морилъ одно безуміе и между тѣмъ умѣлъ имъ пользоваться. Когда дередомъ совершился и тысячи семействъ въ одинъ день были разорены; когда народъ, въ чаду ярости и опчаянія, вознегодовалъ не только противъ низшихъ орудій этого дѣла, но и противъ лю-

(*) Намѣки на систему Лавя.

бимцевъ Принца, прошивъ его Министровъ, — даже прошивъ самаго Короля; когда собрался Парламентъ, жаждущій крови и конфискаціи имѣній, и многіе изъ его членовъ преребовали, чѣшбы Директоры Компаніи Южнаго моря подвергнушы были той же участи, кака въ древнемъ Римѣ постигала опщцеубійца, чѣшбы они посажены были въ мѣшки и брошены въ Темзу, — въ то время взоры всѣхъ паршій обратились на Вальполя.

За чепыре года предъ симъ онъ былъ удаленъ опъ правленія по инпригамъ Зондерланда и Спенгопа. Сей послѣдній не существовалъ больше;— Зондерландъ навлекъ на себя негодованіе по двѣламъ Компаніи Южнаго моря; значительное число голосовъ въ Нижней Палатѣ не соспавлявшее однакожъ большинства, преребовало, чѣшбы поведеніе Зондерланда подвергнушо было спрогому изслѣдованію и онъ, думая, чѣшбо уже невозможно прошивоборствовашъ превозмогающему мнѣнію, удаленъ опъ двѣль и не долго пережилъ добровольное свое уединеніе. Расколъ, раздѣлявшій прежде паршію Виговъ, былъ совершенно уничтоженъ; Оппозицію прошивъ Вальполя соспавляли одни только Торіи, къ кошорымъ Король пишалъ опѣраценіе и недовѣрчивость.

(Окончаніе опредъ.)

ПОДПИСКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату Іюля 28-го числа сего года, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено :

»Для облегченія въ опшравленіи земскихъ повинностей нѣхъ Губерній, кои, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, особенно опягощены денежнымъ на сіе планежемъ, тогда какъ въ другихъ Губерніяхъ повинности шакковыя малозначительны, — признали Мы справедливымъ учредить вспомошательный земскій капиталъ, для назначенія изъ онаго пособія перымъ Губерніямъ на счещъ послѣднихъ.

Въ семъ намѣреніи утвердили Мы представленное Министромъ Финансовъ и разсмотрѣнное Государственнымъ Совѣшомъ раздѣленіе всѣхъ Губерній и Облаетей Государства, подлежащихъ общей системѣ земскихъ повинностей, кромѣ Бессарабіи, по разрядамъ.

»Препровождая въ Правительствующій Сенатъ расписание о томъ, съ означеніемъ, сколько по каждой Губерніи и Облаети, по всякому разряду и наконецъ въ общей сложности вспомошательнаго сбора примѣрно послушнымъ извѣстъ, повелѣваемъ: 1) Означеннымъ въ расписаніи сборомъ обложить поименованныя въ ономъ Губерніи и Облаети на иещъ дѣшъ,

считая съ 1835 по 1841 годъ. Взиманіе сего сбора производить на одинаковомъ съ прочими земскими повинностями основаніи, вѣдъ однако же сбору сему по Казначействамъ отдѣльный счетъ. 2) Для участія въ сѣмъ общеположномъ пожертвованіи, обложить торгующее сословіе сборомъ съ мѣстной цѣны торговыхъ свидѣтельствъ, полагая повсемѣстно съ купцевъ 1 и 2 гильдій и крестьянъ торгующихъ 1 и 2 рода во всѣхъ городахъ, а съ купцевъ 3 гильдій и крестьянъ торгующихъ 3 рода только въ смоленцахъ, губернскаыхъ и портовыхъ городахъ, по четыре процента; съ купцевъ же 3 гильдій и крестьянъ торгующихъ 3 рода во всѣхъ прочихъ городахъ, по два процента, исключая изъ цѣны свидѣтельствъ то, что положено взимать съ капитала на земскія и городскія повинности. 3) По нѣмъ Западнымъ Губерніямъ, гдѣ вспомогательный сборъ назначенъ, обложить онымъ гражданъ и однодворцевъ по дымамъ, полагая съ осѣдлыхъ впрое противу крестьянскаго съ каждой души оклада, а съ одинокихъ наравнѣ съ онымъ. 4) Освободить отъ вспомогательнаго сбора до 1836 года мѣщанъ и крестьянъ Губерній, поименованныхъ отъ инокорожа: Асшраханской, Слободско-Украинской, Смоленской, Пензенской, Воронежской и Тамбовской. 5) Изъ общей сложности вспомогательнаго сбора опредѣлять Губерніямъ пособія, въ слѣдствіе взаимныхъ соглашеній Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ по уваженіямъ Государственнаго Совѣща и съ Нашего утвержденія. Что же касается до пособія на сей разъ изъ вспомогательнаго земскаго сбора пуждающихся Губерній, то о сѣмъ будущемъ сдѣлано особое распоряженіе съ Нашего утвержденія. И 6) Могущую испытывать ежегодно, за опредѣленными Губерніямъ пособіями, сумму, обращаться въ Засный

Банкъ, для приращенія процентами и для упошребленія оной, какъ въ чрезвычайныхъ, могущихъ предсказываться въ продолженіе прехлѣтнѣхъ олуванкѣ на новыя пособія Губерніямъ при отправленіи лежащихъ на нихъ земскихъ повинностей, какъ на усладеніе уже произведенныхъ, такъ и вообще на тѣ, кѣ предметы государственнаго благоустройства, которые относятся до обязанностей земства, съ тѣмъ приговоромъ, что все издержки сіи назначаемы будутъ по надлежащемъ разсмотрѣніи надобности и правильности оныхъ и не иначе, какъ съ Нашего утвержденія. Правительствующій Сенатъ не оставивъ учинить надлежащія къ исполненію сего распоряженія.

Расписаніе Губерній и Областей Государства, подлежащихъ общей системѣ земскихъ повинностей, по разряду, съ приложеніемъ отчетовъ, сколько по каждой и по всякому разряду въ особенности имѣеть поступить вспомогательнаго сбора по прежнему числу ревизскихъ душъ.

Губерніи 1-го разряда:

Иркутская, Енисейская, Якушская Обласнь, Кавказская Обласнь, С. Пенербургская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская, Псковская, Вицебская, Могилевская, Екатеринославская, Херсонская, Тавричская, — освобождающія отъ подущнаго вспомогательнаго сбора.

Губерніи 2-го разряда.

Московская, Тобольская, Томская, Омская Обласнь, Вѣлоспокекая обласнь, Минская, Гродненская, Виленская, Кіевская, Черниговская, Полнавская, освобождающія отъ подущнаго вспомогательнаго сбора.

Губерніи 3-го разряда.

Облагающіеся на составленіе вспомогапельнаго ка-
питала по пяти копѣекъ съ души:

Вольинская	28,426 р. 70 к.
Слободско-Украинская	23,383 — 25 —
Смоленская	21,014 — 90 —
Астраханская	7,284 — 75 —
Пермская	14,462 — 30 —

И всего 94,571 р. 90 к.

Губерніи 4-го разряда:

Облагающіеся на составленіе вспомогапельнаго ка-
питала сборомъ по десяти копѣекъ съ души:

Подольская	58,071 р. 70 к.
Оренбургская	53,949 — 70 —
Вятская	52,832 — 90 —

И всего 164,853 р. 30 к.

Губерніи 5-го разряда:

Облагающіеся на составленіе вспомогапельнаго ка-
питала сборомъ по пятнадцати копѣекъ съ души:

Нижегородская	63,845 р. 25 к.
Владимірская	54,338 — 25 —
Калужская	56,609 — 10 —
Тверская	77,997 — 90 —
Вологодская	44,995 — 5 —
Воронежская	83,397 — 45 —
Костромская	61,598 — 55 —
Казанская	70,408 — 20 —
Тульская	69,099 — 90 —
Орловская	79,409 — 85 —

Саратовская	81,346 — 50 —
Курская	93,241 — 35 —
Рязанская	72,751 — 80 —
Ярославская	57,544 — 50 —
Тамбовская	92,363 — 25 —
Сибирская	69,286 — 50 —
Пензенская	61,412 — 25 —

И всего 1,189,645 р. 65 к.

А всего подушного вспомогательнаго
сбора 1.449,070 р 85 к.

Подлинное подписалъ: *За Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Князь Александръ Голицынъ.*

— Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительству-
ющему Сенату Августа 3-го числа, изображено: «Же-
лая въ настоящихъ обстоятельствевахъ оказать но-
вое облегченіе промышленности, повелѣваемъ: льготу,
кою донынѣ пользовались купцы 3-й гильдіи уездныхъ го-
родовъ Губерній: Бѣлорусскихъ, Липовскихъ, Новорос-
сійскихъ, Минской, Волынской, Подольской и Кіевской,
а также Области Бѣлостокской, продолжишь еще на
шесть лѣтъ, считая съ будущаго 1835 года, и въ
слѣдствіе сего взимаешь съ нихъ за торговыя означен-
ной гильдіи свидѣтельство только по сну рублей въ
годъ. Правительствующій Сенатъ не осмѣивъ учи-
нить, къ исполненію сего, надлежащее распоряженіе.»

— Генераль-Адъютанту, Генералу отъ Инфантеріи
Князю Ливену, Всемилостивѣйше повелѣно быть Чле-
номъ Государственнаго Совѣта.

— Спашскимъ Совѣтникамъ, исправляющимъ дол-
жность Почтъ-Инспекторовъ: II-го Округа, Князю
Николаю Трубецкому, IV-го, Ивану Юрьеву и V-го,
Алексю Инберху, Высочайше повелѣно быть въ о-
ныхъ же Округахъ Почтъ-Инспекторами.

— Судьею Нижегородскаго Совѣснаго Суда Всеми-

доскивѣйше повелѣно бысть, изъ числа набранныхъ Дворянства въ кандидатовъ, Титулярному Советнику Павлу Веселовскому.

— Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣшь созволилъ: находившагося здѣсь донинѣ въ званіи Французскаго Почетнаго Вице-Консула, Гуго Валада признавашь Французскимъ Консуломъ 2-го класса въ С. Пешербургѣ, съ предоставленіемъ ему, по прежнему, ходатайствовашь по консульскимъ дѣламъ, Французскимъ Посольствомъ ему поручаемымъ.

— 23-го Августа скончался здѣсь, въ С. Пешербургѣ, Сенаторъ, Дѣйствительный Тайный Советникъ *Дмитрій Осиповичъ Барановъ*.

— Высочайшимъ Указомъ Юля 27-го числа, во вниманіи къ похвальнымъ дѣйствіямъ С. Пешербургскаго первостепеннаго купца и Почетнаго Гражданина Пепра Клейна на пользу коммерціи, при особыхъ неоднократно возлагаемыхъ на него порученіяхъ, по за свидѣтельствованію о томъ Министра Финансовъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше пожаловашь его соизволилъ Кавалеромъ ордена Св. Владміра 4-й степени.

Ф р а н ц і я .

Король отправляется 1 Сентября чрезъ Орлеанъ и Туръ въ Бордо, а оттуда въ По и потомъ возвратишя въ Парижъ чрезъ Периге и Лиможъ. Онъ хотѣлъ ѣхать еще 25 Августа, но опложилъ отъѣздъ свой по причинѣ болѣзни Маршала Жерара, который долженъ былъ съ нимъ ѣхать.

Слѣдственная Комисія Суда Перовъ еще не окончила своихъ занятій и ежедневно собирается; между тѣмъ нѣкоторыя обвиненныя уже освобождены.

Министръ Финансовъ, не смотря на всѣ пред-

смавленіи Испанскаго Посланика, не позволешъ публиковать на Биржѣ о выкупахъ, производимыхъ Испанскою Комиссіею Погашенія долговъ.

Бывшій Каталонскій Губернаторъ, извѣстный Графъ д'Эспанья, жившій до сего времени въ Турѣ, подъ надзоромъ Полиціи, недавно скрылся оншуда.

А н г л и я.

21 Августа было совѣщаніе между Смайль-Секретаремъ по дѣламъ Колоній, Г. Спрингъ-Рейсомъ, Г. Скарлетомъ и Сиди Гассаномъ Гійсомъ, по предмету жалобъ Памп Триполійскаго на Англійскаго Генеральнаго Консула Г. Варрингтона.

Въ письмѣ изъ Дублина отъ 19 Августа говорится, что при партіи приготавлиють шамъ волненіе и безпорядки; партія хранителей (шоры), кошорыми, какъ каженся, предводительствуетъ Лордъ Винчельси; партія *revealers*, (желающихъ опитъ законодательнаго союза Ирландіи съ Англіею), предводительная О'Коннелль и наконецъ спекуляторы, кошорые шребують учрежденія въ Ирландіи вспомогагельныхъ Банковъ.

Въ Дублинѣ было весьма многочисленное собраніе протестантовъ и пономъ такое же собраніе партіи Хранителей, китъшее цѣлю собраніе денегъ, для того, члгобы духовенство могло, посредствомъ оныхъ, принуждать судебнымъ порядкомъ къ уплатѣ десятины. Графъ Винчельси пожертвовалъ 500 £. сит. Графъ Родонъ 300, Графъ Бендонъ 300 и проч. Съ другой стороны О'Коннелль произнесъ 17 Августа, въ Кортѣ, предъ многочисленнымъ собраніемъ рѣчь, въ кошорой сѣдировалъ нтъ не платитъ десятины, кошора должна считаться уже омиѣненною, но увѣщавалъ нтъ также воздерживаться отъ всякихъ насмѣй, по-

тому что Министрство имѣетъ благія настрѣнія въ отношеніи къ Ирландіи.

Въ Дуврѣ случилось ужасное происшествіе. Фрегатъ *Castor*, прошедъ черезъ таможенный купшперъ *Caméléon*, сползшій въ полу-миль отъ берега и экипажъ, сосползшій изъ 29 человекъ и большею часшію, спавшій послѣ ночной вахты, погибъ. Для изслѣдованія сего дѣла наряжена Коммиссія. Комендантъ Фрегата, Лордъ Гей, взятъ подъ спражу. По другимъ разсказамъ, на купшперѣ было только 17 человекъ, изъ которыхъ 13 погибли.

Въ Globe говорятъ, что недавно заключенный Португальскій заемъ простирается до 1 мил. фун. ст. по 6 на сто.

ПОРТУГАЛЬСКІЯ ДѢЛА.

15 Августа Донъ Педро открылъ собраніе Кортесовъ рѣчью, необыкновенно длиною, въ которой между прочимъ объявилъ, что правительство Королевы Доны Маріи признано Англією, Францією, Испанією, Бельгією, Швецією и Данією; «всѣ другіе народы, сказалъ онъ, находясь въ мирѣ съ нами и я надѣюсь отъ справедливости и просвѣщенной политики ихъ Государей, что они безъ дальнѣйшихъ затрудненій, возобновятъ прежнія сношенія свои съ Португалією.» Поговоривъ о мѣрахъ, принятыхъ его правительствомъ, и о Коловіяхъ, которыя почти всѣ признали власшъ Королевы, онъ перешелъ къ мѣрамъ, которыя будутъ предложены Кортесамъ, между прочимъ о назначеніи его Регентомъ до совершеннолѣтія Королевы и о бракосочетаніи Доны Маріи съ иностраннымъ Принцемъ; наконецъ о необходимости опредѣлить составъ арміи, принявъ въ уваженіе соседніе сосѣдняго Государства, въ которой явился Претен-

денсь, возжегшій снова огонь междоусобной войны, уже пошухавшій. Донъ Педро объявилъ, что на разсмотрѣніе Кортесовъ предпавлены будутъ проекты законовъ о свободѣ писменія, объ отвѣтственности Министровъ, о неприкосновенности частныхъ жилищъ, о лишеніи владѣнія по видамъ общественной пользы, объ устройствѣ народнаго обученія, о богоугодныхъ и благопоришительныхъ заведеніяхъ, о поощреніи земледѣлія, мануфактуръ и торговли, и проч.

Въ Провинціи Трасъ-осъ-Моншесъ собирается наблюдательный корпусъ, для вспомошествованія, въ случаѣ нужды, Испаніи.

Испанскія дѣла.

Въ Journal de Paris отъ 24 числа напечатана слѣдующая телеграфическая депеша: »Донъ Карлосъ, съ двумя баталіонами и двумя ротами колонновожатыхъ, почевалъ 20 въ Ленръ и 21 долженъ былъ находиться въ Сентъ-Эшпешанъ. Сумалакарегви былъ 20 въ долині Ульсама и пошелъ на Эшеллу. Родиль и Хатурегви, съ 10.000 ч., былъ 21 числа въ Толосъ.« По новѣйшимъ извѣстіямъ, Родиль приближился къ Элисондо; въ Баспанской долині распространился страхъ и Донъ Карлосъ со своею Юншою отправился въ Энчи.

Въ Англійскомъ Журналѣ Globe говорятъ, что Фигвероа чуть не захватилъ Дона Карлоса, но ему однакожъ удалось присоединиться къ Сумалакарегви; Родиль его преслѣдуетъ.

Въ Сарагоссѣ открылась холера.

Разныя извѣстія.

Заявъ для Дона Карлоса объявленъ въ Амстердамѣ Банкирами Лепеленъ и Лабушеромъ.

Офицера подвижной гражданской гвардіи въ Бельгін уволенъ въ безсрочный отпускъ.

Князь Маврокордано прибылъ на Греческомъ кораблѣ въ Анкону; онъ назначенъ Посланникомъ въ Минхенъ.

По извѣстіямъ изъ Рио-Янейро, Семанъ онвертъ врозкнѣ закона объ изгнаніи Дона Педро.

30-го Августа.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

31-го Августа.

V.

М О Д И.

Pendant que nos hommes d'état et nos financiers s'occupent des affaires d'Espagne, nos jeunes élégantes se plaisent à imiter les manières et les modes qui charment et séduisent au-delà des Pyrénées. Tandis que vous voyez un malheureux spéculateur grincer des dents et maudire Don Carlos et la reine Isabelle, en regardant le coupon sur lequel il perd cinquante pour cent, un alerte et joli minois, vient s'éventer à ses côtés, avec un éventail ni plus ni moins grand qu'aucun de ceux qu'on peut apercevoir au Prados ou sur les balcons de Madrid.

— On fait des essais pour les costumes d'amazone dont l'idée principale est de dégager la poitrine de ce drap tendu qui cause une chaleur étouffante et insupportable.

Pour cela le mieux est de sa rapprocher du siècle dernier. Le corsage ouvert peut laisser apercevoir un fichu de linon plissé.

Между тѣмъ какъ наши государственные люди, купцы и банкиры, занимающа Испанскими дѣлами, молодья наши щеголихи спараются подражашь манерамъ и модамъ, копоры прельцають и плѣняють за Пиренеями. Вы видите несчастнаго спекулатора, копорый скрежещеть зубами и проклинаеть Дона Карлоса и Королеву Изабеллу, смотря на купонъ, по копорому онъ шерлеть пятьдесятъ на сто, а подлѣ него стоить миленькая женщина и махаеть опахаломъ, не больше и не меньше тѣхъ, копоры видимъ въ Прадо и на Мадридскихъ балконахъ.

— Въ Амазонскихъ плащяхъ спараются произвешти перемѣну, для того, чтообы уничтожишь эшотъ безпокойный кусокъ сукна, копорый лежилъ по груди и производилъ несносный, удушливый жаръ. Для эшого всего лучше приближись къ прошлому вѣку: дѣлашь открышый корсажъ, подъ копорымъ видѣлся бы багшистовый плашочекъ во складкахъ.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 25-го Августа.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 56.

I.

ЦВЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

К О Р С А Р Ъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЖУРНАЛА НЕИЗВѢСТНАГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

(*Окоматио.*)

»Такимъ образомъ, какъ вы уже знаете, дигра въ комнахъ Тильмона была кончена, и только нужна была благопріятная ночь, чтобы мнѣ успѣхъ на свой подвигъ.

»Какъ эта возделанная ночь была хороша, да шакъ хороша, что въ семь часовъ вечера на нашемъ озерѣ дуло, хоть бы ломать быкамъ рога! Съ сѣверо-запада небо обложилось тучами и холодный мелкій дождь поливалъ, какъ на заказъ; погода шла къ бурѣ, и это была для меня благодать Божія.

»Въ восемь часовъ пробили зорю. Магрозы легли по койкамъ, офицеры разошлись въ свои комнаты, а чрезъ десять минутъ свѣпились только одни спорожевые огни, и не слышно

было ничего, кромѣ однообразной походки часовыхъ на башшаряхъ и парашетъ. Тогда, какъ воръ ночной, я пробрался въ комнату Тильмона. Жоливе былъ уже спать. Надобно вамъ сказать, что Комѣдантъ, думая, по рассказамъ, будто Тильмонъ не умѣетъ плавать и потому не спанетъ покушавшись бѣжать, оставилъ его подъ слабымъ надзоромъ.

Я помню все это, какъ бы и теперь былъ спать. Жоливе вышелъ, чтобъ спать на часы. Я взошелъ къ Тильмону: онъ сидѣлъ на постели; передъ нимъ стояла складной стулъ, на стулѣ жестяной сосудъ, въ которомъ что-то кипѣло. — Ну! Что жъ, все таки непременно въ эту ночь?... сказалъ Тильмонъ. — Да, непременно мой любезный морякъ, потому что ночь опасная.

Тогда Тильмонъ опустилъ нѣсколько доску, закрывавшую отверстіе, и сильный порывъ бури чуть не загасилъ лампу, скрившую подъ кроватью. Намъ показалось мрачное небо, ночь была черна, какъ якорь, и нѣсколько капель дождя или пѣны, гонимыя вѣтромъ, плеснули въ каюту; послѣ сего Тильмонъ приспавилъ снова доску, и смотря на меня во всѣ глаза, сказалъ: — Однако жъ, безъ шутокъ, Томъ, знаешь ли, что въ эту ночь только черпать хорошо женишься . . . — Вижу, но, je m'en *тоque*, (извините, сударыни).

— Но ты оставишь въ озерѣ свою шкуру. — Повторяю, что je m'en... *тоque*. Обдерушь ее

здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ — все равно. — Но ты слышишь, Томъ, какъ завываетъ буря, видишь ли, какъ бросаетъ насъ, Томъ?

»Въ самомъ дѣлѣ проклятый цюшонъ качался, какъ галіонъ; это была превосходная буря; пытаясь еще отвратить меня отъ моего предпріятія, Тильмонъ опустили снова доску, и хотя было темно, мы видѣли, что озеро покрыто кипучими волнами. Волны на озерѣ!.. можете судить какъ бушевало. По всему небу была непроницаемая шма, а въ воздухѣ адскій шумъ и ж завыванье. Разгнѣсь въ такое время переплышь полшоры мили, признаюсь, это было безуміе! Но давши себѣ слово уйти въ шу же ночь, я долженъ былъ отправиться. Такимъ образомъ намѣреніе мое было твердо, и когда Тильмонъ началъ смотрѣть еще въ свое отверженіе, я сказалъ ему: — Ежели ты и двадцать разъ высунешь носъ въ свое окно, отъ этого погода не сдѣлается лучше; повшоряю еще разъ, что я отправляюсь; вотъ тебѣ честное слово Тома, что отправляюсь.

»Тильмонъ зналъ, что когда я даю *честное слово Тома*, — дѣло кончено; и шакъ, онъ сказалъ мнѣ очень серьезно: *Съ Богомъ*.

— Это что? спросилъ я у него, заглядывая въ кипящій сосудъ, изъ кошораго пахло не совсемъ прѣшвено.

— Здѣсь смѣшаны: сахаръ, ромъ и кофе; всего осьмуха; и начанъ съ того, Томъ, что ты долженъ выишь это. — Нѣтъ, отпѣчалъ

я; чоршть меня возьми, ешем я пошуплю, какъ
эши собаки Англчане, кошорые иногда шолько
и чувствуюшть себя людьми, какъ нащанулся....
—Я шебъ говорю, Томъ, чшо ты у меня выпьешь
эшо....—Нышть....—Ну!...Ну!...—И не смощра ни на
чшо, я выпилъ, пошому чшо, видише ли, когда
эшотъ сумазбродный Тильмонъ забираеть себъ
чшо нибудь въ голову, но дьлаетъ всегда по сво-
ему. Вопть, спаканъ за спаканомъ, я выщануаъ
эшу чершовскую мьшанину, и у меня загорьлось
внутри... Да! а сало? сказааъ я Тильмону.

— Ешть, ошвѣчалъ онъ, и показалъ шеснь,
или семь фуншовъ, какъ положено было.

»Послѣ шого я обнѣжился, какъ ладонь (из-
винише, сударыни); и мы съ Тильмономъ приня-
лись наширать меня слоемъ жиноваго жиру,
полщиною по крайней мѣрѣ въ шеснь дюймовъ;
эша операція не совсѣмъ опрашна, но я рекомендую
вамъ ее на случай, пошому чшо съ шакою подмаз-
кою вы будеше плавать въ самой холодной во-
дѣ, какъ въ шедлой, не чувствуюя ни мало спущ-
жи.

»Когда я выпачкался ворванью, какъ шор-
говка, Тильмонъ повязалъ мнѣ на шею ожерелье
съ гинееми, кошорыя были зашпшы въ кожь уг-
ря; я положилъ въ свою клеенчатую шляпу
малую каршу Брипанскаго канала, кошорую
вырвѣаъ изъ дьшской Географим . одного армей-
скаго сержанша, спряшалъ шуда же компасъ,
губку огниво, и засунулъ джжаль свой за сну-
рокъ шляпы, подвязанной крѣпко подъ бороною.

Потомъ укрѣпилъ за плечами небольшой кожаный мешокъ, въ кошоромъ было все нужное, чшобы одѣшсь по выходѣ изъ воды.

»Когда я приспегивалъ оспальной ремень назадъ, мой Тильмонъ сунуль чшо-шо въ кошомку: это были двадцать гиней — все, что онъ имѣлъ иногда.

— Тильмонъ, сказала я ему, это не хорошо: нимъ употребляешь во зло свое положеніе. — Эхъ . . . ошвѣчалъ онъ съ большимъ нешерпвнїемъ, да вѣдь это не *податка*. . . . А гдѣ жъ твои лыжи для пины? — Тамъ, позади моей кошомки; присѣвши на порогъ, я могу ихъ взять и надѣшь на ноги. — Чшо жъ, совсѣмъ? — Совсѣмъ. — Ну . . . прощай, Томъ, счастливый путь. — Прощай, Тильмонъ. — И онъ ошкрїалъ все ошверзнїе. Поривъ бури загасилъ лампу. Въ пошьмахъ, я обнялъ Тильмона и прижалъ его къ моему сердцу: — Скажи Жоанве, что я много обязанъ ему и, съ сими словами, я скользнулъ въ ошверзнїе.

— Да сохранишь себя Творецъ, говорилъ еще Тильмонъ....

»Но болѣе ничего уже я не слышалъ, потому что меня перегнуло въ двое канашомъ, брошеннымъ бурєю. Благодаря *мази* Тильмона, я иногда только почувснїевоалъ, что нахожусь въ водѣ, когда волны начали плескаться мнѣ прямо въ носъ.

»Увлеченный буруномъ, я очутился близъ цѣпей руля и, не смотря на ужасный ревъ бури и плески воды, спрашася, что меня услышашъ,

или увидишь часовые, нырнул на несколько десятков саженей. Вынырнув, я видел понтона по левую сторону у себя, и узнал его по шпиремь огнямъ, которые блещали, какъ при звѣзды во мракъ ночи.

»Всего лучше, что руды не ходили въ эту ночь: буря свирѣпствовала такъ, что ни одна шлюпка не смѣла оставаться понтона. И такъ, со скорыми людьми я былъ покоенъ уже; оставалось только управиться съ водою, вѣтромъ и циною....

»Сказать безъ хвастовства, я плавалъ какъ рыба. То, что я выцѣлъ по приказанію Тильмана, согрѣвало меня внутри, а само предохраняло отъ холоду снаружи. Положение было сносное; но не менѣе много погода продолжалась самая неводная....

»Удаляясь отъ понтона саженей на двѣсти, я не виделъ уже ничего болѣе. Единственный горизонтъ, который могъ я различать вокругъ себя, были огромные, черные валы, которые бѣжали, разбиваясь о грудь мою. Густыя огненные тучи, гонимыя вѣтромъ, разливались по небу, и проливной дождь, поражая меня въ лице, мѣшалъ дышать свободно, что болѣе всего затрудняло меня.

»Полчаса еще я плылъ бодро, но вдругъ ослабѣлъ... мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть я послушалъ бы лучше, дождавшись слѣдующаго дня; однакожь вмѣстѣ съ тѣмъ вспомнилъ о моей матери, о братѣ и — силы мои возвратились: я почувствовалъ себя какъ-бы выбро-

шешными на поверхность воды, и съ воспорго-гожь закричалъ ура! Въ эту минуту, конечно, я перескочилъ впередъ на двадцать охвальной, шакъ легко и быстро, какъ никогда не плавалъ въ жизни; я былъ какъ испуганный; я вырвался изъ воды, какъ будто они саждали меня.

Уже я былъ въ водѣ около трехъ четвершей часа, когда съ сѣверо-западной стороны начало просветляться немного. Я увидѣлъ нѣсколько звездъ, окруженныхъ сѣрыми облаками, и при свѣтѣ сѣмъ распозналъ на горизонтѣ верхъ мельницы, которая должна была служить мнѣ направлениемъ для переправы чрезъ *тунисскіе* пороги. Тогда замѣнилъ я, что эти пороги гораздо ближе отъ меня, нежели я полагалъ.

Теперь мнѣ слышно рассказывающъ вамъ одинъ случай, поэтому что вы называете его страшнымъ и ужаснымъ; но я думалъ объ немъ иначе когда чуть-чуть не пошелъ какъ якорь ко дну....; слушайте жъ; едва я вспомнилъ объ эпикѣ *тунисскіе* порогахъ, какъ вдругъ живо представилась мнѣ Добрыня, и его страшное лице, съ глазами выдѣленнымъ на эпикѣ же прясинѣ, стояло предо мною.

Эта мечта превращалась въ существованность; искаженная дьявольская фигура сильно подѣйствовала на меня!... Она шакъ вртзалась въ память моей, что, казалось, я смотрю на нее, и шакъ ясно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ ее видѣлъ....

Да, да, я видѣлъ это страшное лице, какъ

вижу иногда и теперь еще во снѣ; я видѣлъ живо почернѣлое, обезображенное лице, разсперзаннымъ, заекшійся уста, съ оскаленными бѣлыми зубами, и особенно кровавыя дыры, въ кошорыхъ не было уже глазъ. Повторяю, что все это я видѣлъ, и повѣрьте, что въ моемъ положеніи, среди ужасной бурной ночи, вспрѣвшись съ такою рожею не весело было.

Я не довѣрялъ самому себѣ; полагалъ, что ромъ ошуманнлъ мнѣ голову, шаранилъ глаза сколько можно больше, понюмъ зажмуривалъ ихъ, нырялъ, билъ руками по волнамъ, ощупывалъ себя, а фигура сдѣловала за мною; назовише это грезю, бредомъ, сумасшеснвиемъ, всѣмъ чѣмъ вамъ угодно, но я видѣлъ ее.

»Право, въ ту минушу, я чуть не лишился рассудка, и чнтобъ бѣжать отъ самого себя, укрывшись отъ закляпаго лица, сжолцаго предо мною, я съ бѣшенствомъ погрузился въ волны: но когда прошелъ сажени двѣ подъ водою, какое-то твердое вещество ошановило меня... Глубина примѣшно уменьшилась.... Я былъ въ шнѣ.

»Въ это время, какъ будто наваженіемъ самаго дьявола, въперъ началъ душь ужаснѣ, дождь пошлся сильнѣе, темнота увеличилась, и мнѣ казалось, что я вижу и слышу шучи вороновъ, а между ними сверкали неизбѣжныя для меня выдѣнныя очн этого . . . Дюбрѣйя. Я не могъ уже переносишь болѣе: силы ошавили меня, и между шѣмъ я не кричалъ, а ревлъ изъ всей силы: *О! Боже мой!* Полагаю, что вопль мой

слышать былъ даже на нѣмцѣхъ, хотя я и то-
дился отъ него за милу. Правду сказать, что
это была самая худшая минута изъ всей ночи;
я пришелъ въ себя, и опомнясь нѣсколько, подал-
ся на сажень назадъ, чтобы избѣжать пины, къ
которой по счастью я шлошко прикоснулся; на-
конецъ, я сказалъ самому себѣ... Тотъ, вѣдь ни
де женщина... вспомни, ежели достигнешь цѣли,
то увидишь мать свою и брата; ни ускользнулъ
отъ этого урода Безрукаго. Правда, что на а-
нскихъ порогахъ Дюбрѣль ославилъ свою шкуру;
но Дюбрѣль былъ негодяй, а ны честный чело-
вѣкъ; пришомъ же, онъ явился сюда, какъ дуракъ,
босикомъ, а у тебя есть лыжи . . . ну, мало-
душнѣ къ чорту! и впередъ..!

Я послушала себя, и хорошо сдѣлала: сила
и бодрость возвратились ко мнѣ. Я продолжала
главнѣе, и опупывая руками пороги, нашель
одно мѣсто, гдѣ пина была довольно тверда,
чтобы сдержанъ меня на поверхности одну ми-
нуту.

»Пользуясь мгновениемъ я подвязала лыжи
и началъ скользить по этой болотной жидко-
сти. Лыжи мои состояли изъ двухъ липовыхъ,
очень широкихъ и тонкихъ досокъ, кошорья, за-
нимая большое пространство, не допускали ме-
ня погружаться въ пину. Такимъ образомъ я
прошелъ первую шрясину; пошомъ снова очу-
тился въ водѣ и плыль до другаго порога.

»Узнавши съ разу достоинство моихъ лыжъ,
я шагаль смѣло по болоту и прошелъ шуща

ослепавшие два порога. Я прибыла на берег озера, впрочем, часа через два с половиною по выходе из понтона.

Дело шло на ладъ, но вѣпо было еще не все; оставалось подумать объ *мелом туземтъ*. Я была весь покрайть чернымъ мелемъ, какъ Арабы; поэтому, что вышло на берегъ прямо изъ болота. Ослепившись крутою, и изжевавъ бадзь мольница иконошникъ, обмыль грязь, и четверть часа снуенія, была одвѣшь, какъ порядочный мѣщанинъ. Я вынулъ гаюнокъ рому изъ сумки, которую мой добрый Тиммонъ позволилъ на случай въ кошечку, и съ помощію отнѣва взглянувши на своей компань, направился къ воспоку; мнѣ должно было ипши оошальную часть ночи, чтобы, для избѣжанія подозрѣній, находишься упротъ далеко отъ Супгамитона.

Я долженъ былъ употребить весь усиліа, чтобы достигнуть берега морокаго, и тамъ, во что бы ни стало, достать лодку для переезда чрезъ Па-де-Кале.

Не буду объяснять вамъ жесытокыхъ ощущеній, испытанныхъ мною, тогда, какъ днесь я долженъ былъ скриваться ото всѣхъ, и только по ночамъ продолжалъ пунь своей, жокуная иѣсколько разъ молчаніе цѣною золота, или вынуждая его не совсѣмъ деликатно; наконецъ, судите о моихъ убійственныхыхъ марняхъ и конспирмарняхъ, когда въ девять дней я достигнулъ только до окрестностей Вичельи, разсполіемъ,

по большой ширь, они двадцати пяти до приду-
чины миль отъ Порпсмуна.

»Нравственные силы мои истощались: ес-
ли бы предположили одни затрудненія, это шло бы
своимъ порядкомъ, пошому что затрудненія
превозмогаются; но когда приходилось скрыва-
ваться подобно вору, думатьъ безпрестанно объ
одной ошкорожности, пугаться всякаго шершея
и вечерея, — это ужъ было не по мнѣ.

»Наконецъ, въ одно утро, шакъ . . . это
было утро, въ Середу, прошедши всю ночь, я
находился близъ Фолькелена, небольшой рыба-
чей присланн, на берегу морскомъ, въ двѣдцати
миляхъ отъ Дувра. Изкурившись отъ ханды
съ опечаленіемъ въ душѣ, и почти безъ денегъ,
я былъ въ самомъ неприяшномъ расположеніи
духа. Укрываясь отъ жару, я сѣлъ подъ двумя
развѣсистыми дубами, освѣняющими лавку у ве-
рошк красиваго дома, вышпроеннаго надъ склада-
ми морскими.

»Такимъ образомъ сѣдя, съ поникшею голо-
вою и посохомъ между ногъ, я рассуждалъ: не
лучше ли будешь, ежели я, вмѣсто того, что
скрываюсь подобно злодѣю, приснушаю ошкро-
венно, съ книжаемъ къ горлу перваго встрѣ-
тившагося мнѣ рыбака, и предложу въришь мнѣ
лодку для переезда чрезъ каналъ; какъ вдругъ я
услышалъ гвнне за стѣною дома: это была жен-
скій голосъ. Машинально, или изъ любопыт-
ства, я спазъ на лавку и увидѣлъ въ саду пре-
лестную женщину въ бѣломъ плашь, большой

соломенной шляпѣ, и съ прекрасными черными волосами. Она занималась цвѣтами, не замѣчая моего присутствія; но вдругъ оборотилась, и что жъ увидѣлъ я на ней! — Индѣйское украшеніе, довольно драгоценное, и особенно замѣчательное, такъ, что я узналъ его пошчасъ. Эта вещь и мѣстоположеніе берега, на которомъ я находился, привели мнѣ на память одно обстоятельство, объ которомъ я совсѣмъ забылъ было: одинъ прыжокъ, и я на спѣнь, ошъ шуда въ садъ, и очутился близъ красавицы, довольно близко для того, чтообъ схватившъ ее за руку, когда ошъ ужаса она хотѣла бѣжать. Бѣдная женщина дрожала всѣмъ теломъ, и было ошъ чего! Но я успокоилъ ее въ ту жъ минуту, сказавъ чисто по-Англійски: Вы жена Капитана Дюлова. Скажите, здѣсь ли онъ? — Здѣсь. — Говорилъ ли онъ вамъ объ Капитанѣ Томѣ С., который далъ ему эту вещь? спросилъ я, указывая на золотую рыбку, съ чешуею, сдѣланною изъ драгоценныхъ камней, которая, вмѣстѣ съ часами, висѣла у нея на шеѣ.

— Безъ сомнѣнія, говорилъ, потому что мужъ мой обязанъ жизнью Капитану С., ошвѣчала дама, вперивъ съ удивленіемъ на меня пламенные свои большіе черные глаза.

»И такъ, сударыня, Капитанъ Томасъ С. предъ вами; я идвникъ; я бѣжалъ; скройше меня! — Эшо вы, Капитанъ! . . . Ахъ! какой

радосный день для моего Вилліама. . . Идите за мною.

Дюловъ прогуливался тогда; но скоро возвратился и принялъ меня брашски, какъ я и ожидалъ отъ него. Онъ держалъ меня скрывно въ своемъ домѣ, коннорый былъ расположенъ очень удобно для этого. Днемъ я не показывался никому, а въ сумеркахъ мы прогуливались по скаламъ вмѣстѣ съ милою женою Дюлова и прелепивою ея сестрою.

Нѣкогда, узнавши Дюлова, я полюбилъ его, какъ храбраго повара; и разсказывая прескверно принявъ отъ меня для жены, извѣстной мнѣ по частымъ его разсказамъ, вещь, привезенную мною изъ Индіи; я сказалъ ему: Дюловъ! пусть носитъ это шво жема въ память о другѣ своего мужа. Видите ли, это пригодилось, потому что безъ этой глупой рыбки я не узналъ бы Г-жи Дюловъ. Но что я сдѣлалъ для него, — это не слонить разсказывать: мелочь . . . коннорая въ это время для него значила много, а для меня ничего; но онъ этого не забылъ, — это натурально: на его мѣстѣ я поступилъ бы такъ же.

Я смѣло требовалъ отъ Дюлова дань мнѣ средниво къ перѣзду чрезъ Па-де-Кале, и нѣсколько уже разъ напоминалъ ему об этомъ; только онъ находилъ всегда отговорки: это было очень трудно достать шлюбку, — это была береговая стража; . . . а шамъ провинный въшеръ. . . и множество другихъ, (все

было несправедливо). Наконецъ, признаюсь, я началъ сомнѣваться въ его доброй воли. Франція же была въ тридцати мѣлахъ, — это жестоко!

Десять дней уже находился я въ домѣ Дюлова. Въ одинъ вечеръ, онъ сказалъ по обыкновенію своей женѣ и ея сестрѣ: надѣвайте ваши шляпки и пойдемъ прогуливаться на взморье. Я пошелъ съ ними. Мы ходили довольно долго, не говоря ни слова; мнѣ было грустно: время проходило; я беспокоился о своей машери; война продолжалась, а я сидѣлъ въ бездѣйствіи, и наконецъ мнѣ прискорбно было сомнѣваться въ дружбѣ Дюлова, который, казалось, не способенъ былъ къ неблагодарности. Солнце зашло и начало уже шемнѣть, когда приближаясь къ небольшому заливу, Дюловъ, вздернувши носъ къверху сказалъ мнѣ: Капитанъ! Какъ вамъ кажется эпошь въперъ? (Эпо было самый полутный свверный въперъ.)

— Чортъ меня побери! ежели не самый полутный, ошвѣчалъ я, и бѣдному павянику не доспаешь эпошко лодки, чшобъ завпра улпрошь покоишь въ домѣ своей машери. — Ну! сказалъ мнѣ Дюловъ; обнимите, Капитанъ, эпоших дамъ, и опиравайтесь. — Я спомалъ въ изумленіи: это было слишкомъ неожиданно для меня.

Дюловъ, пожавъ плечами, взялъ меня за руку и повелъ за скалу: тамъ спомла привязанная большая лодка, съ фокъ-мачшою оснащенной

прикешъ-парусомъ. Проснитъ меня, сказалъ онъ, что я задержала васъ такъ долго; но я долженъ былъ ожидать, пока наступитъ очередь офицера береговой стражи, который въ эту ночь будетъ крейсировать по каналу; онъ преданъ мнѣ, и знаешь, чѣмъ я обязана Капшану С . . . въ эту ночь вы можете отправиться безопасно.

Я узнала моего прежняго Дюлова, и не удивляясь ничему; разцѣловавши крѣпко даму и моего друга, я прыгнула въ лодку.

Тамъ были съезанные припасы, кошица, оружіе, порохъ, ночная зрительная труба и свѣшляя. Сдѣлавши послѣдній прощальный знакъ дамамъ и Дюлову, я спускала отъ берега. Я была на волѣ . . .

Моя лодка мчалась стремлою, въперъ сладострастно боролась съ волнами, и море открывало съ кокетствомъ бѣлую свою грудь! Ночная зрительная трубка пригодилась мнѣ: глядя съ часъ по морю, я увидѣлъ вдали корветку, въроятно Англійскую, которая шла на меня; я поворошила обершпигъ, и сдѣлала нѣсколько выстрѣловъ. Это задержало меня нѣсколько, но съ разсвѣтомъ, къ воспоргу моему, я увидѣлъ землю Франціи, выходящую изъ мрака, и могъ различить признакъ Кале. Солнце показалось во всей красотѣ, море блистало какъ зеркало, и сѣверный вѣтеръ свѣжѣлъ по вѣрному. Черезъ два часа я долженъ былъ обнять мать мою и брата.

»Иштурманы, шкипера, машпрозы и порто-
вые машпера, собравшись по обыкновенію на при-
спяни (морской, съ своими зришельными труба-
ми, и посмашривая во всѣ спороны, увидѣли
меня.

— Посмошри-ка! сказалъ одинъ, это бѣжишь
нѣтънѣй. — Какъ бы кспаша если
бы это былъ Капишанъ С . . , сказалъ другой.
— Былъ можеть, примолвила прешнѣй. — Но
одному юнгѣ послышалось, вмѣсто: *еслибы это,*
просио Капишанъ С . . , и онъ полетѣлъ къ моей
машери и брашу, крича во все горло: эй! эй!
Капишанъ прибылъ изъ Англїи, одинъ въ лод-
кѣ.

»Къ счастью, это была правда, а иначе мо-
жете постигнушь, какой бы ударъ испытала
моя бѣдная машь. Наконецъ она прибѣжала съ
братомъ моимъ на приспяни, откуда распо-
знали уже меня; я былъ ближе, чѣмъ на
пушечный выспрѣлъ.

»Не смѣю рассказывать вамъ, какъ я былъ
принятъ.

»Всѣ рыбацкии и шкиперскїи лодки приспя-
ни Кале выѣхали ко мнѣ на встрѣчу и конвоиро-
вали меня: шамъ были мужчины, женщины, дѣши;
меня оглушали радосныи восклицанїя: ура! да
здравствуетъ Капишанъ С И я плакалъ,
какъ баба; а въ дополненїе всего, спомѣлъ на
приспанн брашъ, поддерживая мою бѣдную сна-
рую машь, копорая, онъ сильнаго пошрасенїя,
едва имѣла силы махашъ мнѣ плашкомъ.

Но когда я привашизовала грекко мою мань и гонялася выйши из своей лодки, поспавиль уже ногу на афонницу, какой-нио поллицейскій бездвальный, въ черномъ мундирѣ съ серебряною канишелью на плечѣ и въ сопровожденіи двухъ Жандармовъ, ошановиль меня и пошребовала мой паспортъ.

И между нѣмъ, вио былъ Коммиссаръ, у котораго десшало же ошелько ума, чштобъ пребованъ мой паспортъ! Паспортъ! Живоинное! какъ будно я прибылъ въ городъ по большой дорогѣ, въ кабриолентъ.

Спрашиванъ паспортъ у Капитана Тома, который въ преній разъ бѣжалъ съ Англійскаго коннона: послѣ виного и самъ сдѣлаентся Коммиссаремъ! Собака! говоринъ мнѣ о паспортѣ, тогда какъ я вижу мань свою въ двадцати шагахъ надъ собою! Какъ онъ показывалъ видъ, чшо хочеть пресѣчь мнѣ нуть на афонницѣ, я даль ему два толчка въ брюхе и онъ покашился съ Жандармами своимъ освѣднися въ водѣ; я взелпалъ на афонницу, и можеше вообразишь, какъ обиджалъ неки мань и бранъ. Но славно жъ поспутанъ при виномъ проказники моряки; въ ожеснотеніи они не пукаали изъ воды Коммиссара и Жандармовъ, которые, бросаясь опъ одной лодки въ другой, выли какъ собаки, прибавиль со смѣхомъ Капитанъ. Вонъ, Господа, сказалъ намъ въ заключеніе Томъ, пакнись-нио образомъ я возвращаентся въ послѣдній разъ изъ Ангаин; однако жъ не проходнъ недѣли, чштобъ я не вспоминалъ не-

счастливаго Дюбрёйля, и чтобы не представилась мнѣ во снѣ его заклиная рожа съ двумя кровавыми дырами безъ глазъ, копорья чуть-чуть не засхавили меня сдѣлашь непростишельную глупость....»

.

Я не въ состояніи изъяснить впечатлѣній, испытанныхъ мною въ продолженіе этого разсказа; не могу изобразить энергіи, одушевлявшей жесты Капитана, ни того чудеснаго созвучія въ голосѣ, копорый переходилъ изъ опшривиспаго въ пропашный, по мѣрѣ изображаемыхъ предметовъ.

Я помѣспилъ собственныя слова Капитана, не перемѣнилъ ничего, но какая разница! Теперь повѣсть эта не прогаешь меня; въ ней нѣтъ ни ждани, ни цвѣтовъ для меня, копорый слышалъ ее, копорый видѣлъ всѣ эти событія, какъ будто на яву.

Между тѣмъ, какъ чудесно было наблюдать спрванное смѣшеніе двухъ характеровъ: одинъ поражалъ величіемъ, геройскою силою, пылкостью, безспрашіемъ; онъ былъ пвердъ, какъ булашь, почерпая силу въ сопрощивленіи, презврая смерть, убійства и ужасы бурь; и попомъ, человекъ кропкій, простой и добродушный; точно какъ будто бы онъ, въ качествѣ зришеля видѣлъ на сценѣ эту величественную и ужасную эпоху своей жизни, и вспоминалъ ее, какъ мрачную и превосходящую драму, выученную наизустъ. Въ разсказъ эпомы меня пронудла еще необыкновенная преданность моряковъ, однихъ къ другимъ; самоопшверженіе

ихъ и всегдашняя готовность жертвовать за товарища жизнью и свободою, и наконецъ,—равнодушіе, съ копорымъ они оказываютъ другъ другу подобныя услуги, не говоря даже: *благодарю, товарищъ!* Ибо они не благодарятъ словами. Но если когда либо, среди кровавой сѣчи, губительный свинецъ достигнетъ васъ, когда пвнящееся море разверзнетъ хлябь свою, чшобъ поглотивши васъ, вы почувствуете дружескую, или признательную руку, въ свою очередь спасающую васъ. И потомъ, когда возвратитесь къ жизни, можете быть, эта рука охладѣетъ уже; но вы поймете слово *благодарю*, и нѣкогда такимъ же образомъ изъясните другимъ свою *благодарность*.

Съ Франц. В. Схалтъ.

II.

ПУТѢШЕСТВІЯ.

(ИЗЪ ГУМБОЛЬДАТА) (*).

О РАСТВНІЯХЪ (**).

Не равно сошканъ коверъ, копорый цвѣтноносная Флора распинаетъ по обнаженному земному шару: шканъ его *гаше*, — гдѣ выше вос-

(*) См. N№ 8 и 30 С. О. и С. А. сего года.

(**) Въ Юговосточной Азии, во внутренности Африки и Новой Голландіи, также въ Южной Америкѣ отъ Амазона до Чиквицкой области, растенія вовсе намъ не извѣстны.

ходить солнце на безоблачномъ небѣ, и рѣже къ унылымъ полосамъ, — гдѣ скорое возвращеніе мороза шо умерщвляетъ развивающіяся почки, шо похищаетъ созрѣвающіе плоды. Но чловѣкъ вездѣ можетъ наслаждаться пышными расценіями. Когда вулканъ распоргаетъ на днѣ морскомъ кипящія волны и внезапно выдвигаетъ окалистую скалу (какъ нѣкогда между Греческими островами) или (возьмемъ въ примѣръ спокойное явленіе природы), когда дружныя Нереиды возвышаютъ ячейныя свои жилища, до шѣхъ поръ, пока чрезъ нѣсколько тысячьлѣтій подыавъ оныя надъ зеркаломъ воды, умрутъ (*), и образуютъ плоскій коралловый островъ: тогда шолчасъ головы оживитъ мертвую скалу органическія силы. Что шакъ скоро приносимъ шуда емена? — пролетная ли птица, или въперъ, или волны морскія? — Рѣшишь это шрудно, по причинѣ величайшей отдаленности морскихъ береговъ. Но на голомъ камнѣ ошъ перваго прикосновенія къ нему воздуха образуется въ сѣверныхъ странахъ шканъ изъ волоконъ, подобныхъ бархату, кошормя просшому глазу кажутся цѣнными пашнами. Одни изъ нихъ ограничиваются въ одинъ, или въ два раза выдавшимися линіями; другія пересѣкаются бороздками и раздѣляются

(*) Кораллъ, расшешъ до шѣхъ поръ, пока ошпаенся подъ водою; шбо внѣ воды шолчасъ гибнутъ его построители. *Прим. Перев.*

на полянки. Свѣтлый цвѣтъ, стварьель, шем-
кветель. Издали-свѣщающаяся желатина двлаенел
буромъ, а изголуба-сѣрый видъ лепраріель мало
по малу переходилъ въ черный, цыан подобный
цвѣтъ. Предѣлы спарвующейся покрывки слан-
ваются между собою и на шемномъ основаніи
образуются новые, кругообразные лишай осад-
нишельной близины. Такимъ образомъ органиче-
ская шкала движется одна на другую елоями; и
какъ родъ человѣческой, принимаая гдѣ-амбо осад-
лосшь, долженъ пройши опредѣленныя степени
правственнаго образованія, такъ и постепенное
распространеніе расшеній подчиняется опредѣ-
леннымъ физическимъ законамъ. Тамъ, гдѣ нынѣ
высокія деревья подьемають гордыя вершины,—
прежде вѣжные мхи покрывали поверхность
камня, лишайную землю. Лишайные мхи (*),
лаки, низкія расшенія и кустарники наполняли
пространство длиннаго, но неизмѣреннаго про-
межушка времени. Что совершается на Сѣверѣ
чрезъ лишай и мхи, шо подь шропиками —
чрезъ портулаки, голубренны и другія низкія бе-
реговья расшенія. Исторія расшительнаго по-
крывала и постепенное его распространеніе по

(*) *Мхи* (по разсказамъ Неккера), *лежавшіе въ*
травникѣ болѣе 60 лѣтъ, будучи положены въ воду,
ожили. Въ теченіе столь долгаго времени жизнь
была въ нихъ скрытная, безъ движенія и непримѣн-
ная для нашихъ чувствъ, подобясь жизни семени, или
яйца. *Прим. Перев.*

обнаженной земной корь, какъ и Исторія позднѣйшаго рода человѣческаго, имѣешь свои эпохи.

Подъ пропическимъ небомъ, при палящихъ лучахъ солнца, пронзраспающъ самые величественные виды распеній (*). Въмьсно *поростовъ*, полспыхъ *мховъ*, покрывающихъ въ холодномъ Сѣверѣ кору деревьевъ, — подъ пропиками *пестроцвѣтниками* и душистая *ваниль* оживляющъ спволы анакардовъ и исполинскаго роспа *смоковницъ* (**). Свѣжая зелень листвьевъ *могутки* и *драконцій* являющя въ прошивоположности съ цвѣщами *лтрышниковъ*, испещренныхъ различными красками (***) . Вьющіяся *баугини* (****), *кавалерники*

(*) Величина и развертываніе органовъ зависить отъ благопріятствующаго климата: шакъ малорослый *паружный видъ* нашей ящерицы въ южныхъ странахъ возрастаетъ до ужасной огромности броненосныхъ крокодиловъ.

(**) Исполинскаго роспа *драконово дерево* въ городѣ *Ортава*, кошорое приносить еще цвѣты и плоды, кажется, соспавляетъ *величайшій* и *древнѣйшій органическій памятникъ* на нашей планетѣ.

(***) Цѣлой жизни живописца не довольно для срисованія всѣхъ разнообразныхъ и прекрасныхъ *лтрышниковъ*, украшающихъ глубокія долины Перуанскихъ Андъ.

(****) Безлистные вѣтви *баугини* на берегахъ Оринока, проспираютъ на 40 футовъ въ длину, шо спускающя отъвѣсно съ самыхъ вершинъ высочайшихъ анакардовъ, шо проплагающя, на-подобіе корабельныхъ веревокъ, отъ одного дерева къ другому. *Прим. Перев.*

и желтоцвѣтныя *банистеріи* обвиваютъ стволы
лѣсныхъ деревьевъ. Нѣжныя цвѣтныя вырастаютъ
на корняхъ *шеколадниковъ* и на шолстой, грубой
корѣ *кресцензіи* и *густавіи*. При такомъ множе-
ствѣ цвѣтновъ и плодовъ, при такой роскошной
распишельности и смѣси вьющихся растеній,
испытатель природы приходилъ въ недоумѣніе:
къ какому списку отнести эти листья и пло-
ды? Одно шолько дерево, обильное *паулиніями*,
биньоніями и *дендробіями*, составляетъ такую
массу растеній, кошорые, будучи опцѣлены оди-
омъ другихъ, покрыли бы значительное про-
странство земли....

Изъ всѣхъ растеній, *пальмы* (*) выше и
красивѣе. Высокіе, гибкіе, кольчатые, иногда

(*) Близъ устья Гваіары и Апабано произрастаетъ
величественная *персиковидная* пальма *Piriquao*. Глад-
кій стволъ въ 60 футовъ вышины украшенъ нѣжными
персиковидными листьями, имѣющими по краямъ
складочки. Мясистые плоды, для большей роскоши
растенія — безъ сѣмянъ. Они походятъ на персики
и цвѣтомъ изжелта-пурпуровые. Омъ 70 до 80 пло-
довъ составляютъ огромную кучу. На каждомъ де-
ревѣ вызрѣваетъ шолько по прикисши. Еще замѣча-
тельна: *скорообразная* пальма *Мауриція*, распуцая
при устьѣ Оринока. Стволъ — въ 25 фуш. вышины;
но сего роста, повидимому, достигаетъ омъ 120-
150 лѣтъ. Она одна питаетъ необходимое племя
Гварауновъ, живущихъ во время разливія Оринок-
ской Дельты, подобно обезьянамъ, на деревьяхъ, про-
тягивая омъ одной лѣсины до другой цыковки; спле-
шенныя изъ листовенныхъ жилокъ сѣи пальмы.

усаженные колочками, символ ихъ обкачивающіеся блестящими листьями: крылатыми, или расположенными въ видѣ опахала. Иногда листья завиты на-подобіе шпави, а гладкой символъ достигаетъ до 180 ф. высоты (*). Но сія красота и величина пальмы уменьшается по мѣрѣ удаленія отъ Экватора къ умереннымъ поясамъ. Европа между свойственными ей расшеиіи имѣетъ только одного представителея сей формы: *малорослую прибрежную пальму* (Самаргора), распушую въ Испаніи и Италіи до 44° сѣв. ш. Въ настоящемъ климатѣ пальмы средняя температура 19—22° Реом. Но привезенная къ намъ изъ Африки *финиковая пальма*, не столь уже красивая, какъ другіе пальмовые роды, растетъ еще въ такихъ странахъ Южной Европы, гдѣ средняя температура 13—14°. Въ Сѣверной Европѣ лежатъ погребенными въ недрахъ земли пальмовые пни и слоновыя кости; и по ихъ положенію съ вѣроятностію заключить можно, что не водою занесены отъ тропиковъ къ сѣверу, но что климаты и опредѣляемая ими флора іонамія природы многократно измѣнялись въ великихъ переворотахъ нашей планеты.

Къ пальмамъ во всѣхъ частяхъ свѣта при-

(*) Около 30 саж. Они, по выраженію *Сен-Пьера*, возвышаются въ видѣ поршковъ надъ лѣсами. — *Прил. Керес.*

соединяется *пизангъ* или *бананникъ* (*). Стволъ не столь высокій, но боае сочный, почши правяиспій, увичанъ при вершинѣ листьями нѣжными, какъ шелкъ блестящими, сонканными изъ понкорьдакаго сплешенія жидокъ. Ихъ-но плодами питаются обипашем жаркаго поа-са.

Сіи деревья, какъ и мучиспые плоды *Цереры*, или нивныя расшенія *Съвера*, сопуш-спивовали человаку опъ самаго младенчешва его образованія. Если сіи посладнія, распро-справившіся въ сѣверныхъ спранахъ посред-спивомъ сѣанія и представляющія однообразныя обширныя поля, не составляютъ особенной кра-сошы въ природѣ, то напрошивъ того, жише-ли пропиковъ, селась, размножающъ, чрезъ раз-веденіе *пизанговыхъ* деревъ, расшенія самыя величешвенныя и красивыя.

Одному только *Новому Съшу* принадлежатъ *кактусы*. Они представляющъ по въ видѣ шаровъ, по въ видѣ соединенныхъ между собою колыцовъ, по поднимающъ вверхъ въ видѣ многостороннихъ столбиковъ, на-подобіе шу-бочекъ у органовъ. Они принадлежатъ къ шѣмъ расшеніямъ, кошорыя *Бернардинъ де Сентъ-Пьеръ* шакъ удачно назвалъ *растительными исто-точниками пустынь*. Въ безводныхъ равнинахъ

(*) *Адамова дерево* (*Musa paradisiaca*). Одного лис-на доспашочно для прикрышія нагошы всего шѣла. Такъ великъ и широкъ лисшъ!

Южной Америки живущими, поминья жаждою, ищущь *дынеобразнаго кактуса* (*), шаровиднаго расшенія, до половины сокрытаго въ песокъ, котораго внутренность, изобилующая сокомъ, ограждена большими колючками. Спволы кактусовъ, распущихъ сполбиками, вырастающь до 30 ф. вышины и, представляя видъ подсвѣчниковъ, походящъ по наружности на нѣкошорые Африканскіе *мологаи* (*Euphorbia*). Подъ шропиками расшенія имѣющь болѣе соковъ, зелень свѣжѣ, лисья больше и блестящѣ, нежели въ свверномъ климатѣ. Одинокихъ расшеній, во множествѣ находящихся въ одномъ мѣстѣ и дѣлающихъ споль однообразными Европейскія спраны, — почти нѣтъ подъ Экваторомъ. Тамъ деревья, вдвое выше нашихъ дубовъ, красуются цвѣтами, споль же великими и пышными, какъ наши липы. На шѣниспыхъ берегахъ Магдалены въ Южной Америкѣ произрастающь вьющійся *кирказонъ*, котораго цвѣты, имѣющіе въ окружности 4 фу-

(*) Сей *мело-кактусъ* имѣетъ 10 дюйм. въ діаметръ и болшею частію 14 споронъ. Тамъ лошади, поминья жаждою, протягивая шею противъ вѣтра, вбирающь воздухъ и чрезъ навѣваемую онымъ влажность, опыскиваютъ близость не вовсе изсякшаго болоша; но лошаки, болѣе прозорливые и лукавые, ищущь другимъ способомъ уполишь жажду: сбиваютъ передними ногами колючки кактуса и оспорожно прикасающь губами, пьющь изъ сего *живаго* испочника прохладительный сокъ, — но не всегда безъ опасности; ибо не рѣдко они бывающь уязвлены въ копыта иглами кактуса. *Прим. Перев.*

ша, Индійскіе мальчики надѣвають ихъ въ играхъ на голову. Въ Южно-Индійскомъ Архипелагѣ цвѣтши *раффлезіи* имѣють почти 3. ф. въ діаметръ и вѣсятъ 14. фунт.

Чрезвычайная высота, до которой поднимаются подъ поворотными кругами не только опидьальныя горы, но и цѣлыя страны, и холодъ — свѣдшвіе шаковой высоты, доставляютъ жищелю шропиковъ необычайное зрѣлище. Кроме пальмъ и бананниковъ, окружають его и расшенія, принадлежація, по видимому, однѣмъ сѣвернымъ странамъ. *Кипарисы, ели и дубы, барбарисы и ольхи*, (похожіе на наши), покрываютъ горныя долины Южной Мексики и Айдеескаго хребта подъ Экваторомъ. Такимъ образомъ природа въ жаркомъ поясѣ даровала челоуѣку, не покидая родины, видѣть всѣ формы расшениій земнаго шара, равно и сводъ небесный не скрываетъ (*) ошъ него ни одного свѣшмила, ошъ полюса до полюса свѣшяцагося *міра*!

Сего и многихъ другихъ естешвенныхъ предешей лишены жищели Сѣвера. Множештво созвздіій и расшениій и пришомъ изъ сихъ послѣднихъ, самыя красивыя (пальмы, бананики, древовидныя злаки и мелколишвенныя крылашныя *жишозы*) пребудушъ навсегда имъ неизвѣшны.

(*) Для Европы сокрыта навсегда великолѣпная часть южнаго неба, на которой блисшаютъ: *Центавръ, Корабль Аргосъ и Южный Крестъ*.

(**) Сіе чувствительное расшеніе при наступленіи ночи, до появленія ушра, свертываетъ свомъ лишпелю.

Больныя расшенія, заключенныя въ нашихъ *теплицахъ*, даюшъ только слабое изображеніе величія пропитическихъ прозябаемыхъ. Но въ замѣнь открышь намъ неизчерпаемой источникъ въ даръ слова, въ пламенной фантазіи Спихошворца и въ предспавишельномъ искусствѣ Живописца. Изъ него почерпаетъ воображеніе живые образы чужеземной природы. Въ холодномъ Сѣверѣ, въ безплодныхъ пусыняхъ, уединившійся чловѣкъ можешъ присвоишь себѣ по, что испытуешся въ отдаленныхъ краяхъ земли, — и такимъ образомъ можешъ создашь въ самомъ себѣ міръ, кошорый естъ швореніе собшвеннаго его духа, и кошорый, какъ и сей, свободенъ и безсмертенъ!

XI. Отомаки, питающіеся землею и камедью.

На берегахъ Куманы, Новой Барселонны и Каракасса, кошорые былам посвящаемы Францисканскими монахами Гвіаны на возвращиомъ пуши изъ Миссій, естъ повѣрье, что жишелн береговъ Оринока питаюшся землею. 6-го Іюня 1800 года, возвращаясь съ Рио-Негро, во время 36-дневнаго плаванія внизъ по Ориноку, провели мы одинъ день въ Миссіи, населенной Оптомаками, питаю-

Пропитное сему явленіе видимъ въ *нощелтмихъ*, *лапалмихъ* и друг., коихъ цѣшы закрышы днемъ, а откываюнся ночью: они въ царствѣ расшеній, какъ *бабочки*, *нетолъри* и друг. въ царствѣ живодныхъ, пославлены на *нощной страхъ* во время сна другихъ расшеній. *Прим. Порос.*

примися землею. Деревня называется Conception di Угуана и живописно расположена на граничной скаль. По моему измѣренію, она лежитъ подь $7^{\circ} 8' 3''$ ш. и $4^{\circ} 38' 38''$ запад. д. отъ Парижскаго меридіана. Земля, которую здѣлѣть Отомаки, есть жирная, мягкая, наслоящая горшечная глина, изжелта-сѣрая, нѣсколько окрашенная окисломъ желѣза. Они тщательнѣе ее ошлѣбляютъ и жгутъ въ собственно такъ называемыхъ меляхъ (*), при берегахъ Оринока и Мены. По вкусу ошлѣбляютъ одинъ родъ земли отъ другаго, ибо не всѣ роды глины одинаково для нихъ пригодны. Изъ сей-то земли нѣсятъ жарики величиною отъ 4 до 6 дюйм. въ поперечникъ и некутъ на слабомъ огнѣ, пока поверхность ихъ не покраснѣетъ. При употребленіи въ пищу, ошлѣбъ ихъ смачиваютъ. Сіи Индійцы по большой части составляютъ дикій народъ, чуждой воздѣлыванія растений. Между ошлѣбленными племенами береговъ Оринока, есть пословица для выраженія чего-либо ошлѣбительнаго: *«гадно, какъ глина Отомака.»* — Отомаки во время низкихъ водъ Оринока и Мены, занимаютъ рыбами и черепаками. Первыхъ

(*) Ибо *мелами* иногда называются горизонтальныя гряды, лежація въ степяхъ на пространствѣ двухъ сотъ квад. миль и примѣнно возвышающіяся надъ окрестностями. Сіиъ выраженіемъ *первобытность* какъ бы указуютъ на то состояніе земли, когда сіиъ возвышенія были мели, а сѣднемъ днѣ великаго средиземнаго моря. *Прим. Герес.*

бьютъ спрѣлами, лишь только покажутся онѣ на поверхности воды. — При сей охотѣ мы часто бывали удивлены большою ловкостію Индійцевъ. Съ періодическимъ прибываніемъ рѣкъ оканчивается эпа рыбная ловля; ибо тогда въ рѣкахъ, сдѣлавшихся глубокими, никакъ трудно ловить рыбу, какъ и въ глубокомъ Океанѣ. Въ семь промежутокъ времени, состоящемъ изъ 2-3 мѣсяцевъ, Опомаки вѣдаютъ въ большомъ количествѣ землю. Мы видѣли у нихъ въ хижинахъ большой запасъ глиняныхъ шариковъ, складенныхъ въ пирамидальныя кучи. Каждый Индѣецъ съѣдаетъ ежедневно ошъ $\frac{2}{4}$ до $\frac{6}{4}$ ф., какъ увѣряетъ насъ ученый монахъ Фрай Рамонъ Буено, Мадридскій уроженецъ, (жившій у нихъ 12 лѣтъ). По общеннымъ же словамъ ихъ, земля сія въ дождливую пору составляетъ главную пищу. Сверхъ того вѣдаютъ кое-гдѣ ящерицъ, (если случится добыть ихъ). Но до глины такіе охотники, что даже во время засухи, изобилуя рыбною пищею, ежедневно употребляютъ послѣ обѣда землю, вмѣсто лакомства. Цвѣтъ лица у нихъ темно-красный и черныя непріятныя, Ташарскія; собою пучны, но не полстобрюшны. Францисканскій монахъ, бывшій тамъ Миссіонеромъ, не замѣтилъ ни малѣйшей переменъ въ здоровьѣ Опомаковъ во все время, пока пишались они землею. Вещь просшая: Индѣцы вѣдаютъ въ большомъ количествѣ глину безъ вреда для здоровья. Землю сію почищаютъ за вышелеющую пищу, т. е. чрезъ употребленіе оной, чувствуютъ себя долго сытыми;—

это чувствено насыщенія приписываютъ глинѣ, а не другимъ пищамъ, довольно скуднымъ, кромѣ земли, кое-гдѣ добываемымъ. Если спрашиваютъ Ошомака: чѣмъ онъ питаеица зимою? (въ жаркомъ климатѣ Южной Америки зимою называется время дождей), онъ показываетъ въ хижинѣ на кучу земли. Но это не разрѣшаетъ слѣдующихъ вопросовъ: можетъ ли быть глина дѣйствительно пищательнымъ веществомъ? могутъ ли соединяться земли съ нашею природою? или служатъ балластомъ желудка? не разширяютъ ли спѣнокъ его и не уполяютъ ли чрезъ то голода? Всѣ сіи вопросы я оставляю безъ разрѣшенія (*). Удивительно, что монахъ Гумилла, въ иныхъ случаяхъ споль легковѣрный и не критическій, прямо опровергаетъ употребленіе такимъ образомъ земли. По мнѣнію его, глиняные шарики смѣшаны съ мукою, изъ манса, и крокодиловымъ жиромъ. Но Миссіонеръ Фрай Рамонъ-Буено и другъ нашъ, сопутникъ, бѣлецъ Фрай Жуанъ Гонзалецъ, котораго море поглотило при Африканскомъ берегу съ частію нашихъ собраній, увѣрили, что Ошомаки никогда не мѣшаютъ глины съ крокодиловымъ жиромъ. Въ Уруанѣ мы совершенно ничего не слышали о смѣшаніи съ мукою. Земля, привезенная нами и химически изслѣдованная Г. Вокелемомъ, есть глина чистая, безъ примѣси. Смѣшивая вещи мно-

(*) Сіи «физиологическіе вопросы подвергнулъ я новому изслѣдованію. Rel. hist. Ч. II стр. 608—620. Гумб-

земля, не хотѣлъ ли сказать Гумбольдт о хлѣбѣ, приготовляемомъ изъ длинныхъ спручковь, со-спавляющихъ шоруду жита (*). Плоды сіи обыкновенно зарывающъ въ землю, чтобы они скорѣе покраснѣли. Больше всего удивляетъ меня то, что яденіе въ сѣноль большою количествѣ земли не причиняетъ ни какой болѣзни Опомакамъ. Во всѣхъ историческихъ спранахъ люди обнаруживаютъ величайшую склонность, даже опвратительную жадность къ землѣ и приномъ не шакъ называемой алкалической (известни) для неутрализоваанія кислоты, но жирной, сильно пахучей глины. Вскорѣ послѣ дожда, необходимо бываетъ нужно загиранъ дѣшей, чтобы они, бѣгая на свободу, не вѣли земли. Въ деревнѣ Банко, на берегу Магдалены, Индійскія жены, занимаясь дѣланіемъ горшковъ, ходили, какъ я самъ съ удивленіемъ видѣлъ, во все продолженіе работы, съ большими кусками глины вору (*). Другія же Американскія племена, исключая Опомаковъ, дѣлаются большими, какъ скоро предаются необычайной жадности къ землѣ. Въ Миссисипи Санъ-Бержа видѣли мнѣ Индійскаго ребенка, — котораго, по словамъ его матери, ничего почши не вѣлъ, кромѣ земли; но ошъ сего ошъ сдѣлался кудъ, какъ скелетъ. — Ошъ чего шакъ рѣдко встрѣчаются въ умеренности и холодности камацахъ сія безвѣ-

(*) Тепличное расшеніе.

(**) Волки зимою вѣдѣтъ землю, особенно глину; вообще любопышше съ шочвѣстною изслѣдованіемъ почвы людей и животныхъ, шпцающіеся землѣю. Гумбольдт.

вещная дачность къ землѣ и почвѣ не существующая, развѣ, какъ у дѣшеи, беременныхъ желудицъ? Даже утвердительно сказано можно, что во всѣхъ странахъ жаркаго пояса замѣчено употребленіе въ пищу земли. Въ Гвинеѣ Негры ѣдятъ желтоватую землю, называемую ими: *кауакъ*; и будучи привезены невольниками въ Западную Индію, стараются такимъ же образомъ доешавать себя пищу, увѣряя при этомъ, что она въ Африканскомъ ихъ отечествѣ совершенно для нихъ безвредна. Но жюанку *кауакъ* Американскіе острова причисляютъ имъ болѣзнь, но оный и запрещенъ здѣсь, хотя въ 1751 году на Мартиникѣ знайо и продавали на рынкахъ землю (жирную, красную, желтоватую). Гвинеискіе Негры говорятъ, что въ ихъ отечествѣ ѣдятъ, по привычкѣ, нѣкотораго рода землю, причиняющую для вкуса и не причиняющую болѣзни. *Кауакъ* для нихъ, которые его употребляютъ, споль вкуса, что нѣтъ наказанія, могущаго воспрещить ѣсть землю. На островѣ Явъ, между Сушабал и Самаранга, Г. Ла Биллардиеръ (*) видѣлъ въ деревняхъ продажамя четверугольными

(*) Посѣщавшій дикіе и пустынные берега Новой Голландіи, — гдѣ расшенія, годныя для пищи человека, споль же рѣдки, сколь они обыкновенны въ Америкѣ; посему мѣста сіи мало обитаемы и шужемцы едва дѣлють начало образованности. Такъ полезныя расшенія имють значіе на размноженіе и счастье человеческого рода! *Прим. Перевод.*

лепешки. Туземцы называютъ ихъ *gamaallo*. По точномъ изслѣдованіи, нашелъ онъ, что сіи ядомыя или лепешки были изъ красной глины. Жители Новой Каледоніи, для утоленія голода, ѣдятъ куски, величиною съ кулакъ, жирнаго, удоборасшираемаго камня, содержащаго, по изслѣдованію Г. Вокеленя, довольно значительное количество иѣды. Въ Папаянѣ и во многихъ мѣстахъ въ Перу Индійцы покупаютъ на рынкѣ извешковую землю вмѣстѣ съ другими съспными припасами. Извешку сію, для употребленія въ пищу смѣшиваютъ съ кокка (лиственными Перувианскаго Еропроксилона, *Erothroxylon peruvianum*.) И такъ, употребленіе въ пищу земли, по видимому, предназначенное ошъ природы жителямъ скуднаго Сѣвера, находимъ во всемъ жаркомъ поясъ между лѣнивыми племенами, населяющими роскошнѣйшую часть Сѣва.

XII. О хребтахъ Внутренней Азіи.

Большая группа горъ, или, какъ обыкновенно выражаютъ, возвышенная равнина Азіи, заключающая въ себѣ малую Бухарію, Туркестанъ, Зюнгарию, Тибетъ, Тангутъ и Монгольскія земли: Халхасъ и Олопень,— лежатъ между 30° и 50° ш. Несправедливо думаютъ, что сія часть Внутренней Азіи, которая по величинѣ, даже по виду, можетъ быть сравниваема съ Новою Голландією, представляетъ будно одну сплошную гору,— подобную горбу, возвышенности которой почвы изъ 100 ш. географич. квадрата.

миль, лежить будто постоянно отъ 7 до 9 тыс. фуш. выше поверхности моря, подобно возвышеннымъ равнинамъ Квишо или Мексики. Что во Внутренней Азии нѣтъ ни какой въ семь родъ возвышенной равнины, я уже упоминалъ о томъ въ *изысканіяхъ о хребтахъ Сѣверной Индіи*. Хотя обширныя полосы между Гималаею и Алтаемъ, если примемъ ихъ за возвышенныя равнины, а не за горныя хребты, превосходящія высокою равнину de los Pastos на хребтѣ Андесскихъ горъ; но Географія растений, великолѣнное хлопчатое дерево, винодѣліе къ С. отъ Цунг-Лингской и Коеп-Луяской цѣпей, напр. въ Халке, между 36° и 42 ш., и шепалта, для сего пошребная, доспашочно доказываютъ, что значительныя пониженія пересѣкаютъ сіи Азіатскія горныя швердыни. Недавно началъ распространяться свѣтъ на положеніе горныхъ хребтовъ чрезъ многошрудныя и основательныя разысканія Юлія Клапроша. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли на картахъ неосновательныя имена Мустага и Музарпа (собственно Муссуръ, ледная гора) горныя цѣпи представляющія въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ ихъ Кишайскіе, Манжурскіе и Монгольскіе писатели со свойственнымъ имъ пристрастіемъ къ Спашиспикъ и Географіи. Въ великой группѣ горъ Внутренней Азии, ондѣльныя цѣпи соединены между собою какъ бы перегородками: врезанные, почти прямоугольныя повороты, встрѣчаемые только въ западнѣйшей части нашихъ Европейскихъ Альпъ, весьма ча-

сты; впрочемъ сіи многочисленныя, развѣтлившія горы раздѣляются на чепыре главные хребта, которые могутъ быть представлены по направленіямъ ось В. къ З и ОНО къ WSW.

1.) *Гималайскій Хребетъ*, называемый къ З. Гиндухо, понижающійся къ Герашу и Шоразану и пономъ къ Ю. ось Каспійскаго моря о-пятъ возвышающійся въ Демавендъ (*) и къ Ад-царбиджану (**).

2.) *Дунг-Лингскій Хребетъ*, на многихъ картахъ Муспагъ (***) и Музаршъ (ш. 36), называемый къ В. Косиъ-Лунъ, къ С. ось Тибета (Тюбена) и Качи, къ Ю. ось Копана (Гоміана), озера Лопа и Турфана.

3.) *Хребетъ Небесныхъ горъ*, или Тяк-шанъ (ш. 43), между Турфаномъ, или внутреннею рѣчною системою степнаго озера Лопа и Зюлгарією, или степнымъ озеромъ Зайсанъ. Сей хребетъ (на картахъ Алакъ Музаршъ и Богдо) присоединяется къ С. В. къ Номхунскимъ и къ Ю. В. къ Тангушскимъ горамъ. Между обими выпяями (Номхунскими и Тангушскими горами) находится степный водоемъ Гамиль или Гаши. Къ сей цѣпи Небесныхъ горъ принадлежитъ трех-главая гора Богдо-оола, Священная гора, по которой Палласъ и всю цѣпь называлъ Богдо.

(*) Волканъ.

(**) Адербиджанъ.

(***) Муосагъ (таизъ, значаща слово, а тагъ гора). Китайцы называютъ сію гористую часть Средней Азии *Sine Schasi*, желая симъ выразить гору, покрытую снѣгомъ. *Врилл. Дорге.*

4) *Большой и Малый Алтайский Хребетъ* (ш. 47°—52°), соединяющійся съ Тангью и Небесными горами и къ В. исчезающій въ высокомъ хребтѣ Ми-щанъ (*), омывающемъ пущыню (Шамо, Гоби, не Коби) ошь водоема Амурь.

Копорой изъ сихъ хребтовъ выше, неизвѣстно; ибо даже на Гиммалайѣ (на части Имауса, котораго просираніе изучали Древніе) высочайшія вершины, можешъ бытъ, еще не измѣрены. Англійскіе путешественники, перенесенные на носилкахъ чрезъ Северную Индію въ Тибетъ, прибыли изъ Калкуты, гдѣ запаслись барометрами; но чрезъ нихъ мы ничего не узнали о высотѣ Тибетской горной равнины. Тамъ болѣе благодарны мы другимъ Англійскимъ путешественникамъ: Колебруку, Веббу, Гудзону, Гербершу, Жерару и Блаку за превосходныя пригомомерческія и барометрическія измѣренія, сдѣланныя ими въ послѣднее 20-лѣтіе. Никѣи маща ни мѣтлѣшаго сомнѣнія, что ошдѣльныя вершины Гиммалаи (**), превосходятъ Шимборассо по крайней мѣрѣ на 4 ш. Парижскихъ фузовъ.....

(*) Гардшанъ.

(**) На сей горѣ *стѣжная лѣка* начинается на высотѣ 17,000 ф., слѣд. еще выше, нежели на Шимборассо. Давалагери, высочайшая вершина Тунгалаи (въ Тибетѣ), нѣкель 24,821 ф. или 4,137 саж. Гълюсакъ поднимался на воздушномъ шарѣ до 3,500 саж. высоты, самой большой, до копорой только смѣртному достигашъ случалось; а Гумбольдтъ, съ двумя спутниками, Бонпланомъ и Монтюфаромъ, всходилъ

Тясины, идущія чрезъ Гиммалаю отъ Индоспана въ Кипшайскую Ташарию, или въ западную часть Тибета, имѣють отъ 2,400 до 2,700 ш. выс. Проходъ Асуя въ Андесской цѣпи между Квино (*) и Квенко близъ Ладера де Кадлукъ, какъ найдено мною, имѣеть 2428 ш. выс. Большая часть горной равнины Внутренней Азии лежала бы подъ вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ въ теченіе цѣлаго года, если бы предѣлъ вѣчнаго льда на Сѣверномъ склонѣ Гиммалаевъ не былъ бы удивительно возвышенъ (можетъ быть, до 2,500 тоазовъ надъ поверхностью моря) отъ силы лучистой теплоты и сильнаго солнечнаго жара, свойственнаго материковому климату, на высотѣ 2,334 тоазовъ находящейся пастбища и воздѣланныхъ поля, межъ тѣмъ какъ на южномъ склонѣ Гиммалаевъ снѣжный предѣлъ понижается до 1,900 тоазовъ. Безъ сего удивительнаго раздѣленія теплоты въ верхнихъ слояхъ воздуха, возвышенная равнина западнаго Тибета не была бы обитаема милліонами людей.

на Шимборассо до высоты 18,186 ф. или 3,000 саж. отъ долины, и отъ вершины находится еще въ 1,400 ф. *Анцызанскій дворъ* на горѣ Анцызанъ, есть самое высшее жилье на землѣ, ибо оно находится выше чешыракъ вершинъ, а поселница на Сеншъ-Годардѣ высшее жилье мѣсто въ Европѣ. *Прим. Перва.*

(*) Квино лежитъ выше вершины Везувія, а *Медико* немного ниже. *Прим. Перва.*

ХІІІ. О происхожденіи народонаселенія Америки.

Сравненіемъ Мексиканскаго и Тибетско-Японскаго календарей, восточныхъ пирамидъ и древнѣйшихъ мнѣ о чепырехъ вѣкахъ, или опустошеніи міра (до распроспраненія человѣческаго рода послѣ великаго пошопы), я спарался доказать въ моемъ сочиненіи о *Памятникахъ первобытныхъ обитателей Америки*, что народы Новаго Свѣща за долго до прибытія Испанцевъ, имѣли ипорговля сношенія съ Восточною Азією. Древнее сношеніе между Западною Америкою и Восточною Азією я принимаю за досповѣрное; но по какиѣмъ дорогамъ и съ какиѣмъ Азіяцскимъ народомъ оно сущесшвовало, — нельзя еще мнѣ опредѣлить. Не многоаго числа людей изъ образованной касты жрецовъ могло бытъ доспашочно къ произведенію великихъ перемѣнъ въ Западной Америкѣ. Баснословныя преданія о Кышайской экспедиціи въ Новый Свѣщъ опносятся къ мореплаванію въ Фузанъ, или Японію. Но Японцы и Тянь-Пи, занесенные изъ Кореи, бурю, могли приспашъ къ Американскому берегу. Бонценъ и другіе искащели приключеній переплыли Восточное Кышайское море для опысканія лекарсшва, копорое дѣлало бы людей безсмертными. Такиѣмъ образомъ за 209 лѣтъ до Р. Х. во время Тянь-хи-Гуангъ-Тзю послыано было войско въ Японію, соспоявшее изъ 300 молодыхъ людей обоаго пола. Въмѣсто шого, чтобы возвращишья

въ Китай, они поселились на острове. Не было ли подобной экспедиціи на Лисьи острова, Алашку, или въ Новую Калифорнію? Поскольку морскіе берега имѣютъ направленіе отъ NW къ SO, то удаленіе въ такую страну, гдѣ развитіе климата подъ 45° широты пріятнѣе и благоприспособленнѣе, кажется весьма естественнымъ (*). Посему должно положить, что первая высадка на берегъ случилась въ необычномъ климатѣ подъ 32° и 55°, и просвѣщеніе шло быстрыми шагами, какъ и общее движеніе народовъ къ Ю. На берегахъ Сѣверной Дориды (именуемой Кви-вира и Сибора) въ началѣ 16 столѣтія пытались найти остатки корабля изъ Китая, т. е. изъ Японіи и Китая.

До сихъ поръ мы знаемъ немногіе Американскіе языки, такъ что, при великой ихъ многосложности, не могли имѣть надежды къ открытію нѣкогда нарѣчія, которое съ извѣстными измѣненіемъ было бы выговариваемо на берегахъ Амазоны и во Внутренней Азіи. Это было бы одно изъ блестящихъ открытій, какого могли бы ожидать въ Исторіи рода человѣческаго!!!

(*) Замѣчательно, что именно въ это время, когда Азия около 1600 г., вышедъ изъ неизвѣстной страны *Атланъ*, появились въ Анахвакѣ и поселились на берегахъ *Гиссы*, впадающей въ Калифорнскій заливъ, послѣдовало великое переселеніе народовъ въ Сѣверной Азіи.

XIV. О повсеместномъ разлитіи жизни.

Когда человекъ съ чувствомъ любопытства изслѣдываетъ природу, или въ воображеніи измѣряетъ обширныя пространства, населенныя органическими тварями; то между множествомъ впечатлѣній, въ немъ тогда возбуждающихся, ни одно столь глубоко и сильно на него не дѣйствуетъ, какъ то, которое производить повсемѣстно разлитая жизнь. Повсюду, даже у Ледовитого полюса, воздухъ обогащается пріемъ пищи и жужжаніемъ насекомыхъ. Не одни только нижніе слои атмосферы, наполненные густыми испареніями, но и верхніе чистые-вѣтрные, дышатъ жизнью. Ибо восходя на хребты Перуанскихъ Кордильеръ, или съ южной стороны отъ Женевского озера на вершину Мон-Блана (*), открывали еще и въ сихъ пустыняхъ живодныхъ. На Шимборасѣ, почти вдвое выше Эпины, видны мы бабочекъ и другихъ крылатыхъ насекомыхъ. Хотя они, какъ сырники, опившимися теченіями воздуха занесены были на эти высоты, куда безпокойное любопытство заводитъ человека, но существованіе ихъ тамъ

(*). При обзорѣ Мон-Блана, кромѣ вершины его, замѣчательны мѣста: куполъ Гуше; шпигцы: Біона-Сей, Гуше, Пландъ, Блетьеръ, Шармо и Южный шпигецъ; ледники: Грязскій, Таконейскій и Боссонскій; также Гранъ-Муле, проходъ Воза, Флежерскій Крестъ и наконецъ прелестная долина Шамуни. *Прим. Перв.*

доказываетъ, что царство живопишыхъ, болѣе приспособленное къ перенесенію воздушныхъ перемѣнъ, простирается гораздо далѣе предѣловъ царства растений. Кондоръ—великанъ изъ коршуновъ, часто носился надъ нами выше Тенерифской остроконечной сопки, вознесенной надъ Пиренеями, покрытыми снѣгами, выше всѣхъ вершинъ Андескаго хребта: хищность и преслѣдованіе мягкошерстныхъ викуннъ, блуждающихъ стадами, подобно дикимъ козамъ, по оснѣженнымъ правянистымъ равнинамъ, привлекающъ мощнаго пернатого въ сіи области.

Если уже простой глазъ показываетъ всю атмосферу оживленною, то большее чудо открываетъ глазъ вооруженный. Кружочки, цвѣточники и множество микроскопическихъ шарей поднимаются вѣтромъ изъ пересохшихъ болотъ. Недвижимыя и какъ бы мертвыя, носящія оны въ воздухъ, пока съ росой не падушъ на пышательную почву, пока не развернешся оболочка, заключающая прозрачное и кружащееся излѣло, и не сообщится (по видимому, посредствомъ жизненнаго вещества, содержащагося во всякой водѣ) органамъ новой раздражительности.

Вмѣстѣ съ развернувшимися шарями, атмосфера носитъ въ себѣ и безчисленные зародыши будущихъ образованій: яички насѣкомыхъ и съмена растений, способныя посредствомъ волосныхъ и пушистыхъ вѣнчиковъ къ совершенію продолжательныхъ осеннихъ путешествій. Даже

плодопворная пыль, при раздѣльныхъ полахъ (*) разсѣваемая мужскими цвѣтами, переносится въпрямь и крылатыми насекомыми чрезъ моря и земли къ уединеннымъ женскимъ. Вездѣ, куда ни проникнулъ бы взоръ Естествоиспытателя, распространена жизнь, или зародышъ жизни.

Но если и движущееся воздушное море, въ которое мы погружены и надъ поверхностію котораго не можемъ вознестись, служить необходимою лицею для многихъ органическихъ явлений, то нужна имъ сверхъ того еще грубѣйшая лища, представляемая только дномъ сего газообразнаго Океана. Сіе дно двойкаго рода: меньшую часть его составляетъ суша, непосредственно обтекаемая воздухомъ, а большую образуетъ вода, можетъ быть, за нѣсколько тысячъ лишь савшаяся чрезъ посредство электрическаго огня изъ газообразнаго вещества и нынѣ безпрестанно разлагаемая въ лабораторіи облаковъ, какъ и въ біючихъ сосудахъ животныхъ и растений.

Не рѣшено, гдѣ болѣе разлихо жизни: на поверхности ли земли, или въ бездонныхъ моряхъ. Въ послѣднихъ предсавляются спуденистыя морскія черви, но живые, но мертвые, какъ свѣтящіяся звѣзды. Фосфорическій свѣтъ ихъ блуждаетъ по зеленоватой поверхности неизмѣримаго Океана въ видѣ пламеннаго моря. Неиз-

(*) Т. е. когда мужскій и женскій полы, пычки и пестики находило не на одномъ деревѣ вмѣстѣ, какъ то обыкновенно бываетъ, но на разныхъ деревьяхъ, принадлежащихъ одному виду и роду. Прим. Перев.

гладко останешся во мнѣ впечатлѣніе, произведенное одною изъ пѣхъ шихихъ прощическихъ ночей Южнаго моря, когда величественное созвѣдіе Корабля и Занадный крестъ проливали изъ гусшой синевы неба крошкѣй планешный свѣтъ и въ то же время по пѣвающимся зыбамъ моря дельфиним пролагали блестящїе слѣды.

Но не одинъ Океанъ, даже и болонныя воды скрывающъ безчисленное множество черпей чудеснаго строенїа. Почти непримѣнныя для глазъ иккнды, шрходы и епада намдъ, раздѣляющїяся на вѣпвыи, подобно *Лемль*, въ пѣни конюрой они ищунтъ сокрышья. Окруженныя многоразличными смѣщенїями воздуха и незнакомыя со свѣщомъ, дышатъ: песирая Аскарїда въ кофѣ дождеваго червя, сребровидная Бевкофра во внушрешноснн прибрежнои наиды, и Шиноносъ въ широкїхъ ячеяхъ легкихъ прощическаго гремучаго змѣя. — Такимъ образомъ и самыя сокровенныя мѣсна въ живописныхъ престоломнн жизни!

и. *Нрм.*

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ВИЛЛАМЪ ПИТТЪ, ГРАФЪ ЧАТАМЪ.

(Продолженіе.)

Въ продолженіе нѣкотораго времени, дѣла шели съ такою легкостью и быстротою, какой не было еще съ конца царствованія Тудоровъ. Такъ во время собранія 1724 года, ни разу не было собираемо голосовъ. Бышь можно, что, слѣдуя направленію, принятому въ послѣдствіи Пеламомъ, допуская къ управленію всѣ возникающіе спашанны, всѣхъ умныхъ честолюбцевъ паршии Выговъ, давая по временамъ нѣснго какому нибудь Терію: сильному, но не признающему независимы къ Брауншвейгскому дожу, Вальполъ могъ бы усмотрѣть въ страшной борьбѣ, ознаменованной послѣдніе годы его управленія, и окончившейся его паденіемъ. — Оппозиція, низпровергшая его, была создана собсвенною его подлинкою и его ненасытною любовью къ владычеству.

При самомъ соснавленіи своего Минисперснва, онъ обратился въ непримиримаго врага одного изъ искуснѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ послѣдователей. Полнней, во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ полное право принадлежать къ новому управленію; онъ былъ чрезвычайно богатъ, имѣлъ благородный нравъ, былъ уже извѣстнымъ Орашоромъ, приучился къ дѣламъ, за-

нимая важную должность. Когда партія Вигговъ раздѣлилась, онъ бросилъ выгодное мѣсто, чтобы сѣдовать за Вальполемъ; но когда сей послѣдній опять принялъ бразды правленія, Полпней не призвали раздѣлишь съ нимъ власть. Жестокій споръ загорѣлся между двумя друзьями: Министръ предлагалъ, въ замѣнъ мѣста, званіе Пера; Полпней съ негодованіемъ отказался отъ этого. Нѣсколько времени онъ горько жаловался на несправедливостъ Вальполя, съ неперывнѣемъ ожидая минуты мщенія; наконецъ эта минута настала, и Полпней сдѣлался искуснѣйшимъ начальникомъ оппозиціи, какой когда либо бывалъ въ Парламентѣ.

Каршрѣ (Графъ Гренвилъ) былъ неоспоримо краснорѣчивѣйшій изъ всѣхъ членовъ Министертва. Никто не равнялся съ нимъ въ искусствѣ Парламентскихъ преній; для виѣшней полишки зналъ онъ лучше, чѣмъ кто либо изъ государственныхъ людей его времени; его преданностъ къ Протестантскому наслѣдству была всѣмъ извѣстна; но Кабинетъ не могъ вмѣщать въ себя въ одно время его и Вальполя. Онъ удалился и сдѣлался однимъ изъ самыхъ страшныхъ и неутомимыхъ враговъ прежняго своего товарища.

Если существовалъ человекъ, съ которымъ Вальполь долженствовалъ бы раздѣлять власть, то это былъ Лордъ Тоуншендъ. Они были дальніе родственники, близкіе свойственники, друзья съ дѣтства и товарищи по воспитанію въ Этонѣ;

припомъ и сосѣди по помѣщикамъ въ Норфолкѣ. Оба они въ правленіе Годольфина имѣли мѣста, попомъ оба принадлежали къ Оппозиціи, и оба, преслѣдуемые преже шюю же Нижнею Палатою, — послѣ царствованія Королевы Анны, были снова вмѣстѣ призваны къ двамъ; удаленные Зондерландомъ, они опять вошли въ Кабинетъ въ то время, когда вліяніе сего челоуѣка клонилось къ упадку. Мнѣнія ихъ о всѣхъ предметахъ постоянно были одинаковы; характеры равно открыты, великодушны, доброжелательны; отношенія между собою въ продолженіе многихъ лѣтъ искренни и дружественны.

Но узы родства, союза и дружбы, воспоминаніе взаимныхъ услугъ, общихъ несчастій, не могли умѣришь честолюбія, владычествовавшего надъ добродѣтелями и пороками Вальполя. Говоря его собственными словами, онъ хотѣлъ, чтобы фирма Кабинета была не Тоуншендъ и Вальполь, а Вальполь и Тоуншендъ. Вражда ихъ дошла до того, что поссорившись въ присутствіи свидѣтелей, они схватили одинъ другаго за ворощъ и обнажили шпаги. Женщины попадали въ обморокъ, мужчины бросились разнимать ихъ, и къ счастью дружеское посредничество предупредило дуэль между зяньями, двоюродными братьями, старыми друзьями и товарищами; но имъ не возможно уже было дѣйствовать по прежнему вмѣстѣ. Тоуншендъ вышелъ изъ Министерства и, руководимый рѣдкою умѣренностію и истиннымъ патріотизмомъ, онъ совер-

мешало удаваться ему дѣль. Онъ говорилъ, что не можешь вѣрнѣе себя своему гнѣву. Онъ боялся, чтобы воспоминаніе личныхъ обидъ не заставляло его дѣйствовать по прихвѣру Поппина, и возмущаванъ прошивъ мѣръ полезныхъ для Государства. Вышедъ въ отставку, онъ удалился изъ Лондона, и провелъ послѣдніе годы своей жизни, *in otio cum dignitate*, въ своемъ Рейгемѣ, посреди деревъ и превосходныхъ каршней своихъ.

За нѣмъ слѣдовалъ Честерфильдъ: онъ былъ также Вигъ и приверженецъ Прогрессивнаго наслѣдства. Остроумный и ученый, Оранюръ и придворный; онъ былъ образцемъ ещѣ неблей, въ такое время, когда онъ свѣтскаго человека пребовалось не одного того, чтобы онъ былъ сухъ и надушь.

Онъ, конечно, не охотно подвергался вліянію Вальполя. Онъ ропсалъ прошивъ билля объ акцизѣ, и братья его въ Нижней Палатѣ подали голоса прошивъ этого билля. Вальполь поспушилъ въ этомъ случаѣ съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ и швердостію, съ благоразуміемъ въ отношеніи къ общественымъ дѣламъ, съ швердостію въ томъ, что касалось до выгодъ его управленія; онъ взялъ билль свой назадъ и уволилъ шѣхъ изъ своихъ товарищей, которые не одобряли сей мѣры или по крайней мѣрѣ не усердно ее поддерживали; Честерфильда оспановили на парадномъ крыльцѣ Сентъ-Джемскаго дворца и пошребовали отъ него жезлъ, который несъ онъ

азъ качествъ Казначея Королевскаго Дома. Въ то же время опсипранены были и другіе важные сановники, въ числѣ которыхъ находились Герцоги Моншрозъ и Болигонъ, Лордъ Сперъ, Лордъ Клянтонъ и многіе другіе.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, Оппозиціонная партія усилилась присоединеніемъ къ ней Герцога Аржилскаго, чловѣка легкомысленнаго и щеславнаго, но краснорѣчиваго, отважнаго и любимаго народомъ. Ему обязана была болшею частію Англія усмиреніемъ восстанія Якобиновъ, послѣдовавшаго скорѣ послѣ смерти Королевы Анны. Его дарованія, знаменитое имя и сильное вліяніе, которымъ пользовался онъ на родинѣ, были чрезвычайно полезны для Оппозиціи.

Если взять каждый изъ этихъ случаевъ отдѣльно, то безъ сомнѣнія, искусный защитникъ Вальполя могъ бы найти средство оправдать его. Но видя, что въ продолженіе многихъ лѣтъ все принимало одинакое направленіе, знаменитѣйшіе государственныя люди, раздѣлявшіе прежде мнѣнія Вальполя, обиженные и разгнѣванные, онъ него опдалались; невольно спашешь искашь объясненія этого въ словахъ его сына, который говорилъ, что «Сирь Робертъ Вальполь шакъ любилъ власть, что не въ состояніи былъ дѣлиться ею съ другимъ!» Юмъ, по мнѣнію нашему, весьма хорошо изобразилъ въ крапкихъ словахъ этого знаменитаго Министра: «умѣренный въ могуществѣ, но несправедливый въ раздѣлѣ власти.» Онъ былъ чловѣкъ

характера открытаго и веселаго, но между тѣмъ никто, одаренный душою или умомъ необыкновеннымъ, не могъ съ нимъ работашь. Отъ этого самаго онъ долженъ былъ бороться съ Оппозиціонною партією, въ которой были все опличнѣйшіе люди того времени, не имѣя другихъ помощниковъ, кромѣ своего брата Горациа, Генриха Пелама, которъй не пугалъ его своею промышленною посредственностію, и нѣсколькихъ остроумныхъ промѣлцовъ, которые не смотря на свои дарованія, по своему положенію и характеру, не внушали ему ни какого страха. — Къ послѣднему разряду принадлежалъ Фоксъ, опецъ нашего знаменишаго современника, слишкомъ бѣдный, чшобъ жишь безъ мѣса, Сиръ Вилльямъ Юнгъ, о которомъ Вальполь говорилъ, чшо только такіа шаланшы могли поддерживать такой характеръ и только такой характеръ могъ унизишь подобныя дарованія; наконецъ Винигстонъ, запятнаный по дѣломъ или напрасно, самыми важными обвиненіями.

(До слѣдующей книжки.)

IV.

ПОЛІТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

30-го Августа послѣдовало торжественное открытіе памятника, воздвигнушаго Императору Александру Благословенному, на площади Зимнаго Дворца.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату 30-го Августа, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, изображено:

«Одно изъ живѣйшихъ желаній въ Бозѣ почивающаго любезнѣйшаго Брата Нашега, Императора Александра I-го, Намъ въ полной мѣрѣ раздѣляемое, было то, чтобы улучшить содержаніе, какъ штабъ и оберъ-офицеровъ Арміи, такъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ губерніяхъ служащихъ, для коихъ не издано еще новыхъ штатовъ; но исполненію сего препятствовали донныя разныя случаи и многія затруднительныя обстоятельства, Государство постигшія. Не теряя однако изъ виду столь важнаго и сердцу Нашему пріятнаго дѣла, наконецъ нашли Мы возможность начать приведеніе онаго въ дѣйствіе постепенно, и избравъ день открытія памятника Незабвенному Брату Нашему, назначили Мы на первый разъ опускать ежегодно, для улучшения губернскихъ штатовъ въдомства Министерствъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, наиболѣе въ помѣчь нужду имѣющихъ, два милліона пять сотъ тысячъ рублей въ годъ, начиная съ 1835 года, по равной изъ того части на каждое Министерство, съ усиленіемъ сей сум-

мы еще въ первомъ году, буде къ тому откроется малѣйшая возможность, и съ поспешнымъ умноженіемъ оной въ послѣдующіе годы, доколь содержаніе сихъ чиновниковъ не получитъ твердаго, по соразмѣрности, основанія. — Подобную же сумму назначили Мы по Военному сухопутному вѣдомству.

»Правительствующій Сенатъ не оставитъ обѣщаній сихъ суммъ дасть знать Министру Финансовъ, и поручитъ Министрамъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы вышеозначенная сумма была распределена для чиновниковъ тѣхъ мѣстъ, кои прошивъ другихъ имѣютъ большую надобность въ прибавкѣ, съ представленіемъ надлежащихъ расписаній на Наше утвержденіе.«

Высочайшимъ Приказомъ 30-го Августа произведены, за опліченіе по службѣ, въ Полковниковъ въ Генералъ-Маіоры: Командующій 1-ю бригадою 2-й Уланской дивизіи Чернявскій, съ утвержденіемъ въ сей должности; Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Бешковскій, съ назначеніемъ сослужить при Начальникѣ 2-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи; Флигель-Адьютантъ, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, Мушинъ-Пушкинъ 1-й, съ назначеніемъ сослужить въ Свѣтъ Его Императорскаго Величества; назначены: Начальникъ Шпаба Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, Свѣты Его Величества Генералъ-Маіоръ Веймаръ 1-й, Генералъ-Адьютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ при прежней должности; Оберъ-Кварширмейстеръ всей Пѣхоты Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, Полковникъ Веймаръ, Оберъ-Кварширмейстеромъ же въ Отдѣльный Гвардейскій Корпусъ; Флигель-Адьютантнами къ Его Императорскому Величеству: Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Ромширъ Панковъ; сослуживъ по Арміи Полковникъ Крушовъ; Коман-

дующій Лейбъ-Гвардіи 1-ю Аршиллерійскою бригадою, Полковникъ Спаховичъ, Командующій Лейбъ-Гвардіи Конною Аршиллерією, Полковникъ Ганичевъ, Исправляющій должность Начальника Штаба Опдѣльнаго Гренадерскаго Корнуса, Полковникъ Тучковъ; всѣ шрое съ оснавленіемъ при прежнихъ должностяхъ.

Высочайшій Указъ

Господину Министру Императорскаго Двора.

Совѣршившимся въ сей день торжественнымъ открытіемъ памятника въ Бозѣ почивающему любезнѣйшему Брату и Благодѣтелю моему Императору Александру I-му, исполненъ священный обѣтъ Моего сердца — обѣтъ всего опечеслва. Осцадешь вѣщавшій сей драгоцѣнный намъ, Русскимъ, памятникъ, учрежденіемъ особой при ономъ спражи. Въ семъ предположеніи нахожу приличнѣйшимъ ввѣришь охраненіе онаго заслуженнымъ воинамъ, составляющимъ роту Дворцовыхъ Гренадеръ — какъ участникамъ знаменитыхъ побѣдъ, прославившихъ Россійское оружіе въ царствованіе сего незабвеннаго Государя.

Въ слѣдствіе сего повелѣваю присоединить къ настоящему числу Дворцовыхъ Гренадеръ одного унцерь-офицера и двѣнадцать человекъ рядовыхъ, избранныхъ на основаніи правилъ формировація оной роты, и съ сего жъ числа начашь исполненіе возлагаемой на нихъ новой обязанности.

Вы не осцавилише учинили надлежащаго по сему распоряженію.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ

Въ С. Петербургѣ.
30-го Августа 1834.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

*на имя Г. Министра Императорскаго Двора,
Генералъ-Адъютанта Князя Волконскаго.*

Любезный Князь Пешръ Михайловичъ! Обѣтъ Моего сердца, обѣтъ всей Россіи, благополучно довершенъ: памятникъ незабвенному нашему Благодаренію, Императору Александру I-му, воздвигнутый, свидѣтельствуетъ попомству благодарность признательнаго опечеснва къ виновнику его величія.

Воспоминаніе сихъ славныхъ событій приводитъ Меня естественнo къ мысли, что вы, неразлучно находясь при Императорѣ Александрѣ въ походахъ 1813 и 1814 годовъ, Имъ избраны были для общенія мудрыхъ изреченій Его воли, копорoю все направлялось къ окончательному шоржеснву надъ провинниками. Желая почтнть еще разъ въ лицѣ вашемъ память сихъ славныхъ временъ, повелѣваемъ къ носнмому вами съ попомствомъ Княжескому достоинству, прибавнть пшпуть Свѣшлости.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою нависано:

НИКОЛАЙ.

Въ С. Пешбургѣ,
30-го Августа 1834.

Переводъ рескрипта Его Величества Короля Прусскаго, Генералъ-Фельдмаршалу Князю Варшавскому Графу Паскевичу-Эриванскому.

Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ!

Желая дать вамъ доказательство того особеннаго удовольствія, копорoе пребываніе ваше въ Кенннсбергѣ Мнѣ доставило, Я послѣшаю препроводнть къ вамъ при семъ алмазные знаки ордена Чернаго Орла. Да послужатъ они вамъ, Г. Фельдмаршалъ, новымъ свидѣтельствомъ ошличнаго Моего уваженія къ высо-

кимъ достоинствамъ вашимъ и заслугамъ, оказаннымъ вами въ общемъ дѣлѣ законныхъ Правительствъ. Съ особеннымъ уваженіемъ пребываю,

Господинъ Генералъ - Фельдмаршалъ, вамъ доброжелательный

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

Кенигсбергъ.

2-го Сентября (21 Августа). 1834.

— С. Петербургскимъ Вице-Губернаторомъ Всемилостивѣйше повелѣно бысть Члену Комиссіи докончанія Собора всѣхъ учебныхъ заведеній, 4-го класса Якубовскому.

— Судьею Пензенскаго Совѣстнаго Суда Всемилостивѣйше повелѣно бысть, изъ числа избранныхъ Дворянствомъ кандидатовъ, ошпавному Гвардіи Полковнику Ивану Чемесову.

— Секретарю 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, Надворному Совѣшнику Каневскому, Высочайше повелѣно бысть въ должности Оберъ-Секретаря 2-го Отдѣленія 6-го Департамента Сената.

Ф р а н ц і я.

Путешествіе Короля въ полуденныя провинціи отложено до будущаго года; но въ Сентябрѣ мѣсцѣ Король посѣтитъ замки Компьеньскій, Амбуазскій и Фоншенеблосскій.

Комиссія Суда Перовъ приказала освободить 62 человекъ, замѣшанныхъ въ Апрельскихъ происшествіяхъ. Только двадцать изъ нихъ взяты подъ стражу въ Парижъ; другіе сидѣли въ тюрьмѣ по случаю безпорядковъ, происходившихъ въ Лионѣ, Сеншъ-Эльениѣ и проч. Всего было взято подъ стражу около 1500 ч. но по опредѣленіямъ Комиссіи они уже, боль-

шею частію, освобождены, такъ что въ штыряхъ остается только 420 ч.

Въ 1833 году пожаловано не менѣе Кавалеровъ почешнаго Легіона какъ и въ прошлыхъ годахъ, именно 15 большими крестами, 45 командорскими и 398 офицерскими. Что касается до просшихъ Кавалеровъ, то ихъ чрезвычайно много.

Главный Штабъ состоитъ нынѣ изъ 28 Полковниковъ, 32 Подполковниковъ, 119 Эскадронныхъ командировъ, 298 Капитановъ и 67 Поручиковъ.

Не давно умерли: Перъ Франціи Графъ де Моншескіу и бывшіе Члены Конвента, Баронъ Ришаръ и Г. Аншельмъ Ферранъ.

Въ Байонну и въ пограничныя города непрерывно пріѣзжаютъ Карлискіе выходцы изъ Испаніи.

Болезнь Маршала Жерара усилилась; говорятъ что онъ получилъ опухавку и что Пресѣдателемъ совѣта наименованъ будетъ Герцогъ Декавъ.

А н г л и я.

На время отсутствія Лорда Дунканнона, отправившагося въ Ирландію, должность Спикеръ-Секретаря Внутреннихъ Дѣлъ будетъ исправлять Спикеръ-Секретарь Колоній, Г. Спринсъ-Райсъ.

Со всѣхъ сторонъ получаютъ благопріятныя извѣстія о жнивѣ минувшаго года, хотя она въ отношеніи къ количеству, и не равняется съ жнивой послѣднихъ годовъ; но хлѣбъ родился превосходнаго качества. Въ Великобританіи сухое лѣто почти всегда бываетъ благопріятно, сырыя года производятъ весьма дурное дѣйствіе.

Говорятъ, что, если не случится какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, то Парламентъ будетъ созванъ не прежде конца Января и важныя

нры, пригласенныя Министерствомъ, будутъ предложены ему по открытiи собранiя.

Въ Лондонѣ ожидаютъ Лорда Вильяма Бенджина, который идетъ въ Восточной Индiи для поправленiя въ Европѣ своего разсироченнаго здоровья.

Ръвъ, профессиональ Донъ Педро при открытiи Кортесовъ, не произвелъ въ Лондонѣ благоприятнаго впечатлѣнiя; но и въ Журналахъ судили о ней весьма сурово.

ИСПАНСКIЯ ДѢЛА.

Въ Парижѣ получены слѣдующiя извѣстiя изъ Испанiи. Донъ Карлосъ прибылъ 20 Августа въ Леорио въ Наваррѣ и на другой день отправился въ Эскарра; съ нимъ были четыре баталiона Гипускойцевъ и Бискайцевъ и двѣ роты Наваррскихъ колоковожашныхъ. 23-го, войска Родрига, раздѣленные на три колонны, вышли изъ Толосы для преслѣдованiя Дона Карлоса; Сумалакаретви находилса въ это время въ Наваррѣ и за нимъ наблюдали колонны Лоренса и Ораа.

Въ письмѣ изъ Бафонды отъ 26 Августа говорится слѣдующее: »Послѣ многихъ маршей и контрмаршей, Наваррскiе Карлисны прижаты къ нашей границѣ и окружены 10 или 12.000 войскъ Королевы; Карлисны, безъ сомнѣнiя, не могутъ сопротивляться оподъ значительной силѣ, но какъ, по мѣстному положенiю, они уже развѣ ушли отъ непрителея, но надобно сдѣлать результаты.

Прiзванiю изъ Сегуръ-Себастьяна разсказываютъ, что полковъ Ферреръ съехалъ въ Сегурѣ платѣ доховъ, принадлежавшихъ Гену Лардесабу, который со своимъ семействомъ живетъ теперь въ Байоннѣ; они сошли въ монастырь Францисканскiй монастырь Арисабу и епископа Марсала Вильямсина. Сала и Ишурра, со своей охотой, сошли въ монастырь въ Сегурѣ и Толосѣ.

Говорятъ, что человекъ 80 или 90 бѣжали изъ Мадридскаго гарнизона и присоединились къ Карли-спань.

Изъ Мадрида пишутъ, что Французскій Послан-никъ сдѣлалъ сильныя предензавленія противъ предво-женія Графа Торрено объ иносранныхъ долгахъ.

Въ Gazette de France говорятъ, что Карлист-ская Юнша объявила прокламаціей, что Донъ Карлосъ намѣренъ созвать Кортесовъ на основаніи старыхъ законовъ и произвеситъ всѣ преобразованія, могущія утвердить шронъ и народныя преимущества.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Бригъ *Royaliste*, пришедшій въ Фальмушъ изъ О-порто, привезъ извѣстіе, что Португальскіе Кор-тесы единогласно избрали Дона Педро въ Регенты. Епископъ Калабрскій Фр. де Санъ-Луи избранъ въ Президентны Палаты Депутатовъ.

Донъ Мигуель прибылъ 21 Августа въ Миланъ.

По письмамъ изъ Александрии, дѣла Мегмеша Али въ Сиріи поправляются; но Ибрагимъ-Паша настоя-тельно требуетъ подкрѣпленій.

6-го Августа.

ИЗВѢСТІЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

Въ Англійскихъ журналахъ напечатано письмо, подписанное множествомъ Членовъ обоихъ Палатъ Парламента и ошданное Герцогами Суссекскимъ и Норъольскимъ Графу Грейу, накануне отъѣзда его изъ Лондона. Оно написано въ самыхъ лестныхъ выраже-ніяхъ и содержитъ въ себѣ изчисленіе всѣхъ важ-ныхъ мѣръ, принятыхъ въ его управленіе. Въ Един-бургѣ намѣреваются дать Графу великолѣпный обѣдъ, на которомъ Депутатимъ разныхъ Обществъ поднесутъ ему адреса. — Г. О'Коннель издалъ прокламацію.

въ своихъ избирателяхъ, въ которой онъ совѣтуемъ имъ сосланивъ либеральныя клубы и говоримъ что онъ имѣе приходить къ Министерской партіи. Полному что выгоды Ирландіи тѣсно соединены съ выгодами нынѣшняго Министерства.

Въ письмѣ изъ Мадрида, напечатанномъ во Французскомъ журналѣ *le Temps*, говорится слѣдующее: «Донъ Карлосъ набрелъ, какъ кажется, иппи на Бургосъ, гдѣ у него много приверженцевъ; Спирая Касинилія всегда была привержена къ Королю; въ царствованіе Фердинанда одна эта провинція выставила 49 тысячъ вооруженныхъ волонтеровъ.»

7-го Сентября.

V.

М О Д Ы.

On adopte beaucoup les formes des corsages de redingote, même aux robes habillées. Alors le jupon vient s'ouvrir sur le côté, et est richement garni.

— Des redingotes en mousseline de couleur, entourées d'une dentelle posée à *plat* ou *froncée*, laissent apercevoir un jupon brodé ou garni de volans ou d'une dentelle placée au-dessus de l'ourlet.

— Beaucoup de bonnets négligés ont, au-dessus du fond, un peut sur le côté, un noeud en mousseline garni de dentelle.

— On porte des souliers en toile écrue, lacés sur le devant avec des rubans verts ou rose qui forment la rosette.

— Les gants les plus recherchés ont au lieu de bou-

тот, два рубана de la même nuance que les gants et qui viennent se poser au-dessus du poignet.

— Les plus nouveaux modèles de chaînes d'or sont à petits carrés plats, retenus par des anneaux très-petits, ouvragés et ciselés.

— Pour négligé les hommes portent des cravates de gros de Naples noir, à carréaux rouges noirs ou verts.

Родительские корсажи делаются и из нарядных тканей, в таком случае юбка представляет собою и должна быть богато убрана.

— Ныче родятся изъ цыпной кисей, окруженными кружевомъ плоскимъ или собраннымъ, видятся юбка, вышитая или обшита воланами и кружевомъ, расположеннымъ повмше урле.

— Въ чепцахъ не нарядныхъ, дѣлается по выше дна, несколько на боку, бантъ изъ кисей, обшитый кружевомъ.

— Ныче носять башмаки изъ небеленаго полотна, зашнурованныя спереди лентами зелеными или розовыми, украшенными розетку.

— На лучшихъ перчаткахъ, вместо пуговицы, бываетъ лентя того же цыпа какъ перчатки и украшенными по выше юбки.

— Ныче выделаны цыпки союмъ изъ маленькихъ майонихъ квадратовъ, соединенныхъ очемъ маленькими колечками, выработанными и чомъ.

— Въ ныче выделаны юбки изъ чернаго гроденнаго съ кружевомъ, обшиты или украшены квадратами.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 51-го Августы)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 57.

I.

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЛУЧАЙ ИЗЪ ДАВНОПРОШЕДШЕЙ
ЖИЗНИ.

(Записки отставнаго Прапорщика.)

Если вы когда нибудь служили въ военной службѣ или хотя водились съ нашею братьею, военными, по, вѣроятно, внаше, по опыту или по наслышкѣ, что Польша есть земля, на которой съ большимъ успѣхомъ разводятся всеобщее произрашеніе, извѣстное у людей подъ именемъ любви. Въ самомъ дѣлѣ, спояшь съ полкомъ въ Польшѣ и не влюбиться въ какую нибудь ловкую паненку, воля ваша — почти не возможно; по крайней мѣрѣ такъ же трудно, какъ побывать въ Римѣ, и не купить за дорогую цѣну фальшивыхъ анпиковъ. За то взгляните на любого молоденькаго офицера, приговоряющагося спать на квартиры въ энопъ рай любви; раскаленное до красна разсказами шоварищей, воображеніе его пухнеть

какъ авросташъ; провертите дырочку и взгляните во внутренность этого воздушнаго шарамечпаній; вы, право, увидите въ немъ весьма любопытныя вещи; ибо не думайте, чтобы Прапорщичье воображеніе было вяло, шускло и безцвѣтно, чтобы оно сіяло не ярче одинокой звѣздочки, красующей его эполены, о нѣтъ! могу васъ увѣрить, оно неспро, ярко, разноцвѣтно, какъ Бухарскій халатъ, полученный въ Оренбургъ съ послѣднимъ караваномъ. — Любовь, первый и могущественнѣйшій нервъ его бытія, плаваешь въ верхнихъ слояхъ мечтательнаго авросташа; за нею слѣдуетъ распотка этой любви, заключающаяся въ крестьянахъ, мызахъ, лѣсахъ, озерахъ и проч.; — вслѣдъ за приданнымъ являюща семейственное счастье, садъ, прогулки, бесѣдка, дѣти, страхъ похожія на отца. Бредъ юной души, вспышки избытка жизни! куда дѣвались вы, зачѣмъ вопреки всѣмъ законамъ природы, не услаждаете вы и теперь скоротечныя часы 60-лѣтняго спарца! Но и то сказать, всему бываетъ своя пора и свое время; я знаю, вы съ неудовольствіемъ смотрите на мою сѣдину, этошь пашенъ прошедшей жизни; вы боитесь ко мнѣ подойти, потому что опашъ, злѣйшій врагъ вашъ, спорожилъ мое изголовье; и дѣльно: всѣ эти спутники моего недокончаннаго бытія вамъ не пара; было время и вы меня шѣшили какъ игрушки дѣтлыю, и вы же чуть-чуть не поставили меня подъ вѣнецъ съ одною паненкою, вершлявою

какъ самъ демонъ; къ счастью, я образумился во время, и добрый геній удержалъ руку, головую вписашъ мое имя въ огромную черную книгу несчастныхъ супруговъ. — Если вы не зѣваете уже опъ моего вслушанія, то имѣйте довольно терпѣнія выслушашъ до конца; если же, напроливъ, васъ клонитъ ко сну, то . . . извините, а я вамъ все таки доскажу мою исторію, пощому, что одно изъ драгоценнѣйшихъ правъ писателя, есть, безъ малѣйшаго соспраданія къ зѣвошъ слушателей, говорить о лицахъ, предметахъ и вещахъ, ни сколько ихъ не занимающихъ.

Мнѣ было 19 лѣтъ, когда я сдѣлался счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ, — я надѣлъ эполеты. — Знакомый со свѣтомъ не ближе какъ черезъ рошное окно, выходящее на улицу, я до тѣхъ поръ весьма мало заботился о томъ, что происходило за стѣнами корпуса; люди казались мнѣ изъ 3-го эшажа какими-то пигмеями, недостоинными моего вниманія; а что касается до женскаго пола, то я просто его боялся, ибо былъ въ совершенной увѣренности, что всѣ его предшавители похожи на худошавую супругу нашего Эконома, злую, сварливую шаруху, шипящую на всѣхъ, какъ проливное на очагъ масло. Опамвъ въ умѣ прекраснѣйшій полъ въ столь непрекрасную форму, я едва успѣлъ перешагнуть за двери корпуса, какъ потчасъ замѣнилъ свою грубую ошибку; но шумъ другая бѣда; съ радости, всякая женщина, хотя посредственнаго

ума и красотою, казалась на мои глаза какимъ-то чудомъ совершенства, оныя копорого я шерьля голову и сердце мое билось такъ сильно, какъ у больного, спраждающаго аневризмомъ. Опредѣлишь съ шочностію сколько оно бѣдненькое выдержало любовныхъ пароксизмовъ въ первое время моего прибытія въ полкъ, воля вана, весьма мудрено; все равно, что заставишь меня вычислить съ математическою вѣрностію, сколько Судья нашего уѣзда нахвательства на своемъ вѣку взлпнокъ. Сами посудите, возможное ли это дѣло? Полкъ, въ которомъ я служилъ, былъ расположенъ на границахъ Царства Польскаго, въ мѣстечкѣ С—хъ. — Едва успѣлъ я прибыть на мѣсто, меня назначили Полковнымъ Адъютантомъ; это назначеніе было для меня швмъ пріятнѣе, что въ мое распоряженіе поступали всѣ наши полковые архиспы, а потому я и могъ иногда ссужать ими ближайшихъ сосѣднихъ помѣщиковъ, когда молодежь собиралась пошанцовашь у одного изъ нихъ; хорошая музыка ешь не послѣднее украшеніе бала; маленькія панелки это чувствовали и изъявляли свою благодарностъ спрасшными, огненными взглядами, прорѣзывавшимися въ мое сердце съ *быстротою* кавалеріи, очищающей себя дорогу спасенія въ рядахъ непріятеля; — эти взоры сдѣлали изъ меня насмоящую выжгу. — Въ вшомъ вихрѣ живыхъ и увлекательныхъ вальсовъ, въ вшомъ безпрестанномъ головномъ круженіи, я чувствовалъ, что мало по малу шерьляю

своею волю, и что какъ шаръ, пущенный по оплогосши, долженъ наконецъ скатиться въ объятія какой нибудь паненки; повинуюсь, какъ Турокъ, непреложному закону фанализма, я полько и заболшася о томъ, чтобы мое паденіе было какъ можно удачнѣе. Очувшись, я увидѣлъ себя у ногъ панны Кучинской, спройной, миловидной Польки, въ которую я былъ влюбленъ, какъ вѣрно ни какой Прапорщикъ опъ роду не влюблялся.

Знаете ли, что значить быть влюбленнымъ? Это по состояніе, когда человекъ опдѣлился опъ земли, но недоспигнепъ еще неба; плавая въ розовой анмосферѣ любви и надежды, онъ ею пипаенся, какъ больной теплымъ весеннимъ воздухомъ, и съ неперпѣливымъ воспоргомъ взираетъ на расплзающійся надъ нимъ небесный сводъ, общающій ему сокровище блаженства. Все это вы могли знать лучше и прежде меня, я въ томъ увѣренъ, и вопъ почему, не дождавшись отвѣта, я поспѣшаю помѣспить мои психологическія разсужденія. Павну Кучинскую увидѣлъ я въ первый разъ въ Понедѣльникъ (дурной день, какъ я въ послѣдствіи замѣтилъ); во Вторникъ я уже былъ знакомъ въ домъ опца ея, любезничалъ съ дочкою и слушалъ дряблую болтовню старика; а чрезъ два дня почти переѣхалъ на его мызу, гдѣ имѣлъ свою опдѣльную комнашку, размѣривалъ узоры и поливалъ цвѣты панны; словомъ, я начиналъ не хуже любого героя романа. Объясняпъсь въ

любви я могъ ежеминутно и почти въ глазахъ родителей, пошому что панъ Кучинскій и его супруга были глухи. Настоящая находка для влюбленнаго волокишы. Однажды только панъ обернулся не во время: я въ это время стоялъ на козлахъ передъ его дочерью; ему сказали, что я искалъ иголку, которую паненка уронила — онъ повѣрилъ и просилъ меня впередъ не трудиться. Все шло какъ нельзя лучше, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось. Единственный человекъ, который иногда могъ быть помѣхою нашимъ спрашнымъ разговорамъ, былъ двоюродный братъ паненки, молодой, видный дѣщина. Впрочемъ, онъ, по непоспѣжимой для меня Польской учливости, никогда внезапно не входилъ въ комнашу, а если и являлся не во время, то спѣшилъ удалиться. Такая примѣрная услужливость показалась бы мнѣ по меньшей мѣрѣ странною во всякое другое время, но, къ несчастію, влюбленные Прапорщики ничего не примѣчаютъ.

Трудно и опасно мореходцу въ первый разъ плавать по неизвѣстному океану; черныя скалы, приподнимающія главы свои изъ-за горизонта, кажутся ему обшпованною землею, цѣлью его пушешествія, и горе несчастному, если, обмануемый призракомъ, онъ полешитъ къ нимъ на крыльяхъ надежды. Онъ погибнетъ; но надобно признаться, частію отъ своей вины. У мореходца есть компасъ, морскія карты, звѣзды на небѣ и полный курсъ Навигаціи въ шкапу, а

что еще лучше, на мозговой полкъ въ его голову. Но у влюбленнаго гдѣ шопъ компасъ, по которому онъ найдешь входъ въ гавань и первый броситъ якорь въ сердце своей возлюбленной? гдѣ ша карша, на кошорой означены водовороты спрасней и женскіе подводные камни? Мнѣ не случилось видѣть шакой каршы, и я увѣренъ, что даже въ Главномъ Штабѣ подобной не продаешся. — Панна Кучинская была приходящая кокешка и какъ я уже выше сказала, ловкая и вертлявая Полька; ей не шрудно было обманушь шакого новичка въ любви, какимъ я тогда былъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за шрудность провешши Прапорщика, кошорый вѣрилъ лунѣ и женскому пошояншву. — Чшобы пользоваться еще большею свободою, мы назначили наши свиданія въ бесѣдкѣ, находившейся въ концѣ сада. — Туда являлся я въ назначенный часъ, прочишавъ сперва нѣсколько главъ одного *томмаго* и *темнаго* романа, найденнаго мною за печкою и опъ кошораго, на сажень въ окружности, пахло пѣвсенью. Если бѣ какой кибудь любобышный вздумалъ спряшашься за акаціевыми кустами, прорывавшимися сквозь плешель въ самую бесѣдку и записывашъ мои спрасшныя объясненія, шо нѣшъ сомнѣнія, что подобныя записки могли бы бышь изданы подъ заглавіемъ: *Любовная галимаття или разсудокъ въ отпуску*. Послѣ перваго объясненія я немедленно хотѣлъ ишши къ родителемъ и просишь руки ихъ дочери, но панна Кучинская меня ос-

паналливала подь разными предлогами, и наконецъ хотѣла непременно, чшобъ я переждалъ ея имяннйъ, долженспвующихъ наступить черезъ три дня. Три дня — при вѣка для влюбленнаго, но изъ чего дѣлать, надобно было повиноваться. Отець собирався дашь балъ по этому случаю; приготовленія были сдѣланы, приглашенія розосланы, не доставало хорошей музыки, и панна убѣдительно просила меня избавишь ее отъ безалабернаго Жидовскаго оркестра и прислать свою полковую. — Я призадумался; на другой день имяннйя наненки, какъ на зло, былъ назначенъ смотръ нашему полку — балъ могъ долго заплануться въ ночь, и тогда музыканшы не поспѣли бы обратно къ 5 часамъ утира; — мыза же, гдѣ жила моя возлюбленная, была въ 25 верстахъ отъ полковой кварширы. — Чшо дѣлать? какъ быть? — Бала ошложншь нельзя было, пошому что, какъ я уже выше сказала, приглашенія были розосланы ко всѣмъ знакомымъ помѣщикамъ шого узда. Я думала, думала, и наконецъ обѣщала доставишь полковую музыку; радость яркими блесками опразилась въ глазахъ панни Кучинской. — Въ шу же ночь я возвращался въ полкъ.

На другой день, рано поушру, послала я за своимъ хозлиномъ, Жидомъ Йоселемъ. Цѣною поль-дюжины сшоловыхъ серебряныхъ ложекъ, перешедшихъ въ его коспавыя руки, Йосель обѣщався доставать нѣсколько лихихъ подводъ, кошорыя должны были перенести моихъ музыкан-

новъ прямо съ бала на холковой снопурь.— Та-
кимъ образомъ и служба не перяла, и я не ше-
рять во мнѣннѣ панны Кучинской, не опказав-
шись сдѣлать ей удобное; спрдавалъ одинъ мой,
и безъ того худощавый, кармакъ: опданныя мною
6 споловмхъ ложекъ были послѣднее мое заду-
шевное досполнѣе. Сдѣлавъ все нужныя распорж-
женія, ввечеру поскакалъ я на мызу Кучинскаго.
Дорога мнѣ показалаь необычайно длинною; мнѣ
хотѣлось поскорѣе прѣхать, шѣмъ болѣе, что
меня ожидали шолько къ завшрашнему унру.
Почши въ виду господскаго дома опшпрятлась
приспѣяная, надобно было опшановишься, и я, не
желая терять ни минуты, выскочилъ изъ шельжки
и пошелъ пѣшкомъ. Шагахъ въ двадцати начи-
нался садъ, опдѣленный опъ поля узкимъ ровомъ
и низкимъ заборчикомъ. Желая избрать крашчай-
шій пушь къ дому, я перескакнулъ черезъ ровъ,
перелазъ весьма легко черезъ низенькую ограду
и пустился по аллеямъ прямо къ дому. Уже бе-
сѣдка оппалась у меня по правой рукѣ, какъ
вдругъ мнѣ слышались въ ней голоса; я опш-
новился, прислушивался, и знакомый мнѣ голосъ
ясно выговорилъ мое имя.— Я подкрался къ бе-
сѣдкѣ и спряшался за кустами акацій. Въ ней
взадъ и впередъ расхаживалъ молодой мужчина
и съ жаромъ объяснялся съ панною Кучинскою.

»Какой ты чудакъ, Викшоръ, говорила она
какъ бы въ свою заццишу, ты ревнуешь, а самъ
не знаешь къ кому; неужели ты думаешь, что
я люблю вшого, чушь оперившагоса опшцерика?

Мнѣ показалось, что меня обкатали кошломъ горячей воды.

—»Любишь ли ты его или нѣтъ, не знаю, но по моему: ваши свиданья спановятся ужь слишкомъ длинными; пора бы кончить всю эту фарсу.

»Она и кончится не позже, какъ послѣ завтра. А у насъ все таки будетъ полковая музыка, на зло Трембинской и Зось. Я воображаю, какъ онѣ лопнутъ съ досады, когда узнаютъ, что проиграютъ пари.

—»Смошри, мой голубчикъ, чтобъ не тебѣ его проиграть; ты знаешь, полковой смсшръ.....

»Знаю, все знаю, но онѣ обѣщала и вѣрно сдержитъ свое слово.— Послѣ завтра балъ и полковая музыка, а тамъ я и раскланиваюсь моему Селадону.

А мнѣ пакъ позвольте сей часъ, подхватить я, входя въ бесѣдку и задыхаясь отъ бѣшенства. Вся внутренность моя свернулась, какъ сливки отъ грома. Панна, увидѣвъ меня, оглянулась, чтобъ не ушибиться, и упала въ обморокъ. Двоюродный брапецъ ея ошолбенѣлъ и какъ мраморная статуя неподвижно вперилъ въ меня свои взоры.

Я вышелъ. Голова моя горѣла какъ жаровня, наполненная горячими угольями. На дорогѣ я сбиль съ ногъ шарую ключницу и ошдавилъ хвостъ любимой кошкѣ хозяйки. Кое-какъ добѣжалъ я до деревни, гдѣ взялъ лошадей и поскакалъ обратно въ полкъ. — Дорогой мысли мои распушались; я спалъ понимая, что паненка кокешничала и обманывала меня для полковой музы-

ки. Любишь меня, для фагоша или волпорны.....
нѣшь, это ужасно! Не дай вамъ Богъ встрѣишь
никакую *гармоническую* любовь.

Прѣхавъ домой, я выкурилъ безъ отдыха
одиннадцать шрубокъ табаку. Мнѣ спало легче.....

В.

II.

СТАТИСТИКА.

ЗЕМЛЯ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ (*).

Положеніе и пространство.

Земля Донскихъ Казаковъ лежитъ въ полу-
денной сторонѣ Россійской Имперіи, между 55° и
63° восточной долготы, и 46° и 52° сѣверной ши-
роты. По настоящему раздѣленію Россіи, Дон-
ская земля граничитъ: съ Воронежскою, Сарашов-
скою, Астраханскою Губерніями, областію Кав-
казскою, Землею Войска Черноморскаго, частію
Азовскаго моря и Екашеринославскою Губернією.
Граничная черта, означающая нынѣ окружность
Донской Земли, Высочайше утверждена на картѣ
въ 1786 г.

Самое большое прозяженіе оной отъ Сѣве-
ро-Востока къ Юго-Западу, содержитъ въ себѣ

(* Изъ Исторіи Донскаго Войска, соч. В. Б. Бро-
ннскаго.

590 верстъ, а въ ширину отъ Сѣверо-Запада къ Юго-Востоку около 410 верстъ. Вся поверхность земли заключаетъ въ себѣ около 2850 квадратныхъ географическихъ миль; на каждую же геогр. милю приходится по 170 чел. жителей.

Раздѣленіе.

Вся Донская Земля въ 1802 году раздѣлена на семь уѣздовъ, названныхъ *Сыскными начальствами*. Въ Сыскныхъ начальствахъ соединена власть Уѣздныхъ и Земскихъ Судовъ. Большія села, называвшіяся прежде городками, называются теперь *Станицами*; а деревни безъ церквей *Хуторами*. — Сыскныя начальства имѣютъ слѣдующія названія.

1. ЧЕРКАСКОЕ СЫСКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

Въ немъ: городъ *Новочеркасскъ*; здѣсь находится главное Войсковое Правительствво и всѣ присутственныя мѣста и другія заведенія, въ губернскихъ городахъ находящіяся. Къ Черкасскому округу принадлежатъ Станицы:

	число жив. обоихъ пола.		число жив. обоихъ пола.
1 Старо-Черкасская, <i>прежде бывший главный городокъ</i>	5300.	7 Махинская	1326.
2 Аксайская	3247.	8 Ново-Кагальницк.	1079.
3 Срепинская	931.	9 Мечетинская	1110.
4 Александровская .	825.	10 Егорлыцкая	840.
5 Грушевская	1073.	11 Маныцкая	2025.
6 Кривлицкая	1514.	12 Ташарская	796.
		13 Гниловская	1927.
		14 Елизаветовская .	1964.

2. ПЕРВОЕ ДОНСКОЕ СЫСКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

	число жнщ. обоего пола.		число жнщ. обоего пола.
1 <i>Ведерниковская</i> ,		12 <i>Бесергемевская</i> . .	2721.
<i>от ней находит-</i>		13 <i>Богаевская</i>	1966.
<i>ся Сыскн. Началь.</i>	1796.	14 <i>Екатеринопольская</i> .	2048.
2 <i>Нижне-Михалевск.</i>	1664.	15 <i>Успь-Быстрияск.</i>	3414.
3 <i>Траиллинская</i> . . .	1555.	16 <i>Верхне - Кундрю-</i>	
4 <i>Кагальницкая</i> . . .	1640.	<i>чевская</i>	2270.
5 <i>Верхне - Михалев-</i>		17 <i>Нижне - Кондрю-</i>	
<i>ская</i>	2118.	<i>чевская</i>	4596.
6 <i>Семикаракорская.</i>	2193.	18 <i>Кумшапская</i> . . .	1892.
7 <i>Кочеповская</i> . . .	3901.	19 <i>Романовская</i> . . .	1734.
8 <i>Золотовская</i> . . .	1105.	20 <i>Верхне - Каргаль-</i>	
9 <i>Бабская</i>	1325.	<i>ская</i>	1542.
10 <i>Раздорская, пер-</i>		21 <i>Камышовская</i> . .	1202.
<i>вое из древних</i>		22 <i>Быстриянская</i> . .	1025.
<i>селеній на Дону.</i>	3773.	23 <i>Нижне - Каргаль-</i>	
11 <i>Мелеховская</i> . . .	2246.	<i>ская</i>	1119.

3. ВТОРОЕ ДОНСКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

1 <i>Верхне-Чирская</i> ,		11 <i>Кобылянская</i> . . .	4502.
<i>Сыскн. Нач.</i> . . .	7248.	12 <i>Есауловская</i> . . .	7469.
2 <i>Новогригорьевск.</i>	2539.	13 <i>Полемкинская</i> . .	3826.
3 <i>Старогригорьевс.</i>	3155.	14 <i>Верхне-Курмогр-</i>	
4 <i>Сирошницкая</i> . . .	2676.	<i>ская</i>	4070.
5 <i>Ильовинская</i> . . .	4051.	15 <i>Нагаевская</i>	2083.
6 <i>Качалинская</i> . . .	3267.	16 <i>Нижне - Курмогр-</i>	
7 <i>Трехъ - Островн-</i>		<i>ская</i>	2768.
<i>ская</i>	3548.	17 <i>Гушинская</i>	1743.
8 <i>Голубинская</i> . . .	882.	18 <i>Филиповская</i> . . .	897.
9 <i>Пяши-Избянская.</i>	4173.	19 <i>Терновская</i>	337.
10 <i>Нижне-Чирская.</i>	11368.	20 <i>Цымлянская</i> . . .	3574.

4. УСТЬ-МЕДВѢДИЦКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

ЧИСЛО ЖИВ. ОБОЕГО ПОЛА.		ЧИСЛО ЖИВ. ОБОЕГО ПОЛА.	
1	<i>Усть - Медведиц- кая, Сиск. Нач.</i> . . . 6364.	11	Осипровская . . . 4805.
2	Казанская 6796.	12	Глазуновская . . . 4805.
3	Мячулинская 9062.	13	Скураштинская . . . 3453.
4	Вьшинская 9460.	14	Кепинская 2159.
5	Еланская 4451.	15	Арчадинская 2978.
6	Усть-Хоперская . . . 5598.	16	Эшеревская 2267.
7	Распопинская 5464.	17	Раздорская 2601.
8	Клецкая 5359.	18	Орловская 1558.
9	Перекопская 2972.	19	Заполянская 1798.
10	Кременская 5178.	20	Малодельская 2665.
		21	Березовская 3731.

5. ХОПЕРСКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

1	<i>Алексеевская , Сиск. Нач.</i> 1960.	16	Лукьяновская 922.
2	Федосѣевская 3386.	17	Карловская 1787.
3	Булановская 2322.	18	Мартыновская 1660.
4	Слащовская 3560.	19	Михайловская 9397.
5	Остроуховская 1331.	20	Камовская 1793.
6	Кумылженская 4482.	21	Добринская 2099.
7	Лужовская 2099.	22	Урюпинская 2594.
8	Бурацкая 1400.	23	Левикинская 1209.
9	Тишанская 1825.	24	Безплемяновская . . 1052.
10	Акишевская 1580.	25	Терименская 2590.
11	Золошовская 4025.	26	Филоновская 6012.
12	Аршеневская 2043.	27	Березовская 1289.
13	Усть-Бузулуцкая . . 1728.	28	Чарновская 1749.
14	Правошоровская . . 1633.	29	Ярыженская 2522.
15	Яминская 1118.	30	Дурновская 1233.

6. ДОНЕЦКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

	число жит. обоюго пола.		число жит. обоюго пола.
1 Каменская, Сыск.		4 Гундоровская . . .	5570.
Нач.	6293.	5 Калишвенская . . .	5239.
2 Луганская	7179.	6 Успь-Бьлокалиш-	
3 Мшлякинская . . .	8249.	венская	4708.

7. МИУССКОЕ НАЧАЛЬСТВО.

Сыскное Начальство находится въ слободѣ *Голодаевкѣ*, принадлежащей Полковнику Марпынову. Въ Миускомъ Начальствѣ нѣтъ ни одной Казачьей станицы и оно все состоитъ изъ слободъ и поселковъ, въ коихъ живутъ крестьяне, принадлежащіе Донскимъ чиновникамъ. *Слободами* называющіяся сѣ селенія, кои имѣютъ церкви; подъ именемъ *поселковъ* разумѣются деревни безъ церквей, въ коихъ однако жъ болѣе 10 дворовъ; *хутора* же суть деревни, менѣе 10 дворовъ въ себѣ заключающія. Нынѣ въ Миускомъ начальствѣ крестьянскихъ жилищъ счисляется: слободъ 66, поселковъ и хуторовъ 512.

Въ каждой изъ вышепоименованныхъ станицъ находится церковь, въ нѣкоторыхъ же есть и по двѣ; церкви болѣею частію деревянные. Въ каждой также станицѣ находится домъ *Станичнаго Правленія*, гдѣ бывають общественныя сходки Казаковъ, для исполненія какихъ либо предписаній Войсковаго Начальства, для раздѣла лѣшомъ сѣнокосныхъ степей и проч. Здѣсь же, подобно какъ въ Россіи на мірскихъ сходкахъ, про-

изводятся расправа въ ссорахъ и другихъ мало-значительныхъ случаяхъ.

Нынѣ всѣ Казачьи жилища состоятъ: изъ одного города, 114 станицъ и 1753 хуторовъ. Кромѣ 12 станицъ, находящихся при малыхъ рѣчкахъ, всѣ прочія поселены по берегамъ большихъ рѣкъ, а именно: по Дону 53 станицы, по Донцу 9, по Медвѣдицѣ 11, по Хопру 20, и по Бузулуку 10. Въ Усть-Медвѣдицкомъ начальствѣ, при станицахъ Кременской и Усть-Медвѣдицкой, находятся монастыри, при первой, *Вознесенскій мужескій*, при второй *Преображенскій дѣвичій*.

Воды.

Азовское море есть главное въ сѣмъ краю водохранилище, небольшая часть коего находится во владѣнїи Войска Донскаго. Въ сїе море впадаютъ посредственно или непосредственно всѣ рѣки и рѣчки, протекающія въ Донской Землѣ.

Главная рѣка здѣсь Донъ, отъ которой и страна получила свое названіе. Рѣка сїя, въ древнія времена называлась *Танаисъ* или *Тана*, что на языкахъ Арабскомъ и отъ него происходящихъ означаетъ нарицательное имя всякой рѣки. Въ томъ же смыслѣ называли Донъ: Ташары *Тинъ*, Турки *Тень*, а Славяне, по сходству звуковъ называли его *Донъ*. Начиная отъ границъ Воронежской Губернїи до самаго впаденія въ Азовское море чешырьмя устьями, Донъ въ полную воду вездѣ судоходенъ; льдомъ же при низкой водѣ, по причинѣ многихъ мелей, грузы могутъ бытъ

они управляемы только на малых лодкахъ и судахъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, значительнѣе другихъ, съ правой стороны: *Сѣверный Донецъ*, или просто *Донецъ*, съ побочными рѣками *Калитвою* и *Быстрою*; а съ лѣвой *Хоперь*, *Медвѣдица*, *Иловля*, *Саль*, *Манькъ* и *Кагальникъ*. Хоперь и Медвѣдица, во время весеннихъ водъ, судоходны. *Миусъ* и *Кальмиусъ* изливаются прямо въ Азовское море. Изъ многихъ озеръ примѣчательны два соленыхъ: *Новое Соленое*, и *Старое Соленое*; оба лежатъ въ верхнихъ частяхъ Маньча, не имѣющаго почти печенія; лѣтомъ они мѣстами высыхаютъ, и только въ весеннее время наполняются водою изъ Дона. Кромѣ сего есть множество небольшихъ рѣкъ и озеръ, которыя въ обществѣ приносятъ жителямъ большую пользу. Многія мѣста и урочища, особенно въ окрестностяхъ Азова, и понынѣ сохранили Ташарскія названія. Темирникское озеро и Аксайская саванна, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, получили свое названіе отъ Темиръ-Аксака. *Сандбекъ*, *Чулукъ*, *Чалтырь*, *Каякъ*, *Салликъ*, *Коира*, суть прозвища также Ташарскія. *Кобяковка* произошла отъ Кобяка, и *Кизетеренка* получила свое имя отъ Кизишера.

Видъ и почва земли.

Видъ Донской Земли весьма разнообразенъ. Въ ней нѣтъ главныхъ горныхъ хребтовъ, а входятъ въ нее большею частію съ сѣверной стороны значительныя опрасли, простираю-

щіяся между большими рѣками, по направленію ихъ теченія. Таковыя супы: *a)* между Дономъ и Донцемъ; *b)* между Дономъ и Хопромъ; *c)* между Хопромъ и Бузулукомъ; *d)* между Бузулукомъ и Медвѣдицею, и *e)* по правой сторонѣ Дона. Прочія мѣста составляютъ почти совершенно ровную, сухую и безвѣсную степь, поверхность коей по большей части состоитъ изъ песчаной, частью соеной и мощей глины, а черноземъ полагается по низменнымъ мѣстамъ.

Впрочемъ качество почвы весьма разнообразно, и, въ цѣлой массѣ, можетъ быть раздѣлено на три полосы: *первая* заключается въ округѣ Хоперскомъ и частью въ Усть-Медвѣдицкомъ: она возвышеннѣе другихъ, не весьма изобильна водами, отъ чего и не столько плодородна, какъ другія; *вторая* полоса заключается въ себѣ весь правый берегъ Дона; здѣсь самыя лучшія и плодороднѣйшія земли находятся въ Округахъ: первомъ и второмъ Донскихъ, Черкасскомъ и Миусскомъ; и *третья* полоса заключается въ Задонскихъ степяхъ, простирающихся по лѣвой сторонѣ Дона. Сія часть самая безводная, и почва ея повсемѣстно содержитъ въ большомъ количествѣ растворенную соль, а потому менѣе первыхъ двухъ способна къ хлебопашеству.

Климатъ.

Климатъ здѣшній вообще умеренный. Зимы бываютъ легкія, непродолжительныя; морозъ въ

25° по Реом. починается явленіемъ рѣдкимъ; обыкновенная же снужа просшираешся отъ 5 до 10 градусовъ. Длиннѣ жары восходять отъ 3° до 30°, но за шо вечера бывають довольно приятные и прохладные. Иногда, но рѣдко, въ Мартѣ лежитъ еще снѣгъ. Апрель есть приятный мѣсяцъ; но самый жаркій, Іюль. — Въ Сентябрѣ и даже въ Октябрѣ бываешъ тепло; Декабръ и Январь настояще зимніе мѣсяцы. По временамъ года вѣтры дуоуть въ слѣдующемъ порядкѣ: зимою, н. с. въ Декабрѣ, Январѣ и Февралѣ, преимущественно восточные и юго-восточные; весною, п. с. въ Мартѣ, Апрельѣ и Майѣ, восточные и западные; лѣтомъ, въ Іюль, Іюль и Августѣ, западные; осенью, въ Сентябрѣ и Октябрѣ отъ начинающаго восточные; въ Ноябрь восточные и западные. Осеню же часто также дуоуть и сѣверные и сѣверо-восточные и сѣверо-западные вѣтры.

Произведенія.

Въ царствѣ ископаемыхъ достойны примѣчанія: каменный уголь, черный карандашъ, зашвердѣлый глинистый шиферъ или аспидъ, различныхъ видовъ известковый камень, кремнь, въ мѣкошорыхъ мѣстахъ свинцовыя и желѣзныя руды (*), поваренная и глауберова соль, и слюда.

(*) Въ книгѣ Генерала Луковкина недавно открыты желѣзныя и свинцовыя руды, изъ коихъ послѣдняя содержишь значительное количество серебра.

Горы или лучше значительныя возвышенности, идущія по направленію большихъ рѣкъ, состоятъ изъ мѣлу, мергеля и глины; но есть нѣсколько и первозданныхъ, въ коихъ недавно открытъ родъ мрамора, принимающаго полировку.

Въ царствѣ *прозябаемъ*: всякій хлѣбъ, ленъ, пенька; деревья лѣсныя: дубъ, шимъ, кленъ, ясень, липа, осокоръ и множество другихъ. Небольшія лѣсныя дачи, состоящія изъ мелкаго чернаго лѣса, находящагося только въ Мускомъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ Округахъ; недоспашокъ лѣса для поплава съ избыткомъ замѣняется камышемъ, *бурьяномъ* (*) и *кизякомъ*. Спроевой лѣсъ употребляется привозный. Деревья плодовые: яблони, груши, сливы, вишни, грецкій орѣхъ, каштанъ, шернь, пшуповыя, персиковыя и абрикосовыя деревья распусть на открытомъ воздухѣ. Виноградъ и нѣкоторыя нѣжныя плодовые деревья на зиму укрываются. Арбузы, дыни и различныя огородныя овощи распусть во множествѣ; есть также довольно мануфактурныхъ и медицинскихъ растений. Изъ дико-распущихъ болѣе примѣчательны: печерица, шампіоны, сморчки, ежевика, маковица или жидовская вишня, бузина, дягильникъ, хрѣнь, щавель и тому подобныя травы. Дикія яблоки и груши, шернь,

(*) Такъ называется сухая полспоспѣбелная трава, растущая на поляхъ необработанныхъ. Кизякъ есть высушенный шотландскій казъ.

хмѣль, кизиль, шиповникъ и барбарисъ распушь по лѣсамъ. Поля украшаются нюльпанами, макомъ, барскою спѣсью, піонами, рожани и другими цвѣтами въ великомъ множествѣ.

Въ царствѣ *животныхъ*: всякій домашній скотъ, а у Казмыковъ есть много и верблюдовъ; дикія лошади въ маломъ числѣ. Изъ звѣрей: волки, лисицы, зайцы, суслики и множество другихъ; изъ дикихъ птицъ есть во множествѣ гуси, ушки, бабы пшцы, колпицы, лебеди, аисты, бѣлая цапля, орлы, филины, совы, сычи, скопы, ястреба, жаворонки, скворцы, дрозды, щеглы, чижики, коноплянки, соловьи, малиновки, щуры, со-рокопуды, полевые пешушки и множество другихъ, какъ хищныхъ, такъ и пѣвчихъ птицъ. Земноводныхъ здѣсь весьма немного, и значнѣйшія изъ нихъ суть: круглая черепаха, жабы, лягушки, разныхъ видовъ ящерицы, ужь, сѣрая змѣя, и мѣдьяница.

Азовское море, какъ сажалка, наполнено рыбою, копорой великое множество входитъ ежегодно въ Донъ. Къ сожалѣнію, не смотря на многіе указы и поспановленія, рыба вылавливается въ гирлахъ и нижнихъ частяхъ рѣки, такъ, что вверхъ, особенно въ побочныя рѣки, доходить въ маломъ количествѣ. Рыбы здѣсь водятся различныхъ породъ: осетры, бѣлуги, севрюги, стерляди, шипы, шарань, лещи, судаки, рыбцы, сомы, чихонь, селява, сазаны, караси, лини, язи головли, щуки, пискари и множество другихъ. Рыбный промыслъ доставляетъ низовымъ жителямъ

значительный доходъ. Кроме домашняго продовольствія, рыба въ большомъ количествѣ развозится въ Малороссійскія и Польскія Губерніи и даже въ Кавказскую область до Пятигорска. Для ловли рыбы употребляются обыкновенные неводы, сѣти, сежи и вешера. Наибольшее количество рыбы ловится въ Черкасскомъ и Миусскомъ Округѣ; во всему же войску поймано (1852 г.) 1,073,935 пудовъ, изъ коихъ употреблено 446,512, вывезено 537,423 пуда.

Изъ насѣкомыхъ извѣснѣйшія суть: 1) жестко-крылыя, 2) полу-жестко-крылыя, 3) чешуе-крылыя, 4) сѣтчато-крылыя, 5) жилко-крылыя, 6) двукрылыя и 7) безкрылыя.

Число жителей и вѣра.

Послѣ паденія владычества Ташарь Волжскихъ, въ началѣ XVI столѣтія, въ опустѣвшей странѣ поселились Русскіе выходцы изъ свободныхъ тогда крестьянъ и разнаго званія людей. Нынешніе жители Донской земли, состоятъ изъ трехъ главныхъ племенъ: 1) изъ *Русскихъ*: Казаковъ, какъ коренныхъ жителей, и вновь переселенныхъ крестьянъ, принадлежащихъ Донскимъ чиновникамъ; 2) *Калмыковъ* и 3) *Татарь*; именно:

Казаковъ, обоего пола, 389,371.

Крестьянъ, — — — 153,766. Въ томъ числѣ 78,881 муж. п.

Калмыковъ, — — — 16,413.

Ташарь, — — — 803.

Итого, . . . 560,353 ч. (*).

(*) Въ Симанномъ числѣ не включены подданные изъ

Нынѣ Казаки раздѣляются на четыре разряда; 1) на *Малолѣтнихъ*, то есть шакихъ, которые не достигли 19-лѣтняго возраста; 2) на *Несовершеннолѣтнихъ*: въ сей разрядъ поступаютъ всѣ юности, кои въ совершеннѣе 19 лѣтъ, они присягаютъ на вѣрность службы, вносятся въ списки, и остаются два года въ домахъ, а послѣ сего срока всступаютъ въ разрядъ служилыхъ *Казаковъ*; 3) собственно на *Служилыхъ* *Казаковъ*; къ сему разряду принадлежатъ всѣ тѣ, кои отправляютъ дѣйствительную службу по очереди; наконецъ 4) на *Отставныхъ*, то есть, шакихъ, кои, за увѣчьемъ, или по болѣзнямъ, получили отставку. Первый и послѣдній разряды называются: *неслуживыми*; второй и третій разрядъ именуется: *служащими*. Въ царствованіе Императрицы *Екатерины II*, Казаки при объявленіи войны всступали въ походъ въ числѣ 25 тысячъ; но въ послѣдствіи число сіе измѣнялось по мѣрѣ нужды, такъ, что въ отечественную 1812 года войну, во всѣхъ арміяхъ *Казаковъ* состояло подъ оружіемъ до 60 тысячъ человекъ.

Калмыки (*) и *Татары* несутъ службу наравнѣ съ *Казаками*, входящѣ въ составъ *Войска*

мѣнепію, заимствованы изъ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, и принадлежатъ 1832 году, въ которомъ сочиненіе писано.

(*) О *Калмыкахъ*, приписанныхъ къ *Донскому Войску*, см. особую статью.

Донскаго и пользуюясь всіми преимуществами онаго. Ташары живутъ при городѣ Новочеркаскъ особою сланицею, *Татарскою* называемою, гн на рѣкѣ Манычѣ въ селеніи *Дарьевскѣ*. Ташары исповѣдуютъ Магометанскій законъ, имѣютъ свою мечеть и подвѣдомы Оренбургскому Мушшю. Съ точностію нельзя опредѣлить, когда Ташары поселились на Дону. Въ царствованіе Петра Великаго о нихъ упоминается, какъ о принадлежащихъ уже обществу Казаковъ. Сами же они полагаютъ свое пришествіе на Донъ, еще въ то время, когда между Раздорами и Азовомъ никакихъ жилищъ не было; но сему трудно повѣрить. Разность религіи и близость Азова, гдѣ подъ Турецкимъ владычествомъ могли они жить спокойно, послужили водворенію ихъ на Дону непреодолимую преграду.

Всѣ Казаки и крестьяне, какъ Русскіе, исповѣдуютъ Вѣру Грекороссійскую. Между Казаками есть много старообрядцевъ или раскольниковъ, слѣдующихъ сектъ: *Поповщина, Безпоповщина, Духоборцы и Скитники*. Самые мудрейшіе изъ старообрядцевъ суть не что иное, какъ люди, едва умѣющіе читать и превратно понимающіе лексмы и слова Священнаго Писанія. Пустые ихъ толки были бы совершенно безвредны для общества, если бы они, держась только оныхъ и старыхъ своихъ обычаевъ, не опчуждали себя отъ общества упорнымъ сопротивленіемъ всякому просвѣщенію и улучшеніямъ. Бывшіе между раскольниками вешхо-

завѣтной Еврейской ереси, шакъ называемые *Малаканы*, какъ болѣе соблазнительные, и шакими даже ошъ собратій своихъ признаваемые, въ 1830 году, въ числѣ 150 семействъ, переселены въ Карабахскую провинцію. Къ сожалѣнію, въ числѣ чиновниковъ ешъ еще и шеперь нѣсколько стариковъ, спрого держащихся спарыхъ обычаевъ, спарыхъ книгъ и любящихъ иконы Фряжскаго письма, то ешъ шакія, въ коихъ лики свящыхъ не имѣють подобія челоувческаго образа. Хошя сіи немногіе, внушренно не шерпяшъ иныхъ секшъ и Русскихъ иногда въ досадѣ называютъ *Москалями*, или вообще именують ихъ *Еллинами*, что по ихъ разумѣнію значишъ хуже, нежели бусурманы; и хошя, шакже какъ и протшые люди, они уклоняются ошъ просвѣщенія, якобы противнаго православію; однако же спараються не обнаруживать себя и прямо не хошятъ называться раскольниками. Спшдѣ сей уже означаешъ начало исправленія. На землѣ Донскаго Войска нынѣ числится 330 церквей, изъ коихъ 117 каменныхъ; всѣ хорошо содержашся, а нѣкоторыя богато украшены. Въ 1830 году здѣсь учреждена эпархія: эпархіяльный Епископъ именуешся *Черкасскимъ* и *Ставропольскимъ*.

(Окончаніе впереди.)

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

ВИЛИАМЪ ПИТТЪ, ГРАФЪ ЧАТАМЪ.

(Окончаніе.)

Виги составляли, можетъ быть, не главную часть Оппозиціи, но та же безспорно самую важную по дарованіямъ и знанію дѣла.—Торіи были большею частію дужіе охотники, разжирѣвшіе отъ Девонскаго и Спашесфордскаго пива, люди, лившіе за здоровье Короля *заморскаго* (Претендента), воображавшіе себя, что всѣ, имѣющіе государственныйя облигаціи, не что иное какъ Жиды, и изъ набожности ненавидѣвшіе диссидентство. Краснорѣчіе энихъ деревенскихъ патриотовъ, оспапковъ древняго и страшнаго Октябрскаго клуба, состояло большею частію въ рѣшипельныхъ да или *нѣтъ*. Немногіе изъ членовъ этой партіи играли роль въ Парламентѣ, или занимали важныя мѣста. Что жъ касается до тѣхъ, копорые, подобно Сиру Вилльяму Вендаму, прислушались къ ученію о терпимости и полишической свободѣ, посвящая новыя сромка союзниковъ, то ихъ можно счищать за Виговъ.

Къ оппозиціоннымъ Вигамъ, или патриотамъ, какъ ихъ тогда называли, приспавали опшличившіе изъ молодыхъ Англичанъ, вступающихъ тогда на полишическое поприще.

Эти неопытные политики полагали, что учение Торіевъ, и правила Вальполя были равно не согласны съ видами свѣдѣннаго Правительствѣ. Посему они толпились вокругъ знамени, поднявшаго Полнннеемъ; нападая на Министрство Выговъ, они въ то же время проповѣдывали чистѣйшія начала вигизма. По мнѣнію ихъ, Вальноль былъ ошеступникъ, а они сославаяли народъ избранный. Они были единственныя хранители православія Гампдена и Русселя; и посреди развращенности, поражаемой продолжительнымъ обладаніемъ властію, они одни сохраняли въ чистотѣ правила революціи. Замѣчательнѣйшіе изъ молодыхъ людей, приставшихъ къ этой часли Оппозиціи, были безъ сомнѣнія Дипльнонь и Вилльямъ Пилпшъ.

Когда сей послѣдній вступилъ въ Парламентъ, весь политическій міръ обратилъ вниманіе на событіе, которое должествовало придашь большой вѣсь Оппозиціи.

Принцъ Валлійскій съ каждымъ днемъ все больше и больше удалялся отъ Короля и его Министровъ, и прильпаялся къ патріотамъ.

Въ Англии, гдѣ существуетъ Конституціонная Оппозиція, Наслѣдникъ Престола весьма часпо ея предводительствуетъ. Къ этому побуждаютъ его обыкновенно честолюбіе и тщеславіе. Въ той партіи, къ которой онъ принадлежитъ по рожденію, можетъ онъ быть только вторымъ, а въ той, въ которую вступаетъ, необходимо дол-

женъ быть первымъ. Министерство можетъ ожидать отъ него только того, что при своемъ вступленіи, онъ не упразднитъ его; но если онъ присоединитъ къ прошивной партіи, то всѣ члены оной надѣются, что онъ ихъ возвыситъ. А чувствуя, питаемая людьми къ шѣмъ, отъ кого могутъ они ожидать большихъ выгодъ, безъ сомнѣнія, живѣе привязанности къ шѣмъ отъ кого можно надѣяться только утвержденія намѣстнахъ уже занимаемыхъ. Посему будущій наследникъ, желающій вполне наслаждаться пріятностію краснорѣчивыхъ ласкательствъ и безпредѣльнаго почтенія, всегда присоединитъ къ партіи, которая борется для достиженія власти. Этимъ можно объяснить то, что со вступленія Георга I на престолъ, было четыре Принца Валлійскихъ и всѣ четверо всегда принадлежали къ Оппозиціи.

Каковы бы ни были причины, побудившія Принца Фридриха присоединиться къ прошивникамъ Вальполя, только это соединеніе внушило многимъ членамъ этой партіи мужество и твердость, въ коихъ они имѣли большую нужду. Министерство могло утверждать, что Полпней и Карпте, присоединившись по видамъ мески и честолюбія къ Торіямъ, готовы были бы испровергнуть царствующій Домъ. Присоединеніе Принца Фридриха къ патріотамъ сдѣлало подобное обвиненіе невозможнымъ. Тогда начальники Оппозиціи могли хвастаться шѣмъ, что дѣйствія ихъ одобряются особою, для

которой сохраненіе новаго правленія столь же важно, какъ и для самого Короля.

Въ 1736 году Принцъ Фридрихъ женился на Принцессѣ Саксенъ-Готской.

Адресъ, поднесенный Королю Нижнею Палатою, по случаю этой женильбы, предложенъ былъ не Минисперспвомъ, а Польпнеемъ, предводителемъ Оппозиціи Витовъ. При этомъ случаѣ Пишпъ, еще непрерывавшій молчанія съ шѣхъ поръ, какъ засѣдалъ въ Палатѣ, говорилъ въ первый разъ. «Одинъ изъ современныхъ Историковъ, говоритъ Теккери, утверждаетъ, что эта рѣчь Пишпа превосходитъ всѣ древнія рѣчи; по мнѣнію Тиндаля, въ ней больше украшеній, чѣмъ въ рѣчахъ Демосеена, и менѣе многословія, чѣмъ у Цицерона.» Сколько согъ разъ повторилась эта бессмысленная фраза, а между тѣмъ ее можно было бы только приводить въ примѣръ бессмыслицы! Докпоръ Тиндаль, который придумалъ ее, и Г. Теккери, который ее повторяетъ, конечно, не рѣдко слышали рѣчи, достойныя той же похвалы. Мы не знаемъ ни одного изъ живущихъ нынѣ Орашоровъ, ошъ Брума до Гуиша, который бы ее не заслуживалъ.

Рѣчь Пишпа, помѣщенная въ *Gentelman's Magazine*, заслуживаетъ похвалу Тиндаля, но не спомнѣ другихъ похвалъ. Она пуста, какъ только можетъ быть пустою рѣчь новичка въ подобномъ случаѣ; но свободное произношеніе и прекрасная наружность молодого Орашора обра-

шли на него всеобщее вниманіе и съ самой первой рѣчи, его всегда слушали въ Палатѣ съ большимъ вниманіемъ; а навыкъ развилъ и укрѣпилъ его превосходныя дарованія.

Въ наше время слушатели Парламентскаго Члена — весь народъ. Трисуна или чотыреста человекъ, присутствующихъ при произнесеніи рѣчи, могутъ быть увлечены голосомъ или ораторскимъ движеніемъ говорящаго; но въ журнальныхъ отчетахъ о парламентскихъ засѣданіяхъ, читаемыхъ на другой день сопиями тысячъ людей, вся разность между лицомъ благороднымъ и самымъ пошлымъ, между голосомъ самымъ непріятнымъ и самымъ прекраснымъ, тѣлодвиженіями самыми пріятными и самыми неловкими, совершенно исчезаетъ. За сто лѣтъ предъ симъ, журналистамъ позволялось печатать только самые крашкіе отчеты о преніяхъ въ Нижней Палатѣ. Посему въ то время все зависѣло отъ впечатлѣнія, которое Ораторъ производилъ на своихъ слушателей, и слѣдственно въ тогдашнихъ Парламентахъ, какъ и въ древнихъ республикахъ, высшія качества; непосредственно усиливающія дѣйствіе рѣчи, были гораздо важнѣе, чѣмъ нынѣ. Пишущіе обладали этими качествами въ высшей степени. На сценѣ онъ былъ бы превосходнымъ Керіолоаномъ.

Люди, видѣвшіе его въ такое время, когда уже старость разрушила его здоровье, когда онъ былъ уже не въ многочисленномъ, бурномъ собраніи, которое онъ зналъ такъ хорошо и на

которое имѣлъ неограниченное вліяніе, а въ другомъ собраніи, меньшемъ, шрудно воспламеняемомъ и нерасположенномъ къ нему, утверждающъ, что онъ говорилъ однообразно, невнятно, такъ что и находясь близко къ нему, шрудно было разслушать слова его; что онъ иногда возвышалъ голосъ, когда бывалъ сильно шронуть, но потомъ опять впадалъ въ свое моношное произношеніе. Таковъ былъ Лордъ Чапманъ, но не Вилльямъ Пиншъ. Въ то время, какъ онъ всступилъ въ Парламентъ, лице его было прекрасно, черны благородны и взоръ исполненъ пламени. Голосъ его, даже и иногда когда онъ говорилъ тихо, — можно было разслушать на ошдаленнѣйшихъ скамьяхъ; но когда онъ придавалъ ему всю полношу его, иногда голосъ его раздавался подобно органу большого Собора, попрысалъ Палату и схода по лѣстницамъ, раздавался на дворѣ Вестминстера. Пиншъ съ большимъ стараніемъ обрабатывалъ всѣ свои способности. По рассказамъ одного современнаго наблюдателя, всѣ движенія его были шнодь же прекрасны, какъ жесты Гаррика. Игра его физиономіи была удивительна; часто онъ однимъ гнѣвнымъ или презрительнымъ взглядомъ смущалъ противнаго Орашора. Всѣ перемѣны голоса, начиная отъ спрашнаго крика до тихаго выраженія какой нибудь мысли, сказанной будно *со стороны*, у него были расшпань. Весьма вѣрошнно, что безирерывныя старанія объ усовершенствованіи своихъ и безъ того ве-

ликихъ качествъ, пишали въ немъ страсть къ драматическимъ эффектамъ, которая была, какъ мы уже говорили, всегдашнюю его слабостію.

Но не однимъ только внѣшнимъ качествамъ обязанъ былъ Писпль пѣмъ могущесствомъ, съ которымъ въ продолженіе тридцати лѣтъ управлялъ онъ Нижнею Палатою. Онъ былъ, безспорно, Орапоръ превосходный и судя по разсказамъ его современниковъ и дошедшимъ до насъ опривкамъ рѣчей его, не мудрено составить себѣ понятіе объ обширности и свойствѣ его орапорскихъ дарованій.

Писпль не блисталъ въ рѣчахъ приговоренныхъ; немногочисленные его рѣчи этого рода не имѣли ни какого успѣха. Его Похвальное Слово Генералу Вольфу почитается однимъ изъ слабѣйшихъ его произведеній. «Ни кто, даже и слышавшій его весьма часто, говоритъ одинъ современный наблюдатель, не могъ угадать напередъ, что будетъ говорить Писпль.» Онъ говорилъ такъ свободно, что это дѣлалось въ немъ даже недоспакомъ. Онъ былъ не власпелинъ, но рабъ своей рѣчи. Онъ такъ мало умѣлъ управлять внутренними своими движеніями, что неохотно принималъ участіе въ преніяхъ, когда ему нужно было скрывать какую нибудь государственную тайну. «Я буду сидѣть, сказалъ онъ однажды въ подобномъ случаѣ Лорду Шенбурну, потому что какъ скоро я встаю, все, что у меня есть въ головѣ, изъ нея вырывается.»

Но превосходство его являлось не въ прені-

яхъ. Въ этомъ отношеніи онъ, при вступленіи своемъ въ Парламентъ, было не выше посредственности; впрочемъ это и не удивительно. Искусство преній приобрьшается долговременнымъ опытомъ и продолжительными, часто бесполезными усиліями. По рассказамъ Борка, Фоксъ уже въ позднее время своей политической жизни приобрьлъ это искусство, въ которомъ никшо изъ Членовъ Нижней Палаты съ нимъ не равнялся. Самъ Фоксъ приписываетъ успѣхи свои въ этомъ родѣ тому, что при самомъ вступленіи своемъ въ Парламентъ онъ рѣшился говорить, хорошо-ли дурно-ли, но непременно говорить хоть одинъ разъ въ каждомъ засѣданіи. И онъ наблюдалъ это исправно въ продолженіе пяти собраній Парламента. Впрочемъ за исключеніемъ Г. Спанлея, котораго искусство въ Парламентскихъ преніяхъ походитъ на испинкш или на вдохновеніе, трудно найши Орапора, котораго бы превосходство въ этомъ родѣ не было приобрьтено на счетъ слушателей.

Но если рѣдко, чтобы люди, даже съ необыкновенными дарованіями, приобрьтали это искусство безъ долгаго упражненія, то за то люди съ дарованіями, и старающіеся ихъ обрабошашь, всегда его приобрьшаютъ. Посему весьма удивительно, что Пишпъ, имѣвшій столько смѣлости, одаренный такими способностями, проведеній всю жизнь въ Парламентскихъ преніяхъ, бывшій столько лѣтъ Министромъ, управлявшимъ Нижнею Палатою, не достигъ превосходеніи

ва въ вшомъ опношеніи. Онъ говорилъ безъ при-
гоповленія; но рѣчь его слѣдовала за печеніемъ его
мыслей, а не за ходомъ преній; онъ могъ удержалъ
въ памяти какое нибудь отдѣльное выраженіе
прошивнаго Орашора, и сдѣлалъ его предметомъ
язвительнаго сарказма; случай къ самымъ блестя-
щимъ порывамъ его краснорѣчія всегда подавали
какое нибудь нечаянное слово, смѣхъ, восклица-
ніе; но только такимъ образомъ и умѣлъ онъ
опшвѣчашъ. Его изложенія и опроверженія никогда
не производили большаго эффекта. Но рѣчи его
изобиловали апоетгмами, разительными примѣра-
ми, прекрасно разсказанными анекдотами, счаст-
ливыми намѣками, пламенными воззваніями.

Рѣчи его производили наиболѣе впечатлѣнія
тѣмъ, что въ нихъ видна была искренность, глу-
бокое, непреодолимое убѣжденіе, составлявшее
опличительный ихъ характеръ. Въ слогъ его
иногда не доспавало вкуса; многіе изъ современ-
никовъ находили его слишкомъ цвѣтиспымъ.
Гораций Вальполь, говоря съ восторгомъ объ од-
ной изъ лучшихъ рѣчей Пилпша, признается од-
накоже, что метафоры въ ней напханушы. Его
ссылки, его классическія цитаты показались бы
пошлыми даже въ сочиненіяхъ умнаго школьника.
Но по были легкіе недоспашки, копорыхъ слуша-
тели совсѣмъ не замѣчали. Порывъ души велика-
каго Орашора переходилъ ко всѣмъ его окружа-
ющимъ; его жаръ, его благородный взглядъ согрѣ-
вали даже самыя ледяныя души и придавали важ-
ность самымъ пустымъ его намѣкамъ.

Нападенія его на Министерство разсердили наконецъ Вальполя, и онъ захотѣлъ сдѣлать примѣръ на Лейтенанта-патріотъ. Пишпъ былъ опшнавлень. Г. Теккери довольно забавно говоритъ, что Вальполь, чувствуя невозможность подкупить Пишпа, рѣшился наказатъ его. Дѣло въ томъ, что Вальполь никогда никого не подкупалъ. Онъ очень зналъ, что если подкупомъ пріобрѣтешь приверженца, то эшимъ же самымъ потчасъ наживешь пятьдесятъ прошивниковъ. Онъ никогда не показалъ бы, будио прошивишься ему выгоднѣ чѣмъ его поддерживашъ. Впрочемъ, эти правила также стары какъ и обычай подкупать Членовъ Парламенша.

Пишпъ ни чего не пошерялъ немилостью Вальполя. Принцъ Валлійскій опредѣлилъ его къ своему Двору и Пишпъ продолжалъ возсшавашъ прошивъ Министерства еще съ большимъ жаромъ. Въ то время шли споры между Англією и Испанією; Пишпъ шребовалъ войны съ пылкостью, несообразною ни съ разсудкомъ ни съ челоувколюбіемъ, и между шѣмъ Испорикъ его находилъ все эшо достойнымъ величайшаго удивленія. Мы не станемъ разсуждать объ эшой войнѣ, кошорая всеми просвѣщенными и добросовѣспными людьми была охуждаема. Явидѣлъ, говоритъ Боркъ, и разсмашривалъ со вниманіемъ подлинныя докуменшы, касающіеся до сношеній, происходившихъ въ то время между обѣими Державами; эти докуменшы совершенно убѣдили меня въ чрезмѣрной несправедливости

сей войны. Черезъ нѣсколько времени я имѣлъ случай бесѣдовать съ главными дѣйствующими лицами борьбы противъ Вальполя, и особенно съ тѣми, копорые всѣхъ болѣе шумѣли, пребудя войны: ни одинъ изъ нихъ не пытался оправдать эшу мѣру; напротивъ всѣ они порицали ее такъ свободно, какъ будто говорили о дѣлѣ, копорому были совершенно чужды.

Мы остановимся на выборахъ 1741 года, эпохѣ замѣчательной, потому что эши выборы испоргли власшь изъ рукъ, въ копорыхъ она была такъ долго. Въ одной спашь не возможно развишь характера Лорда Чашама и всего печенія эпои великой жизни, съ копорою болѣе или менѣе тѣсно связаны были въ продолженіе полу-вѣка всѣ важнѣйшія происшествія современной Испоріи. Мы посвящимъ эшому еще одну спашью (*).

Rev. Brit.

Е. Б—ъ Б—ій.

(*) Мы сообщимъ ее въ свое время нашимъ читателямъ. *Ред.*

IV.

ПОЛТОВА.

1.

НОВАЯ ПАЛАТА ДЕПУТАТОВЪ.

Статья I-я.

Общій взглядъ на прежнюю и новую Палату.

Палата окончившаяся принадлежитъ Иностранцамъ, Палата начинающаяся — надеждамъ и ожиданіямъ каждой партіи. Нынѣ явилась новая Палата со своими опшѣвиками, своими привязанностями, своимъ опшѣщеніемъ. Прежній Парламентъ имѣлъ чинъ шо однокорное, шуское; въ немъ не было новыхъ спрасшій и мало было новыхъ шаданщювъ. По какой шо спранности, большая часть молодыхъ Депушашювъ наряжалась въ костюмъ сопрошвенія и министріднэма; ни въ одной изъ эшихъ душъ не было неоспѣрожнаго великодушія юности и силы, которое все идешь впередъ въ челошѣческой усовершеншюсти, не оглядываясь на право и на лѣво, на опшѣбки, опасеншюсти, разореніе. Тридцашѣлѣтніе Депушашю казашю опшѣриками въ полшѣшкѣ и прнняли на себя опшѣанность защищашю власшь — слово аласшѣческое, которое для однихъ означаешь удовольшѣвореніе изъ маленькаго шщеславія, для другихъ мѣсто, улыбку знашюной дамы, или даже крохи изъ сумшю на секретшюныя издержки. Одною изъ любопышнѣйшѣихъ чашюпей мншювашаго Парламента была небольшая партія опшѣщественнаго порядка, клубъ плача и пророчесшювъ объ упадкѣ власши. Со временемъ, чашюлая пышшюна

речи Г. Жобера и Магюля никто не поверитъ, что это младшіе во всемъ собраніи Депутаты рисовались такимъ образомъ колоссами, поддерживающими на мощныхъ раменахъ своихъ все гражданское общество.

За то, чьи сердца билось при кликахъ, зовущихъ впередъ, за предѣлы благоустроеннаго порядка? Молодыхъ ли людей, съ головами, еще горящими отъ теоріи республики? Или за исключеніемъ одного Г. Гарнье-Пажеса, представившагоми эшихъ мнѣній въ Палатѣ, были люди пресмартные, утомленные, фигуры монументальныя, оледененныя временемъ, ослабленные пошрясеніями; эти люди хотѣли привить къ будущности, на которой основываются все надежды, прошедшее, наполненное погрѣшностями, слабостями и особенно политическими негѣпостями.

Это непріличное размѣщеніе мнѣній, это положеніе старости, сплывающей къ судьбамъ, которая не для нее наступая и юности, старающейся удерживать общество въ неподвижномъ кругѣ, ею начертанномъ, набросило на послѣднюю Палату характеръ ничтожности и прошиворѣчія, и часомъ дѣлало ее смѣшною.

Такъ называемая *средняя партія* была нечто неизвѣстное. Въ Англіи каждый Членъ Парламента — или приверженецъ или противникъ Министерства; такъ Министерство имѣетъ свою систему, гласно ее объявляетъ и потому всякой можетъ судить, долженъ ли онъ поддерживать или опровергать ее; но что же такое средняя партія, когда начинается баллотировка? Не разрѣшается ли она необходимо въ бѣлые или черные шары, въ большинство или оппозицію?

Эту среднюю партію можно объяснить себѣ только однимъ образомъ: если бы нашлась партія, которая

желала бы выгодныхъ мѣсяцъ, не считаясь между нами Министрскою, которая, зная, что Министрство не захочетъ явно съ нею поессориться, занимала бы въ самомъ искреннемъ своемъ олицетвореніи мѣсячно Президентна Палаты, съ 10.000 фр. жалованья въ мѣсяцъ и выгодное мѣсячно Генераль Прокурора при Кассационномъ Судѣ, и между тѣмъ и въ Палатѣ подписывалась бы надъ Министрами и даже въ Палатѣ по временамъ и въ прошивалась, — развѣ положеніе этой партіи не было бы и примѣно и выгодно? Члены ея могли бы разглагольствовать прошивъ знамя и шлоковать о преданности своей къ царствующему дому, а между тѣмъ хвастались, что вѣдали ко двору въ полсныхъ близнакахъ и говорили съ Кородемъ языкомъ Министра Роланда (*).

Какому же рѣшенію средняя партія могла попрятываться? Какую политическую роль играла она? Гдѣ Министры, ея избранные, гдѣ законы, ея внушенные? »Мы не Министрской партіи!« говорили они избирателямъ. А когда же вы осмѣлились тронуть въ этомъ признаніи? Правда, въ некоторыхъ мелочныхъ дѣлахъ, вы пѣли мелкія спраски какой нибудь части Министрства; вы служили Г. Тьеру прошивъ Г. Гизо или Маршала Сульца; вы заставили Г. де-Бромъ податься въ отставку; но вы не могли играть роли, не могли заниматься важнаго мѣста въ Палатѣ, потому, что у васъ не было никакого отличительнаго цвѣта и потому-то въ Парламентѣ, въ кошоромъ владычествовала средняя партія, была замышляемая бѣдность мнѣній; такое отсутствіе политическаго могущества.

Новая Палата также не хороша въ оконченіи

(*) Намъ, конечно, не нужно объяснять нашимъ читателямъ, что означаютъ на Г. Дюпеня, предводителя средней партіи. Ред.

къ выгодамъ и мнѣніямъ Франціи, которую она пред-
 ставляетъ весьма несовершенно; виною этого были
 законы о выборахъ. Но какова она ни есть, все же въ
 ней будетъ больше драматическаго и рѣзко оштыженнаго,
 чѣмъ въ прежней. Когда выборы сдѣлались навѣщными,
 все партіи стали искать въ глубинѣ избирательныхъ
 урнъ исполненія своихъ надеждъ и опасеній. Тутъ на-
 чалось безумное шоржество и веселіе. Министерство
 желовало сначала о своемъ большинствѣ; не мудрено:
 оно заранѣе провозглашало, что большинство бу-
 деть на его сторонѣ. Депутатовъ раздѣлили на при-
 зерженцевъ Харпін и на оппозицію; раздѣленіе про-
 извольное, неловкое и наглое, потому, что нельзя
 сказать въ Харпінъ всѣхъ тѣхъ, которые не под-
 держиваютъ Министерства. Но пошомъ гордости
 ихъ понизилась. Съ этимъ огромнымъ большинствомъ
 Министерствомъ ни на что не осмѣлилось: ясно, что
 оно въ немъ не увѣрено. — Толковали о рѣшишель-
 ныхъ мѣрахъ для возстановленія порядка, о полномъ
 преобразованіи общественнаго устройства, о зако-
 нахъ прошивъ суда присяжныхъ, прошивъ каррикатуръ,
 прошивъ журналовъ; *Journal des Débats* давно уже
 объ этомъ пророчествовалъ. И чтожь? теперь объ
 этихъ законахъ уже ни слова; Министерствомъ помы-
 шляется уже не о нападеніи, а о защитѣ. Оно уже
 не угрожаетъ Харпін, лишь бы только его оставили
 въ покоѣ; оно уже не думаетъ преобразовываться, а
 хлопочетъ какъ бы самому преобразоваться; недав-
 но избавилось оно отъ Маршала Сульта; теперь
 начинающа борба между Г. Гизо и Г. Тьеромъ, меж-
 ду Пуританскою спротивною и промырливою дву-
 личностію; между Г. Тьеромъ и Г. Персиентъ, людьми,
 которые никакъ не могутъ ужиться вмѣстѣ, по-
 тому что первый никогда не османавливается, да-
 же и въ дѣлахъ, въ которыхъ оправданъ совѣснѣ

второй всегда действует по убеждению, хотя и не въжеспленному, часто бышеному, но всегда правду душному и приномъ иперъ уже рассказавшя въ прежнемъ своемъ поведеніи. Все государспвенные люди, высоко сполціе въ общеспвенномъ нтъкѣ, Мосе, де Броли и проч. одинъ за другикъ удалился отъ дѣль; Министерспво должно омпцешворнться въ Г-дѣ Тьеръ: такава судьба его!

Кабинетъ имѣетъ дѣло уже не съ прежнею Палатою. Въ новомъ Парламентѣ прежніе люди принимаютъ новый цвѣтъ; партіи имѣе распредѣляюща, обрасывающъ съ себя спарую кожу. Оно бывающъ во всякой новой Палатѣ и штъ болѣе должно бнть въ такой, въ которой половина членовъ новыкя. Тутъ будутъ партіи болѣе опкровенныя, нтънѣ болѣе рѣкя; шутъ будутъ знанъ куда идуть и чего хондлтъ; средняя партія лишнѣя влннѣ хнпрой посредствонности и скрышннхъ шаровъ; и Министерская партія и оппозиція будутъ жокрепнѣе и великой спанентъ опвтчатъ за себя. Приномъ шутъ болѣе блестящнхъ дарованій, болѣе людей знающнхъ, а государспву и нужны люди, которые знающъ шо; о чемъ говорашъ и могутъ говорнть на шрѣбунѣ о швомъ, что нмъ хорошо извѣстно. Снѣшно и жалко было спокернцъ въ прежней Палатѣ на Министерскую самонадѣяность Г. Тьера, который шолкевалъ обо всемъ на свѣтѣ и жоплтъ въ пошокъ словъ цейнрѣ, воскнцающійся его безспмыслнцю. Тешеръ Г. Тьеръ вопрншннхъ уже де жрежннхъ крнкуновъ - почншавшелей и не нѣтъ спвенннхъ пропнвннковъ; въ новой Палатѣ найдутся люди, которые разберутъ его безопченнлвную учонспть, повѣрлтъ его цнптанн на-изуснѣ и не спнлнунтъ на колѣна предъ блестящнмъ пущякамн, монорне, сія въ рѣчахъ продолжавшнхся по нѣсколькы ча-

сать, приводили въ восторгъ массу нашихъ рукописницъ!

Теперь повеюду полкуюшь о сокращеніи расходовъ — необходимости, признанной двумя прешими Палаатами и о Парламентскомъ преобразованіи — полтъ сраженія, избранномъ двумя оидълами оппозиціи, совершенно противоположными, но могущими соединиться въ борьбѣ за дѣло имъ общее. Избиратели всего глѣже преобладали оидъ Денушатовъ бережливосши. Скажу оидъкровенно: я боюсь, чшобы ее не простерли слишкомъ далеко. Бюджетъ бремя шажелое; но если въ концише произведши въ немъ сокращенія дѣйствительныя, то должны преобразовать всю систему управленія, а это дѣло шрудное. Но чшо же дѣлать? Злоупотребленіе слишкомъ сильное раждаешъ противоположеніе; пламенъщики поддшей не спускають глѣзи съ бюджета и требуютъ, чшобы онъ былъ сокращенъ, во чшобъ бы по ни спало. Таковъ будешъ духъ новаго болъвинства, и ничшо его не измѣнитъ. Напрасно спануть употреблѣшь Парламентскія шитрошки, насшины, оболъщедія: бывають времена, когда вре этие безшоложа. Если въ болъщинствѣ владычештуетъ одна такая ишбудь мысль, эта мысль необходимо должна перейти и въ Министерство и начешлаться на его дѣловыя. А это-шо стремленіе къ бережливосши и убешъ правленіе 7 Августа. На какихъ основаніяхъ покоишся это правленіе? На шгогчисленной военной силѣ; между шмиъ первое и главное средство сокращенія расходовъ ешть уменьшеніе шотромной арміи. Вы видите, чшо ашой пошребности уже пожертвовали Маршаломъ Сульшомъ. После Маршала, дѣдешъ дѣло до дополнительныхъ опшусковъ ошуми; борьба будешъ ушорная, но побѣда, безъ сомнѣнія, останешся на шпоронѣ бережливосши. Вшорая сила правленія 7-го Августа ешть Полиція, а

вряд-ли новое большинство будетъ расположено къ отпуску суммъ на секретныя издержки, послѣ спрѣданнаго употребленія, которое дѣлалъ изъ нихъ Г. Тьеръ.

Я изобразилъ общій духъ новаго большинства, однимъ словомъ: *бережливость* — потребность несомнѣнная съ существованіемъ нынѣшняго Правительстна. Теперь я подведу все подраздѣленія Палаты подъ главныя категоріи и потомъ разсмотрю все эти подраздѣленія въ ихъ общемъ составѣ.

Въ новой Палатѣ будетъ Министерская партія, состоящая изъ нѣсколькихъ раздѣловъ.

Къ первому принадлежатъ люди должностные, связанные съ Правительствомъ своими выгодами, довольно многочисленныя и непоколебимыя при подачѣ голосовъ; на нихъ Министерство можетъ во всякомъ случаѣ полагаться. Ко второму прусы, невинныя жертвы спраха, изъ которыхъ Министерство дѣлаетъ что хочетъ, грозя имъ мятежами, грабежемъ, гильошиною и другими новостіями. Къ третьему — Доктринеры, приверженцы Гг. Гизо и Ройе-Колмара. Тушь много ума, много познаній. Доктринеры насперя распредѣляють факты, приводятъ событія въ систему; они теперь видяють, что надобно остановиться; они боятся слишкомъ силнаго прошиводѣствія. За годъ предъ симъ эта партія побуждала Министровъ къ мѣрамъ насильственнымъ; въ новомъ Парламентѣ она остановится, едѣлается крошкою, умѣренною и, продолжая поддерживать Министерство, спаваетъ между тѣмъ особо.

Я уже говорилъ, что вліяніе средней партіи на Палату, къ счастью, уменьшится; она сама это знаетъ. Средняя партія могла быть могущественною въ Палатѣ безъ рѣшительныхъ мнѣній, безъ опредѣленнаго плана; но она необходимо должна зашвырнуться

всерединѣ Парламента рѣко оншпиченнаго, явственно раздѣленнаго на партіи, гдѣ найдутся предводители, которые поведутъ на балашировку солдатъ хорошо обученныхъ. За шо чего и не дѣлають говоруны этой партіи, чтобы придашь себя побольше важности! Я не говорю уже о Г. Дюпентѣ, который вездѣ ишипритущеть и при выборахъ въ Президентши вымагивалъ голоса Министерскихъ Депушашовъ; а между тѣмъ ошпыдался о Миниспрахъ и невѣжливо и не благодарно, стараешься показати, что онъ человекъ незаисимый, хотя и получаетъ огромное жалованье. Но Г. Эшьенн! Г. Вьенне! что они будутъ дѣлать? Какую роль они спанутъ играть? Впрочемъ, они уже приискали себѣ роль. Они чувствують, что популярности ихъ кончилась. Чтобы исправишь эшотъ проломъ въ своемъ могуществѣ, они намѣреваюцца нападать на Карлистовъ и какъ Г. Вьенне большой охотникъ до «разъ драматическихъ, шо онъ говоритъ каждому, кому угодно его слушаешь.» Мы умертвимъ партію легитимистовъ на гекатомбѣ республиканцевъ! Фраза звучащая въ ушахъ Первосвященника, но дѣло не легкое: партіи живыя и дѣятельныя уничтожить шрудно; ни Г. Вьенне, ни друзья его до сихъ поръ еще не убили республиканцевъ; Г. Вьенне шакже мало умертвилъ и Карлистскую партію, въ рукахъ которой главныя помѣстья и которая пользуется всѣмъ вліаніемъ богатства и аристократизма. Правительство благоразумное старалось бы поладить со всѣми эшими партіями; правительство, одаренное мудростью Г-на Вьенне, спанеть спускалъя головою о могущественныя выгоды и убѣжденія.

Оппозиція Г. Могеня и Одилона-Барро уменьшилась числомъ, но за шо сдѣлалась сплошнѣе. Надобно оказати правду: въ послѣднемъ Парламентѣ эша Оппозиція, разбишная, разсыпанная, не знала куда дѣваться;

она робко высказывала свое учение, извинялась въ шопъ, чшо позволяеть себѣ дѣлать возраженія; она не знала фактовъ и часно бросалась въ пренія, очерняя голову; ошвѣтъ какого нибудь Министра приводилъ ее въ разшироуштво; Юльскія и Апрельскія промзшешствія превзошли ея ошжданія; она принуждена была отказываться ошъ своихъ словъ, шолковать о своей приверженности къ Харшнмъ и царствующему дому; просила, чшобы ее не смѣшвали съ ея друзьями, слишкомъ шлкими, даже въ самой Палатѣ; но дѣла ея были Пуришане шой же паршнмъ, люди крѣпкого лобка; Воше д'Аржансонъ, Одри де Пюираво, и она не смѣла сказать имъ въ лице, чшо они нормируютъ ихъ общее дѣло. Нынѣ она соберется вокругъ своихъ предводителей, извѣстныхъ за приверженцевъ Монархическаго образа правленія, Г. Ламиншпа, Одлона-Барро, Могеня, которые должны соединиться какъ можно тѣснѣе, если хотѣшь достигнуть до какого нибудь Парламентскаго результата. Г. Одлонъ-Барро долженъ ошказаться ошъ своего царедворческаго честошлюбія, также какъ Г. Могенъ ошказался въ послѣднемъ собраніи Палатъ ошъ своего Парламентскаго пустословія, чшобы заняться дѣломъ. Г. Ламиншпъ, конечно, заслуживаетъ почетное мѣсто; но ошъ знаетъ, чшо въ Палатѣ у него нѣтъ собшвенной паршнмъ и чшо ошъ принужденъ дѣлаться влоснью, если хотѣшь быть чѣмъ нибудь. Впрочемъ, оппозиція лѣвой стороны должна держаться крѣпко на своемъ мѣстѣ, чшобы ее не обидѣ оппозиція новая, которая будетъ стараться занять важное мѣсто. Такъ какъ съ ашшою паршнмою являюща новыя проекты, новыя идеи, новыя лица, то я съ нее и начну мою Спашиситику.—

Церъ Франціи.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

По Высочайше утвержденному въ 5-й день Іюля Положенію Комитета Гг. Министровъ, поручено отправившемуся въ Англію, Спаршему Врачу Придворной Комноженной Больницы, Лейбъ-Хирургу, Спашскому Совѣщнику Бевэрлею, изучить планъ операцію камнесверленія (литопринія) у Барона Герцелупа, а если не найденъ его въ Англіи, у Доктора Валеншица въ Ноллингамъ, и купить при томъ экземпляръ инструмента съ кроватки для С. Петербургской Медико-Хирургической Академіи, для Московскаго Опщества и для Валенской Медико-Хирургической Академіи. По возвращеніи Г. Бевэрля въ С. Петербургъ, вняла ея ему въ непреклонную обязанность показашь подробно производство сей операціи въ С. Петербургской Академіи, а потомъ отправишься для сего же въ Москву и въ Вильну.

— Городъ Херсонъ, заложенный при самомъ началѣ Русскаго владычества въ Новороссійскомъ краѣ, обѣщашь прѣшущее сословіе; но въ послѣдствіи быстрое возраснаніе Одессы и переводъ Адмиралтейства въ Николаевъ, не смотря на всю выгодность положенія Херсона при устьѣ одной изъ величайшихъ рѣкъ, называющихся въ Черное море, имѣли невыгодное вліаніе на торговлю сего города, еще болѣе усиливающуюся отъ невозможности проходить купеческіи корабли съ полными грузомъ чрезъ Днѣпровскія гирды, занесенныя пескомъ и по неимѣнію въ самомъ городѣ хорошо устроенной пристани; но Херсонскій портъ, главный пунктъ Русской каботажной торговли по Днѣпровскому Лиману, Черному морю и Дунаю, кромѣ важности по видамъ тор-

говли, можетъ называться источникомъ, откуда снабжающся разными припасами, по распоряженію военнаго и морскаго начальствъ, порты: Николаевскій, Одесскій, Севастопольскій и Измаильскій, а также всѣ города и крѣпости, при берегахъ Чернаго моря расположенные; перевозка сихъ припасовъ сопряжена съ большими, нежели должно, издержками для казны, и съ затрудненіями и поперею времени для судовладельцевъ; ибо мореходныя суда, по причинѣ мелководія гирла, должны нагружаться, вышедши уже въ Лиманъ, куда подвозятся шхесши на мелкихъ лодкахъ.

Сіе положеніе Херсонскаго порта обратило особенное вниманіе Правительствъ, по распоряженію коего нынѣ дѣлаются изысканія и соображенія о скорѣйшемъ очищеніи и углубленіи Днѣпровскаго гирла при Таврическомъ берегу, открытаго случайно однимъ изъ мѣстныхъ жителей, и оказавшагося болѣе другихъ удобнымъ для очищенія; между тѣмъ, по Положенію Комитета Министровъ (22-го Мая 1834 года) Высочайше повелѣно устроить въ Херсонѣ деревянную набережную пристань (*), отпусивъ для сего нынѣ же 25,000 рублей изъ Государственнаго Казначейства, и столько же въ послѣдствіи, когда надобность потребуетъ.

Сверхъ сего, по распоряженію мѣстнаго начальства, приспущено къ осушенію болотистыхъ мѣстъ, на первый разъ, лежащихъ вблизи Адмиралтейства, что, кромѣ удобства сообщеній, предскажетъ другую еще большую выгоду, избавивъ городъ отъ гнилыхъ, столь вредныхъ для здоровья жителей испареній. Выборъ мѣста для внутренняго порта былъ весьма удаченъ, но съ упадкомъ Херсона, упали и разсирок-

(*) Каменную мелью устроили по мѣстному вблизи вѣснаго камня.

дсь и всѣ улучшения его: прнспани не спало, берега засорились; болошистыми мѣста, испареніемъ, особенно въ Іюль и Августѣ, убивали здоровье людей, дѣлал сіе мѣсто почти несноснымъ для пребыванія. Попечительное Правительство принялось шеперь дѣлательно къ ушверженію благосостоянія сего города. Осушеніе болотъ, очищеніе береговъ, устройство прнспани, прорышіе фарватера въ гирля, сооруженіе казармъ, верѣи и богоугодныхъ заведеній, наконецъ учрежденіе училища мореплаванія и мапрозскаго цеха, суть главнѣйшіе предметы заботливости Правительства въ отношеніи Херсона.

— Въ Journal de St. Pétersbourg напечатано о Всемилосшнвѣйшихъ наградахъ, пожалованныхъ 29-го Августа Коммиссіи построенія Исакиевского Собора, на которую возложено было и сооруженіе памятника Императору Александру І-му. Предсѣдателю Коммиссіи, Оберъ-Каммергеру Графу Липшѣ, пожалованы алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго; Членамъ: Дѣйствительному Тайному Совѣшнику Оленину, алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго; Гошмейстеру Высочайшаго Двора Графу Кушайсову, украшенная брилліанпами шабакерка съ поршрешомъ Его Императорскаго Величества; Инженеръ-Генералу Карбоньеру и Егермейстеру Высочайшаго Двора Васильчикову орденъ Св. Александра Невскаго, а Шталмейстеру Высочайшаго Двора Опочинину, орденъ Бѣлаго Орла. — Высочайшими Указами шого же числа Всемилосшнвѣйше пожалованы Кавалерами: ордена Св. Владиміра 3-й степени, Главный Архншекпоръ Коммиссіи Моншерранъ, Горнаго Ведомства Чиновникъ 7-го класса Бердъ, въ заводѣ коего оплывались бронзовые украшения; шого же ордена 4-й степени, служацій въ Коммиссіи 9-го класса Адамши, и Св. Анны 3-го класса С. Петербургскіе

1-й гильдіи купца Абрамъ и Василій Яковлевы, извлекшіе и перевезшіе на мѣсто постройки колонну и пьедесталъ.

— Высочайшимъ Приказомъ 30-го Августа, Командиръ корабля Память Азова, Адъютантъ Начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, Гвардейскаго Экипажа Капитанъ 2-го ранга Купреяновъ, назначенъ Главнымъ Правителемъ Россійско-Американскихъ Колоній, и произведенъ въ Капитаны 1-го ранга.

— Высочайшимъ Приказомъ 5-го Сентября, Командующій Артиллеріею Опдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, Генералъ-Адъютантъ Сумароковъ, уволенъ за границу, до излеченія болѣзни.

— Сенатору Тайному Совѣшнику Шперу, Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ учрежденнаго при Московскомъ Училищѣ Ордена Св. Екатерины Совѣща, управляющаго и Александровскимъ Училищемъ.

— Государь Императоръ, по случаю кончины Почетнаго Опекуна, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Саблина, Высочайше повелѣшь изволилъ: хозяйственной частью по Московскому Воспитательному Дому управлять Почетному Опекуну, Тайному Совѣшнику Шперу.

— Николаевскому Коменданту, Генералъ-Маіору Федорову, Всемилостивѣйше повелѣно быть Бессарабскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, съ сохраненіемъ военнаго чина.

— Высочайшими Приказами назначены: Командиръ 1-й бригады 1-й Уланской дивизіи, Генералъ-Маіоръ Баронъ Пиллеръ 1-й, Командиромъ Овруговъ Военнаго Поселенія 1-й Кирасирской дивизіи, на мѣсто Генералъ-Маіора Лизогуба 1-го; а сей Командиромъ 1-й бригады 1-й Уланской дивизіи; утверждены: Исправляющій должность Начальника Артиллеріи Дѣйствующей

Арміи, Генераль-Лейтенантъ Гиллешпигтъ; Начальникомъ Артиллеріи оной Арміи; Исправляющій Должность Дежурнаго Генерала Дѣйствующей Арміи, Генераль-Маіоръ Викинскій, Дежурнымъ Генераломъ сей же Арміи; уволенъ въ отпускъ Главный Директоръ Пажескаго, всѣхъ Сухопутныхъ Кадемскихъ Корпусовъ и Дворянскаго полка, Директоръ Императорской Военной Академіи и Главноуправляющій Артиллерійскимъ и Инженернымъ Училищами, Генераль-Адъютантъ Сухопутныхъ 1-й, за границу, на одинъ годъ.

— Высочайшими Грамотами Всемилоспивѣйше пожалованы: Кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшеннаго, Командиръ Лейбгвардіи Измайловскаго полка, Генераль-Маіоръ Тиррошъ 2-й; Кавалерами ордена Св. Анны 1-й степени Смоленскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Хмельницкій и Командиръ Гвардейскаго Экипажа, Консръ-Адмиралъ Шишмаревъ.

— Высочайшею Грамотою 30-го Августа Всемилоспивѣйше пожалованы брилліаншовые знаки ордена Св. Анны 1-й степени Королевскихъ Прусскихъ войскъ Генераль-Маіору фонъ-Редеру.

— Третій Секретарь при Лондонской Миссіи, Камеръ-Юнкеръ Князь Павелъ Ливень, Всемилоспивѣйше пожалованъ въ званіе Камергера Двора Его Императорскаго Величества.

— Высочайшими Указами 29-го и 30-го Августа Всемилоспивѣйше пожалованы во Фрейлины къ Ея Величеству Государыни Императрицы: дѣвцы Графиня Софія Орлова-Денисова, Елисавета Пешрицева, и дочь умершаго Генераль-Адъютанта Мердера, Марія Мердери.

А н г л и я.

Лордъ Меръ, сопровождаемый многими Альдер-

менани и Члегами Городскаго Совѣта, поднесъ Королю поздравительный адресъ города Лондона, по случаю возвращенія Королевы.

3 Сентября было въ Манчестерѣ собраніе около 13.000 избравшихъ, въ которомъ, по большинству 1122 голосовъ (7019 противъ 5897) положено не платить ни какихъ церковныхъ податей. Это опредѣленіе принято съ живѣйшимъ энтузіазмомъ.

Сиръ Робертъ Грантъ отправился въ Индію.

Правительство объявило оффиціально о смерти супруги Дона Карлоса, Донны Франциски, скончавшейся 4 Сентября въ Альвесшонѣ близъ Портсмута отъ желчной горячки, произведшей воспаленіе. Топчасъ отправлены были курьеры для сообщенія этого извѣстія Дону Карлосу и брату покойной, Дону Педру. — Донна Франциска, Инфанша Португальская, родилась 22 Апрѣля 1800 года, вступила въ супружество съ Дономъ Карлосомъ 29 Сентября 1816 года и оставила послѣ себя троихъ дѣтей мужескаго пола, которые родились въ слѣдующемъ порядкѣ: Карлъ-Людвикъ 31 Января 1818 года, Іоаннь-Карлъ 15 Мая 1822 и Фердинандъ 13 Октябрю 1824.

Лордъ Брумъ путешествуетъ по Шотландіи и его вездѣ принимаютъ съ большими почестями; Графъ Грей живетъ въ своемъ помѣстьи и безпрестанно получаетъ изъ разныхъ мѣстъ адресы и принимаетъ Депутациіи.

Ф р а н ц і я.

Здоровье Маршала Жерара не поправляется; подагра поднялась выше; онъ уже съ недѣлю не вставалъ съ постели и чрезвычайно ослабленъ спраданіями; но онъ продолжаетъ заниматься дѣлами и подписывать бумаги.

Князь Талейранъ отправился съ свое помѣстье.

Полковникъ Крадокъ прибылъ въ Парижъ.

Въ Бордо захвачено 1500 ружей, купленныхъ для арміи Дона Карлоса.

Владельцы облигацій Испанскихъ займовъ поднесли Королю прошеніе о защитѣ правъ ихъ, подписанное 3000 человекъ. Король изъявилъ Депуटाціи надежду, что финансовый планъ Графа Торрено будетъ измененъ, присовокупивъ, что Министръ его въ Мадридѣ сдѣлалъ по сему предмету сильныя представленія, что сдѣлано также и Англійскимъ Посланникомъ.

По приказанію Комисіи Суда Перовъ, или съ ея утвержденія, забрано было подъ стражу 1156 человекъ; 736 изъ нихъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія, освобождены. Донныя содержатся въ Парижскихъ и Лионскихъ тюрьмахъ 420 чел. Комисія поручила Г-ну Жиро де л'Энъ представить докладъ ея Суду Перовъ.

ПОРТУГАЛЬСКІЯ ДѢЛА.

Палата Перовъ, которая состоитъ только изъ тринадцати Членовъ, потому, что остальные 85 Пера участвовали въ признаніи Дона Мигуэля Королемъ, дѣйствуетъ рѣшительно противъ нынѣшняго Министертва. При разсмотрѣніи адреса въ отвѣтъ на рѣчь Дона Педро, большинство, къ которому присоединился и Маркизь Луле, зять Дона Педро и Секретарь Палаты, приняла предложенное Графомъ Тапа измѣненіе, по которому Палата не признаетъ послѣдняго займа, заключеннаго отъ имени Дона Педро. Въ Палатѣ Депутовъ Оппозиція не такъ сильна; она состоитъ изъ 41 Члена.

По извѣстіямъ отъ 3 Сентября, Донъ Педро избранъ въ Регенши Палатою Депутовъ, по большинству 90 голосовъ противъ 5; это избраніе утвер-

ждено и Палатою Перовъ.— Донъ Педро, возвращаясь изъ Кальдаэса, гдѣ купанье еще болѣе разстроило его здоровье, присягалъ во дворецъ Аюда, при многочисленномъ собраніи Членовъ обѣихъ Палатъ.— Палата Депутатовъ утвердила 1 Сентября предложеніе своей Коммисіи о дозволеніи Доннѣ Маріи вступить въ бракъ съ иностраннымъ Принцемъ, съ дозволенія Дона Педро; выборъ жениха, послѣ продолжительныхъ преній, по большинству 67 голосовъ прошивъ 27, положено предоставить правительству. — 1 Сентября Регентъ наименовалъ 24 Пера.

Испанскія дѣла.

Въ *Мадридской Газетѣ* офиціально объявлено, что Министръ Иностранныхъ дѣлъ получилъ отъ Испанскаго Министра въ Лондонѣ Маркиза Мирафлора депешу, въ которой онъ уведомляетъ, что онъ подписалъ 18 Августа съ уполномоченными Французскимъ, Англійскимъ и Португальскимъ, нѣсколько дополнительныхъ статей къ договору 22 Апрѣля и что Королева приказала отправить въ Лондонъ ратификацію оныхъ. Между тѣмъ эти дополнителныя статьи въ Газетѣ не напечатаны. — По частнымъ письмамъ изъ Мадрида. Королева-Регентша прибавила къ ратификаціи примѣчаніе, въ которомъ говорится, что нынѣ она не имѣетъ надобности въ вспомогательной Португальской арміи и вообще приметъ пособіе иностранныхъ войскъ только въ величайшей крайности. Она отвѣчала въ томъ же смыслѣ и Дону Педро, который непосредственно предлагалъ ей вспомогательный корпусъ въ 5 или 6 тысячъ человекъ.

»Вѣсти изъ Испанскихъ, Басскихъ провинцій, говорятъ въ журналѣ *Temps*, все однѣ и тѣ же, все марши и конпръ-марши безъ результата. Карлистская Юниа уже раза три или четыре едва не была захвачена

войсками Родилля, но всегда успевала спастись. По последнимъ извѣстіямъ кажется, впрочемъ, что Карлисты приближаются къ Французской границѣ, избѣгая встрѣчи съ пришедшими къ Родиллю подкрѣпленіями. Но эта партизанская война можетъ продолжаться весьма долго. — Говорятъ, что тому кто возьметъ Дона Карлоса живаго или мертваго, обѣщана денежная награда.

Разныя извѣстія.

Изъ Тавриса пишутъ отъ 18 Іюля слѣдующее: Шахъ, назначивъ *Нлиболъ Султаномъ*, или Наслѣдникомъ Престола, Принца Мохамеда-Мирзу, старшаго сына Аббаса-Мирзы, ввѣрилъ ему управленіе провинцій, которыми управлялъ покойный отецъ его. Донынѣ ни одинъ изъ сыновей Шаха не восставалъ противъ назначенія ихъ племянника Наслѣдникомъ Престола. 17 Іюля Принцъ Мохамедъ-Мирза, прибывшій изъ Тегерана, имѣлъ торжественный въездъ въ Таврисъ. Его сопровождали Посланники Россійскій и Англійскій.

Въ Штокгольмѣ свирѣпствуетъ холера.

13-го Сентября.

Въ газетахъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, замѣчательны только нѣкоторыя извѣстія изъ Испаніи. Во Французскомъ Журналѣ *le National*, говорятъ что Финансовая Коммиссія Палаты Прокураторовъ рѣшила, большинствомъ 5 голосовъ противъ 4, признать всѣ займы Кортесовъ съ просроченными процентами и уплатить всѣ Королевскіе займы. Меньшее число Членовъ полагаетъ признать всѣ займы безъ различія ихъ происхожденія и отложить уплату процентовъ до составленія бюджета. — Палата Прокураторовъ въ засѣданіи своемъ 1 Сентября разсматривала прошеніе

о объявленіи правъ народа; въ этомъ прошеніи изложена въ двѣнадцати статьяхъ система управленія. Палата приняла это прошеніе по большинству 71 голоса противъ 38. Этимъ результатомъ, которому Министрство сильно противилось, произвелъ въ Палатѣ чрезвычайное волненіе; Президентъ поспѣхъ закрылъ засѣданіе. Министры собрались вслѣдъ за тѣмъ для разсужденія объ этомъ происшествіи и исправили денесеніе къ Королеву.— Въ засѣданіи 2 ч. началось разсмотрѣніе статей этого прошенія. По статьѣ о свободѣ писменія, голоса раздѣлились по-ровну (52); Президентъ, которому, какъ Членъ Палаты, подалъ уже свой голосъ, не захотѣлъ вторичною подачею голоса рѣшить этого дѣла.

14-го Сентября.

V.

М О Д Ы.

Les étoffes nouvelles se pressent en foule dans nos magasins: des *mousselines laine* entièrement nouvelles dans leurs dessins très-simples ou compliqués, des dessins *odalisque* de mille couleurs, sur fond gris ou vert; des palmes à ramages tracées en rouge, noir et blanc sur fond chocolat ou gris; puis enfin des semés de petites mouches carrées, destinés à des robes d'enfant et que l'on choisira pour peignoirs du matin.

Pour les négligés il y a les *damiers anglais*, tissu léger et soutenu qui vient consoler de la perte des stoffs et des bombasines; petits damiers, couleur sur couleur, charmante étoffe pour une redingote du matin et pour une robe de promenade.

Новыя тканья во множествѣ являющіяся въ нашихъ магазинахъ; *шерстяныя кисеи* совершенно новыя, съ рисунками очень простыми или весьма сложными: такъ называемыи *одалисковыми* рисунками шюаши цвѣтовъ на полѣ сѣромъ или зеленомъ; пальманн съ разводами краснаго, чернаго и бѣлаго цвѣта на полѣ шоколаднаго или сѣраго цвѣта; или наконецъ мелкими чепыреугольными мушками; ои послѣдніа назначены для дѣтскихъ плащевъ и годящяся также на упреніе пеньуары.

Для нарядовъ неглиже дѣлающяся такъ называемые *Англійскіе шахматники*, ткань легкая и между тѣмъ крѣпкая, которая можеть замѣнить шпофы и бомбазины; или другая ткань съ желкими цвѣтными квадрашиками, ткань прелестная для упреннаго редингота или плащя для гулянья.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes,
5-го Сеншября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 38.

I.

ПЯЦНАДЦАТАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГИБЕЛЬ ФРЕГАТА.

(ГЛАВА ИЗЪ РОМАНА.)

(Посвящено Елентъ Ивановъ Булгаринъ.)

Не смотря на великую степень совершенства, на которую въ новѣйшія времена, стараніемъ ученыхъ мужей и опытностію знаменитѣйшихъ мореходцевъ, возведены все части морского искусства, плаваніе по морямъ понынѣ есть, да и навсегда пребудетъ сопряжено съ премогими и великими опасностями.

Платонъ Гамалля.

Il faut bien que j'aime quelqu'un.....
qu'une bouche de femme me console ou me
plaigne.

E. S.

Быль ясный часъ вечера, ишорая синяя-
ка, когда на браншвахтенномъ фрегатѣ ***, ***,
рейда, мапрось Никитинъ и мапрось Лавровъ,
спускались по трапу съ бака — подъ бакъ. Они
были въ Голландскихъ рубахахъ, исиачканыхъ

мѣдяною, съ кускомъ сукна на головѣ, въ кошоромъ съ трудомъ можно было угадать — ферменную фуражку; на вершинѣ шпикъ шапока или фуражекъ, былъ прилѣпленъ огромный комъ сала, распаявшій, немного опъ солнечныхъ лучей. Лица ихъ были красны и желты опъ загара. Они держали въ рукахъ кисти и кадки съ оспашкомъ зеленой краски мѣдянки.

Подъ бакомъ все было тихо. Мастрсы, распянувшись на палубѣ въ разныхъ живописныхъ положеніяхъ, спали какъ мертвые; шолько одинъ изъ нихъ, сѣдя по-Турецки каачемъ ноги, прислонясь спиною къ пушечному колесу — разбиралъ въ пол-голоса Славянскую азбуку: Ангель, Архангельскій! Богъ, Благодать!

Никишинъ и Лавровъ, спустясь подъ бакъ, положили свои красильныя принадлежности, сняли шапки, сшерли пощъ съ лица, вышерли руки саомъ, и попочивали другъ друга — шабакомъ.

— Микишичь! шы хощъ ѣхать на берегъ?.....

— Проваль возьми эшошь берегъ! чего я шамъ не видалъ?..... а въ банѣ былъ недавно. Кабаковъ много въ эшой Чухонщинѣ! нехоша налжешься какъ спелька, а шамъ — и опвѣчай спина!.....

При послѣднемъ выраженіи, Никишинъ задергалъ плечами, какъ будто ужъ получая полновѣсные удары лннька Бодмана.

»Худо шпикъ-болше, возмешъ — лнньки! неживо шпикъ-болше, возмешъ — лнньки! выпьешъ — лнньки! поодо на вахигу выйдешъ — лнньки!..... все лнньки, да лнньки!..... Охъ, кабы не

эти линьки, и умереть бы не хотѣлъ на служ-
бѣ Царской; добрый молодецъ, удалой мажорскъ!
— Да вѣдь нельзя, Даврычъ! нельзя! какъ святъ
Богъ, нельзя не сѣчь нашего брата линьками!...
Вѣдь сѣкутъ не насъ, а сѣкутъ сантану, что въ
насъ!.....

— Правда, правда, Мажишницъ. Побросай-ка
Воцмана всѣ линьки въ море, такъ я бы, ей-ей,
частенько, частенько оказался въ пьянствѣ и
буянствѣ. — Еще съ некрупства полюбилъ ча-
рочку!

— А ны, Даврычъ, хомъ ѡхажь на берегъ!..

— Сегодня вѣдь Ильинская пашница; не бышь
бы гровъ! —

— Такъ что-жь?

— Не покидай нищка своего гнздышка! —
будешь работа на фрегатахъ! —

— Такъ что-жь?

— Да вѣдь я ильичъ-большой на фортъ-марсъ!
и первый при подъѣмъ и опущенъ якорей!.....

— Такъ что-жь?

— Какъ — такъ что-жь!!.. Чтобы я нушилъ,
чтобъ за мое спасенъ взялся другой кню, а не
я!!..... Съ женой спл мужъ!

— А и впрямъ такъ. — Аномиясь на мой
ильичъ-большъ вскочилъ Савельевъ: собачій сынъ
обогналъ меня на рѣ. Что-жь? ажъ, въ другой
разъ, спасенъ-опъ ужъ и не такъ меня слушаешь —
гну — не гнешся, вѣжу — не вѣнешся!.....

— Братъ, поживи, да ума наживи! —

... »Видь случая шакого дождешься ли, Лаврычъ? Самъ Капишанъ посмлаешъ насъ съ шобой на берегъ погуляшь, за шо, что мы скоро выкрасили шканцы!..... Въ кабакъ-ошъ меня не дуже шянешъ; а..... хочешся *каталажъ потянуть*..... — Инъ, бышь по швоему, не поведу на берегъ: въ банъ былъ недавно. Не ровень случай, долго ли до грѣха!»

... »Поискашь шакого Капишана, какъ нашъ Капишанъ! вошь Капишанъ-ошъ! ошець — Командерь!.....

— Да! неча сказашъ! поискашь шакого!»

»Попробуй-ка у него въ чемъ нибудь сплеховашъ — разомъ на бакъ; а сдѣлаешъ хорошо — шопчасъ и на берегъ пуснитъ въ баню, и чаркой водки пожауешъ. — У другаго прочаго командера, что худо, что хорошо дѣлай — все равно: ни лишка, ни спасибо; будь что хорошій, что дурной мапрось — все равно!»

»И прикрикнушь кшанимъ умъешъ. — Иной разъ лежишь на реѣ, и радъ бы поскорѣ завязашъ сезень (кто себѣ лиходѣй!), да руки не работаюшь: грѣхъ ихъ знаешъ — словно служивъ опшказались. — А крикнентъ Капишанъ шолько: что жъ вы шамъ копаешесь! всѣхъ васъ,....., на бакъ, мошениковъ!... Опкуль что возмешся, ажно любо самому.»

... »Не знаешъ-ли ты, Микишичъ, зачьмъ

Фрегашъ-ошъ вебъ снова выкрасили?... вѣдь, ка-
жись, былъ, чистъ. Императора, чибъ-ли ждуть...

»Нѣтъ, не Императора: а у насъ на Фрега-
шъ будетъ вѣнчашься наше солнце красное, мой
Вахшенный Лейпенашъ. Гостей видимо не ви-
димо надешъ... и Емаралы будутъ. Внишь шы, не-
вѣсна-шо Емаральская дочь!»

»Во!..... да для чашъ имъ не вѣнчашься въ
Поршу?».....

— «Да внишь кже Ахшорское дѣло: что хо-
плятъ, про и дѣлають. — Сказывалъ мнѣ день-
щикъ Капшманской, что, мать, сама невѣсна хо-
чешъ вѣнчашься на Фрегантъ: за морскины бышь,
шакъ на моръ и вѣнчашься.»

»Вонъ ошму Цешру— доходъ: рублей 25-тъ
ждуть.....»

Но уже Никитинъ хралъ у пушки. Лав-
ровъ снова пошохалъ надбаку, крикнулъ два раза,
и разякомлетный хралъншемъ Никитина — самъ
расшянулся на палубъ.

«Ан-гелъ, Ар-хан-гелъ-скій, Богъ, Благо-
дѣши.....»

Фрегашъ, сплывшій на якорь, какъ бы дре-
малъ на золотистомъ коврѣ: водъ, среди окружа-
ющей его тишины и спокойствія. Ошъ спаръ,
ошъ вѣнхъ; но морская косменница и спарку су-
дну придаешъ видъ блестящій, красивый.

Ошъ флюгеровъ, прелещущихся на хлоши-
кахъ, до бѣлой полосы, оподсывающей бортъ оре-

гална, вся кибиточная фрегата носила на себя печать морского акуса. Капитана. Какъ правильно сносить его сивеньги! какъ шуга выплунуть его шакала! какими досками, черными широмъ онъ вышированъ! какъ ошлито, ровно уложены его цуклы, бѣлая какъ сивгъ койки, ввѣчающія фрегатъ какъ бы серебряною діадемою! какъ высоко подняты нѣки его рефъ! какъ понюко, какъ нѣжно его вооруженіе! каждая сивсть его бѣгучаго шакала таненетъ въ воздухъ прямою, геометрической линіею! обзвѣнне всѣ его мерем, всѣ его салыги, сводимые на его бушпритъ, и вы нигдѣ не найдете нѣтъ ни мушкетля, ни сала, ни каболокъ, ни пеньки, ни лишнихъ запасныхъ блоновъ или шалей! все нужное въ огонь нигъ очунился на бушпритъ, марсъ над салиръ, Марсъ над салиръ, не складочной мѣсно для всѣхъ вещей марсоваго манросовъ.

Всѣ шлюбки фрегата, исключая баркаса и Капитанскаго кашера (баркасъ и Капитанскій кашеръ стояли на бахшиковъ за кормою), были подняты по мѣшамъ. Двѣ гички, одна надъ другою, висѣли за кормою на кормовыхъ бѣканцахъ. Двѣ шестерки подъ грошовыми русленями. Двѣ осмерки на шпорныхъ бѣканцахъ. — Это всегдѣшняя манера Калициана имѣть шлюбки поднятыми. Во шпорныхъ, это прѣчается манросовъ живо спусканы и поднимаю ихъ. Въ шпорныхъ, не производить нечисланы на фрегатъ, онъ безпрестаннаго лазеня дежурныхъ шлюбочныхъ манросовъ по шпорамъ шрапнѣ и чрезъ

погонимые поршми. Въ-шрестьяхъ, своеобразности къ содержанію шлюбокъ въ совершенной чистотѣ, ибо дежурные мапросы болѣе или мѣнѣе чистятъ ихъ. Въ-чепверныхъ, предохраняющъ ихъ отъ ломки, кошорой они подвержены, будучи прикрѣплены къ бакшиному, даже и въ малое волненіе; и отъ безпрестаннаго лазенія чрезъ нихъ дежурныхъ мапросовъ. Ибо когда всѣ шлюбки прикрѣплены къ бакшиному, то часто для того, чтобы дежурному мапросу понаслѣ на гичку, онъ долженъ всовывать сперва досытку, оверку, шен-сверку и т. д.—Всѣ шлюбки ерегата выкрашены черною краскою: снаружи и темно-зеленой внутри. Видъ большого боеваго судна, обвѣшаннаго шлюбками, всегда замечается мнѣ орлицу, согрѣвающую подъ крылами, обвивающую крыльями плечо своея.

Вымпелъ и кормовой и брантважнанный, флаги ерегата, нѣмъ неподвижны, опущенныя внизъ, какъ члены шела, шенцаго шлани.

Мальчикъ, Пагъ Каллипане, багшера забавлялъ по ирану, и позваъ Вашиеннаго. Лейтенантъ къ Каллипану въ шлюбку. Воздухъ спался душенъ. Небо днело шуманно. Солнце, сквозь влошь шуманъ, казался жусканнымъ, бѣтровымъ пашекомъ. Море, не возмашное асиритъ, днко ддзбадось, покрывное шмслчно ошлнловъ ошлнловъ цѣнна. — На ерегата всѣ было погружено въ сонъ; шолько, вслѣдствіе ошлнловъ и мапросы и Лейтенантъ, Досер-

были на верхней налужь ерегаша, но все разбросанные по разным угламъ, упиленные сильными жаромъ. — Лосевъ сползалъ на шрапль, облокотился на койки. Онъ держалъ глаза свои усмирленными на городъ. Онъ смотрѣлъ на домъ, въ которомъ обитаетъ его невзвеса. Онъ былъ грустенъ въ эту минушу.

— Какъ? и теперь грустенъ! теперь — когда черезъ день, онъ будетъ обладать совершеннѣйшимъ созданіемъ земли! Когда первѣйшее изъ желаній его гонимо исполнится! когда его сердце, жаждавшее любви, наконецъ мучительно, какъ Евангельскій богачъ выдалъ каццъ воды среди пламени, въ которомъ горѣлъ и не сгарѣлъ онъ, — наконецъ получитъ эту любовь, любовь идеальной дѣвы!

Да, и теперь грустенъ. Прежде радость посвящала его на минушу, теперь — грусть посвящала его на минушу. Чѣмъ значимъ минуша грусти предъ часами радостей! — Перебирая въ памяти прошедшее, Лосевъ непримѣнно ошаровывалъ на сѣ, который онъ видѣлъ уже давно. Эптонъ сѣи и Я Лосева слились въ одну минушу — во одно. Эптонъ сѣи былъ ужасенъ, какъ шрапль ногиды, какъ разлука съ нецѣннымъ сердцу.

Онъ видѣлъ во сѣ, что она уже принадлежала другому. Онъ видѣлъ брачное шествіе новой чести — епъ вѣнца. Онъ смотрѣлъ на это шествіе, изъ 4-го этажа какого-то огромнаго, мрачнаго зданія. — Голова его кружилась онъ

висопы, съ которой смогрълъ онъ, опъ ужаснаго прилива крови къ сердцу. — Онъ видѣлъ ее въ эту минушу, и лучше бы онъ увидѣлъ ее — обезглавленной! . . . — Въ опчальнм, въ изскупленіи, онъ смѣлся низвергнушья сквозь окно на моситовую; но какое-то адское существо, съ громкимъ хохомъ — удерживало его за волосы . . . и онъ скрежесалъ зубами. — И какъ она очаровашедьна была въ эту минушу! но, мужъ, мужъ ея . . . о, какъ онъ опврашишеленъ!.. Онъ шелъ за нею, онъ шелъ опъ брачнаго наоя съ нею, и слеза восхищенія не блиспала на его рѣсницѣ! и онъ не препеналъ священнымъ препеномъ, и онъ не былъ окруженъ лучезарнымъ сіянемъ восторга! . . . — Однако жъ сконская радость опчастн обнаруживалась на лицѣ его; онъ заранѣе—облизывался, какъ конь, уже держащій въ когняхъ своихъ молодую голубку!....

Въ самомъ дѣлѣ! ужасно было бы пережить любовь Елисаветы Алексеевны. Елисавета Алексеевна была дѣвица высочайшихъ совершенствъ духа и шѣла. Только необыкновенный, идеальный человекъ могъ заслужить любовь ея; но полюбив однажды, она любила такъ, какъ не любная Шиллерова Амалия, Шиллерова Луиза. — Въ поцѣлуи, ея объятія были глучи, какъ пламя алкоголя.

Гудъ пробуждающейся жизни ерегана извлекъ Лосева изъ малпаконбн мечтаний. Шлюбни со всѣхъ бокашцевъ лентван на воду; гребци спирт-

гивали на нихъ по шлюбочнымъ паллямъ. Съ лъвой стороны фрегата опускали въ море—дисель, парусь, въ кошоромъ будущъ купашься машросы. Не прошло минушы, какъ голоса Вахпешцаго Лейшенанта, голоса и свистки Боцмановъ—замолкли; все было готово къ машросскому купанью. Шлюбки рѣли вокругъ диселя. То они спояли на мѣсцѣ, шо быспро, какъ соколъ крыльями, взмахивая веслами. Гребцы ихъ, одѣтые въ бѣлыя рубахи съ широкими рукавами, съ черными косынками на шеѣ, съ фуражками, опрокинутыми назадъ на макушку, предсмавляли щегольскую, лхую морскую каршину. То, поднявъ весла надъ водою, они неподвижны какъ очарованные; шо, спройно, быспро, грациозно движущь корпусомъ, головой, руками, заставляющь весю музыкой спужать въ уклающинь.

Машросы 1-й вахты, шо поднимаясь, шо спускаясь по шранамъ — жвляющься говоромъ, тохощуть на дикашуня, спужающь на бакъ: они будущъ купаньщя.

Боцманъ 1-й вахты, уже совсемъ раздѣшый, спощь у греша дашпы на двомъ дикашуня.

Эй, дашы! 1-я вахта! Все ли раздѣшось, шчо дѣлѣ . . .

—Все! все! . . .

«Кшо плавань не умѣешь, шолько шчощь бросайся въ шмощь! а кшо плавань умѣешь, шилищъ бросайся въ море! . . . Ивановъ! Савельевъ! . . . Савельевъ! . . . собачий щинъ! . . .»

— Я! . . .

— Я! . . .

— Ну, вы слушайте въ лисель! возмите на гардению, да учинишь плаванье некружовъ! . . .

— Какъ зномиясь, что ли, Василій Иванычъ? на гардению — да и за лисель! . . .

— Что больно шумъ спалъ! рауумиенся, какъ зномиясь. . .

— На шлюбкахъ — не вавантъ! кто манулы спанешъ, шакъ спасайте! . . .

— Есиль! . . . есиль! . . .

И-я захитъ — бросайтесь! . . . Благословенъ Христосъ! . . . И воли Божия, перекрестивъ, порываъ бросился въ море. Долго его не было видно надъ водою; но воля оны выплылъ, извергая изъ себе катъ кинтъ водные фонтаны. — За Божияволю, шашроски, креслась, шолпами бросались въ воду. И воли уже вся шервая вахта плавала у лавато борша ереганя. Гаазъ не могъ да шоль анба нва плавашичь мащросоръ; предпочпипешельно, шашановишь вышмадиъ; они шакъ быспро шо нырели за воду, шо зинидаи шашшо одинъ другаго, шо скрывались за шлюбку или за лисель. Иной шазъ ниць, . . . едла быдъ виденъ среди брнатовъ воды; оны | удешно онуцалъ рукаи и ногами по воду. Другой шазъ на сницъ, киль шерпвецъ! вышашуеъ ногъ, . . . сложивъ руки кресношъ на грудь. — Слухъ быль поражаемъ пошремешшани вавалкани, говоромъ и хохономъ купающихъ и ихъ плесканьемъ въ воду.

Укитъ шавантъ необходимо для шрака,

шакже какъ и умѣвъ лазить по скаламъ горному охотнику. Вся команда фрегата была выучена плавать, исключая рекрутовъ послѣдняго набора. Ихъ славно муштрують за лиселемъ Ивановъ и Савельевъ, два отличные фрегатскіе водолаза. Не взирая на ихъ жалобныя мольбы о пощаду, не взирая на ихъ шреченя ужаса, они бросають ихъ на гардець въ море, и рекруты неирривъшно пріучающа держаться поверхъ глубины.

Цѣлый часъ ужъ плавають машросы, не схватясь ни однажды ни за наиболѣе весло, ни за никашорину лиселя. Можно увѣришельно сказаць, что каждый изъ этихъ машросовъ, упавъ по несчастному случаю въ море во время хода фрегата — не утонулъ бы. Онъ легко продержался бы на водѣ, пока какниъ ибудь средствомъ не вяли бы его ошнѣ на фрегатъ. — Но вошь Воцманъ высылаеть всѣхъ изъ воды.

Никишинъ и Лазровъ, одыалъ на бакѣ у фокъ-мачты, завели ошнѣ разговоръ.

«Микиничъ! а Микиничъ!»

«Ась!»

«Скажи пожалуй, что вшонтъ шюлень привазался къ фреганту? Вошь ужъ цѣлая сущина онъ вкрутъ него плаваешь: не видашь, не видать — ашь ошакъ выныриваетъ! . . . Въдь вше плохо — Микиничъ! . . . Когда кушался я, шаць онъ начушочку не поцѣловался съ моимъ рыломъ.»

«Почитай — какъ знаешь. Мое сердце въ-

штуенъ, чпо бытъ грозъ, бытъ крѣпкому въпру:
вѣдь Ильянская пятница сегодня. Пророкъ-
онъ не вызжалъ днемъ, шакъ выѣдещъ ночью:
моспы ужъ на небъ про него, чай, давно гошovy.
— Да ешь о чемъ шолковашъ! въ Окіанъ мы
всякія диковинки видали!» . . .

«Нюхнемъ-ка, братъ!» воскликнулъ Лавровъ
шономъ громогласнаго одобренія.

«Дѣло. Нюхнемъ.»

Засимъ, Никишинъ и Лавровъ обмѣнялись
щепотками шабаку.

Глядя на купающихся, мы и не замѣтили,
чпо кашеръ приспалъ къ боршу; — это ка-
шеръ главнаго Командира *** порша. — Еже-
ли бъ я былъ на вахшѣ, я бы не прозввалъ
эшого Адмиральскаго кашера: чшо если бъ на
немъ былъ Адмиралъ? . . .

«Эй, на кашеръ! съ кѣмъ вы прѣехали?»

«Съ Иваномъ Алексѣевичемъ В. — Ваше
Благородіе.»

Это 10-ти лѣтній братъ Елизаветы Алек-
сѣевны. Настоящій посланникъ любви!

Но гдѣ же онъ? . . . Это золошно, а не маль-
чикъ! шо-шо будешъ морякъ!

Ваня! Ваня! . . . поцѣлуй же меня! побудь
хотя минушю со мною! дай мнѣ насмотрѣшься
на шебя! . . .

Я не могу смотрѣшь безъ особеннаго вос-
шорженнаго чувства, на ребенка—будущаго мо-

ряка. — Приди ко мнѣ, Иванъ В. — Приими свою мягкую, не волнуемую еще ни одною бурною, мрачною спрессію — грудь, къ космической, болезненно воздымающейся груди моей. — И нынѣ, также какъ и я, исполнишься возвышенныхъ, дѣйственныхъ впечатлѣній моря; черезъ одну привилію съ тобою мы будемъ смотрѣть на жизнь, на землю, на славу, на опечеснво; сладостныя аджаіо душъ нашихъ сольются во-едино; мы будемъ вполне понимать другъ друга. — Океаны да будутъ поприщемъ твоихъ дѣйствій! швская каюша, и весь земной шаръ — да будутъ твоимъ жилищемъ! война, битвы — да примутъ тебя въ свои объятія! ты общаешь храбраго вишузіаста-водна. — Моряхъ — безъ моря! морякъ, не живущій случая съ быспрошою пилицы пролетать тысячи верстъ, — отъ экватора летѣть къ полюсу! морякъ, не живущій случая попереть руку въ битвѣ подобно Бушеневу — поминся въ монопопной долѣ своей!... это орель со связанными крыльями.

Но, уже Иванъ В. — далеко отъ меня.

Посмотриле, съ какимъ громкимъ смѣхомъ дѣтскаго воспорга онъ схватилъ ружье: онъ цѣлуешь, обнимаешь его!

Посмотрише, съ какою смѣлостію, съ какою быспрошою онъ побѣждалъ по ваншамъ! мигъ — и онъ уже на марсѣ; и онъ наклонился опшуда. Смотришь съ такой высоты внизъ, отъ кошорой у другаго ребенка ужъ давно бы

закружилась голова, — и громко свѣнтся. Ему любо, невыразимо любо видо опасное положеніе!

О! въ этой груди нѣтъ почти, на которой могли бы возрасти сѣмена — низкаго, позорнаго, бесчестнаго страха! . . . И этотъ мальчикъ растешь въ сообществѣ слабыхъ, пруславныхъ женщинъ!? и этотъ мальчикъ родился въ эпоху нѣжащаго, расслабляющаго пѣло и душу воспитанія 19-го столѣтія?! И этотъ мальчикъ сынъ богатаго, знатнаго вельможи?!

Но вотъ онъ опять на шкапцахъ. Чело его облично пономъ. Грудь его волнуется отъ усталости. Черные, большіе глаза блещутъ удовольствіемъ. Черные, длинные, кудравые волосы, старательно причесанные рукою сестры его, разметались по лбу. — Весь онъ очарованъ, беспорядоченъ въ эту минуту, какъ высшая, безпредѣльная радость.

Иванъ В. привезъ отъ отца своего и отъ Елизаветы Алексѣевны, письма Лосеву. Отецъ писалъ, что отъ наконецъ можете въ точности назначить Воскресеньемъ свадьбу своей дочери. Что сынъ его, со дня на день ожидаемый изъ-за границы—пріѣхалъ, и что онъ неперпѣливо хочетъ обьявить жениха обшры своей. — Генералъ В. звалъ Лосева, пошлась же пріѣхашъ на берегъ. — Онъ писалъ также и къ Капитану Фрегата: отъ слова просилъ позволенія у Капитана, обвѣчанъ дочь свою — исполня ея желаніе — на Фрегатъ,

Но что Елизавета Алексѣевна писала Лосеву?

Лосевъ держалъ въ рукѣ письмо ея.

И рука Лосева шрепешала, держа это письмо, и сердце его билось и лице его сіяло живою радоснію.

Онъ заперся въ своей каютѣ, и, какъ росшовщикъ, наединѣ перебирала брильянны мысли и чувствованій своей возлюбленной.

Письмо Елизаветы Алексеевны къ Лосеву.

»И вошь, наконецъ, послѣ-завтра, я буду принадлежать тебѣ. И вошь, наконецъ, послѣ-завтра насманеть по время, когда уже люди не въ силахъ будутъ разлучить насъ, насъ, соединенныхъ въ одну душу, — священнымъ, шамнсивеннымъ обрядомъ вѣчанія. — Мужъ не можеть сущеспвоать безъ женщины, какъ герой безъ лавроваго вѣнца! женщина не можеть сущеспвоать безъ мужа, какъ земля безъ солнца!

»Чародѣй ты, Александръ! Чпб я была безъ тебя? . . . чпб я была въ то время, когда образъ швой, когда все, чпо есть ты — еще не воцарилось на пресполь души моей? . . . Ты, шолько ты далъ мнѣ наспоающую, кшящую возвышенными, религіозными мыслями и чувствованіями жизнь, предъ кошорою ничша жизни небожштелей!»

»Я чпшала много, я воляшрвала, я всегда была въ высшемъ кругу общеспва при-знаюсь тебѣ, не за флорскаго Дейшкеша, не за владѣшела 50 душъ кресньянъ —

я думала выйти замужъ. Женить, и первый Поэтъ столярія, Поэтъ, предъ которымъ ничто Байронъ, Вальшеръ-Сконшъ; даяхъ, и несмысленныя Алладиновскія богатства — были синонимами въ моемъ воображеніи. Я не думала, что можно быть счастливою при обыкновенныхъ, ограниченныхъ обстоятельствахъ жизни. — Но мнѣ душно, тяжело было тогда: нелпыя фантастическія мечты не давали мнѣ ни днемъ, ни ночью покоя; — онѣ разрушали мое существованіе; онѣ какъ ядъ жгли мою внутренность.

»Всегдашняя роскошь, окружающая меня, всегдашнее исполненіе всѣхъ моихъ прихотей, — были основаніемъ, на коемъ я могла громоздить мои воздушные замки. — Я любила лица не опъ міра сего, я любила міръ, созданный моимъ воображеніемъ; я ненавидѣла землю и ея обитателей, и между тѣмъ я должна была улыбаться имъ, шанцевать съ ними. — Много разъ я испытывала, поймутъ ли меня: многимъ я читала поэму души моей, скрывъ имя Авшора ея — подъ анонимомъ; но, хоть бы черта чувствованій легла на лицъ моего слушателя. Для нихъ языкъ поэмы моей былъ языкъ жщелей луны. Для нихъ не былъ доступенъ тайный поэтическій смыслъ рчи; для нихъ были бессмысленными оцѣнки голоса, выраженіе глазъ, выразительное молчаніе. Какъ попугай, они умѣли понимать буквально, только слова громко, ясно произнесенныя.

»И какъ они понимали красоту!... чтобы

понравилась имъ, надо было имѣть только: большіе черные, или голубые глаза, правильный носъ, маленькія губы, маленькую ногу. Они не знали, не чувствовали, что красота есть гармоническое сліяніе красоты частей; что части цѣлаго, прекрасныя сами по себѣ, часто dis-гармонизируютъ между собою, и следовательно отвратительны. Для ихъ слѣпаго, крошечнаго зрѣнія, не существовало красоты — невыразимой, красоты, которую можно только чувствовать, любить, а не определять словами.

»Помнишь ли поэтъ вечеръ, въ который въ первый разъ мы говорили съ тобою? помнишь-ли, какъ безумно весела, какъ много говорила была я?... Ты заранѣе предугадывалъ то, что хотѣла сказать я: поэма души моей была уже давно гробъ извѣстна: ты зналъ ее наизусть. — Эпоетъ вечеръ разрушилъ идоловъ, Фетишей, которыми поклонялась я, и съ эпоихъ поръ я содѣлалась Христианкою: я начала любить Бога, жизнь и ближняго!

»Но Боже, Боже мой! что бы я была безъ тебя! куда бы увлекло меня воображеніе! въ какую бы пропасть человеко-ненавидѣнія, жизнененавидѣнія упала я! куда бы дѣлась красота моя, испечеленная огнемъ мысли! ее бы въ гробу изгрызли черви!... И между шѣмъ, ты бы также спрадалъ, также чахъ, ища и не находя подруги души твоей! И между шѣмъ, ты также бы умеръ, не наслаждаясь жизнью!....

»Ужасно!

»Но теперь, слава Всевышнему! и ты, и я, счастливейшіе из смертных на земли!

»Башюшка послалъ къ тебѣ кашеръ Адмирала Л. — Лети ко мнѣ на крыльяхъ любви. Я спражду безъ тебя! я не могу жить безъ тебя, какъ безъ воздуха. О! когда нащупишь ты минушу, въ которую, брачнымъ поцѣлуемъ, мы обмѣняемся съ тобою душами. Полшора дня, какъ бездна вѣчности, лежашъ между настоящимъ и пою минушою.

»Смѣйся! . . . мнѣ мнится, что зловѣщій вранъ кружишь въ эту минушу надо мною, какъ надъ умирающимъ ошъ голода въ пустынь. — Счастіе шакъ далеко ошъ челоуѣка, что онъ, вспрѣясь съ нимъ — не вѣрнпъ глазамъ своимъ. Освобожденный узникъ долго не можешъ привыкнушь къ мысли, что нѣтъ цѣпей на рукахъ его (*).«

Тихими шагами вынелъ Лосевъ изъ своей каюшы, чпобъ иппи къ Капишану. Лице его было задумчиво, блѣдно, величественно.

»И шакъ, въ Воскресенье ваша свадьба,« сказалъ Капишанъ, прочтя письмо Генерала В. »Вась зовушь, чпобъ вы непременно сейчасъ же прѣехали на берегъ. — Поузжайше.«

Въ эту минушу ударило 4 спклянки и про-свистали на вахту.

(*) Постскриптумъ письма Ел. Ал. — мы пропустили.

»Мнѣ на вахну, Капишанъ. — Въ полночь, снѣлся съ вахши, ежели вы мнѣ позволите, я съѣду на берегъ помелашь доброй ночи моеѣ невѣстѣ.«

Эта романтическая выходка Лосева заставила краску, съ быстротою огня молнии, пробѣжать по лицу Капишана. 40-лѣтній мужъ, на одинъ мигъ перенесся въ былое, на одинъ мигъ всплѣлъ жизнь юности.

»Хорошо,« ошвѣчалъ Капишанъ послѣ краткой паузы, и лице его опять содѣлалось блѣдно и безстрашно.

»Я увѣренъ, что будущая жена моя любить ошечество болѣе себя. Она не захочеть, чшобъ для нея я пренебрегъ службою.«

»Спустише брамъ-спенги въ росшры, кригошовше якоря. — Намъ, можете бышь, крийдешся выдержашь порядочный шквалъ,«

»Слушаю, Капишанъ.«

Лосевъ проснился съ Иваномъ В. Онъ спрашно, крѣпко поцѣловалъ его. — Вамя шакъ похожъ на Елизавету Алексѣевну, губы ея шакъ часно прикасались къ его губамъ! — Ошвѣчалъ вполне на письмо невѣсты, Лосевъ не имѣлъ времени; онъ написалъ къ ней маленькую записочку. — Впрочемъ ему бы и на 20-ти лшсахъ не выразишь того, чшо онъ чувшвовалъ: можно ли безпредѣльности заключить въ границы!

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

СТАТИСТИКА.

ЗЕМЛЯ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ.

(Описание.)

ПРЕИМУЩЕСТВА.

Сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимаго, земля, обмежеванная и нынѣ въ настоящихъ границахъ подробно измѣренная, почитается общенностью, принадлежащею Войску; а потому никто изъ владѣльцевъ, ни продашь, ни заложить земли не можетъ. Каждый Казакъ, надѣленный значительнымъ участкомъ плодородной земли, не плашитъ Государству ни какихъ податей, и обязанъ за то всегда быть готовымъ на службу, имѣя свое оружіе, одежду и двухъ коней. Сверхъ того, въ дѣйствительной службѣ и въ походѣ получаютъ они провіантъ, фуражъ и жалованье, Гусарскимъ полкамъ по старому окладу положенное. Простой Казакъ за отличіе и храбрость производится въ офицеры, и съ первымъ чиномъ получаетъ дворянское достоинство, съ правами оному присвоенными. Рядовые Казаки втораго и третьяго разряда до 60 лѣтъ считаются на службу, отправляя оную, также какъ и чиновники, по очереди и по наряду начальства. Кромѣ отправныхъ за увѣчемъ и болѣзнями, прежде сего срока оказавшіеся неспособными къ дѣйствительной службѣ, употребляются для внутренней службы, въ

Судебныхъ палатахъ, при Полиціи и проч. Казакъ, кошорому по очереди доспашся на службу, можеть наняшь за себя другаго; охотниковъ изъ числа ошставныхъ и не богапыхъ весьма довольно. Главныя спашьи ихъ преимуществъ соспояшь въ позволеніи ловить рыбу, звѣрей, безденежно доспавать соль изъ Манычскихъ озеръ, курить вино, и изъ другихъ, подробно означенныхъ въ росписи войсковыхъ доходовъ.

Промышленность.

Казаки съюшь хлѣба мало, и не болѣе какъ сколько пребуешся для домашняго продовольствія; но чиновники, у кошорыхъ еспь креспьяне, въ довольнономъ количествѣ продаюшь въ Таганрогѣ пшеницу, называемую здѣсь *арнауткою*. Главнѣйшій доходъ Казаки получаютъ ошь скоповодства и рыбной ловли, не шребующихъ большихъ шрудовъ и посшоянныхъ усилій. Кромѣ нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, на коихъ выкуриваешся не болѣе 150,000 ведръ въ годъ, въ Донской землѣ нѣтъ никакихъ фабрикъ и заводовъ. Казаки не прилажашь къ ремесламъ и художествамъ, шакъ, чшо въ самой столицѣ ихъ, Новочеркасскѣ, нѣтъ самыхъ нужныхъ масперовыхъ; и шѣ, кошорые еспь, всѣ иногородные. Казаки почшимъ шакже лѣнны въ работѣ, какъ и Малороссіяне, и шакже смѣшлны и переимчивы въ механическихъ искусстввахъ, какъ и Великороссіяне; но получая ошь одного скоповодства доспашочное содержаніе, небрегутъ о домоводствѣ, и большую

часть времени проводящъ въ праздности и гульбѣ. Сельское хозяйство въ который доходъ доставляетъ только шѣсть изъ нихъ, которые, имѣя различные деньги, могутъ плащить поденщикамъ, приходящимъ въ значительномъ числѣ изъ Россіи для полевыхъ работъ, по 2 р. 50 к. въ день, кромѣ пищи. За всѣмъ шѣмъ, здѣшніе богатые помѣщики, владѣя огромными участками, соснавливающими иногда до 40,000 десятинъ плодородной земли, по сравненію съ другими губерніями, менѣе благодѣтельствованными климатомъ и природою, получаютъ весьма незначительный доходъ.

Казакими помѣщичьими крестьянами посвяно было въ 1832 году озимаго хлѣба 91,486 и яроваго 359,643 чепверши. Урожай хлѣба былъ, озимаго самъ-другъ, и яроваго самъ-трешей. Пчеловодствомъ предпочтительно занимающся крестьяне Міусскаго Округа; сборъ меду по всѣмъ Округамъ весьма незначителенъ, и онаго ежегодно собирается около 8,000 пудовъ. Значительныя ярмарки въ Войскѣ Донскомъ бывающъ: 1, въ спаницѣ Урюпинской въ день Покрова; 2, въ спаницѣ Михайловской въ день Богоявленія; 3, въ слободѣ Криворожской въ Троицынъ день; 4, въ Новочеркасскѣ въ Троицынъ день, на Воздвиженіе и въ Покровъ; 5, въ Нижне-Черкасской спаницѣ на Воздвиженіе. На Урюпинской ярмаркѣ въ 1832 году продано разныхъ товаровъ на 2,360,000 руб. на Михайловской на 1,019,510 рублей; на Криворожской ярмаркѣ, гдѣ главный торгъ производится шерстью, рогатымъ скотомъ и лошадьми, изъ

привезенныхъ товаровъ продано на 243,840 р., рогатого скота, лошадей и овецъ продано на 230,730 рублей. На Новочеркасскихъ ярмаркахъ, гдѣ главный торгъ производится хлѣбомъ, рогатыми скотомъ и лошадьми, товаровъ привезено на 4,800,000 рублей, продано на 650,000 рублей. На Нижне-Черкасскую ярмарку, шелковыхъ, бумажныхъ, и холщевыхъ товаровъ привезено на 1,999,743 рубля, продано на 670,580 рублей.

Скотоводство.

Конскіе заводы. Улучшеніе конскихъ заводовъ составляетъ первый предметъ хозяйства, необходимаго для службы Казаковъ, и мы займемся имъ съ нѣкоторою подробностію; а какъ скотоводство составляетъ главный промыселъ, то и о сей отрасли хозяйства соберемъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

По рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Дону до рѣки Донца, лошади не рослы, но довольно складны, легки и сильны. Лошади же съ заводовъ по Донцу и вверхъ Дона, происходящія отъ заводскихъ жеребцовъ сосѣдственныхъ Губерній и считающіяся негодными для Казачьихъ полковъ; они хуже настоящихъ Русскихъ лошадей, особенно Бишюцкихъ, и пошлѣе и низкою цѣною продаются извоицикамъ.

Лучшія пастбищныя мѣста для лошадей находятся по правую сторону Дона, начиная отъ Донца до Калміуса и по берегу Азовскаго моря въ мѣстахъ возвышенныхъ, сухихъ и при текущихъ чистыхъ водахъ. По лѣвую сторону Дона,

во рѣкахъ Салу, Куберлякъ, Манычу и прочимъ, луга имѣють вязную почву, воды соленыя и дурнаго запаха; множеству насекомыхъ льшомъ беспокояють животиныхъ, отъ чего лошади перераждающа въ слабыхъ, короткошеиныхъ и головаемыхъ; но здѣшнія лошади вообще росшомъ: выше другихъ.

Доброина лошадей зависить болѣе отъ содержанія ихъ. Арабъ, Персіанинъ и Турокъ вздѣшь на кобыль, за конорою слѣдуетъ жеребенокъ. На годоваломъ жеребенкѣ начинаютъ вздѣшь слегка, что и продолжаютъ до совершеннаго возраста. Сии народы пріучають лошадей своихъ поспешенно къ ношенію пягоспи, шакъ, что по достиженіи ими надлежащаго росша, отъ скачуть по 30 верстѣ и болѣе съ тяжелымъ сѣдомъ и уборомъ безъ малѣйшаго для нихъ вреда. Арабскія лошади въ песчаныхъ и каменистыхъ мусшьяхъ проводятъ нѣсколько дней безъ корма и пиши. Черкескіе и другіе Азіятскіе наѣзники часто увозить добычу на большое пространство, не слѣзая съ лошади по дѣлымъ сункамъ. Англичане шакже держашъ своихъ скаковыхъ лошадей въ черномъ шѣлѣ, но содержатъ ихъ съ большимъ раченіемъ и поспешенно пріучають къ шрудамъ. Черкескія лошади, нишакъ всегда въ полѣ, переносятъ непогоды легко, и скачуть большія разшоянія безъ вреда; но какъ количество ихъ слишкомъ велико, то каждая лошадь и не можетъ получить вошншакія, подобнаго Арабской, а пошему въ силѣ

и особенно для ношенія нягоспей, должны имъ уступать. Впрочемъ лучшія Черкескія наездничьи лошади выдерживаются также, какъ и Арабскія.

Опытъ показалъ, что улучшать лошадиные заводы на Дону преимущественно должно отъ Азіатскихъ породъ, какъ-то: Арабскихъ, Персидскихъ, Черкесскихъ, Анапольскихъ и Хивинскихъ. Англійскими лошадьми улучшить заводы не возможно потому, что скаковой чистой породы жеребцовъ изъ Англійи за границу не выпускають, а отъ такихъ, какіе продаются у насъ, выходятъ лошади, годныя только для парада и прогулки. Маршвинова заводъ, разведенный отъ Англійскихъ, почитается лучшимъ для упряжныхъ, а для ремоншовъ кавалерійскихъ и особенно для казачьихъ полковъ, лошади его не покупаются. Поздѣевъ испортилъ свой заводъ, почитавшійся лучшимъ на Дону, породю тяжелыхъ Мекленбургскихъ жеребцовъ. Безъ сомнѣнія, Арабскіе жеребцы могутъ дать наилучшихъ лошадей, но высокая на нихъ цѣна, и невозможность приобрѣтать ихъ прямо изъ Аравіи, каиманъ, содержаніе и многія другія причины, послужаютъ тому почти непреодолимымъ препятствіемъ. Посему нынѣ всѣ заводчики стараются улучшить свои заводы другими Азіатскими породами и безъ сомнѣнія въ томъ успѣють.

Нынѣ Графа Платова заводъ подъ шавромъ Р., почитается лучшимъ на Дону, и дриско-

длингъ оныхъ породы Закубанскихъ лошадей, улучшенныхъ Персидскими и Хивинскими жеребцами, которыхъ покойный Графъ Машвѣй Ивановичъ имѣлъ случай доспашь въ 1796 году, во время бывшей съ Персією войны. Кирсанова почитается лучшимъ послѣ завода Платова и происходитъ отъ Черкескихъ и Таттарскихъ лошадей, улучшенныхъ жеребцами Платова завода. Харипонова заводъ, подъ шавромъ С, породы Черкеской, улучшенъ жеребцами Платова завода, и хотя первымъ двумъ уступаетъ на скачкахъ, но за шо лошади красивѣе. Заводъ Гг. Иловайскихъ, изъ породъ лошадей Каамыцкихъ, Таттарскихъ и Черкескихъ, дають лошадей рослыхъ и спашныхъ, въ большомъ количествѣ покупаемыхъ для ремонтновъ. Другіе заводчики имѣють лошадей посредственныхъ, частію отъ небреженія или незнанія, частію отъ обспояшельствъ непредвидимыхъ или отъ примѣси Европейскихъ и Бахмутскихъ тяжелой породы жеребцовъ. Лошади Платова завода продаются по 350 рублей кругомъ за голову, прочія въ соразмѣрности дешевле, такъ что лошади худшихъ заводовъ продаются по 100 и по 80 рублей въ разницу.

Для смотрѣнія за шабунами занимающа Каамыки, полагаютъ на шо лошадей одно семейство, на 500 три, на 1000 пять, а на 1500 и 2000 шесть семействъ считается достаточнымъ. Кромѣ частныхъ заводовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, занимающихся улучшеніемъ

породы лошадей, обитавших Хоперскаго, впрочемъ Донскаго и Усть-Медвѣдицкаго Округовъ имѣютъ огромныя шабуны, остающіеся безъ всякаго присмотра и раченія о нихъ. Во всѣхъ Войсковыхъ Округахъ счисляется до 257,211 лошадей, въ томъ числѣ 123.328 машокъ.

Рогатый скотъ на Дону прехъ породы: 1-я *Калмыцкой Дербешовой орды*. Скопнина сей породы мясиста и красива, на зиму обросшаетъ густою шерстью, легко переноситъ климатъ; ибо по инстинкту, также какъ лошади и овцы, раскапывая копытомъ снѣгъ, удобно достигаетъ траву и питается ею въ полѣ всю зиму, исключая продолжительныхъ мятелей, и *шереметовъ*; (такъ называется здѣсь, если на снѣгъ выпадетъ дождь и поверхность снѣга замерзнетъ); тогда скотина вдругъ лишается прелитанія. Въ сей крайности, гдѣ случится камышь или кушарникъ, шамъ только гурпы спасаются отъ голодной смерти. Сей породы разведена лучшая скотина у Бугучева за Донцемъ. 2-я, *Венгерская* порода, завезенная съ Днѣпра, уступаетъ первой породѣ по тому, что не можетъ зимою питаться въ полѣ; при томъ хотя быки рослы, но не мясисты. 3-я *Голландская* порода есть неспособнѣйшая къ усовершенствованію Донскаго рогатаго скота; но какъ сія порода пребудетъ большихъ поспроеній, и тщательнаго присмотра, по дѣянію хозяевъ, по неимѣнію къ тому средствъ, предпочтительней ей Калмыцкую породу, которая, не зная хлѣва,

и гдѣто и зину гулаешъ въ полѣ, не пребуя оупъ
хозяина ни пици, ни большаго присмотра. Гол-
ландская порода, разведенная Г. Маршковымъ,
почищается лучшею на Дону.

По старинному обычаю, шелять не упо-
требляютъ въ пицу; припомъ адъшнія коровы
шакъ пріучены, что безъ шеленка молока не
даютъ. Судя по количеству дойныхъ коровъ,
масла выбивается шолько для домашняго рас-
хода, а въ продажѣ его мало и оно дорого; сы-
ровъ вовсе не дѣлаютъ. Сія отрасль промыш-
ленности предпримчиваго человека могла бы
обогащитъ, ибо по дешевизнѣ молока, съ неболь-
шою издержкою на успроеніе завода на ино-
спранный образецъ, можно было бы выдѣлывать
великое количество масла, котораго сбытъ въ
Россію и опшускъ за границу доставилъ бы
значительныя выгоды. По великому употреб-
ленію сыра въ Морѣ, Архипелагѣ и Италіи,
продажа онаго на мѣстѣ въ Таганрогѣ могла бы
доставитъ еще значительнѣйшія выгоды. Соле-
ніе мяса, для нашего Черноморскаго флота и
особенно для Англійскаго, пребывающаго въ
Мальшѣ, могло бы составитъ обширную от-
расль промышленности для Донскаго края.

По причинѣ малаго населенія и великаго
числа разводимаго здѣсь скота, хозяева не мо-
гутъ загонюватъ достаточнаго количества съ-
на. Калмыки, которые всѣхъ другихъ Донскихъ
жившей богаче скотомъ, не загонюваютъ съ-
на; въ Мускомъ и Донскихъ Начальствахъ заго-

поволяютъ онаго на шесть недѣль; а въ верхнихъ частяхъ Дона, по Хопру и Медвѣдицѣ на четыре мѣсяца. Гдѣ болѣе оспорожности, шамъ менѣе и бѣдъ встрѣчаешся. Если въ продолженіе обыкновенной здѣшной зимы случашся частыя мятели и шеренги, то ошъ недостатка сѣна много скоша погибаетъ. Во время пребыванія моего въ Новочеркасскѣ въ 1832 году, зима, при глубокомъ снѣгѣ и при 20° мороза, по несчастію продолжалась до пяти мѣсяцевъ, и бѣдствіе неоправимое, подобно землетрясенію, навело ужасъ на всѣхъ жишелей. Калмыки болѣе всѣхъ пошерпѣли убытка, и многіе другіе хозяева лишились почти всего своего богатства; цѣлыя стада пали; лошади и рогатый скотъ сами собою, по инстинкту, перешедъ Донъ, устремились къ Сѣверу и, къ удивленію, спаслись, нашедъ шамъ менѣе снѣга и болѣе благопріятную для нихъ погоду.

Рогатаго скоша было въ Усть-Медвѣдицкомъ Округѣ 215,922 головы; во вшоромъ Донскомъ 201,308; всего же Войску принадлежащаго, 840,683 головы и въ томъ числѣ 396,134 маики. Въ теченіе года опущено рогатаго скоша въ столицы и другіе города Россіи 20,056 штукъ. Пара быковъ продается отъ 80 до 150 и рѣдко по 200 рублей. Голландскій цѣнится дороже Калмыцкаго, а сей Венгерскаго. Скотъ обыкновенно продается на мѣсныхъ ярмаркахъ. Оспрогожскіе, Воронежскіе, Тульскіе и Московскіе купцы занимающся симъ промысломъ. Про-

дама рогатаго скопа доспавляетъ Казакамъ, не смотря на случающіяся изрѣдка бѣды, наибольшія выгоды; ибо издержки для присмотра за нимъ весьма незначишельны: не болѣе прехъ Калмыковъ нанимающся для пастбы 500 скотинъ.

Овцы.—Качество правы и воды, наибольшее имѣетъ вліяніе на породу, вкусъ мяса и волну овецъ; разведеніе почвы единообразно; а содержаніе весьма различествуетъ по породамъ. *Испанскія* овцы, не смотря на различіе климатовъ, съ успѣхомъ разводятся почвы во всей Европѣ; напрошивъ *Крымскихъ*, дающихъ дорогія мерлушки и рождающихся только на Тарханкутѣ, нигдѣ еще не удалось развести. Калмыки, владѣя солончакими, подобными Тарханкутскимъ, могли бы обогатить себя разведеніемъ Крымскихъ овецъ: но сіи люди ничего вновь не предпринимають, такъ что отъ временъ Ашшлы и въ образѣ ихъ жизни не примѣшно ни какихъ измѣненій.

На Дону удобно плодятся слѣдующія породы овецъ: 1-я *Мериносы*, любятъ праву сухую, ароматическую, распущую на високахъ. Лучшія пастбищныя мѣста для сей породы *Испанскихъ* овецъ находящся въ Міускомъ Начальствѣ, по берегу Азовскаго моря, по нагорной споронѣ Дона и вообще на мѣстахъ возвышенныхъ. *Мериносы* требуютъ особаго присмотра и лучшаго выпанія; зимою они не могутъ ходишь въ полѣ, а пошому должно для нихъ спромтъ лещыя приюшы и содержать ихъ въ чистотѣ. По сей

причинъ только заимочные помѣщики имѣютъ ихъ, и то еще не въ большомъ числѣ. Мерносы спригуются одинъ разъ въ годъ весною, дають до 4 фунтовъ волны, коей пудъ продается по 30 рублей; следовательно каждая овца даетъ до 3 рублей дохода въ годъ; — доходъ значительный.

2-я *Шленскія*, не столь нѣжны, какъ мерносы, но требуютъ шакого же присмотра и содержанія. Спригуются одинъ разъ въ годъ, пудъ волны ихъ продается по 20 руб., и каждая овца даетъ по 2 руб. дохода въ годъ.

3-я *Калмыцкія* съ курдюками, разводятся въ большомъ количествѣ Калмыками. Сія порода и зимою пашається въ полѣ, разгребая снѣгъ, и только на случай мяселей и шеренгъ требуютъ до 6 пудъ сѣна на каждую овцу, которыя даютъ до 3 фунтовъ шерсти, за пудъ коей платится около 2 руб. 50 копѣекъ. Ягнчьи мерлушки доброшою много ниже Крымскихъ, продаются отъ 1 руб. 50 коп. до 2 рублей.

4-я *Воложскія* овцы, хотя меньше даютъ дохода, но ихъ разводятъ боаѣе, потому что мясо ихъ вкусяѣе другихъ породъ; волна же ихъ продается по 3 руб. 50 коп. за пудъ.

5-я *Русскія*, для хозяйства крестьянскаго почтитаются выгоднѣйшими; онѣ сносятъ нечистоту и плохой кормъ и волна ихъ способна для крестьянской одежды. Воложскія и Русскія овцы съ выгодною плодятся въ Сѣверныхъ Начальствахъ, и шаже какъ и Калмыцкія, спри-

гушя два раза въ годъ, въ Маѣ и Августѣ. Русскія овцы даютъ $3\frac{1}{2}$ фунта шерсти, коей пудъ продается по 3 рубля.

Какъ Сѣверная сторона Донскаго края болѣе населена, а скошоводство въ ней вообще менѣе, по не смогря на продолжительную зиму, скопъ ошъ холода и голода не гибнешъ, и хозяева получаютъ бѣльшій доходъ, нежели какой можно получить на низовыхъ мѣстахъ. Для 1000 овецъ занимающъ пять Калмыковъ. На мѣстахъ, гдѣ пасутся овцы, лошади могутъ питаться только по крайней нуждѣ, ибо овцы оставляютъ по себѣ мало корму. Овцы въ водопѣ не разборчивы, а рогатая скотина и того менѣе, и питаются съ овцами безъ отвращенія и вреда. Въ 1832 году было овецъ въ Округахъ: Хоперскомъ 521,907, вшоромъ Донскомъ 520,774, Усть-Медвѣдицкомъ 481,162, во всѣхъ же Округахъ Земли Войска Донскаго 2,110.539, въ томъ числѣ 1,092,640 жашокъ. Шерсти собрано по всему войску 217,775 пудъ.

Не смогря на огромное скошоводство и значительный ошъ онаго получаемый доходъ, пора бы, кажешся, думать о улучшеніи породъ скоша, особенно лошадей, а доходъ случайный умножить средствами болѣе постоянными и вѣрными. Не мѣстныхъ общешельства, не малое населеніе, и даже не незнаніе, а *хвастливость* и упрямство, свойственные всякаго рода охотникамъ, тому причиною. Здѣсь каждый заводчикъ старшій чиномъ, также какъ и хозяинъ испари су-

ществующаго завода, почишаепъ свой скотъ первымъ на Дону. Увѣренность ихъ въ семь отношеніи столь велика, что произнося ложь незлую, неправдоподобную, они думаютъ, что говорятъ самую истину, а посему ни какаго прошивурвчія и добраго совѣша, шерпѣшь и выслушать не могутъ. И шакъ вмѣсто того, чтобы именьшые и богатые заводчики подавали другимъ средства къ улучшенію, или сами пользовались бы совѣшами людей болѣе ихъ свѣдущихъ, они пребуютъ безусловнаго одобренія своимъ бреднямъ, и кино хочепъ бышь у нихъ въ милости, или сохранишь ихъ къ себѣ благорасположеніе, чтошъ необходимо долженъ превозносишь породу ихъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

По симъ-то причинамъ, не взирая на спараніе Ашамана Графа Плашова и немногихъ просвѣщенныхъ охотниковъ, публичная скачка, съ цѣлю улучшенія заводовъ, необходимая для войска, къ сожаленію и до сего времени на Дону не существуетъ. Бываютъ скачки между двумя, тремя пріятелями, въ которыхъ приглашаемые знатоки, участвовашъ не хопятъ и *не смѣютъ*, дабы публично не обличилъ низкое достоинство своихъ лошадей. Жаль, очень жаль, что бесполезныя ихъ затѣи и превратныя толки очумляюшь всякое доброе намѣреніе и вредяшь выгодамъ частнымъ и общимъ. Многие помѣщики нѣжатъ на конюшняхъ спашныхъ жеребцовъ, и не видя ошъ нихъ никакой пользы, даже не взирая на уменьшеніе дохода и порчу своего шабуна, непо-

колебимо оспаются при своемъ заблужденіи и приспрастїи. Въ заключеніе сказаннаго съ прискорбіемъ должно замѣнить, что большая часть Донскихъ заводчиковъ, довольствуясь случайнымъ барышнемъ, содержатъ великое количество разнообразнаго безобразія лошадей, предославляя присмотръ и лечение ихъ одной природою. Объ овцахъ и рогатомъ скотѣ еще болѣе небрегутъ.

Винодѣлье и садоводство.

Просвѣтивъ Россїю, спрощель всякаго порядка и благосостоянія подданныхъ, Императоръ Петръ Великій, бывъ на Дону и замѣтивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почву, способную для произращенія винограда, выписалъ изъ Франціи лозы, масперовъ Бургонцевъ и приказалъ насадить оныя около Цымлянскои станицы. Казакамъ, еще не привыкшимъ къ хозяйственнымъ занятїямъ, разведеніе винограда казалось дико и неспоручно, однако жъ не смотря на дѣло для нихъ небывалое, Донское вино находилось нынѣ въ большомъ употребленіи. Такъ Петръ Алексѣевичъ умѣлъ начать кончить. Винодѣльцы дѣйствіе весьма плохо разумѣютъ свое дѣло, а кориснолюбивые промышленники, заботясь болѣе о скорѣйшемъ сбытѣ вина, разливаютъ его по бутылкамъ, не давъ ему надлежащимъ образомъ перебродить и окислиться. По сей причинѣ, продаваемое въ Россїи Донское вино слабо, водянисто и скоро киснетъ.

Ашманъ, Графъ М. И. Платьовъ, для улуч-

шенія винодѣлая, на войсковое иждивеніе выписалъ Бургонцевъ, которые въ Раздоринской станицѣ учредили заводъ. Мастеръ сіи, чтобы упрочить и дать хорошій вкусъ вину, не прежде двухъ и трехъ лѣтъ выпускали его изъ своего погреба. Къ сожалѣнію, споль полезное заведеніе по причинамъ, почти общимъ для всѣхъ казенныхъ и общественныхъ предпріятій, скоро уничтожилось. Лучшее Донское вино можно теперь найсти только у хозяевъ, хранящихъ его для собственнаго употребленія; въ продажъ его мало.

Иностранецъ не повѣришь всему тому, что о дѣяніяхъ Петра гласишь Исторія; но ему спомнишь спунишь на Русскую землю и онъ уже съ нимъ встрѣпишься и всему повѣришь. Безъ суевѣрія можно сказать, что сей Великій Царь не умиралъ. Во всемъ великомъ и полезномъ, спущая сию лѣтъ, мы видимъ его руку, собственный его трудъ иди совѣтъ и духъ. Протекушь тысячелѣтія, и бышь можешь тогда подвиги его назовушь баснословными; ибо хотя мы и въ близкомъ ошъ него распояніи, но онъ намъ кажешся уже болѣе Греческаго Геркулеса. Безъ сомнѣнія памяшь его будешъ незабвенна до вѣтъ гортъ, пока единая Русская душа будешъ существовашъ на земномъ шарѣ. Дѣйствительно Петръ Алексѣевичъ и въ маломъ былъ великъ и всякая мысль, по видимому просная, ничтожная, выходя изъ головы его, прешворилась въ высокую и въ послѣдствіи спановилась благодѣяніемъ. Такъ во время Персидскаго похода, Императоръ, изъ

дули, которую онъ кушалъ, подалъ споявшему на часахъ Казаку нѣсколько свѣячель, сказавъ ему: »Придешь домой, посади; такъ и у васъ будутъ такія дуп.« Казакъ исполнилъ приказъ Государя и въ степи, гдѣ, конечно, ошъ сощво-ренія міра не было древеснаго хлыста, явились сады, въ конхъ и понынѣ хранятся особый родъ Персидскихъ дудъ, называемыхъ *Царскими*. Простые Казаки собспвенно еще не занимающся са-доводствомъ; они болѣе пекутся о бакчахъ и огородахъ, какъ болѣе для нихъ нужныхъ. Впрочемъ, помѣщики и нѣкоторыя изъ зажиточныхъ Казаковъ имѣютъ сады небольшіе, не капишадные, но производящіе хорошіе плоды въ достаточномъ количествѣ для домашняго обихода. По недостатку дѣла, Донской край кажется пущымъ, дикимъ; и потому-то всякому любителю природы на по-верхности земли голой и отъкрытой, при пада-ющемъ солнцѣ, оправдно найши прохладу подъ шѣ-нію дерева, своими руками насажденнаго.

Не смотря на неумѣнье, дешевизну и дурное, качество вина, Казаки многолюднѣйшей на Дону. Нижне-Чирской сшаницы, получающъ значитель-ный доходъ. Сады ихъ, расположенные по нагор-ной сторонѣ рѣки, простираются въ дли-ну на 12 верстѣ, сады Цымлянской сшаницы на 8 верстѣ. Въ Черкаскомъ Округѣ садовъ не много; въ другихъ только зажиточные чл-новники занимающся винодѣліемъ и садовод-ствомъ для домашняго обихода. Плодовые сады вообще не доставляютъ ни какихъ доходовъ.

Судоходство.

Рѣка Донъ очищается отъ льда иногда въ концѣ Февраля, а большею частію въ шеченіе Марша. Полная вода спойтъ до половины Іюня, и до первыхъ чиселъ Іюля. Для перевоза товаровъ употребляются на Дону слѣдующихъ названій и мѣръ барки: *Мокшаны*, *Бѣляны*, *Бѣлозерки* и *Коломенки*, длиною отъ 16 до 20 сажень; полубарки отъ 10 до 14 сажень. Суда сія во время наводненія съ *осадкь* (въ грузу) бывають отъ 6 до 9 чешвершей; а съ *межень* (малую воду) 3 чешверши и одинъ аршинъ съ вершкомъ. *Дощаники*, мѣрою въ 7 сажень, грузятся до одного аршина и до пяти чешвершей; лодки отъ 5 до десяти сажень длиною грузятся отъ 5 до 8 чешвершей; плоты въ *полую* (полную) воду въ осадкь бывають до 8 чешвершей, а въ *меженную* 3 чешверши.

Во время разлитія рѣки, суда приходятъ изъ верховыхъ спаницъ Нижне и Верхне Мамаютскихъ, Донецкой, и другихъ ниже оныхъ по Дону расположенныхъ спаницъ. Изъ спаницъ же, выше по Дону находящихся, также и изъ Воронежа, теперь суда рѣдко и при полной водѣ опускаются. Большая часіь барокъ отходитъ изъ *Качалинской* спаницы, гдѣ сосредоточивается вся торговля. Малыя грузовыя суда снизу возвращаются къ Качалину не въ большомъ числѣ. Грузы, привозимые на баркахъ для распродажи въ низовыхъ спаницахъ, пристаютъ у Акса; количество же всѣхъ вообще товаровъ,

привозимыхъ далѣе, зависящъ отъ требованій за границу. Возьмемъ для примѣра 1829 годъ и покажемъ, на какую сумму въ продолженіе навигаціи сего года, доставлено товаровъ въ Аксайскую спаницу и провезено далѣе въ Нахичевань и Таганрогъ.

Въ шеченіе навигаціи 1829 года, въ Аксайскую спаницу прибыло: 25 барокъ, 2 полубарки, 2 дощаника, 2 лодки и 47 плошовъ. На нихъ привезено разнаго лѣсу для строенія домовъ и лодокъ, деревянной посуды, разныхъ деревянныхъ издѣлій для шелъгъ и упряжи, лубковъ, дровъ, угольевъ, глиняной и другой посуды, желѣзныхъ издѣлій, и вообще всего нужнаго для Донскихъ мишелей, суммою на 704,609 руб. Въ семь числъ на значительнѣйшую сумму привезено товаровъ слѣдующихъ названій: *муки ржаной* 32,083 четверти на 228,499 руб.; *смолы* 59,425 пудовъ на 60,186 руб., и *золота* 40,000 аршинъ.

Мимо Аксайской спаницы прошле внизъ по рѣкѣ 111 барокъ, 8 полубарокъ, 4 дощаника, 182 лодки и 43 плоша, а вверхъ къ Качалинской приспани опправлено только 11 барокъ и 4 лодки. Грузы, назначенные для Нахичевана, Таганрога, Керчи, Одессы и другихъ Россійскихъ портовъ, состояли изъ того же званія товаровъ, какіе привезены были къ Аксайской приспани, въ шомъ числъ въ Елисаветовскую спаницу и селеніе Кривую Косу привезено соли Манычской 2900 и 5945 пудовъ Крымской. Въ семь году на Успенскую въ Таганрогъ ярмарку привезено по-

варовъ на полшора милліона рублей, и по причинѣ войны съ Поршою, продано только на 240 тысячъ рублей; въ Росповъ же и Нахичевань привезено на 5,870,000 руб. продано на 3 милліона.

Судостроеніе.

Строеніе мореходныхъ Казачьихъ судовъ весьма несовершенно. Спрощель, или такимъ себя называющій, не имѣя ни малѣйшихъ свѣдѣній въ кораблестроеніи, спроешь лодку на глазомѣръ по прежнимъ образцамъ, неправдымымъ и безобразнымъ. Приходящіе изъ Россійскихъ городовъ плешники, которые прежде рубили только дрова и избы, по удивительной своей смѣливости, спроешь лодку, никогда прежде ее не видавъ. Донскія лодки бывають различной величины, самыя большія, судя по наружнымъ подманимъ могутъ до 200 ласповъ (*). Они спроешиа безъ палубъ, съ одною или двумя мачшами, на коихъ поднимаются огромныя холстинныя паруса, на носу имѣется шрешій шреугольный парусъ. Мачша поддерживается со стпоронъ двумя парами вантъ; веревки, коими поднимаются паруса, удерживають мачшу сзади; — а якорный канашъ подъ парусами держишь мачшу спереди (**). Лѣсъ на строеніе употребляется безъ разбора: гнилой, шонкой и корявой; въ главныхъ скрѣпленіяхъ иногда кладуть вешловой или осиновой,

(*) Полагая въ ласпѣ 68 пудъ.

(**) По морскому фазъ служишь вмѣсто бакшшага, а якорный канашъ вмѣсто штага.

а въ ненужныхъ ивспахъ дубовой: при томъ все снабженіе, какъ-шо: парусина, канаты и проч. употребляющся самага плохаго, дешеваго издѣлія.

На такой безобразной машинѣ, принявъ грузъ на значительную сумму, хозяинъ, часто безграмотный Казакъ, съ 10 или 20 мореходами, поше съ лошади на корабликъ сей перешедшими, безъ карты и компаса пускающа въ море; — и тамъ, по истинѣ, бережешь ихъ молитва и покровительство Св. Чудотворца Николая. Донская лодка можетъ плыть однимъ только пушнымъ въпрямь (*фордевиндамъ* и *полыгитъ баки-тагомъ*), при всякомъ боковомъ несешь ее въ сторону, *лабировать* она не можетъ; а потому гдѣ глубина и грунтъ позволяетъ бросающъ они якорь. Видя лодки сіи поереди Азовскаго моря сплывшими неподвижно при самомъ благопріятномъ и умѣренномъ бѣговомъ вѣтрѣ; подумаешь, что они, претерпѣвъ какое либо бѣдствіе, исправляются; но узнавъ настоящую причину, не знаешь досадовать или сожалѣть должно о сихъ вѣтхозавѣстныхъ, подобныхъ Финляндцамъ мореходахъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда Архангельскіе мужички строятъ прекрасныя купеческія суда и продающъ ихъ иностранцамъ, когда неповорошлявые наши Финны строятъ легкія *лайбы*, въ скрѣпленіе которыхъ не входитъ ни одного желѣзнаго гвоздя, видѣшь Казаковъ съ ихъ лодками, слабо продающихся опасностями, сердце стѣсняется, воображая, сколько сихъ храбрыхъ людей должно погибнуть

опъ недоспашка свѣдѣній, давно уже другія завѣстныхъ и обыкновенныхъ.

Для распроспраненія и улучшенія мореплаванія на Азовскомъ морѣ, въ 1802 году, въ бозѣ почившій Императоръ Александръ Павловичъ, повелѣлъ спроектировать удобнѣйшій для перевозки грузовъ суда, названныя *Каботажными*, и на спроектирование оныхъ оппущены были значительныя суммы. Поведѣніе сіе, долженствовавшее обогатить Таганрогъ и Донской край, оспалось безъ исполненія; во-первыхъ, опъ спроектирования Таганрогскихъ шорговцевъ, почему-то видѣвшихъ въ *каботажномъ* судоспроектировании подрывъ себѣ и пагубу; во-вторыхъ, за недоспашаніемъ корабельныхъ мастеровъ и другихъ средствъ, наконецъ опъ неохоты Казаковъ заводить что либо новое, нежеланіе на лучшее судно издержать болѣе денегъ; и паче всего, чшобы не быть принужденными нанимать знающаго шкипера, покупать каршу и компасъ и вмѣсто паклеваго, хорошій пеньковый канашъ. Казаки сами собою не могли улучшить своего судоспроектирования, не могли сдѣлаться *шкиперами* и *боцманами*: ибо въ нихъ званіяхъ недоспашочно одного навыка и оцмичности, но необходимы нѣкошорыя первоначальныя теоретическія и практическія мореплавательныя познанія. Не должно удивляться, что Казаки съ такимъ же равнодушіемъ смотрятъ на небо, ихъ покрывающее, какъ и на многостранные корабли, приходящіе въ Таганрогъ, не понимая, для чего на нихъ столько рей, парусовъ и

спасшей. Также хладнокровно смопрятъ они на прекрасныя *Требулы*, мужичками управляемыя и у насъ же въ Херсонъ спроемыя, кошорыя со всими удобносными мореходнаго суденышка, могутъ безопасно плаванъ въ океанахъ, ибо всѣ еи предменны кажутся имъ премудростію, для нихъ недосыгаемою и пошому излишнею.

По вышеобъясненнымъ причинамъ, спроеніе кабошажныхъ судовъ, не смошря на понужденія, совсемъ прекратилось и не сдѣлано было къ пошу почини никакого начала; но съ 1826 года указъ 1802 года началъ приводишься въ исполненіе и шеперь собшвенно кабошажныхъ судовъ, поспроенныхъ по плану и прилично снабженныхъ, считаеища до 590. Въ 1829 году одинъ Славянинъ изъ Далмаціи посвирилъ небольшой прекрасный *бригъ-поллкру* съ одюдеревковыми мачшами. Весьма могло бы бышь полезнымъ, если бы по близости Таганрога или Нахичевана поселили небольшую колонію изъ Славянъ Далмацкихъ, Рагузицевъ и Босо ди Камарцевъ, кошорые, почитаясь въ Средиземномъ морѣ отличными корабелными мастерами и машросами, по сходству языка могли бы дославинъ всѣ средства къ улучшенію нашего судостроеніа на Дону и мореплаванія на Азовскомъ морѣ.

Просвѣщеніе.

Въ безлѣсной створонѣ и древо просвѣщенія, насажденное Правительствомъ, не глубокіе пустило еще корни. Въ здѣшней Войсковой Гимна-

зін считается 89 учащихся, а въ 8 Уздннхъ и 3 Приходскихъ училищахъ всего 928 учениковъ— число въ сравненіи съ народонаселеніемъ, весьма незначительное; ибо на каждыя 500 человекъ приходился по одному только ученику, полагая въ помѣ числѣ весь женскій полъ безграмотнымъ. Въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ дворянскія дѣшій нѣтъ; немногіе изъ благородныхъ болѣе достаточныхъ родителей отправляютъ дѣтей своихъ въ Харьковскій Университетъ и Пансіоны, и кромѣ 8 юношей на войсковомъ иждивеніи воспитывающихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, прочіе обучаются по домамъ, одной Русской грамотѣ. Сполнъ малое раченіе высшаго сословія въ образованіи дѣтей своихъ, не должно приписывать спарообычливости и неувѣренности въ пользу просвѣщенія, а совершенному недостатку нужныхъ къ тому пособій, и должно признаваться ошчасти скупости.

Недостатокъ порядочнаго первоначальнаго ученія, на Дону, болѣе нежели гдѣ либо замѣняется такъ называемымъ просвѣщеннымъ *навыкомъ*. Нѣкоторые изъ образованныхъ мужей, получившихъ хорошее воспитаніе, замѣчаютъ, что *навыкомъ* просвѣщеніе въ настоящее время, въ продолженіе немногихъ годовъ, сдѣлало большой шагъ и оказало значительные успѣхи. Дѣйствительно, въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, Казаки исходили Европу и вдоль и поперекъ: были въ Парижъ и Арзерумъ; въ Адриано-

полъ и Торнео; и гдѣ ни были, вездѣ могли много насмотрѣвшись, и перенявъ что либо для себя полезное. Между просвѣщенными Казаками довольно есть грамотныхъ, а между дворянствомъ, хотя и есть малограмотные, которые не могутъ еще обойтись безъ секретаря; но много есть и такихъ, кои чтеніемъ и обращеніемъ въ лучшихъ обществѣхъ, сами себя образовали.

Я съ удовольствіемъ замѣтила, что дамы, хотя съ небольшимъ Малороссійскимъ удареніемъ, но очень пріятно говорятъ по-Русски, и это именно пошому, что въ обществахъ Французскій языкъ не употребляется. Желательно однако жъ, чтобы молодымъ людямъ, споль способнымъ и жаждущимъ науки, и особенно прекрасному полу, споль нравственному и наклонному ко всему изящному, доставлены были способы къ лучшему образованію.

Доходы войска.

Войсковые Апшаны употребляли общественную сумму такъ, что доходовъ не доставало на расходы; деньги прашились произвольно и выдавались займообразно безъ обезпеченія. Дабы ошановить великіе беспорядки по сей части допущенные, Комитетомъ учрежденнымъ для устройсва Донскаго Войска, въ 1827 году даны точныя и постоянныя правила, за исполненіемъ которыхъ поручено имѣть тщательное смотрѣніе Войсковому Прокурору отъ Правительсва назначаемому. Съ сего только време-

ни ошъ всѣхъ и всякаго чина расходчиковъ начали требовать ошчетовъ, и строгое наблюдение за оными, вскорѣ показало слѣдствія самыя удивительныя, что лучше объяснится выпискою изъ одного годоваго ошчета.

Отправлено въ Сохранную Казну:

Въ 1827 году	256,555 р.
— 1828 —	102,412— 19 к.
— 1829 —	50,803— 56 —
— 1830 —	146,543— 59½ —
	<hr/>
	556,314 р. 34½ к.

Въ приходъ сошло къ 1 Января 1831:

Наличной суммы, оставшейся ошъ прошедшаго года 274,783 р. 26½ к.

Въ Сохранной Казнѣ суммы, опчисленной изъ Войсковыхъ доходовъ ежегодно по 100 тыс. рублей на строение Собора . . 289,786 р. 64 к.

Оставшихся ошъ покупки провианта 128,747— 52½ —

Долговъ по разнымъ предметамъ 580,064— 67½ —

Наличной суммы по пишейной часпн 835,340— 32 —

2,108,704 р. 42½ к.

Въ течение 1831 года въ приходъ поступило:

По пишейной часпн акциза, за проданное вино 1,089,269 р. 57½ к.

Годовое жалованье и за будары по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимое . . .	21,311—60 к.
Вмѣсто хлѣбнаго жалованья по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимое	90,000— „ —
Съ лавокъ и мѣспъ на ярмаркахъ	7,810— „ —
За опкуль войсковыхъ степей(*)	11,025— „ —
За опкуль войсковыхъ терезей	1,243— 35 —
За табунщиковъ Калмыковъ .	45,950 р. „ —
Опъ торговаго общества (**) вновь учрежденнаго за коммерческія книги	4,620— „ —
Лажныхъ опъ промѣна серебряной монеты	5,558— 90 —
Съ иногородныхъ промышленниковъ, акцизныхъ съ цѣны шовара, съ рубля по 10 коп. . . .	2,739— „ —
Выручено за проданный вепхій лѣсъ, медикаменты, неспособныхъ лошадей, воловъ и проч.	565— 66½ —
За игральныя карты, порубленный войсковою лѣсъ, корченую соль и съ Московскаго двора	833— 55½ —

(*) По послѣднему измѣренію въ одномъ Усть-Медвядицкомъ Начальствѣ, найдено болѣе 600.000 десятины сихъ степей пустопорожнихъ.

(**) Оное должно состоять изъ 500 купцовъ, Казацкаго званія; но сего числа еще нѣтъ.

Оставшихся и возвращенных
ошь расходовъ прошедшаго года 17,846—26½ к.

Итого . 3,407,277 р. 33½ —

Изъ сего ежегодно расходуется на жалованье Чиновникамъ, на содержаніе Гимназій, Училищъ, типографій, воспитанниковъ, находящихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, госпиталей, аптеки, Ботаническаго сада, двухъ монастырей, почты, полиціи, оштрога, команды, находящейся на устьяхъ Дона для воспрепятствованія ловли рыбы въ запрещенныхъ мѣстахъ, на исправленіе артиллерійскаго обоза, войсковыхъ строеній и прочаго. Всего. 905.045 р. 44½ к.

Зашѣмъ къ 1 Января 1832
года за расходомъ остается . 2,502,230—89½ —

Такимъ образомъ, при хорошемъ распорядкѣ и надзорѣ, капиталъ, Донскому Войску принадлежащій, въ печеніе пяти лѣтъ увеличился въ десять разъ. Сполъ быстрое приращеніе капитала дастъ возможность приступить ко многимъ улучшеніямъ и конечно откроетъ другіе способы къ умноженію доходовъ ошь многихъ предметовъ, еще не пронутыхъ.

ПОЛТИЦА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Государь Императоръ Высочайше повелѣнье соизволилъ: Генераламъ, Шпабъ и Оберъ-Офицерамъ, служившимъ въ бывшихъ Польскихъ войскахъ, и находящимся на службѣ въ Россійской арміи, — считашь къ выслугѣ 25 лѣтъ, для полученія ордена Св. Георгія, только ту службу въ Польскихъ войскахъ, которую продолжали они безпорочно съ 1815 года, не участвуя въ бывшемъ мятежѣ.

— Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату минушаго Августа въ 30-й день, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: »Въ Манѣсствѣ 31-го Января 1833 года предназначено: всѣ послановленія, кои послѣ окончанія Свода Законовъ состоятся, приводя въ порядокъ Свода, издавать въ ежегодномъ его продолженіи, дабы составъ Свода, единожды успроенный, сохранивъ всегда въ полношѣ его и единствѣ. На семъ основаніи составлено продолженіе Свода изъ узаконеній, въ печеніе 1832 и 1833 года последовавшихъ. Въ составъ его вмѣщены и нѣ дополненія и исправленія, кои, по опыту и наблюденію, при соображеніи спашей Свода съ печеніемъ дѣлъ, оказались нужными. Препровождая оіе продолженіе въ Правительствующій Сенатъ, повѣщаемъ: въ срокъ, Манѣсствомъ установленный, а именно съ 1-го Января 1835 года, привести оное въ законную силу и дѣйствіе въ совокупности со Сво-

домъ, дополняя и замѣняя спашьскій Свода, гдѣ слѣдуешь, спашьскими продолженіями, имъ соопшвѣнспвующими.»

— Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Миниспрровъ, въ 31-й день минушаго Іюля Высочайше повелѣшь соизволилъ: вновь подтвердити всѣмъ губернскимъ начальствамъ, дабы съ ихъ спороки приняты были дѣяшельнѣйшія мѣры къ бездомочному взысканію земскаго сбора, о чемъ предоспашилъ Миниспру Финансовъ войши по порядку съ предспавленіемъ въ Правительспвующій Сенашъ.

— Новгородскій Гражданскій Губернашоръ, Дѣйспвительный Спашскій Совѣшникъ Денферъ, Всемилоспвѣйше пожалованъ въ Тайные Совѣшники, съ повелѣніемъ ему присущспвовать въ Правительспвующемъ Сенашѣ.

— Генералъ-Маіору Суковкину Всемилоспвѣйше повелѣно исправлять должность Новгородскаго Гражданскаго Губернашора съ сохраненіемъ военного чина.

— Въ награду засвидѣшельспвованныхъ начальспвомъ шрудовъ и оплично-усердной службы Таврическаго Гражданскаго Губернашора, Дѣйспвительнаго Спашскаго Совѣшника Казначеева, Всемилоспвѣйше пожалованъ онъ въ Тайные Совѣшники.

— Президентъ Рязской Евангелическо - Лютеранской Городовой Конкиспориіи Рольсентъ, по прошенію его, Всемилоспвѣйше уволенъ отъ сей должности.

— Управляющему С. Пелербургскимъ Главнымъ Архивомъ Минисперспва Иноспранныхъ Дѣлъ, Дѣйспвительному Спашскому Совѣшнику Лошкареву, Высочайше повелѣно быти Главнымъ Приспавомъ при Членахъ Грузинскаго и Имеретинскаго Царскаго Дома, и по сему званію состоять ему въ вѣдомствѣ Минисперспва Внутреннихъ Дѣлъ, съ оспавленіемъ его и въ должности Управляющаго Архивомъ; на разъѣзды же по дѣламъ Главнаго Приспава производити ему по шри

тысячи рублей ассигнаціями въ годъ изъ общихъ суммъ Министертва Иностранныхъ Дѣлъ.

— При Высочайшемъ Рескриптѣ 30-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованъ Морскому Министру, Адмиралу Моллеру, украшенный алмазами перстень съ попорпомъ Его Императорскаго Величества.

— Высочайшею Грамотою 30-го Августа, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Владимира 2-й степени, Дежурный Генераль Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, Вице-Адмиралъ, Генераль-Адъютантъ Колзаковъ.

— Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣнь соизволивъ признавалъ купца Федора Клезеваля Шведскимъ и Норвежскимъ Вице-Консуломъ въ Вилнавь.

А н г л и я.

Военный Судъ оправдалъ Лорда Джона Гедъ, командующаго бригомъ *Castor*, кошорый, какъ мы говорили въ послѣдней книжкѣ С. О. и С. А., попомнилъ намаженный кушеръ *Caméléon*. Одинъ только Лейтенантъ М'Клеверши опсшавленъ за невнимательность.

Контръ-Адмиралъ Сиръ Грагамъ Гамондъ назначенъ Командиромъ эскадры, крейсирующей у береговъ Южной Америки, на мѣсто умершаго Сира. М. Сеймура.

По официалльнымъ документамъ, съ 1 по 7 Августа вывезено изъ Лондона въ Лисабонъ 16.630 унцій золотой монеты и 83.660 серебряной и сверхъ того сей послѣдней въ Опорто 11.161 унція. Это, какъ говорятъ, превозмштъ Директоровъ Англійскаго Банка.

Въ *Globe* замѣчаютъ, что при Спайксъ-Секре-

шаря, Лордъ Пальмерстонъ, Лордъ Дункансонъ и Г. Спрингъ-Рейсъ Ирландцы, равно какъ Лордъ Эльмеръ, Генераль-Губернаторъ Канадскій; Лордъ Клеръ, Губернаторъ Бомбейскій; Маркизъ Санго, Губернаторъ Ямайскій; Генераль Бурке, Губернаторъ Южнаго Новаго Валкса, Сиръ Додлей Сенсъ-Лаже Гилъ, Губернаторъ оспрова Св. Люціи.

Г. Брюнель объявилъ въ собраніи Англійскихъ ученыхъ въ Единбургѣ, что Правительствомъ обещано сумну, нужную для окончанія мундела, подъ Темзою.

Ф р а н ц і я .

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ приказалъ сосланнымъ опись всего огнестрѣльнаго оружія, находящагося у Парижскихъ оружейниковъ; такое же приказаніе послано во все молуденные Денаршавонны.

Здоровье Маршала Жерара поправляется. Онъ уже выезжаетъ.

Въ Мониперъ напечатанъ докладъ Военнаго Министра Королю о производствѣ въ арміи. Маршаль Жераръ приводитъ въ примѣръ Пруссію. Издержки по Военному Министерству въ 1834 году не будутъ превышать назначенныхъ въ бюджетѣ суммъ. Содержаніе въ 1835 году арміи, въ первой половинѣ года въ 360.000 человекъ и 60.000 лошадей, а во второй половинѣ въ 309.000 и 57.000, будетъ стоить 239 милліоновъ.

Путешественники, пріѣзжающіе изъ Ліона, говорятъ, что тамошняя торговля находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Сорокъ тысячъ рабочихъ не находятъ себѣ занятія и живутъ большою частію подаяніями; положеніе фабрикантовъ не многимъ лучше этого.

Въ Парижъ прибыли Турецкій Чрезвычайный Посланникъ Ахмеджи Эфенди Решидъ-Ахмедъ-Паши и Герцогъ Кавазаль и де Латовскъ.

Испанскія дѣла.

Инсургенты напали на Бергару и ворвались уже въ городъ, но были выгнаны опшуда съ большимъ урономъ. Родиль продолжаетъ укрѣплять разныя мѣста въ Васпанской долинѣ и по прежнему все преслѣдуетъ и не достигаятъ Дона Карлоса.

Многіе Прокураторы подписали прошеніе Королевъ, въ которомъ предлагають все содѣйствіе; какого только Правительство пошребуетъ и какое можешъ зависѣть отъ Палаты, для окончанія междоусобной войны.

Палата Прокураторовъ, въ засѣданіи своемъ 5 Сентября, снова разсматривала спашью прошенія, (*) касающуюся до свободы писменія. Послѣ непродолжительныхъ преній, спашья сія принята по большисшву 57 голосовъ прошивъ 55. Въ засѣданіи 6 числа, она также принята по большисшву 50 голосовъ прошивъ 48 и вопреки блестящей импровизаціи Г. Маршинеса де ла Роза, спашью о личной свободѣ гражданъ.

По полученнымъ въ Парижѣ извѣстіямъ изъ Мадриша отъ 9 Сентября, всѣ Министры подали въ отставку; но Королева-Регентша удержала Г. де Торрено и поручила ему составленіе Кабинета. Въ Темре напечатаны даже имена будущихъ Министровъ; они сунъ: Министръ Финансовъ Графъ Торрено (съ измѣненіями въ его планѣ и съ новою системою погашенія иностраннаго долга), Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Г. Флорида Бланка или Г. Агостиньо Аргеллесъ; Военный Министръ Генераль Вальдесъ; Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Г. де ла Куарда; Министръ Юстиціи Г. Калашрава.

Португальскія дѣла.

Палата Депушатовъ единогласно приняла про-

(*) См. № 57 С. О. и С. А. стр. 179.

екствъ закона объ изъятіи изъ обращенія бумажной монеты, съ нѣкоторыми измѣненіями; между прочимъ спашья о приниманіи при всѣхъ уплатахъ Испанскихъ сувереней и піаспровъ, опринуша. Но Министры, согласившись на это, сдѣлали ошибку; они знали, что большая часть суммъ, ожидаемыхъ ими изъ Англій, будетъ состоять изъ этихъ двухъ монетъ, а что безъ этихъ суммъ имъ не возможно и привесть въ исполненіе закона о бумажной монетѣ. По сему Министръ Сильва Карвальо принужденъ былъ объявить Палатѣ, что опринушая спашья необходима. После нѣсколькихъ замѣчаній Г. Кампоса о вѣрности Министровъ, спашья эта возстановлена. Попомъ законъ утверждёнъ Палатою Перовъ, и Банкъ приступилъ уже 2 Сентября къ выпуску ассигнацій. Все серебро, собранное Дономъ Мигуалемъ въ Эльвасъ и найденное въ монастыряхъ, передѣлывается въ монету.

Палата Перовъ, утвердивъ избраніе Дона Педро въ Регентшы, опринула два предложенія объ ограниченіи его власти, предложенныя Маркизомъ Луле и Графомъ Танпою.

Въ слѣдствіе прошеша, изданнаго Дономъ Мигуалемъ въ Генуѣ, въ Палатахъ разсуждаемо было о томъ, какъ поступать въ отношеніи къ нему. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ объявилъ при семъ, что пенсіонъ, назначенный Дону Мигуалу по Эворской конвенціи, не былъ еще и не будетъ уплачиваемъ. Баронъ Ренду++ предложилъ при семъ, чтобы Инфанта Дона Іануарія, дочь Дона Педро, была объявлена ближайшею наследницею престола и что бы Португальское Правительство вступило въ переговоры съ Бразильскимъ Правительствомъ, о томъ, чтобы она была воспитываемая въ Португаліи. Это предложеніе ошалося безъ результата.

Р а з н ы я н з в ѣ с т і я .

Ужасная буря, свирѣпшовавшая 26 и 27 Августа на полуденномъ склонѣ Альпъ и во Франціи въ гористыхъ мѣстахъ около истока Лоары и Аллье, произвела величайшія опустошенія въ нѣкоторыхъ Швейцарскихъ Кантонахъ и во многихъ Департаментлахъ Франціи, такъ что многія деревни совершенно разрушены и всѣ дороги по Альпамъ испорчены.

Донъ Мигуэль прибылъ въ Римъ и принялъ Папою съ большими почестями.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты имѣютъ нынѣ 12 кораблей 74 пушечныхъ, 14 фрегатовъ 44 пушечныхъ, 3 фрегата 36 пушечныхъ, 2 корветы 24 пушечныхъ, 13 корветы 18 пушечныхъ, 7 судовъ 12 пушечныхъ и одно о шрехъ пушкахъ. Всего 52 судна съ 1981 пушкою.

20-го Сентабра.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почмою нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

21-го Сентабра.

IV.

О М Ъ С Ъ .

Мы можемъ сообщить читателямъ нашимъ новости о Театрѣ, котораго, конечно, будущъ для нихъ пріятны. Въ Сѣверной Пчелѣ уже было объявлено, что на Нѣмецкомъ Театрѣ готтованъ опера Россіи *Графъ Ори*; на Русскомъ Театрѣ въ шеченіе нынѣшней зны предсавлена будещъ знаменитая Мейерберова

Опера Robert le Diable; она, какъ мы слышали, уже переведена. Трагедія Барона Е. О. Розена: *Осада Пскова*, будешь играна въ скоромъ времени; онъ же пицещь другую Трагедію, коюрою героемъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ нашей Исторіи: Пётръ Басмановъ. — Н. В. Кукольникъ написалъ двѣ Трагедіи: *Скопинъ-Шуйскій* и *Роксолана*; первая совсѣмъ гоцова и мы, вѣроятно, увидимъ ее нынѣшней зимою; вторая щакже окончена, но еще не гоцова къ представленію. Спасибо этимъ господамъ за то, что они будящъ нашу давно уснувшую Мельпомену! . . . Чуть было не забыли сказать, что, по благосклонности къ намъ авторовъ, мы надѣемся сообщимъ со временемъ нашимъ читателямъ отрывки изъ этихъ Драмъ.

— Въ одномъ Англійскомъ Журналѣ напечатано слѣдующее изчисленіе самоубійствъ, совершенныхъ въ Лондонѣ съ 1770 по 1830 годъ, съ объясненіемъ причинъ ихъ:

	Мужч.	Женщ.
Бѣдность	905	511
Домашнія неудовольствія	728	524
Разореніе	322	283
Пьянство и дурное поведеніе	287	209
Спирассть къ игрѣ	155	141
Безчестіе, клевета	125	95
Обманутое честолюбіе	128	410
Любовныя огорченія	97	156
Зависть, ревность	94	53
Оскорбленное самолюбіе	53	53
Раскаяніе	49	36
Фанатизмъ	16	1
Ненависть къ людямъ	3	3
Неизвѣстныя причины	1381	377

4337 2853

И того въ 60 лѣтъ 7190.

— Лондонскіе Суды производили въ 1855 году, по

обвиненіямъ новой Полиціи, 69.959 процессовъ, что есть 7584 менше чѣмъ въ 1832 году; не смотря на это, кажется, что обвиненія были большею частію неосновательны, потому что 27.000 подсудимыхъ освобождены по недоспашку доказательствъ. Всего болѣе было слѣдующихъ преступленій и просшук-ковъ.

За пьянство были судимы	29.880 ч.
— дурное поведеніе	5.721 —
— развращъ	3.427 —
— побой	5.721 —
— кражу	7.858 —
— бродяжничество	6.75 ч.

Замѣчательно, что въ числѣ 28 тысячъ нѣм-ницъ, болѣе 12 тысячъ женщинъ.

— Г. Джонъ Вилльсъ изобрѣлъ новый родъ судовъ, которые строятся также какъ пароходы, движутся посредствомъ колесъ, но не имѣють нужды въ парахъ, потому что сила сообщается имъ четырьмя вертикальными парусами, расположенными въ срединѣ корабля; съ которой бы стороны впередъ ни дулъ, корабль все идетъ впередъ, и самый сильный порывъ вѣтра только ускоряетъ ходъ его.

— Англійскія владѣнія въ западной Индіи занимають 177.140 квадратныхъ Англійскихъ миль; слѣдовательно они въ половину болѣе Англии и Ирландіи вмѣстѣ. Народонаселеніе простирается до 958.840 д. въ томъ числѣ 74.240 бѣлыхъ и 881.600 негровъ и другихъ цвѣтныхъ людей. Дохода эти владѣнія приносятъ 541.500 фунт. стер. (13.557.500 р.) издержки управленія составляютъ 551.600 фунт. стер. Товаровъ привозимыхъ на 5.806.400 фунт. стер. вывозимыхъ на 8.932.500 фунт. стер. Поземельныя владѣнія цѣнятся въ 126.690.000 фунт. стер.

— Въ Лондонѣ существуютъ восемь Компаній:

кешорня снабжаютъ водою 176.205 домовъ и доставляютъ имъ ежедневно среднимъ числомъ 721 литру воды, а всего 129.523.000 литр. Средняя плата за доставку воды составляетъ въ годъ 28 шелл. (55 р.), за которые получаемая въ годъ 265.000 литр. воды; следовательно гектолитръ стоитъ менѣе одного фершинга (2 коп.). Эти восемь Компаній получаютъ ежегодно 6.051.350 р. изъ конхъ 3.127.575 р. оснавляютъ ихъ чистый барышъ. — Въ Парижѣ по самое количество воды, которое въ Лондонѣ доставляется за 35 фр. стоило бы 253 фр! Парижское городское управленіе продаетъ воду изъ Сены въ восемь разъ дороже того что стоить въ Лондонѣ очищенная вода изъ Темзы!

— До 1 Января 1834 года въ Лондонѣ выдавалось только 1200 позволеній на содержаніе кабриолетовъ; нынѣ число ихъ неограничено и потому выдано еще 800 позволеній. Владѣльцы кабриолетовъ платятъ при полученіи билета 5 ф. ст. (125 р.) и сверхъ того вносятъ ежемѣсячно 2 ф. ст. (50 р.) пенсией. Такимъ образомъ правительствове получаетъ съ однихъ кабриолетовъ 52.400 ф. ст. (1.332.400 руб.) дохода!

— Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала Bibliographie de France напечатано исчисленіе книгъ, представленныхъ въ печеніе недѣли въ Дирекцію книгопечатанія. Изъ этого исчисленія видно, что во Франціи типографіи выпускаютъ еженедѣльно 120 книгъ, составляющихъ 1092 печатныхъ листа. Полагая, что каждой изъ этихъ книгъ печатается, среднимъ числомъ, 550 экземпляровъ, выдвигъ, что Французскіе типографы получаютъ каждую недѣлю 546.000 печатныхъ листовъ. Сдѣлавъ такое вычисленіе за двѣнадцать мѣсяцевъ, мы увидимъ, что изъ Французскихъ типографій выходитъ ежегодно 5760 разныхъ книгъ, составляющихъ 32,516 листовъ и (считая по

500 экз.) 26.208.000 печатных листов. Будетъ-ли у насъ когда въ половину прошивъ этого?

— Въ Нью-Йоркскихъ газетахъ говорятъ, что армія Соединенныхъ Штатовъ состоитъ нынѣ изъ 365 драгунъ, 1778 артиллеристовъ, 3225 пѣхотныхъ солдатъ, не принадлежащихъ ни къ какому корпусу и рекрутъ, всего изъ 6.054 ч. Въ милиціи, по послѣднимъ извѣстіямъ, считается 1.346.116. ч.

— Компания Англичанъ и Американцевъ купила лѣса и скалы, окружающіе Ніагару. Компания намѣревается обратить все это въ огромный паркъ, украшенный дачами, храмами, гротами, посреди коихъ главную роль будетъ играть Ніагарскій водопадъ. (Хорошій актеръ!) Въ среднѣ этого мѣтеорологическаго парка предположено выстроить городъ, въ которомъ улицы будутъ шириною въ 80 и 100 футовъ. Акціонеры обѣщаютъ изготовить 1800 домовъ къ 1 Мая 1836 года.

— Въ Бордосскомъ Журналѣ La Sylphide говорятъ, что фамилія Блашей получила богатое наследство. Одинъ родственникъ ихъ, умершій лѣтъ за пять предъ симъ въ Колоніяхъ, оставилъ четыре милліона; ихъ должны раздѣлить между собою двое братьевъ Блашей, которые оба служатъ Балетмейстерами, одинъ при Водномъ Театрѣ въ Парижѣ, другой въ С. Петербургѣ и сестра ихъ Г-жа Бернаръ-Гольцъ, которая долгое время играла роли дуэньки на Театрѣ de la Gaité. Усердно поздравляемъ Г. Блаша и Петербургскихъ любителей балетовъ.

— Въ одномъ журналѣ говорятъ, что Г-жа Зоншагъ (Графиня де Росси) снова всступается на Театръ; она будетъ играть нынѣшней зимою въ Парижѣ и Лондонѣ.

V.

М О Д Ы.

En façon de robes, il n'y a que très peu de nouveautés, sinon quelques garnitures de brandebourgs sur des redingotes de soie. Ces brandebourgs sont faits en tresses plates travaillées à jour et terminées par des olives ou des boutons ronds et plats d'un travail assorti à celui du brandebourg.

— Décidément les volans sont introduits dans les modes de 1834. Les voilà qui s'emparent de toutes les étoffes et se divisent dans toutes les dimensions.

— Les corsages à la Niobé ou à la grecque vont très bien aux étoffes un peu épaisses. Les plis de corsage se soutiennent assez éloignés de la poitrine pour laisser voir la broderie de la chemisette de dessous. Les manches toujours larges d'en haut, se portent indistinctement larges ou collantes depuis le coude; les jupons un peu plus longs par derrière que par devant.

— On portera des capotes à coulisses, en gros de Naples blanc, doublées de crêpe rose. Un seul noeud sur le côté et souvent un demi-voile cousu aux bords.

Въ покровъ платьевъ мало новаго, исключая только бахрамы на шелковыхъ редингошахъ. Эта бахрама дѣлается изъ плоскихъ плешешковъ съ прошивками, онаячивающихся оливками или груглыми и плоскими пуговками, такой же работы какъ и самая бахрама.

— Воланы рѣшительно вошли въ моды 1834. Они уже завладѣли платьями изъ всехъ тканей и являющяся во всехъ размѣрахъ.

— Корсажи Греческия или à la Niobé, очень хороши на тканяхъ довольно толстыхъ. Складки этого корсажа держатся довольно далеко отъ груди для того, чтобы видны были вышивки нижней шенизешки. Рукава, по прежнему, широкіе сверху, дѣлающяся и широкіе и въ обтяжку, начиная съ локтя; юбка сзади нѣсколько длиннѣе чѣмъ спереди.

— Будутъ носить шляпки капоты со сборками, изъ бѣлаго гренаппа, подбитыя розовымъ крепомъ. Однѣ только бантъ на боку и часомъ полу-вуаль, прищипая къ краямъ шляпки.

(Изъ Revue Commerciale des Dames, и Journal des Dames et des Modes, 15-го Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 59.

I.

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГИБЕЛЬ ФРЕГАТА.

(Окончаніе.)

Въ 9 ч., по пробитіи зори и по спущеніи флага, док­ругь большаго каюшь-компанейскаго шюла возсѣдали всѣ фрегатскіе офицеры; — они ужинали. Нѣмецъ Докшоръ, стоя, молча, съ удивительною аккуратностію разливалъ супъ. — Въшювые суешились вок­ругь шюла, снимали со свѣчекъ, спалкивались, разносили супъ. Говоръ офицеровъ гремѣлъ по каюшь-компаніи.

»Левъ Савеличъ! Левъ Савеличъ (*)! швой супъ спынешъ! иди ужинашь! . . . « воскликнулъ одинъ изъ Лейшенаншювъ, заглядывая въ каюшу Льва Савелича.

Левъ Савеличъ, красный какъ ракъ, сидѣлъ передъ шюликомъ. Свѣча его нагорѣла на аршинъ. Онъ писалъ что-шо.

(*) Левъ Савеличъ — Лейшенаншъ фрегата.

»Сейчасъ, сейчасъ иду! не мѣшайте мнѣ. —
На было переписываю«....

»Запашерился, брашець! цѣлую недѣлю пишешь церемоніяль свадьбы и все не можешь привесить его къ концу. — Вѣдь яебѣ со всѣхъ споронъ говорили, какъ бышь дѣлу!«...

»Кончилъ. — Иду.«

Всѣ аплодируютъ.

»Слушайте, Господа!»

»Тсъ! шсъ! чай насъ увидишь Левъ! Докшоръ!
да погодише вѣсть.«

—»Карапо.«—

»Слушайте :

ЦЕРЕМОНИАЛЬ СВАДЬБЫ.

»Ну, — шупль годъ, мѣсяць и число, чинья, фамилія — жениха и невѣспы«....

»Какой-же, брашець, чинья невѣспы? а?« . . .

— *Ангельскій чинья!* — сорвалось съ языка Мичмана. Онъ покраснѣлъ и уславилъ глаза въ шарелку.

»Да развѣ я что нибудь писалъ о чинья невѣспы?«...

»Да какъ же! шы говоришь!«....

»Посмотри!... вопшь человекъ! привязывается къ словамъ.«

»Дальше. Дальше.«

»Свадьбѣ быть въ 5 ч. вечера.«

»Да вѣдь Лосеву достаётся на вахшю съ 1-го до 7-го,« возразилъ пресерьёзно другой Лейтенантъ.

»Такъ какъ же? перемѣнишь, значить, часъ?«...

»Ха, ха, ха! вы оба чудаки. — Вы, пожалуй, пошашите его на вахшу, въ первую ночь послѣ вѣнчанья! Завтра и два дня еще — онъ не будешь спояшь на вахшъ. — Да и что скажете: исправлять должность молодого мужа — стоишь вахшъ.«

»Правда! правда! — Разувѣтсея!!« продолжала 2-й Лейтенантъ, столь же убѣжденный въ возможности вѣнчанья Лосева въ 5 часовъ, сколько прежде считала онъ это невозможнымъ. — а и + а.

Левъ Савелитчъ вполне ободрился.

»Свадьба быть въ 5 ч. вечера

»Въ 3 часа приѣзжаютъ на фрегатъ катера Капитана надъ Портомъ: Но 1, Но 2, Но 3. Къ этому же времени должны быть привезены изъ Порта на фрегатъ, на фрегатскихъ шлюбкахъ: толковые музыканты, вина, фрукты, конфекты, ликеры, мороженое и проч. вещи нужны для бала. Къ этому же времени шланцы должны быть убраны флагами; офицеры и матросы одѣты въ мундиры.«

»Дальше.«

»Каково!... ужъ мнѣ не въ первый разъ быть шаферомъ. И въ обращеніи съ дамами, вотъ вы, Гг., передо мною — пась.«

»Дальше. Дальше.

»То еснѣ, какъ въ мундиры?« возразилъ опять 2-й Лейтенантъ. — »Въ киверахъ или въ фуражкахъ?.....«

Левъ Савеличъ опять смѣшался и поблѣднѣлъ.

Пауза.

»Ну,— это все равно. Какъ Капишанъ прикажешь.« — ошвѣчалъ пропьяно, сквозь зубы 1-й Лейпенаншъ.— »Дальше?«

Левъ Савеличъ успокоился.

»Гмъ. — Гмъ. — Въ 4 часа, я на катеръ N 1, тѣду за Капитаномъ надъ Портомъ, посаженъмъ отцемъ.— Тотчасъ же за мною вслѣдъ, отваливаютъ отъ фрегата, катера N 2, N 3, и 4-ре фрегатскія шлюбки— за гостями съ жениховой стороны.

»Далѣе.«

»Капитанъ надъ Портомъ прѣзжаетъ со мною на фрегатъ; и, когда соберутся гости съ жениховой стороны— онъ благословляетъ жениха (образъ взять изъ Капитанскій каюты).— Потомъ, я сажусь опять на катеръ N 1, и тѣду за невестою; — я самъ долженъ править ружьмъ. Капитанскій катеръ и катера N 2, N 3, вслѣдъ за мною отваливаютъ за посаженой матерью, и за гостями съ невестинной стороны.

»Всѣ собираются. Обрядъ вѣнчанія.

»РАПОРЯЖЕНІЯ КАСАТЕЛЬНО МУЗЫКИ.

»Когда будутъ подѣлзжать гости съ жениховой стороны, то играть пѣсню:

Посмотрише, подшупаешъ

Къ намъ соломенной народъ.....

— ».... Фора! *ора!... *ора! *ора!..... «

Левъ Савеличъ наклонилъ голову, какъ актеръ, оглушенный, восхищенный, умиленный громомъ рукоплесканій.

»Когда будет подъязжать посаженный отецъ,
играть— бѣглый жаривъ.

»Когда будетъ подъязжать невеста, играть:
Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.

»Тотчасъ послать вѣнчаніа, играть: Александръ,
Елисавета — восхищаете вы насъ!»

Левъ Савеличъ читалъ все болѣе и болѣе скоро,
все болѣе и болѣе громко.

»РАСПОРЯЖЕНІЯ КАСАТЕЛЬНО ТАНЦЕВЪ.

»Польскій. Вальсъ. Мазурка. Кадриль. Ко-
гилльонъ.»

»РАСПОРЯЖЕНІЯ КАСАТЕЛЬНО УГОЩЕНІА.

»Офицеры разносятъ дамамъ фрукты и ва-
ренья. Ликеры, шампанское. — Ужинъ.»

Левъ Савеличъ шоржеспвенно, самодовольно
свернулъ церемоніалъ и ждалъ новыхъ рукопле-
сканій.

Огромная, длинная, длинная какъ носъ Док-
тора — пауза.

»Только-шо?...» пропичалъ насмѣшливо 1-ой
Лейтенантъ.—« А что жъ у себя нѣтъ ни сло-
ва о Прополопъ?...»

»О какомъ Прополопъ?»

»Да какъ же! кто жъ будетъ вѣнчашь? ны, что
ли?... Не всѣ-ли мы шебѣ говорили, что моло-
дыхъ будетъ вѣнчашь городской Преполопъ,
духовникъ невѣсны?... Ты бы долженъ былъ, въ
своемъ церемоніалѣ, хоть слово сказать о при-
возѣ Прополопа на «регань!»

Общій хохотъ.

— «Не-шо..... Не-шо-ра-суменіе.» — пресерьезно, медленно выговорил Докшоръ, понявшій сущность дѣла.

Левъ Савеличъ спойлтъ, какъ громомъ пораженный.

»Добро, брашъ, Левъ! садись, да ужинай!..... а мы и безъ швоего церемоніяла уладимъ дѣло.»

»Чорпъ возьми! сосстряцашъ свадьбу не фрегашъ вооружишъ.....« ворчалъ огромный, колоссальный Левъ Савеличъ — сконфуженный до нес-plus-ultra.

Опять все пошло своимъ чередомъ въ какуюшъ-компаніи. Офицеры ѣли, шумѣли, говорили о будущемъ балѣ. У нихъ на фрегашъ будущъ въ гостяхъ дамы, дѣвицы! они будущъ говоришъ съ ними! они будущъ дыщащъ ихъ обезумливающею, романтическою атмосферою!..... Елизавета Алексѣевна — у всѣхъ на умѣ, у всѣхъ на языкѣ, хотя большая часть офицеровъ никогда не говорила съ нею, видѣли ее вскользь на улицѣ.

Дама, женщины, дѣвицы?! — На какое неизмѣримое разстояніе отдѣленъ корабль, служба морская, отъ дамы, женщины, дѣвицы! — Представленіе моряка о женщинѣ ещѣ нѣчто въ рядѣ представленія его объ Эльдорадо, о Гуріяхъ Магомеша. — Чѣмъ-то необыкновеннымъ, чѣмъ-то неземнымъ, чѣмъ-то безпредѣльно важнымъ, таинственнымъ, покрыто въ морякѣ представленіе о женщинѣ! — Пріѣздъ женщины на корабль также страненъ, также чуденъ для моряка, также наподняеши душу его сладостнымъ шрепетомъ, какъ было бы странно, чудно, по-

разишельно для него— прелестное волшебное видѣніе!

Докшорь опять вспалъ рѣзати жаркое и дѣлать салатъ; какъ вдругъ могильная тишина воцарилась въ каюпъ-компани. Всѣ оцѣпенѣли; какъ будто геній смерти пролетѣлъ надъ ними.— Ужасное форшиссимо стихій — грянуло надъ фрегатомъ, форшиссимо, могущее пробудить мертвыхъ ошь ихъ могильнаго сна.

Такъ неожиданное нападеніе врага, превращаетъ на мигъ въ спашую—героя война: кровь оспанавливается въ его жилахъ. Но прошелъ вшопъ мигъ — и онъ кипитъ мужествомъ, и онъ въ меридіональной высотѣ жизни.

Съ глухимъ гуломъ бѣжала фрегатская команда на верхъ, по дважды повщоренному свисщку Боцмана: «пошелъ всѣ на верхъ! живо!»

Машросы были полураздѣвши, ибо ихъ подняли изъ коекъ. Они въ мигъ спряхнули съ себя сонъ, и бѣжали на верхъ шакъ скоро, какъ будто бы 100 линьковъ понуждали каждаго изъ нихъ. Машросы уже привыкли къ быспрымъ переходамъ ошь сна къ бдѣнію, и ошь бдѣнія ко сну; они уже привыкли превращать день въ ночь, и ночь въ день. — Капитанъ заставляетъ работать машросовъ въ морѣ, когда обспошельсшва вѣпра и курса дѣлають работы необходимыми. Вѣперъ крѣпчаешь, и надо убавишь парусовъ. Вѣшеръ спихаешь— надо прибавишь

парусовъ. Надо перемѣнить R, по которому корабль идетъ— и надо перемѣнить положеніе парусовъ.— А въперъ дуетъ и днемъ и ночью; а корабль идетъ и днемъ и ночью.

Всѣ офицеры были уже на верху, каждый на своемъ мѣстѣ — при работахъ. Капитанъ самъ командовалъ.

Море, берегъ, небо, — все это было слишно въ одинъ непроницаемый мракъ. Только блестяли огни въ городъ, и на N опъ фрегата горѣла маякъ. Только молнія раздирала небо, и тогда фрегатъ вспыхивалъ алымъ, ослѣпляющимъ свѣтомъ. Ураганъ (*) съ оглушающимъ ревомъ, крутился вокругъ фрегата, сжималъ его, качалъ какъ протопникъ его вооруженіе. Удары грома, сильные, рѣзкіе, какъ залпъ 1000 орудій, какъ прескъ обрушивающейся горы— слѣдовали одинъ за другимъ. Если бъ на фрегатѣ выпрыгнула пушка, то ея бы не услышали на фрегатѣ; только звонкій голосъ Капитана, усиливаемый рупоромъ, по временамъ заглушалъ бурю. Въ десяти шагахъ люди, кричавшіе во все горло одинъ другому, не могли понимать другъ друга.— Эта сцена— необозвучиваема; ибо ни какой громъ инструментомъ не выразишь силы, обширности ея звуковъ; ибо ни какая искусственная dis-гармонія, не выразишь ея dis-гармоніи. Эта сцена неопишима; ибо не-

(*) Ураганъ—въ воздухѣ, то же что Сцилла и Харибда въ водѣ. — Шквалъ, естъ—внезапно необыкновенно ударившій въперъ по направленію какого либо R.

выразимы шѣ мысли, шѣ чувствованія, кои она возбуждаешъ въ челоуѣкѣ.

Фонари зажжены на шканцахъ. Съ помощію ихъ, можно замѣпить удивительный порядокъ, царствующій при работѣ манросовъ. Не произноса ни одного слова, шолько со звукомъ: *естъ!* на устахъ,— ни мало ни суешаясь, они съ быспрошою модяіи исполняютъ повелѣнія офицеровъ. — Манросы фрегата *** умѣють понимать важность работы въ эту минушу: этою работою они борюшся съ ураганомъ, дѣлають удары его недѣйспвительными, *считаютъ ребра урагану*. На лицахъ ихъ выражена озабоченность, ожидаемость, жадность—поймашь командныя слова, и — ничего, болѣе!... ужели страхъ, подумали вы?....

Манросъ идешъ рука объ руку со смерщью; онъ уже привыкъ къ ней.

Это развѣ не смерщъ, въ такую погоду, когда судно стоимъ на якорь,— бѣжатъ надъ бездною, по доскѣ въ полпора фуса шириною?... Это сальшо-моршале выполняешъ манросъ по нѣскольку разъ въ день!

Это развѣ не смерщъ, въ эшакой мракъ, въ эшакой ураганъ, когда мачшы качаюшся, гнушся— висѣшь на *одной веревкѣ* надъ бездною?..... Такіе случаи не рѣдки на морѣ!

Капишанъ опдалъ другой якорь, выправилъ канашы, спустилъ одну вахшу на низъ — въ койки, и опдалъ рупоръ Лейшенаншу. Но самъ онъ не ушелъ на низъ. Какъ бодрспвующее

Провидѣніе, онъ осмался на верху, блюсни без-
опасность фрегата и команды.

Ураганъ миновался. Громъ гремѣлъ въ оп-
даленіи; его раскаты были подобны рыка-
нію льва, смертельно раненаго, принужденнаго
бѣжать отъ челоуѣка.

Мѣсто урагана заслупилъ шнормъ, сильно,
ровно, постоянно дующій въперъ. Онъ спучалъ
въ снастяхъ, свистѣлъ въ рангоушъ, вылъ, уда-
рлясь о бортъ фрегата. Поднявшіяся волны —
глухо, прощально ревели. Скрипъ членовъ фрега-
та довершалъ гармонію.

Фонари, освѣщавшіе работу на шканцахъ —
погасли; только горѣло по фонарю на бушпри-
пѣ и на гака-бортѣ. Эти два фонаря обознача-
ли мѣсто фрегата на рейдѣ, покрышомъ мра-
комъ. Трудно было опредѣлить, въ какой часъ
горизонта небо было мрачнѣе.

Вахтенные матросы улеглись на бакъ. Ихъ
не было видно во мракѣ. Только серебряный
свистокъ Боцмана блестѣлъ иногда, отражая
огонь бушприпа или нактоуза. — Боцманъ,
кряхтя, покашливая, завернувшись въ шинель,
ходилъ по лѣвому шкафушу.

Все приняло обыкновенный видъ вещей.
Офицеры снова шумѣли и веселились въ каютъ-
компаніи, изъ кошорой доносились на шканцы
ихъ рѣзкіе, веселые возгласы, хохотъ, и даже
дискантные: хи! хи! солиднаго Доктора. Лавровъ
и Никишинъ, одинъ спускаясь на низъ — въ кой-
ку, другой идя на бакъ, — рѣшили, что Илья

Пророкъ ужъ проѣхалъ по небу, что ужъ ни какихъ работъ не будешь болѣе на фрегатахъ. — Проща минуша опасности, и машрось—забылъ объ ней. — »Все приняло обыкновенный видъ вещей« — въ настоящемъ, а не въ будущемъ. Барометръ еще болѣе понизился. Шшормъ дулъ съ берега. Подъ вѣтромъ у фрегата въ 2-хъ верстахъ не болѣе — грунть песокъ, а за нимъ— огромные, подводные, оспроконечные рифы, на N оконечности коихъ — горнть маякъ.

Ничто не требовало распоряженій Лосева. Пославъ рупоръ на кнехтъ, онъ спалъ ходишь по лѣвой стороне шканцевъ, и мысли его устремились къ своему фокусу, къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Пульсъ его, ровно, спокойно бившійся въ минушу урагана, — забился чаще, сильнѣе; грудь его возводновалась.

Одна изъ шхъ минушь посыпила его, въ кошорыя мы, разъединяясь съ самими собою, разсматриваемъ сами себя — какъ объекты. — Что онъ былъ? что онъ естъ? что онъ будешь? Какую роль въ драмѣ его жизни будешь занимать жена? . . . и мысли, роившійся въ головѣ его, были сначала грусныя, пошомъ сладостныя, восхищительныя!

Онъ вспомнилъ нѣрвую, младенческую любовь свою къ жемницѣ; — происшествіе, случившееся въ Копенгагенѣ. Онъ былъ тогда еще 14-ти лѣтъ, Гардемариномъ на корабль. Онъ омушно помнилъ это происше-

спвіе. Оно воскресло въ памяти ёго, какъ воспоминаніе о снѣ, давно видѣнномъ.

Онъ вспомнилъ Копенгагенскій рейдъ; удивительную, подавляющую впечатлѣніями дѣлательность рейда; Русскую эскадру, споящую на якорь; множество купеческихъ судовъ разныхъ націй, споящихъ на якорь, снимающихся съ якоря, бороздящихъ рейдъ; командныя слова Французскія, Голландскія, Англійскія, Нѣмецкія, — оглашающія рейдъ; множество шлюбокъ, разныхъ красокъ, разныхъ величинъ, разной постройкы — усыпающихъ рейдъ, какъ тучи бабочекъ.

Онъ вспомнилъ пароходы, обремененныя Датчанами и съ шумомъ, спукомъ колесъ, кружившіе вокругъ Русскихъ кораблей. Онъ вспомнилъ черныя облака пара, клубившіеся надъ ними; музыку на нихъ грѣмѣвшую: *God save the king*; клики: *вивать!* ура! заспавающіе сердце прыгають въ груди ошь воспорга,

Онъ вспомнилъ и шоль пароходъ, на которомъ была она. Онъ уже забылъ имя ея, наружность ея; — шолько она, это отвлеченное, идеальное понятіе — пробудилось въ его памяти. Онъ шолько вспомнилъ, чшо она была въ голубомъ плашьѣ.

Онъ вспомнилъ, какъ онъ водилъ ея по кораблю, и лепешалъ съ ней по-Французски. Какъ ему неизмѣримо хотѣлось — расцѣловашъ ея, крѣпко, крѣпко — обняти ея. Какъ сердце въ немъ билось ошь сообщества женщины, ошь шороха плашья ея, ошь нѣжности, шонкости

звукѣмъ ся голоса: на морѣ онъ слышалъ только голосъ мужа — гремѣвшій форписсимо когда онъ, съ дѣпскимъ самодовольствіемъ, съ дѣпскою важносью, съ дѣпскою серьезностью, — до пухлой, смѣшной иперболы, преувеличивалъ могущество Россіи, могущество, храбрость Русскаго флота. — Онъ вспомнилъ поппъ вальсъ, кошорый протанцовалъ съ нею въ каюпъ-компаніи (музыка вальса соч. Вебера). — Она шушила, смѣялась съ нимъ, она поцѣловала его, — она подарила ему фуншь конфекшь . . .

Этотъ фуншь конфекшь, какъ коварная измѣна, какъ бездушное кокетство, какъ подлость, низость, опскрывающая въ женщинѣ — взбѣсила его!

Ему — фуншь конфекшь! . . . развѣ онъ ребенокъ? . . . развѣ онъ не Гардемаринъ? . . . развѣ онъ не служишь ошечеству? . . . развѣ онъ не жертвуетъ ему своею жизнью? . . . развѣ онъ не носитъ мундира, обшитаго галунами? развѣ пухъ ужъ не покрываетъ верхней губы его? . . .

И онъ разлюбилъ ее.

»Шкваль идетъ, Капитанъ!»

»Га! Слышу: — Дайте мнѣ рупоръ.»

Снова зазвенѣлъ голосъ Капитана. Раздался свисшокъ Боцмана. Вахшенные машросы, въ одинъ мигъ, были уже на ногахъ. Фонари освѣтили шканцы.

Шпорть на минуту запитхъ; только волны по прежнему ревѣли и спонали. Блеснула молнія (полюко огонь ада такъ ярокъ, какъ эта молнія!). Ударилъ громъ (слышало ли такой ужасный, оглушающій ударъ, ухо человѣческое со дня созданія міра!), дождь водопадомъ полился изъ пучи . . . Шкваль . . . съ адскимъ, оглушающимъ свиспомъ, онъ ударилъ на фрегатъ.

»Дрейфишь (дрейфуетъ)!

»Больно шибко дрейфинъ!« послѣдователь-но, нараспѣвъ, прокричалъ лѣповой машросъ, однообразнымъ, незначанымъ голосомъ.

По командѣ Капитана, претій якорь съ глухимъ гуломъ полетѣлъ въ море.

»Лѣповой! . . . спойшь ли?« . . .

— »Спойшь!« — запѣлъ опять лѣповой.

Шкваль миновался. Шпиль. — У машросовъ ужъ захлопали шавлилки.

Только что Капитанъ, отдавая рупоръ Лосеву, хотѣлъ ему велѣть что-то . . . освѣтила молнія, ударилъ громъ . . . снова шкваль! шкваль, споль же сильный, какъ и первый.

Якоря фрегата лежали ужъ на песчаномъ груншѣ.

»Дрейфишь!

»Шибко дрейфишь!

По командѣ Капитана 4-й якорь съ глухимъ гуломъ полетѣлъ въ море.

»Спойшь ли?« . . .

»Больно шибко дрейфишь!« . . .

Эшопъ шкваль замѣнился не шпилемъ — а шпормомъ. Снова подулъ шпорми; онъ быспро несъ фрегатъ на груди своей.

Въ 200 саж. опъ фрегата были рѣбы.

»Рулевые! руль — раскрѣпиль! право на борть!» . . .

»Есть! положено! на борть!»

Эшопъ маневръ оборотилъ фрегатъ бокомъ къ вѣтру. Волненіе спало класъ его съ боку на бокъ; онъ черпалъ воду съпками. Мачты его спряслись, мѣтались въ воздухъ.

»Топоры! топоры!»

»Есть! . . . есть!»

»Рубишь ваншы съ правой! рубишь мачты!» . . .

Топоры засшучали по ваншамъ, по мачтамъ. Каждый изъ эшихъ ударовъ шопора глухо раздавался среди фуги спихій, гремящей вокругъ фрегата. Каждый изъ моряковъ, какъ бы самъ получалъ всякой ударъ по своему черепу: они были оцѣпенѣны, ошеломлены ими. Въ груди ихъ пягошѣло по чувствованіе, какое бы испытали вы, видя, что у человека, близкаго сердцу вашему — опрубають ноги, дѣлають его колѣбдою, для шого, чтобъ, можешъ быть, сохранишь жизнь его.

Огромныя, колоссальныя мачты шрѣщались, — и вопъ, съ плескомъ скалы обрушивающейся въ море, онъ упали за борть. Фрегатъ задрожалъ конвульсивно (*).

(*) »Ежели и со всѣхъ якорей продолжаешь дрей-

»Стоишь ли?»

»Больно шибко дрейфишь.

О, какой ураганъ царствовалъ въ груди Капитана!

Трахъ. — Трахъ.

Пронесло фрегатъ чрезъ первую гряду рифовъ, и проломило бока его.

Трахъ. — Трахъ.

Вшорая гряда рифовъ задержала фрегатъ. Онъ плоско сълъ на рифы: подводныя скалы возмизались въ проломы боковъ его. — Шпормиломаль, гнулъ члены его, разрывалъ связь ихъ. Волны перекашывались черезъ фрегатъ и наполняли его водою.

Давя одинъ другаго на трапахъ, машросы 1-ой вахшы, со всевозможною скороспiю выбъжали на верхъ. Они вскрикнули ошъ удивленiя, ошъ горести увидя свой фрегатъ — обезмачшеннымъ. Они спали крѣпко, сладко! они не слышали грома паденiя мачшъ!

Всѣ машросы были безмолвны, неподвижны; но можно было чинашъ на ихъ лицахъ чувствѣ шпаккой, мучишельной грусти о своемъ фрегатѣ: они поняли, чшо часъ гибели его настпалъ.

Одинъ изъ нихъ думалъ: — Охъ, жаль фрегата!... и умеръ бы на немъ, голубчикъ!

Другой: — еще на какое-шо судно попа-

зовашъ, шогда не ошпаешся инаго средшва, какъ рубашъ мачшы, чшобъ ошнпашъ силу вѣтра, дѣйсшвующую на ошнашску. *Платонъ Гамалля.*

дешь! . . . на иномъ и снасти-то не такъ по-
слухмяны, какъ на эпомъ! да и Командеръ-то,
не отецъ-Командеръ!

Третій: — на иномъ суднѣ жизнь — ве-
селье! а на другомъ и хошь бышь веселымъ, да
веселье нейдетъ на умъ!

Четвертый: — На иномъ суднѣ десять разъ
сдѣлай хорошо — не замѣпяшь; а разъ сдѣлай
худо — пошчасъ въ линьки!

Пятый: — На иномъ суднѣ, сегодня ска-
жущъ — дѣлай такъ, а завтра — иначе! со-
бьюшь съ полку и смышеннаго мапроса!

И каждый, каждый изъ нихъ думалъ:
Охъ, жаль фрегата! . . и умеръ бы на немъ,
голубчикъ!

Но что чувствовалъ Капитанъ въ эту
мину? . . . Капитанъ, уже 12 лѣтъ коман-
дующій эшимъ фрегатомъ? огибавшій на немъ
мысъ Горнъ, мысъ Доброй Надежды! образовав-
шій изъ рекрутовъ свою команду! вдохнув-
шій въ нее морской духъ, самолюбіе — не про-
тиворѣчащее военной дисциплинѣ! заставившій
ее гордиться именемъ своего фрегата! заста-
вившій ее — любить, обожать себя! — Эши
мапросы были — дѣши Капитана, дѣши, копо-
рыхъ онъ взлелѣялъ, возрасшилъ, образовалъ оп-
личными, огневыми мапросами! . . . удаст-
ся ли ему спасти ихъ? . . . Дадушъ ли ему ими
командовать на новомъ суднѣ? дадушъ ли ему
эшо новое судно? . . .

Эшошь фрегатъ 12 лѣтъ былъ шѣломъ

его морскаго духа. *Отличный морской Капитанъ*, оставляя судно, кошорымъ онъ 12 лѣтъ командовалъ — *умираетъ*: онъ воскреснетъ только чрезъ 12 лѣтъ — на новомъ суднѣ. Онъ не вдругъ можешь зажить опять вполне морскою жизнью, на другомъ суднѣ. Онъ не вдругъ можешь принудить это другое судно, мапроево его, его офицеровъ — быть другимъ его морскимъ я, быть послушными ему, какъ члены его шѣла. — Пошому-шо опмачные морскіе Капитаны не любяшь перемѣнять суда, кошорыми они командуюшь.

Мысль: всякое крушеніе судна во флотѣ, болѣе или менѣе чернитъ, унижаетъ флагъ; морякъ долженъ умѣть заславить омасность — *плысать* по боцманской дудкѣ . . . — еще болѣе увеличивада терзанія Капитана. И между шѣмъ, онъ долженъ былъ казаться — швердымъ, желѣзнымъ.

Но не истино ли это?

Морякъ — человекъ; природа — сильнѣе человека.

Фрегаты плошно съѣз на рифы. Чшобъ облегчить его, пушки башарейной палубы — побросали въ море. — Оставалось только мыслить о спасеніи команды.

Спали раздавался повременные выстрѣлы это выстрѣлы бѣдствующаго судна!

Наспала — полночь.

Н. Д.

И.

И С Т О Р И Я.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОЛОЖЕНІЕ ИСПАНСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ
ВЪ АМЕРИКѢ СЪ 1492 ПО 1808 ГОДЪ.

(Отрывокъ изъ сочиненія Шепфера: *Geschichte der Spanischen Monarchie, von 1810 bis 1823*, 4 Thl. 1833 - 1834.)

Вторая половина пятнадцатаго вѣка ознаменована событіями, имѣвшими рѣшительное вліяніе на послѣдующія событія. Констанцинополь палъ. Власть Римскаго Первосвященника, крѣпко пошатнутая въ своихъ основаніяхъ, послѣдними усиліями фанатизма приготавливая умы къ перевороту, произведенному Лютеромъ. На чреду общественныхъ сословій спали горожане. Военственный духъ призывалъ Португальцевъ на берега Африки, побудилъ перейти извѣстные Древнимъ предѣлы, а удачи поселили надежду проникнуть новымъ путемъ въ землю, прославленную предпріятіями многихъ завоевателей; привлекательную богатствомъ произведеній, но съ каторгою сношенія сдѣлались чрезвычайно затруднительнымъ съ того времени, какъ Турки твердою ногою спустились на развалины Царяграда. Испанцы торжествовали надъ Маврами: Гренада, единственное убежище безсильныхъ мюльмановъ Мухаммеда, пала подъ побѣдоноснымъ ору-

жіемъ Фердинанда и Изабеллы въ 1492 году. Остановимся на этомъ событіи.

Среди всеобщаго волненія умовъ, копорыи обозначенъ переходъ Европейскихъ народовъ къ новой жизни, возникла въ головѣ Кукаррсаго уроженца испанская мысль о существованіи новаго материка. Съ обширнымъ запасомъ свѣдѣній, съ долговѣрнымъ опытомъ, съ неуспрашимостью, немовѣрною въ обыкновенномъ смертномъ, онъ глубоко обдумалъ ее, повѣрялъ съ своими друзьями и, не въ силахъ будучи удержавъ внутренняго стремленія, рѣшился, во что бы то ни стало, привести въ исполненіе. Оспринутый соотечественниками, оскорбленный Португальцами, получивъ отказъ отъ Испанскаго Двора, онъ вознамѣрился искать счастья въ Англіи; но Маршала, Пріоръ Рибидскаго монастыря, уговорилъ его помедлить нѣсколько времени, обѣщавъ покровительство Изабеллы. Ожиданія сбылись. Обрадованная счастливымъ окончаніемъ продолжительной борьбы съ Маврами, Королева подписала 17 Апрѣля 1492 года предложенныя ей условія и 4 Августа выступила изъ Палосской гавани при небольшіе корабли, подъ командою человека, копорый въ Исторіи является необычайнымъ феноменомъ. Этимъ безсмертнымъ мужъ былъ Колумбъ! Судьба его безпримѣрна. Конечно, не многимъ изъ гениальныхъ людей суждено при жизни пожаты славу своихъ заслугъ; за шо все наши цѣнители въ потомствѣ. Колумбъ составляеть исключеніе. Пущемъ неодолимыхъ пре-

пятиствій и со спороны людей и со спороны природы достигнувъ своей цѣли, онъ не былъ понятъ современниками; его слава была смѣлкою ярка для ихъ зависти и невѣжества. Что же пономство? На немъ лежишь несравненно больший укоръ за неблагодарную холодность къ заслугамъ великаго. Положимъ, что еще Финикияне посѣщали Америку; примемъ за истину, что Норманы сдѣлали въ ней открытія; согласимся, что Нюрнбергскій гражданинъ Богемъ основательно догадывался о существованіи новаго материка и даже приблизительно означилъ его на своихъ картахъ; но какія были отъ этого послѣдствія? И если бы гений Колумба не вызвалъ Америку изъ окружавшаго ее мрака, то и самая гражданственность Европейская стояла бы назади нѣсколькими вѣками. Дикари Америки признавались Европейцевъ, хотя всего меньше имѣюшъ къ тому принятию. Они чтили его память, тогда какъ el Almirante Alonzo Vesputi давно преданъ забвенію.

По смерти Колумба, въ 1506 году, Испанское Правительство, чтобы обратитъ своихъ подданныхъ къ открытіямъ въ Новомъ Свѣтѣ, назначило большія владѣнія всякому, кто совершитъ какое-либо важное предпріятіе. Къ нимъ были приписаны Индійцы. Эта форма дѣленія, называвшаяся *repartimientos*, была источникомъ неслыханныхъ злѣ. Монахи, снѣвая себя выше нутемцевъ, поступали съ ними какъ съ животноими. Совѣтъ, управлявшій дѣлами Восточной-Индіи

лицензию возмещавалъ прошивъ этого; угнетенія возрастали и послѣдствія опчасу дѣлались ужаснѣе. Изъ милліона жителей, найденныхъ Колумбомъ въ Гиспанію, осталось только 60,000 въ теченіе 15 лѣтъ. Между тѣмъ приливъ Испанцевъ увеличивался. Одни, закаленные въ продолжительныхъ войнахъ съ Маврами, искали тамъ приключеній и славы; другіе находили убѣжище отъ Инквизиціи; иные удалялись отъ политическихъ смутъ; бывшихъ въ правленіе Фердинанда, Карла I (Императора Карла V), Филиппа II и Филиппа III. Кроме этого, само Правительствовало посылало труда Жидовъ и преступниковъ для воздѣлыванія сахарныхъ плантацій. Съ Дворомъ, тамъ поселявшася, собиралась делятина за присвоенныя земли.

1519 и 1531 годы ознаменованы двумя весьма важными событіями. Въ первомъ Кортецъ завоевалъ Мексику, во второмъ Пизарро—Перу. Характеры сихъ мужей являющіяся великими и въ то время, когда невѣжество и фанатизмъ еще были исканіе приключеній верховною добродетелью свободнаго человека; средоточивъ же употребленія ими къ достиженію своихъ цѣлей вполне выражаютъ тогдашній духъ. Кортецъ умеръ въ 1542 году; Заслуги его не были оценены. Соучастниками Пизарро были богатый Альмагро и Священникъ Лука. Первый, наиболее подкрѣплявшій его пособіями, пребывалъ, по повелѣнію Куско, столицы Перувианскаго Государства, исполненія обрядовъ, которое состояло въ

томъ, чтобы, по завоеваніи Перу, быть ему Вице-Королемъ. Пизарро отвергъ это. Открылась вражда, Пизарро взялъ въ плѣнь Альмагро и казнилъ его. Вскорѣ самъ былъ убитъ друзьями Альмагро, въ 1541 году.

Испанскій Дворъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ на мѣсто Пизарро благоразумнаго Вака де Каешро. Сей, найдя все въ совершенномъ разстройствѣ, писалъ къ Карлу V, что необходимо данъ прочное управленіе Испанскимъ владѣніямъ въ Америкѣ. Карлъ V вскорѣ издалъ особый кодексъ. Въ силу его раздѣлы земель были ограничены и Испанцы получили болѣе свободы. Но несчастію, человекъ, которому поручили ввести этотъ кодексъ, былъ весьма жестокъ. Велла—такъ его называли—едва прибылъ въ Перу, какъ тотчасъ опьянѣлъ у друзей Пизарро все, что они имѣли, а Ваку ввергъ въ тюрьму. Но оставался еще мститель; то былъ Гонзало Пизарро. Онъ разбилъ Веллу, лишилъ его жизни и сдѣланная повелѣніемъ всей Перувианской Имперіи. Гонзало могъ бы оплотниться отъ Испаніи; но ему недоставало отважности брата. Карлъ V, опасаясь его унаслѣдія, послалъ Прелата Гаско съ неограниченною властію; по прибытіи его въ Перу все оставили Гонзало, который скоро былъ убитъ. Благоразумное поведеніе Гаско много содѣйствовало улучшенію состоянія этой земли.

За Испанцами шли въ Америку племена Итальянцевъ, Нѣмцевъ, Голландцевъ, — подданныхъ васалловъ Карла V. Войны, веденныя ими

Императоромъ и преемниками его съ Францією и Англією, подспрекнуди сіи Державы къ пріобрѣтенію владѣній въ Новомъ Свѣтѣ. Генрихъ VII, сожалея, что не воспользовался сдѣланнымъ ему предложеніемъ со стороны брата Колумба, еще въ 1496 году заключилъ договоръ съ Венеціанцемъ Каботомъ относительно открытій. Сей посѣщалъ берега Лабрадора. Англичане доселѣ основываютъ на этомъ свои права на владѣніе Сѣверною Америкою ось 30°. Въ 1534 году Французъ Картье открылъ Канаду и рѣку Св. Лавренція, а Роберваль основалъ тамъ первое поселеніе. Какъ Англичане, такъ и Французы не успунали въ жестокостяхъ Испанцамъ. Известныя по ужасамъ, произведеннымъ съ 1620 по 1680 годъ, Флибусьеры (*) и Буканьеры были воюница Французская и Англійская. Замѣнимъ при этомъ причину поразительной разности открытій, первоначально дѣланныхъ на Сѣверѣ и Югѣ Америки; тамъ они преимущественно ограничивались побережьемъ, здѣсь наиболее углублены въ материкъ. Это ось того, что внутри Сѣверной Америки нѣтъ ни мѣшалловъ, ни драгоценныхъ камней; внутри же Южной несмысленны сокровища.

Съ неодолимою спраспью корыснолюбія, съ невѣжесствомъ, Испанцы ввели въ новую чашу

(*) *Vlieboot* по-Голландски и *Flyboot* по-Англійски: легкое судно. На такихъ судахъ Флибусьеры совершали свои предпріятія.

Свѣта иное зло, бывшее едва ли не болѣе про-
чихъ губельнымъ: — религіозный фанатизмъ!
Безспорно, понятія туземцевъ о Божествѣ были
самыя варварскія. Ацтеки приносили плѣнныхъ
въ жертву своему богу *Гуитццлопахтли*; ибо
жрецы увѣряли ихъ, что онъ питается сердца-
ми человѣческими. Какъ скоро былъ недоспа-
нокъ въ нихъ, *Топилцинъ* — главный жрецъ —
повелительно говорилъ Государю: *Кацикъ! богъ*
голодеетъ. Немедленно начиналась война. Плѣнные
были убиваемы предъ алтаремъ, жрецы сами вы-
рѣзывали сердце, какъ пищу бога; изъ крови
приготовляли священный хлѣбъ; шѣла были
сѣдаемы войнами; черепы хранились въ храмѣ.
Нерадко съ живыхъ плѣнныхъ сдѣрали кожу;
одна изъ прислужниковъ храма надѣвала ее на
себя и въ такомъ видѣ ходила по жилищамъ для
собранія подаяннѣ мучителямъ. Каждый классъ
народа приносилъ своему божеству жертвы. Бо-
гачи обыкновенно опкармливали плѣнныхъ, обре-
ченныхъ на закланіе. По смерти господина всѣ
слуги его были умерщвляемы. Если же умирала
самъ владѣтельница, то кровопролитіе было ужас-
но. Жрецы пользовались чрезвычайнымъ влія-
ніемъ, какъ истолкователи воли боговъ. Иногда
владѣтельница — напримеръ Перуанскіе Инки — пре-
бывала себѣ божескихъ почестей и предавала
смерти сопрошивлявшихся этому. Въ такомъ
положеніи застали Испанцы жителей Америки.
Вмѣсто крошески, составляющей основаніе
Христіанскаго ученія, они употребили неммо-

вѣрныя жестокости. Жрецы были испреблены; храмы низпровержены; развалины ихъ залиты кровію поклонниковъ. Несчастный Индіецъ подъ мечемъ долженъ былъ произносить имя невѣдомаго Бога и почиталъ его съ той поры неумолимымъ карашелемъ. Можно предположить, чего достигли пошупки Испанскихъ фанатиковъ, когда сама Папа Александръ VI приказалъ имъ: *считать Индійцевъ людьми.*

Къ этому надобно прибавить еще то, что большая также часть ихъ сдѣлалась жертвою раздоровъ между Испанцами, Англичанами, Французами, Голландцами и Шведами. Взаимныя вражды Креоловъ равнымъ образомъ не мало содѣйствовали къ ихъ испребленію. Они *Criollos* (*) были потомки первъхъ удалыхъ бродягъ, которые векоръ по открытіи Америки пустились шудачить тысячами искать счастья. Стыженіе ихъ съ индѣоцвѣтными Индійцами и черными невольниками произвело казны. Вѣзый цвѣтъ сдѣлался знакомъ благородства.

По смерти Карла V система раздѣловъ снова получила силу. Всякъ, кто открывалъ какую нибудь землю, дѣлался ея владѣтелемъ. Сподвижникамъ предпріятія доставались участки. Жители дѣлались безопытными рабами. Главнѣйшее ихъ занятіе состояло въ копаніи рудъ. Тогда же совершенно забыли постановленіе этого Государя, по которому каждый владѣ-

(*) *Criar* по-Испански значить: *воспитывать.*

дець долженъ былъ заботиться о безопасности живущихъ на его земляхъ Индійцевъ и ихъ религіозной образованіи, въ награду же за это брашь нѣкоторую подать, оцѣнювъ не принуждая къ тяжкимъ работамъ.

Производя частыя войны для распространенія владычій, обыкновенно захватывали многихъ пленныхъ. Корыслолюбіе побуждало отправлять ими торгъ, который вскорѣ шакъ усилился, что для поддержанія его предпринимали дальніе походы, коихъ всегдашними послѣдствіями были похищенія жителей. Ничто не могло отвратить этого зла. Оно росло быстро, и въ то время, когда уполномоченные отъ Испанскаго Правительства чиновники употребили самыя строгія мѣры къ удержанію его. При покореніи земель по большей части шадали Каццковъ и ихъ фамиліи; часто даже вступали въ бракъ съ богатыми Индіанками. Карль V сдѣлалъ еще болѣе. Онъ даровалъ лучшимъ и почетнѣйшимъ Индійскимъ родамъ права Испанскаго Дворянства и приказалъ ввѣрять имъ управленіе, съ условіемъ, чтобы они разумѣли по-Испански. Иногда сіи Правители получали наследственную власть. Впрочемъ, это учрежденіе породило ненависть Креоловъ къ шузетцамъ и въ послѣдствіи было виною многихъ бѣдъ для послѣднихъ. Карль V отчасти предвидѣлъ это; поэтому и приказалъ не позволять Европейцамъ селиться въ мѣстахъ жительства Индійцевъ. Съ этою же цѣлю уничтоженіи имъ

каспы; ибо Индіянки, черезъ-чуръ заботясь о сообщеніи своимъ дѣтямъ благороднаго блага цвѣща, забывали супружескія обязанности; раздалась вражда между Индійцами и Креолами, всегда оканчивавшаяся вредомъ для первыхъ.

Иногда Испанцы заключали съ туземцами договоры. Но что они могли значить передъ варварствомъ, обманомъ, корысполубіемъ! Зло достигло до того, что Правительство издало законъ, по которому долгъ Индійца, превышающій 15 пезетовъ (75 реаловъ), равно какъ и актъ, подписанный имъ однимъ, считались недействительными. Введеніе этого закона спонде большаго кровопролитія Индійцамъ. Народонаселеніе бысро уменьшалось; земледѣіе упдало отъ недосщашка рукъ. Тогда-шо начали привозить Негровъ. Первоначально поступали съ ними крошкю; ибо, кромъ воздѣлыващелей полей, имѣли въ нихъ помощниковъ для успѣшенія туземцевъ. Имъ давали даже частіе земель и имуществъ, опнимаемыхъ у послѣднихъ. Это породило взаимную ненависть. Раздоры были безпрерывны. Чшобы положить имъ предѣлъ, Правительство посылало особыхъ чиновниковъ, поручало смолрѣть за ними верховному Совѣшу — *Consejo de Indias* — и подкрѣпляло ихъ военными пособіями. Но немногіе благородно выполняли свои обязанности. Большая частіе во зло упошребляли даруемое довѣріе. При шомъ, будучи совершенно незнакомы съ землею, куда ихъ посылали, они по необходимости избирали себя

помощниками Креоловъ. Сѣмъ пользовались таки-ми случаями къ большому угнетенію шугемцевъ. Особенно же собраніе податей всегда сопровождалось жестокостями; ибо его возлагали на Креоловъ. Мы заимствуемъ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ изъ *Notitias secretas de America*, изданныхъ Донъ Жуаномъ и Донъ Уллоа, которые, вмѣстѣ съ Французами Кондаминомъ и Буже, были посланы, въ 1735 году, Филиппомъ V въ Квишо.

До завоеванія Перу и Мексики Индійцы платили своимъ Государямъ около претней части ежегодныхъ доходовъ отъ земледѣлія и прочей промышленности. Испанцы постановили, чтобы каждый Индѣецъ, отъ 18 до 60 лѣтъ, платилъ ежегодно $4\frac{1}{2}$ піаспра. Въ бѣдныхъ земляхъ эта сумма уменьшалась до $2\frac{1}{2}$ и даже до одного піаспра. Отъ такой подати были изъемаемы: больные и неспособные къ работѣ, Кацки, ихъ первородные сыновья, всѣ служители церкви, сыновья вдовъ. Вся собираемая сумма была назначаемая на содержаніе госпиталей и школъ, на жалованье чиновникамъ, духовенству, войску. Въ шѣхъ мѣсяцахъ, гдѣ должность *Алькальдъ* опшривляли Кацки, собраніе подати было возлагаемо на нихъ. Отъ прочихъ преобладали оную *Режидоры* чрезъ нарочито приспавленныхъ для сего Креоловъ. Сѣмъ открывалось обширное поприще для ихъ жадности и корыстолюбія. Они собирали подать со всѣхъ, и малолѣтнія дѣти и слабые старики, — всѣ подвергались плашежу.

Если Индеец перья квишанцію, то съ него брали два, три раза. Припомъ, какъ *Резидоры* получали должностъ только на 5 лѣтъ, но и позволяли себѣ всѣ средства къ обогащенію. Судопроизводство оканчивалось совершеннымъ грабежемъ и праваго и виновнаго. Часно съ намереніемъ завлекали въ пляббы, чпобы обобращъ пляжущихся. Весьма великимъ зломъ было поспановленіе, по которому Вице-Короли имѣли право опредѣлять на упраздненные мѣста чиновниковъ, прежде нежели придутъ назначенные въ Мадридъ. Креолы платили большія суммы для полученія этихъ мѣстъ; скоро подкупы снали неизлечимою болѣзнію. Платя же сами, Креолы выдумывали несмѣлнныя пирансва къ вознагражденію понесенныхъ убытковъ и собственному обогащенію. Вся промышленность и торговля перешла въ руки *Резидоровъ*. Особенно они искусно умѣли укоренить въ Индійцахъ склонность къ пьянству. Последствиемъ этого было то, что сіи, будучи не въ состояніи платить за вино, дѣлались рабами.

Нельзя обвинять Испанское Правительство въ невнимательности къ такимъ посягательствамъ. Оно издало поспановленіе, по которому каждый чиновникъ, по окончаніи срока службы, долженъ былъ въ теченіе шрехъ мѣсяцевъ, отдавъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ уполномоченнымъ для сего лицамъ. Къ сожалѣнію, это прекрасное поспановленіе весьма рѣдко было исполняемо. Ондавленность же вынуждала Правит-

тельство полагаешься на совѣсть главныхъ чиновниковъ. Жалобы туземцевъ почти никогда до него не доходили.

Такъ называвшійся *mitas* или наборъ Индійцевъ для работы при рудокопныхъ, мануфактурахъ, плансаціяхъ всегда былъ гибеленъ. Имъ испреблено население Кубы, Сень-Доминго и другихъ острововъ. Первое посшановденіе относительно шакого набора вышло въ 1570 году, по ходапайству Лимскаго Архіепископа Жеронимо де Лойза. Послѣ шого каждый Испанецъ, желая разработать руды, проискаши пріобрѣтала повелѣніе для *mitas*, и Индійцы безусловно покорствовали. Филиппъ IV уничтожилъ это посшановленіе; открылись бунты, и Карлъ II снова приказалъ ввести его въ 1689 году, съ условіемъ, чтобы рабочіе получали опредѣленную плату, простиравшуюся ежегодно отъ 14 до 18 піастровъ. Тѣ, кои находились при плансаціяхъ, имѣли сверхъ этой платы, нѣсколько земли для посѣва маиса. Но непрерывно заняшые работою, они не находили времени для воздѣлыванія и были принуждены покупать его у владѣльцевъ за самую высокую цѣну. По существовавшимъ законамъ, господинъ, у кошораго Индіецъ состоялъ въ годичномъ услуженіи, обязывался вносить за него подашь казнѣ. Такъ и дѣлалось; но шодько съ шѣмъ, что обыкновенно вычитали уплаченную сумму изъ заработной. При подобныхъ мѣрахъ происходило то, что Индіецъ при годовомъ расчетѣ не только ничего не получалъ въ награ-

ду, но, какъ должникъ, принужденъ былъ оспаваться на другой годъ; тамъ та же исторія. Если умиралъ въ шакомъ долгу опецъ, то сыновей облывали заработывающаго его. Великимъ несчастіемъ была для Индійца смерть жены или дѣшей. Священники, ревностные соучастники Креодовъ, учреждали процессіи, прѣбывавшія большихъ суммъ. Бѣднякъ занималъ деньги у своего господина, и оставался пофизненно закабаженнымъ. Слабые силы употреблялись при спадахъ. При наборѣ вся семья прощалась съ шѣмъ, на кого падалъ оный, какъ съ покойникомъ. Его вводили силою; иногда привязывали къ конскому хвосту и шакъ влекли къ господину. Тамъ ожидали спрадальца: голодь, изнуреніе и варварскія испязанія за каждую ошибку. Никто не обращалъ вниманія на болѣзнь; тогда шолько ошсылали въ госпиталь, когда рабочій падалъ полумертвымъ. Правительство Испанское иногда узнавало объ ошомъ; приказывало, вмѣсто Индійцевъ, дѣлать *mitas* изъ лѣнивыхъ мулашовъ; но Креолы всегда умѣли устранишь подобныя шѣры подкупами, и шѣмъ легче успѣвали въ нихъ, что жадность *Режидоровъ* была неимовѣрна. Они сами производили шорговлю, и горе тому, кто осмѣливался покупать не у нихъ; его ошсылали въ рудокопни. Жаловаться Вице-Королю значило выспавлять себя на большія угнетенія. Всякъ, кто ошваживался на ошо, былъ считаемъ буншовщикомъ и платилъ за шо жизнь. Если же Правительству удавалось выборомъ хорошихъ чиновниковъ ограани-

чивашь насилія, шо Креолы дѣлали возстанія, при копорыхъ кровь Индѣйцевъ лилась безпощадно. Такъ было въ шо время, когда Карль V приказалъ освободить туземцевъ отъ работъ и брать въ казну обширныя помѣстья по смерти владѣтелей. Благоразумный Гаско ограниченіемъ подобнаго рода навлекъ на себя шакую ненависть, что нашелся принужденнымъ поспѣшно возвратиться въ Испанію, опасаясь сдѣлаться жертвою варварства Креоловъ. Преемникъ его, Антонио де Мендоза, думалъ поддерживать начатое. Вскорѣ вспыхнулъ бунтъ, и Мендоза, не въ силахъ будучи сопротивляться, уступилъ безумной волѣ припѣснителей.

Иногда и сами Индѣйцы, приведенные Креолами въ отчаяніе, восставали, съ остервененіемъ бросались на смерть и истребляли всѣхъ и все. Но не имѣя оружія, безъ средствъ къ содержанію, они скоро были усмирены. Тогда-то начинался рядъ кровавыхъ мученій! Важнѣйшія изъ шаковыхъ возстаній были въ 1608, 1624, 1680, 1692 годахъ въ Мексикѣ.

Для защиты отъ несправедливости въ судахъ, Индѣйцамъ давались Адвокашы. Кто же они были? Креолы, закоренѣлые ихъ враги. Этимъ же злодѣямъ поручался надзоръ за госпиталими и прочими учрежденіями. Короли Испанскіе послали иногда ревизоровъ. Но большая часть изъ нихъ, получивъ это званіе посредствомъ денегъ, старалась только набогатиться. Другіе не смѣли дѣйствовать рѣшительно, ибо имъ угрожала вѣр-

ная смерть. Главное оправданіе Креоловъ состояло въ томъ, что Индійцы бунтовщики и что безъ мѣръ строгости нельзя заспавить ихъ работамъ. Съ одной стороны это справедливо. Полудикій Индіецъ, привыкнувъ къ бездѣйствію, неохотно принимался за работу. Но Креолы были несравненно виновнѣе. Они употребляли его только по видамъ корысти, ни мало не заботясь объ обученіи. Проходили десятки лѣтъ, и туземцы коснѣли въ прежнемъ невѣжествѣ.

Правительство полагало облегчить судьбу ихъ назначеніемъ *Режидоровъ* на безсрочное время. Но чрезъ это возникло новое зло. Корыстолюбивые сіи чиновники, обогащаясь награбленнымъ, предавались самому бездѣйственному равнодушію. Тутъ-то открывалось обширное поприще варварству Креоловъ. Все было безнаказанно. Верховный Совѣтъ, хотя и забралъ въ свои руки много власти, но былъ безполезенъ; denn die Rechtsgelehrte sind nicht immer, vielleicht nur selten, gute Regierer. Американскія *Audiencias*, подкупая его, дѣйствовали по своей волѣ.

Что сказать о Духовенствѣ? Жестокости его были ужасны, потому что больше изысканны, — безнаказанны, потому что опирались на святомъ имени Христа. Если бы монашескіе ордены, посѣщавшіе Америку, дѣйствительно были союзомъ людей, посвятившихъ себя Религій, то вѣрно язычество давно было бы штыкомъ уничтожено. Чѣмъ же они были? разбойничьими шайками порочнѣйшихъ чванливыхъ, которые до

шого довели Индійцевъ, что крещеніе почи-
лось знакомъ пожизненнаго рабства. Вскорѣ по
учрежденіи колоній были основаны монастыри.
Монахи обязывались проповѣдывать Христіан-
ское ученіе. Наспоятели, или, какъ ихъ назы-
вали, *Провинціалы*, были избираемы на три года
и должныствовали неослабно блюсти благоче-
стіе. Между шѣмъ монастыри спали пріютомъ
всѣхъ видовъ разврата. Въ нихъ производились
насилія невинности; въ нихъ распоргалась се-
мейныя связи; въ нихъ, какъ въ гаремахъ, по-
милась несчастныя невольницы, обреченныя на
поруганіе. Грабительство прикрывалось пребы-
ваніемъ вкладовъ на еодержаніе церкви. Иные
Провинціалы получали до 300.000 реаловъ чи-
стаго дохода. При выборахъ ихъ всегда проис-
ходила смятенія паршій; ибо каждая замышля-
ла, назначивъ главою преданнаго себѣ человека,
захвативъ источникъ къ набогащенію. Все ре-
лигіозное образованіе Индійцевъ состояло въ
безопытномъ знаніи нѣкоторыхъ молищъ. Мо-
нахи съ намѣреніемъ ославляли ихъ въ невѣж-
ствѣ, чтобы безусловно пріанспроводить надъ
ними. Въ этомъ благочестивомъ ремеслѣ наи-
болѣе отличались Доминиканцы и Францисканцы,
особенно въ половинѣ XVII вѣка, когда открыла-
ся торговля невольниками, конторому они, какъ
богобогащенію предпріятію, радушно споспѣ-
шествовали. Благотѣшительны были Іезуиты. Из-
бравъ шлю: осуцѣспышъ въ новыя времена,
счастливыя дни Іудейской еокрапін, внонъ

*

орденъ принималъ въ свои члены людей испанной крѣпости и съ возможною бдѣтельностью образовывалъ ихъ. Попомъ они назначались миссіонерами, съ спрашными заклинаніями веспи себя сообразно своему званію. Эпи-по миссіонеры прибыли въ Америку въ XVII столѣтіи. Дружественнымъ обхожденіемъ съ Индійцами они скоро пріобрѣли ихъ довѣріе. Темпы стекались къ нимъ, соединялись въ общества и такимъ образомъ возникли многія поселенія въ Парагваѣ, Буеносъ-Айресѣ, Перу. Въ каждомъ поселеніи были два Іезуита: приходской священникъ и его помощникъ или викарій. Первый имѣлъ право избранія *Алкальдовъ*. По его согласію производились наказанія виновныхъ. Онъ разпредѣлялъ Индійцамъ земли; опводилъ общественное мѣсто, копорое всѣми обрабатывалось для содержанія вдовъ, сиротъ, больныхъ, старцевъ и Кащиковъ. Другое мѣсто, называвшееся *Божьяго собственностию*, обрабатывалось дѣльными, подъ чьимъ нибудь присмотромъ. Женщинамъ назначались свои работы. Беременные и родильницы освобождались отъ нихъ; распущныя заключались въ смиреннѣйшій домъ. Въ каждомъ поселеніи находились больницы. Дѣти обучались Закону Божію, живописи, музыкѣ. Іезуиты внимательнѣе наблюдали ихъ способности и по окончаніи ученія основывали на шестъ ихъ опредѣленіе. Избытокъ произведеній продавался. На вырученное пріобрѣтали полезныя вещи; нѣкоторую часть удѣляли на благодѣніе

церквей. Сами содержались на иждивеніи поселеній.

Нельзя не подивиться мужественной твердости этих миссионеровъ. Конечно, слово *отлученіе* попрысало и закоснѣлую душу Креола; но весьма часто онъ возставалъ противъ новаго порядка и не смѣя обнаруживъ свою ярость на Іезуитовъ, спорницею изливалъ ее на бѣдныхъ Индійцевъ. Іезуиты предвидѣли это, а пошому и не пренебрегали обученіемъ военному искусству. Подъ дома приходскаго священника находился цейгаузь. При такихъ мѣрахъ число жителей въ образованныхъ Іезуитами поселеніяхъ проширалось, въ 1730 году, до 280.000 душъ. Въ послѣдствіи они проникли въ Гвіану, Хламъ и Калифорнію, всюду оставая по себѣ слѣды человѣколюбивыхъ и полезныхъ учрежденій. Индійцы, видя предъ собою столь рѣдкіе для нихъ примѣры кротости, считали Іезуитовъ высшими существами и воздавали имъ полное уваженіе. Но это породило ненависть къ нимъ прочихъ орденовъ. Само Правительствово поступало съ ними иногда чрезвычайно жестоко. Карлъ III приказалъ всѣхъ ихъ схватить, оплечь имущеслива и отправить въ Испанію. Несправедливо нѣкоторые Испорки обвиняютъ ихъ, будто они награбили въ Америкѣ великія богатства. Все, что они получали, издерживалось на пользу самихъ Индійцевъ. Напротивъ, изгнаніе Іезуитовъ было для нихъ губельно. Оставивъ съ унѣхомъ распроспранявшееся земледѣліе, они сно-

ва удалились въ лѣса, боясь жестокостей Францисканцевъ, копорые тогда вошли въ большую силу. Едва начатое просвѣщеніе погасло; ибо инкошь ордець не во многомъ стоялъ выше шувенцевъ своими понятиями.

Впрочемъ, и Іезуиты не могли далеко уйти на востокъ пуши. Главнымъ затрудненіемъ при обученіи Индійцевъ было безконечное множество ихъ языковъ, совершенно различныхъ, по своей природѣ, еще Европейскихъ. Причина же большаго числа Американскихъ языковъ заключается во ввѣщеніи образованіи почвы: каждое племя, отдѣленное отъ прочихъ горами, рѣками, лѣсами, говоритъ своимъ языкомъ, котораго организація есть результатъ физическихъ потребностей, условяемыхъ климатомъ. Утверждаютъ Іезуитовъ, что они пренебрегали Каспильскимъ языкомъ, который еще до нихъ былъ уже довольно распространенъ, по причинѣ вѣдомостей Индійцевъ къ Мененцамъ. Можеть быть, это дѣлалось съ политическою цѣлью.

Со времени изгнанія Іезуитовъ, угнетенія со стороны духовенства начались съ новою силою. Приходскіе священники передъ обрядомъ требовали подарковъ; по окончаніи ея 4½ піаспра; за проповѣдь столько же. При вѣдомъ надобно замѣнить, что ими введено было множество праздниковъ. Не рѣдко по воскреснымъ днямъ Индійцы работали на нихъ. За погребеніе брали они 12 піаспровъ; за гробъ столько же; за процессію 4 піаспра; за девятидневную молч-

щву 36; за сорокадневную и годовую по 20; за свѣчи 10; вообще похороны стоили 134 піаспра! Корыснолюбіе священниковъ было споль велико, что они даже принуждали родствениковъ покойнаго совершать годичную молишву прежде срока, говоря, что эщивъ сполько душа его можешъ бытъ изведена изъ числища. Но все-ро гибельнѣе было разврапное поведеніе Духовенства, Нельзя не чувствовать негодованія, читая, что и священники и монахи, имѣя кромѣ нѣсколькихъ женъ, множество наложницъ, безстыдно предавались съ ними раслушству. Невнимоснѣ сполько смернью избавлялась оны поруганія. Креолы были самыми ревностными подражателями благочестивымъ паспырямъ. Ся допускали овцамъ, ибо грѣхи всегда искупались золопою шерсью. Карлъ III принималъ спрогя мѣры прошивъ шакѣй безправдливосности; но оны осщались неэффивилельными.

Перейдемъ къ промышленности. Мы видѣли уже оны чего упало земледѣіе. Въ 1610 году Правительство прислало въ Америку шелковичныя деревья и шелковыхъ червей. Сначала принялись было за разведеніе ихъ; попомъ, оны привычки къ праздности, оставили. Исключительное занятіе сосщавляли горные промыслы. Торговля никогда не приходила въ цвѣтущее сосщояніе, съ одной споросы оны невниманія самого Правительсва, съ другой оны ограниченности помяній колонистовъ. Припомъ, много подрывали ее войны, которыя шакъ часшо

вела Испанія, и соперничество Англіи и Франціи. Важнѣйшими портами были Вера-Круць и Каршагена. Иногда корабли заходили и въ Поршобелло. Цѣны шоварамъ опредѣлялись шаксою. Европейцы привозили мануфактурныя издѣлія и брали въ обмѣнъ мепаллы и драгоцѣнные камни. Колонисты Филиппинскихъ острововъ торговали Кишайскими произведеніями. Карль III всего болѣе благопріятствовала торговлѣ. Онъ предоставилъ, въ 1763 году, каждому Испанцу свободу торговашъ въ Америкѣ. Въ 1778 году отошло шуда изъ разныхъ поршовъ Испаніи 170 кораблей. На нихъ шоваровъ было на 28.236.620 реаловъ. Въ 1784 г. вывезено на 188.049.504 р. Ввезено въ Испанію, въ 1778 г. на 74.569.256 р., а въ 1784 на 1.138.417.352 р.! Собрано пошлинъ въ первомъ году 6.765.848 р; во второмъ 67.000.000. При этомъ не надобно забывать коншрабанды, коншорая, особенно благодаря заботливости Англичанъ, производилась съ безпримѣрною дѣяшельностью.

Главнымъ препятствіемъ промышленности были кашпы. Негры, мулапы и Индійцы совершенно не имѣли права занимашъ ею. Не прежде половины XVIII столѣтія, и шо въ слѣдствіе кашпыхъ возмущеній, Правительштво дозволило имъ производить оную. Но невѣжештво, въ коншоромъ содержали ихъ ушѣснишесел, непривычка, недоспашокоъ средствъ — сдѣлали бесполезнымъ это дозволеніе. Прибавимъ къ сему стѣснишесельныя привиллегіи, дарованныя

горожанамъ, и большіе налоги. Первыя благопріятствовали монополіи; вторые были следствіемъ частыхъ войнъ. Угрожаемая извнѣ и внутри, Испанія содержала большое войско и среди мира.

Сношенія производились быстро и не требовали многихъ издержекъ. Карлъ III издалъ опосредственно этого прекрасныя поспановленія, по которымъ пересылка писемъ, денегъ, товаровъ въ Испанскіе колоніяхъ стоила вполнѣ меньше, чѣмъ во Французскихъ.

Военныя силы были маловажны и содержались въ худой дисциплинѣ. Они состояли изъ Креоловъ, подъ командою *Maestre de Campo*. Частнымъ Владѣтелямъ дозволялось содержать при себѣ войско для защиты земель. Это имѣло вредныя послѣдствія. Они безболзненно прихвѣстали жителей и были всегда готовы воспользоваться несообразнымъ съ ихъ видами мѣрамъ Правительства.

Мы не намѣрены входить въ любопытныя, но по большей части невѣрныя изображенія частной жизни Испанскихъ колонистовъ въ Америкѣ. Импересующихся внѣшнихъ испанцевъ отсылаемъ къ превосходному творенію Гумбольдта; а сами ограничимся общими чертами. Многие хвалятъ гостепріимство Креоловъ. По нашему мнѣнію мунтъ явить ничего мудреннаго. Кавказскій горецъ гроза невольнику и павлиному; но свято чинитъ ошеческіе усшавы въ отноше-

ким Бунакомъ. Образованіе у нихъ на низшей степенѣ, пошюму что совершенно пренебрегають воспитаніемъ. Двѣдѣ обыкновенно опщдають въ монастыри, а знаменитѣ монастыри — постоянныя резиденціи невѣжества и разврата! Суевѣріе гнететъ умы самихъ учидщедѣй.

Почему Испанія такъ долго удерживала за собою Американскія владѣнія? Гумбольдтъ ошвѣчаетъ: люди видѣли въ революціяхъ потерю обоживенности, ограниченіе владычества надъ шюземцами; другіе, по невѣжеству, думали что никогда не изыбнутъ рабства и что возстанія менушь только его усилить. — Это ошвѣщаетъ справедливо. Не замѣтили, что аристократія рѣшилась ошъ вѣсна Меланокато Правительствѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что обвиненія, дѣлаемыя Испориками Иованцамъ, слишкомъ преувеличены; Гумбольдтъ доказалъ что, Само Правительствѣ не издало ни одного ещдсшншельнаго закона; а ошвѣденности не дозволяла видѣть испощными образомъ хода дѣлъ. Болше ихъ виновны Англичане и Франгузы. У нихъ Правительствѣ купукало прнншоненія. Генрихъ IV нарочно ошправилъ, въ 1604 г., Пешра де Мочны для собранія, ошмако возможно болше, золота, серебра, ошди. Намрощиъ, Изабелла дервщи словами своего духовнаго завѣщанія потощивала: не обременяйте Индійцевъ; дострайте

ея или кротко: Это было правдою и для по-
сладовавшихъ Государей.

Н. Исаевъ.

Дерптъ. 15 Августа, 1834.

III

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Томъ Джонсъ Фильдинга и Кларисса Паркеръ
Ричардсона.

(Статья Шалля.)

Въ одной изъ самыхъ многолюдныхъ частей
Лондона, близъ Вестминстера, былъ въ 1750
году домъ довольно спрятанный; въ немъ жилъ
Мирный Судья. Дверь вшего дома всегда отве-
рена для званыхъ и незваныхъ; въ вѣдиче: въ
низкой, довольно темной залѣ со сводами, укра-
шенной огромною мечью, споминъ эполь; на
винохъ споминъ оспанки пирисеива, разбичные
спанки, дичь, горшеръ, плады; въ углу бюро,
покрытое бумагами; у эпола сидитъ человекъ,
съ глазами блестящими, въ парикъ пучсакомъ;
онъ пьешъ, куритъ, лохочешъ и кричитъ во все
горло; щекъ его красны, носъ шоме; ноза, усм-
нанная канферомъ, укупанная эланелю, лежатъ
на скамейкѣ. Вокругъ споминъ споминъ, сидитъ, на
козбнахъ, поджавши ноги, носильцики, шерганы,
рыбачки, ночные спражи, воры и мошенники;
Ирландцы, Шотландцы, Валлийцы, копорыкъ хо-

заянъ заспавалешъ молчашъ, спуча по сполу
 сильнымъ кулакомъ своимъ. Подъ сводомъ раз-
 даюшя ихъ разноязычныя крики, ихъ запальчи-
 выя споры; шупъ вы слышите всѣ кляшвы и
 бранныя слова, всѣ нарѣчїя, которыми говоряшъ,
 бормочутъ и шепеляютъ отъ сѣвера до юга Вели-
 кобританїи. Часпо человекъ, выигравшїй свое дѣ-
 ло передъ вшимъ спраннымъ Судомъ, садилсѣ за
 сполъ Мирнаго Судьи и попивалъ за его здо-
 ровье поршеръ. То были нескончаемыя воскли-
 цанїя, споры на воровскомъ языкѣ, запахъ мяса
 и несносный зимою жаръ. Иногда къ дверямъ
 подъѣзжала кареша; дворянинъ при шпагѣ, съ
 жабо и манифешами, входилъ въ залу, подавалъ
 Мирному Судьѣ руку и съ нимъ разговаривалъ.
 Эшотъ дворянинъ былъ, можешъ бышь, Лордъ
 Линчфильсонъ или краснорѣчивый Лордъ Чашамъ,
 или Повѣтъ Поле, акшеръ Фушъ, оспракъ Ар-
 бушмонъ, или, можешъ бышь, книгопродавецъ Тон-
 сонъ, съ мѣшкомъ подъ мышкою, принесъ шоро-
 вашому Судьѣ-гулакѣ нѣсколько фуншовъ шер-
 линговъ въ задашокъ за будущїй Романъ его.
 Пошому что эшотъ Мирный Судья былъ Филь-
 дингъ, Генрихъ Фильдингъ, Авшоръ *Томъ Джонса*.

Не далеко отшуда, въ Тампльской Часли,
 на другомъ концѣ Сити, жилъ въ то же время
 человекъ иныхъ нравовъ. Кваршира у него бы-
 ла чешенъкая, убранная дубовою лакирован-
 ною мебелью; изъ оконъ видны были лужайки
 Тампльскаго сада. Двери отворяла вамъ спаруха-
 служанка, чешная и порядочная, какъ все жили-

ще, женщина съ набожнымъ видомъ, всегда съ пошупленными глазами, прямая и выпянуная, съ пошупью мѣрною и ошпорожною. Хозяинъ, человекъ важный и молчаливый, съ величайшею точностію размѣрлялъ упошребленіе своего времени; не пропускалъ ни одной проповѣди; подавалъ совѣшы богомолкамъ своего кваршала, которыя предшавляли на его разрѣшеніе сомнѣнія свои въ дѣлахъ совѣспи; ошвѣчалъ письменно шѣмъ, которыя желали знать его мнѣніе о какихъ нибудь вопросахъ, нравспвенныхъ или религіозныхъ: надзиралъ за шипографіею, которую завелъ на сбереженныя деньги; а въ ошпальное время писалъ *Памелу, Грандиссона и Клариссу Гарловъ*. Эшонъ Пуришанъ былъ Ричардсонъ.

Ричардсонъ и Фильдингъ уже половина приняты всей Европою и признаны Царями новѣйшаго Романа. Того и другаго не разъ переводили и сокращали и всегда почти дурно и невѣрно.

Само собою разумѣлса, что эши два человека другъ друга ненавидѣли; не по липерашурному соперничесшву, не по авшорской зависти, чувству низкому, но по ошвращенію еспесшвенному, невольному, врожденному. Фильдингъ, происходившій изъ фамиліи Кавалеровъ, велъ жизнь веселую, какъ и предки его, деревенскіе дворяне, и также какъ они, спрадалъ подагрою; Ричардсонъ, сынъ спошляра, бывшій шипографскимъ наборщикомъ, пошомъ коррекшоромъ, сосшавилъ себѣ небольшое сосшолніе неушомнымъ посшолшствомъ въ работѣ и спрогою бережливостію.

Что же могло быть общего между этими двумя людьми?

Однимъ былъ представителемъ новаго Англійскаго общества, Пуританскаго; другой еша- рого веселаго общества, долгое время поддержа- вавшаго монархію, *Merry old England*. Мирный Судья, хотя и привязанъ былъ къ Ганноверскому Дому, но принадлежалъ къ числу народа, сосло- вяной изъ Художниковъ, Философовъ, наслед- довавшихъ правила Карла II, актеровъ, придвор- ныхъ, полковниковъ шпиринныхъ Кавалеровъ, ос- прясовъ, гонимыхъ Кашоликовъ, которые не зна- ли ничего хуже лицемерства и всеми силами за- щищались отъ реакціознаго ярма, принятаго Ан- глією со времени Кромвеля. Ричардсонъ, напро- тивъ того, почерпалъ все свои идеи и правила въ мівнѣяхъ Лондонскаго гражданства, напипан- наго ученіемъ Пуританъ и сильнаго своимъ фа- наншизмомъ. Онъ умѣлъ уважать сколько поряд- окъ, точность, приспосовенность, бережливость и долгъ. Провелъ всю жизнь въ шрудахъ, молчаніи и работности, вѣнотъ неученый писатель при- нялся писать Романы, и что же было въ этихъ Романахъ? Настопиція проповѣдл, Апофеоза смяг- ченнаго пуританизма. *Памела* — проповѣдъ въ пользу горничныхъ, желающихъ выйти за - мужъ за своего господина; *Грандиссонъ*, родъ *Подражанія Христу* — въ пользу дворянъ; наконецъ *Кларисса* — вическая повесть Англій и шцандской и протестантской; Героиня ето послѣднато Романа — Богомольная Кальвинистка, мучимая

сомнѣніи и религіознымъ энтузіазмомъ. Девелась не столько свѣтскій человекъ, блестящій волокипа, какъ сиснемапическій оболонцишель, Кромвель, принявшійся за ремебло Лозѣна, Мюстшюфель, сдѣлавшійся Фоблазомъ; онъ разсуждаешъ о любовныхъ преспужденіяхъ съ глубокомысленностію государственнаго мужа и шюнкостію казуисша! Имъ много восхищались во Франціи и во всей Европѣ; не знаю только, понаали его.

Кларисса — мѣщанская Англія Вилмгельма и Королевы Анны; не дворъ, не шаверны, песьщасныя Поэтами; не жилища деревенскихъ дворянъ-охотниковъ; но частная жизнь лавки, мануфакшурн, масшерской, юшаріуса, судьи; частная жизнь среднихъ классовъ въ Ричардсоново время. Суровоешь Пимовъ и Гаррисоновъ исчезла. Она неа оснадся повсемѣстный опливъ важной шпротости въ поведеніи, опшѣноку домашней набожности. Тогда очень боялись чорша, пустословія, кокешсшва, шащевъ и еспроумія. Въ театрѣ не въздани. Въ государственныя дѣла мѣшалась мало. Нецериностіъ заклочнялась въ кругу семейства; оно покорилось дисциплинѣ строгой, методической, мелочной, выскашельной, уешаву папшриархальному, займешвованному изъ Библии. Чашная *Клариссу*, кажется, будило насъ окружаешъ полу-Пуританское мѣщанство 1699 — 1788 годовъ; довольно скучное, какъ и Гарловы, какъ они совѣщашивое и честное, пропшвуольно лицешѣрое. Восемь шюновъ Ричардсонова Романа: представ-

любят удивительно върную картину этого общества. Съ этими людьми не сговоришь во всемъ, что касается до религиозныхъ обрядовъ и наружной благопристойности; въ малѣйшемъ дѣйствіи полагаютъ они величайшую важность; жизнь ихъ распределена и разбѣрена циркулемъ. Вставашь надобно рано; молишься въ шакомъ-то именно часу; чай приготавлиашь и пьешь въ такой-то комнатѣ; ни за что на свѣтѣ не измѣняешь однажды принятому правилу; одежда, рѣчи, дѣйствія, должны быть заранѣе взвѣшаны и расчислены. Ни малѣйшее опущеніе не допускаешь; прощенія быть не можешь; самое ничтожное нарушеніе уснава разшворяешь дверь ада. Бойнешь этихъ людей; если ужь имъ вздумаеть быть порочными, то они будутъ порочными не вполонну. Ежели въ жизнь ихъ вѣзшаются спрашки, о! тогда ждише ужасныхъ происшествій: оставая душь такъ мало свободы, умшвеннымъ способностямъ такъ мало дѣйствія, жару чувствъ такъ мало воздуха, они усиливаютъ порывы, кошорые хотяшъ подавить. За то Клэрисса умираешь погибшая, и что еще хуже, можешь быть, влюбленная въ Ловеласа, потому только что написала какое-то несчастное письмо, — совершенно невинное. Гарловы, люди, кошорые, конечно, несколько не забавляютъ, но кошорыхъ нельзя и презирашъ, такъ много у нихъ усердія, сшожкости, уваженія къ достоинству человека, сушь первообразъ жшцанства полу-шорговаго, полу-религиознаго,

которое полшораста лѣтъ составляло дѣлительную и шоржествующую часть Англійскаго общества.

Но путь была не вся Англія. Были и другіе сердца, которыя бились живѣе, умы, которыя носились въ сферѣ болѣе свободной; были шумныя шаверны; дворъ съ его безчисленными шншригами; Парламентъ съ его продажностію; театръ съ его оболъщеніями; однимъ словомъ, свѣшская часть Англій. Эта презирала и поднимала на смѣхъ строгую часть націи, шу, которая, вооружаясь правилами политической свободы и считая въ рядахъ своихъ Мильтона, Гампдена, Вильгельма Пенна, обезглавила Карла 1, изгнала Іакова II, и увѣнчала Вильгельма; ша, у которой было такъ много мучениковъ своего вѣрованія и которая, пройдя сквозь огонь костровъ, срамъ позорныхъ сполбовъ, конфискаціи, пожары, революціи и междуособныя войны, основала (правда, преобразовавшись) Англію XVIII и XIX сполѣтій. Чшо стало бы и съ искусствами и съ мыслию, если бы погашеніе спрасшей и способностей человѣческихъ подъ схимническимъ уставомъ, превратило Англію въ огромный монастырь? Равновѣсіе удержали два правила: шерпимость и личная независимость; развитіе происходило въ двѣ противоположныя стороны; съ одной развивался религіозный духъ; съ другой умшвенная свобода; зрѣлище было великолѣпное.

Религіозный духъ, введенный въ частную

жизнь, проявился необычайнымъ успѣхомъ Клариссы Гарловъ; главнымъ выраженіемъ проповѣдствія свободы противъ пурипанизма, былъ Томъ Джонсъ.

Большую часть твореній Фильдинга можно почтишашь сатирическими прощесшами противъ пурипанскихъ правовъ. Бошлеръ началъ нападеніе при самомъ еще Кромвелѣ; это нападеніе, исполненное ума и цинизма, возобновилось въ царствованіе Карла II. Знаменишый Гудибрасъ, напрасно сравниваемый съ Донъ Кихотомъ, былъ не что иное какъ преждевременный Грандиссонъ; подъ тяжелымъ, но оспроумнымъ гротескомъ Бошлера уже видны упощенность, манерность, спѣсивость, проповѣдническій педантизмъ, мелочная спросность, чувственное лицемѣрство и принужденная порядочность, въ которыхъ Фильдингъ упрекалъ героев Ричардсона. Фильдингъ не только былъ одаренъ талантомъ болѣе обширнымъ, болѣе свѣплымъ чѣмъ у Бошлера; но онъ болѣе его видѣлъ и людей и вещей, онъ наученъ былъ пятидесятилѣтнею опытностью. Онъ путешествовалъ. Разсвѣнная, невоздержная, шоровашая его милость, изпещренная добрыми дѣлами и шалостями, оставила въ наслѣдство его зрѣлому возрасту только подагру и мѣсто Мирнаго Судьи. Мы видѣли какъ онъ занимался своею должностью. Въ письмахъ своихъ онъ часто говоритъ о законченной и шумной пещерѣ, служившей храмомъ его муниципальной Семидѣ. Тушь принималъ онъ

спарыхъ друзей своихъ, людей свѣтскихъ, людей полишическихъ, людей, любившихъ пожинать; шупъ сочинялъ онъ свои Комедія и Фарсы; шупъ, на спола, зааипомъ пивомъ, писалъ онъ Томъ Джонса; смѣясь во все горло надъ новыми Дурищанами, надъ ихъ первосвященникомъ, пидографщикомъ Ричардсономъ и надъ свяшою Памелою.

Ричардсона называли педаншомъ, Фильдинга обвиняли въ безнравственности. Одна умная дама прошлаго вѣка, о кошорой говорить Башомъ и кошорой имя я забылъ, слыша что всѣ хваляшъ великодушный характеръ Томъ Джонса, созданіе прекрасное и поэтическое, сказала: *Не знаю, что я буду впередъ о немъ думать, но я читаю теперь его исторію и оставила его съ худшей женою.* Это замѣчаніе не смутило бы Фильдинга. Онъ хотѣлъ, чтобы герой его былъ какъ можно больше негодяемъ; онъ не очень дорожилъ добродѣтелями самоопроверженія и цѣломудрія, кошорыя восхвалялъ Ричардсонъ. Томъ Джонсъ глава многочисленнаго семейства Фильберовъ, людей бездушныхъ, но добрыхъ, кошорымъ все прощаешь. »Вы видите, сказала Авшоръ *Кларисса*, одинъ шолько неблагоразумный шпосшупокъ погубилъ эту невинную двушку; »Ангель палъ пошому что однажды, шолько однажды забылъ свои правила!» — »Вы видите, »говорилъ Фильдингъ, шпонтъ скромный, наипшущий, учпивый, цѣломудренный, благовошпщанный Бакель — чудовище; мой Томъ Джонсъ

жапрошивъ, шалунъ, шопъ, въспреникъ, влюбленный во всѣхъ женщинъ, — человекъ благородный, великодушный, славный малой. »Кто бы захотѣлъ бытъ другомъ Блаффля? Кто бы не полюбилъ моего Томъ Джонса?« Ни Фильдингъ ни Ричардсонъ ровно ничего не доказали. Но объ ихъ пезы, равно ложныя, равно истинныя, произвели Клариссу и Томъ Джонса; двойное общественное движеніе, олицетворенное двумя великими Романистами-соперниками, пережило само себя въ изящныхъ твореніяхъ, нимъ порожденныхъ.

У Ричардсона вездѣ замѣшна спрасъшъ поучашъ; онъ прежде всего проповѣдникъ. Онъ завладѣлъ нами, держишь васъ въ паѣну, вы должны, принуждены выслушашъ его до конца. Фильдингъ болѣе художникъ, въ испикломъ значеніи этого слова. Какъ хорошо распредѣляетъ онъ краски, какъ хорошо разсѣвываетъ свои фигуры! Какъ онъ умѣетъ ихъ разнообразить, противопоставлять одно другому! Философическіе его прологы, занимающіе у него мѣсто всшупительныхъ спанеовъ Аріоста, прологи, кошорые можно охуждашь пошому, что они не связываются съ самымъ дѣйствіемъ и замедляющъ ходъ его, суть какъ бы рамки, покрытыя арабесками и назначенныя для того, чтобы взгляды и мысль читателя на нихъ ошдыхали. Конечно, у Ричардсона вы найдете болѣе подробный разборъ каждаго душевнаго движенія; но допустивъ достоинство этой живописи

сквозь увеличительное стекло, надобно признаваться, что эта непоснижимая мелкость подробностей совершенно пошеряна для большинства публики, всегда спремещагося къ развѣжъ и спѣшащаго разгадать загадку; не знаю, не скорѣе-ли и вѣрнѣе доспигають цѣли Романиста — Авторъ Томъ Джонса.

Въ Томъ Джонсѣ превосходно уравновѣшены насмѣшка и нѣжность, чувствєнные движєнія и благородныя спраспн, весєдосп и печаль, смѣшное и прогашельное. И между всѣмъ эспимъ нѣспъ неспрїятнаго спсолкновєнія. Всѣ оппѣяки слышы какъ нельзя лучше. Въ лицахъ, которые кажутся намъ карикатурными, Тваккумъ и Веспернѣ, нѣспъ ничего преувєличєннаго для людей, знакомыхъ съ Англїйскимъ нравами. Я видывала пєданшповъ хуже Тваккума, а прочня *Автобиографїю*, изданную мѣсяца при назадъ Иджершономъ Бриджемъ, вы убѣдились, что порода Весперновъ еще не перевелась въ Ленкшейрѣ и Лєйчєспєршєйрѣ. Но какъ прєлєспно эспн грубыє харакспєры перемѣшивающся съ лицами спраспными и нѣжными; какъ еспєспшєнно выдлвающся изъ одного и шого жє испочника и радосп и слєзы!

Только умамъ избраннымъ дано понимашъ шакимъ образомъ чєловѣчєспво. Для нихъ нѣспъ ничего испкључлщєльнаго. Они знаютъ, какъ разнєобразна шкань єго, они знаютъ чшо у самаго блєспящаго ковра єспъ своя лѣвая спорона. Они знаютъ, чшо жлзнь не Трагєдїя Эспїла и не Фарса

Модера. Они хорошо видятъ малую, почти неприглядную почку соприкосновенія, соединяющую слезы съ слезами, иронию съ жалостію. При одинакомъ талантѣ, я всегда вижу большое превосходство наблюдательности, почти божественную силу ума у того, кто смоетъ не на одну сторону жизни; шаковы, между великими писателями, Шекспиръ и Сервантесъ; Фильдингъ идетъ за ними слѣдомъ.

Вы можете быть искуснымъ прозаикомъ, Логикомъ, Комикомъ; вы можете заслужить почетное мѣсто въ числѣ писателей всѣхъ временъ, не достигнувъ этой возвышенности воззрѣнія. Что такое геній, если не способность понимать все на свѣтъ? Рабеле, умъ плодовитый, человекъ краснорѣчивый, поэтъ по своему, философъ на свой образецъ, хохочетъ безъ умолку обо всемъ и ни о чемъ;—хохочетъ нескончаемый. Между тѣмъ въ міръ не одни только грошески. Мы не оспариваемъ у Лесажа ни тонкости ума, ни несравненной проницательности; но въ обществѣ должно же быть что нибудь другое, кромѣ глупцовъ и мошенниковъ, развращенныхъ господъ и хитрыхъ слугъ. Одинъ живетъ въ міръ вѣчной насмѣлки; другой въ міръ, вѣчно плачущемъ. У Лашоссе одни слезы; у Скаррона одни дурачества; Дидро подвигается впередъ судорожными скачками, д'Аламберъ дѣйствуетъ по Алгебраическимъ формуламъ. Изучая ихъ одного за другимъ, подумаешь, что нѣсколько малая часть жизни человѣческой предъ

ними разоблачилась, оспальное все исчезло. Даже Вольперъ, умъ споль свѣпый, не избѣгнулъ бы онъ этого упрека, есаибы живая, искренная любовь къ челоѳчеству не смягчала непрерывной насмѣшливости, составляющей основу его таланта. Читайше *Кандида*; это произведение превосходное; передъ вами являються моровая язва, война, голодъ, корыстолюбіе, низость, всѣ язвы челоѳчества; но, благодареніе Богу, *Кандидъ* шолько страница, вырванная изъ великой книги; есаи бы онъ содержалъ въ себѣ испинную Исторію людей, шо имъ бы давно слѣдовало прибѣгнушь къ всеобщему самоубійству.

У писателей впороспепенныхъ еще хуже: ѳтнимите у Райналя его неистовые крики; у Машюринна его вистѣлицы, шрупы и привидѣнія; у Г-жи Радклиѳъ ея башни и разбойниковъ, что у нихъ оспанешся? У другихъ все розы, все изяжныя распуковки, сладостныя благовонія и голубые пошпки. Посмошрише что сдѣлали изъ міра Флоріанъ или образецъ всѣхъ новѣйшихъ Идиллистовъ, Гварини? — Овчарню.

Равновѣсіе и соединеніе высокыхъ качествъ ума, способность понимать важное и забавное, прелестъ и силу, еспъ геній по превосходству. Тотъ кто будетъ изучать Шекспира въ этомъ ѳтношеніи, изумишся его безмѣрной возвышенности. Опъ чего Мольеръ шакъ превосходитъ Реньяра? Опъ того, что у него подаѣ забавнаго, еспъ спорона важная, глубокая, даже печальная. Въ наше время часто говорашъ, что ха-

фактеръ гениал естѣ индивидуальность: Чипо намъ до индивидуальности мелкой, слабой, посредственной, кошорая не видишь ни даље, ни выше другихъ людей. Ж. Ж. Руссо—Авторъ *Новой Элоизы*, жертвуесть всемъ на свѣтъ своей пустословной философіи, своей спрасшной воспорженности, своему энтузіязму къ природѣ; и онъ далеко отпшаесть отъ Жанъ Жака — автора *Исповѣди*, споль естешвеннаго, споль просподушнаго, споль разнообразнаго; забавнаго и печальнаго; пламеннаго и граціознаго, представляющаго всѣ чловѣческія чувствования и ощущенія, во всеі ихъ многообразности. Краснорѣчіе *Новой Элоизы*, конечно, болѣе пламенно, болѣе сильно, болѣе обрабопано. Но вы во спо разъ болѣе познаете себя, чловѣка, Жанъ Жака, вы чувспвуете въ одно время живое ощущение въ сердць, біеніе жилъ, движеніе въ мозгу, кошорый какъ бы разширяесться для пріянія новаго свѣта, новыхъ испиць, — когда вы чишаесть *Исповѣдь*, книгу великую, надъ кошорой и плачешъ и смѣесться, и въ кошорой пластыри Клода Ане находящяся рядомъ съ спрасшными ощущеніями юноши.

Посмотрите также на великаго, благороднаго Сервантеса; онъ выдаесть себя за шушника, а какая глубокомысленность подъ эпимъ шушпвомъ! Кшо не уважаесть бѣднаго Донъ Кихота, чловѣка съ душою великою, но больною, съ умомъ возвышеннымъ, но запимившимся? Топъ кшо видишь въ Донъ Кихотѣ одинъ шолько гро-

шескъ, читалъ только половину книги. Тутъ не меньше слезъ, какъ и веселости. Какое благородное сердце бьется въ этомъ худомъ, испощенномъ и безобразномъ пълѣ! Геройскія свойства, плагоническая любовь рыцаря Ла-Манхскаго не исчезающъ среди насмѣшекъ, его окружающихъ.

Изъ всѣхъ книгъ на свѣтѣ, въ этой, вѣрнѣе чѣмъ гдѣ нибудь, предсавлено человѣчество, то есть смѣшнѣе и жалостнѣе.

Ричардсонъ, не смотря на великій талантъ свой, по этой уже одной причинѣ ниже Авшора Томъ Джонса.

О.

IV.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Числящійся при Герольдіи Дѣйствишельный Снатскій Совѣтникъ Жуковскій, въ награду отличной его службы, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Тайные Совѣтники, и повелѣно состоять ему при Генераль-Фельдмаршалѣ Князѣ Варшавскомъ, Графѣ Паскевичѣ Эриванскомъ, съ сохраненіемъ получаемаго имъ содержанія, опредѣленнаго Указомъ, Правительствующему Сенату въ 8-й день Ноября 1830 года даннымъ, но восьми тысячъ пяти сотъ восьмидесяти шестидесяти рублей въ годъ изъ Государственнаго Казначейства.

— Керчь-Еникальскій Градоначальникъ, Полковникъ Князь Херхеулидзеъ, Всемилоспивѣйше пожалованъ въ Спальскіе Совѣтники.

— Его Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему прошенію, Всемилоспивѣйше уволилъ Ландсгевдинга Шерншанца, олъ управленія Улеаборгскою Губерніею.

— Вице-Ландсгевдингъ Робертъ Лагеорборгъ назначенъ въ Ландсгевдинги Улеаборгской Губерніи.

— Исправляющій должность Почтъ-Директора, Коллежскій Совѣтникъ Александръ Вульфершъ, утвержденъ Финляндскимъ Почтъ-Директоромъ.

— Полковникъ Карлъ Кронспешъ назначенъ Вице-Ландсгевдингомъ въ Вазаскую Губернію.

— Государю Императору благоугодно было Высочайше утвердить избраннаго Дворянспвомъ Тамбовской Губерніи въ званіе Почетнаго Попечителя Тамбовской Губернской Гимназіи, Надворнаго Совѣтника Богданова.

ВЫСОЧАЙШАЯ ГРАМОТА.

Новороссійскому и Бессарабскому Генералъ Губернатору, Нашему Генералу отъ Инфакторіи Генералъ-Адъютанту Графу Воронцову.

Долговременная служба ваша, означенная многими опытами отличной ревности къ Престолу и Отечеству, какъ въ царствование Любезнѣйшаго Брата Нашею, въ Бозѣ почивающаго Императора Александра I-го, такъ и Намъ съ равнымъ усердіемъ продолжавшаяся; неупомыные труды и примѣрная попечительность по управленію краемъ, вашему главному начальству вѣреннѣйшій, и въ особенннсти пламенное стремленіе къ водворенію въ ономъ возможнаго благоустройшва, — приобрѣли вамъ полное право на особенную Нашу признательность и совершенное благоволеніе; въ означеніе коихъ Всемилос-

спивѣйше жалуемъ вамъ препровождаемые у сего алмазные знаки ордена Святаго Андрея Первозваннаго, пребывая навсегда вамъ Императорскою Нашею милостию благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

С. Петербургъ.

30-го Августа 1834 года.

— Его Величество Король Прусскій пожаловалъ Финляндскому Генераль-Губернатору, Генераль-Адъютаншу Князю Меншикову бриллиантовые знаки ордена Краснаго Орла первой степени.

— Высочайшими Грамотами Всемилостивѣйше пожалованы Кавалерами Орденовъ: Бѣлаго Орла, Директоръ Морскаго Кадетскаго Корпуса Вице-Адмиралъ Крузенштеръ и Начальникъ 2-й Флотской дивизіи Вице-Адмиралъ Беллингсгаузенъ; Св. Анны 1-й степени Командиръ 1-й бригады 5-й Пѣхотной дивизіи Генераль-Маіоръ Панюшинъ; Св. Станислава 1-й степени, Полномочный Министръ при Тегеранскомъ Дворѣ, Генераль-Маіоръ Графъ Симоничъ; Директоръ и Командантъ города Галчины, Генераль-Маіоръ Роопъ 1-й; Корпуса Инженеровъ Пушей Сообщенія Генераль-Маіоры Девяшинъ и Чернобровкинъ; Генераль-Маіоры, Командиры полковъ Лейбгвардіи: Егерскаго, фонъ-Моллеръ, Гренадерскаго Николаевъ 1-й, и Финляндскаго, Офросимовъ 3-й; Дѣйствительные Спашскіе Совѣшники, Одесскій Градоначальникъ Левшинъ, и Екашеринославскій Гражданскій Губернаторъ Лонгиновъ; 2-й степени: Командиръ 1-й Бригады 3-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генераль-Маіоръ Баронъ Врангель 2-й; Корпуса Инженеровъ Пушей Сообщенія, Генераль-Маіоръ Лихардовъ, Гвардейскаго Экипажа Капитанъ 1-го ранга, Флигель-Адъютантъ Римскій-Корса

ковъ; Таврической Губернской Предводителъ Дворянства, Дѣйствительный Слѣдствій Совѣтникъ Башмаковъ, и Правитель Канцелярш Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, Слѣдствій Совѣтникъ Фабръ.

Ф Р А Н Ц И Я.

Въ недавно изданной Статистической таблицѣ, заключаются слѣдующія подробности о выборахъ: списки 1834 года содержатъ въ себѣ имена 170.161 избирателя; на выборахъ было 129.404 ч. на послѣднихъ выборахъ наименованы Депутатами 127 гражданскихъ чиновниковъ, 41 военныхъ чиновниковъ, 43 Адвоката, 50 Банкировъ, негодантовъ и людей, занимающихся промышленностію, 9 врачей, 3 Нотаріуса и 186 Меровъ и помѣщиковъ. Въ числѣ 459 Депутатовъ, составляющихъ нынѣшнюю Палату, находились 144 новыхъ Депутата, 76 Депутатовъ изъ числа 221, подавшихъ голосъ въ пользу адреса противъ Министрства Польняка, 3 Депутата изъ числа 181, подавшихъ голосъ противъ этого адреса, 55, подписавшихъ въ 1833 году отчетъ Оппозиціи, 26 ч. бывшихъ Членами Палаты, собиравшейся по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, 11, бывшихъ Членами Палаты 1816 года и 15 бывшихъ Членами Виллелевской Палаты 1824.

Въ Мониперѣ напечатано Королевское повелѣніе отъ 20 Сентября, которымъ Герцогъ Декавъ назначается Великимъ Референдаріемъ Палаты Перовъ, на мѣсто Маркиза де Сомонвилля, который по прошенію и по болѣзни уволенъ отъ сей должности и наименованъ Почетнымъ Великимъ Референдаріемъ. Великій Референдарій, которому дѣлать ровно нечего, имѣетъ 60.000 фр. жалованья и кварширу въ Луксембургскомъ дворцѣ. Другимъ повелѣніемъ, Графы Порталисъ и

Моле, и Герцогъ де Броли назначены Вице-Президентами Палаты Перовъ.

Судъ Перовъ созывается къ 20 Октябрю для выслушанія доклада Г-на Жиро де л'Энь по дѣлу о мятежахъ, бывшихъ въ Апрель мѣсяцъ въ Парижъ, Лионъ и другихъ мѣстахъ. Одно чтеніе этого доклада должно продолжаться около десяти дней.

Алжирская Компанія Колонизаціи совершенно образовалась. Руанскій Меръ, Депутатъ Барбье и братъ его, одинъ взяли 120 акцій по 1000 фр. Компанія уже имѣетъ въ окрестностяхъ Алжира, 30.000 десятиинъ (агресъ) пахатной земли весьма хорошо расположенной, потому что по ней проходятъ нѣсколько вновь проложенныхъ дорогъ. Одинъ изъ Администраторовъ Компаніи отправился уже въ Алжиръ со многими колонистами, другой объѣдетъ въ скоромъ времени Францію и другія Европейскія страны для приглашенія Колонистовъ.

А н г л и я.

25 Сентября собранія Парламента отложены до 23 Октябрю, Комиссіею, состоявшею изъ Лорда-Канцлера, Герцога Аржильскаго и Лорда Аукланда. Никто изъ Членовъ Нижней Палаты, за исключеніемъ только Орашора и Секретарей, при этомъ не присутствовалъ.

Докладъ Комиссіи, наряженной Парламентомъ для разысканія мѣстъ безъ должностей (vacancies), напечатанъ. Комиссія почтываетъ шаковыми около ста мѣстъ, которыхъ она и предлагаетъ уничтожить. Въ 1810 году было 242 мѣста безъ должностей, по которымъ производилось 297.095 ф. ст. (7.427.375 р.) жалованья, а нынче только сто, на которыхъ издерживается 97.803 ф. с. (2.445.075 р.).

Кандидатами для занятія важнаго мѣста Генераль-Губернатора Индіи назначаются Графъ Минстера,

Герцога Ричмонда, Графа Дургамы, Лорда Пальмерстона, Герцога Буккингамы и Г: Чарльса Гранша.

Адмиралтейство объявило, что 1 Октября итѣюшъ быть розданы призы Наваринскимъ побѣдителямъ. Офицеры, машросы, и солдаты раздѣлены на восемь классовъ. Къ первому относился одинъ Адмиралъ Кодрингтонъ; онъ получаетъ 7.480 ф. ст. (187.000 р) Лица, принадлежащія ко второму классу 1068 ф. ст. (26.700 р.) шрельему 97 ф. ст. 5 ш., осьмому 1 ф. ст. 10 ш.

Испанскія дѣла.

Въ газетахъ, преданныхъ Правительству Королевы-Регентши и даже въ Министерскихъ газетахъ начинаютъ признаваться, что войска Родила итѣскольмо разъ терпѣли уронъ и ошкровенно говорятъ, что война еще не близка къ концу.

По послѣднимъ извѣстиямъ, полученнымъ въ Парижѣ по телеграфу, Родиль прибылъ 14 Сентября въ Вишпорію и оштуда идемъ въ Борунду, чтобы соединиться къ Лоренсо и Фигуэрою. Карлисны безъ успѣха ашшакovali Толосу и Элисондо. — Сумалакарегви находился 16 ч. въ Мунарисѣ близъ Эспеллы, а Донъ Карлосъ, по однимъ извѣстиямъ, присоединился къ нему, а по другимъ ищцѣтельно скрывается.

Палата Прокураторовъ, въ засѣданіи своемъ 11-го Сентября окончила разсмотрѣніе прощенія о правахъ народа и оно принята почти единогласно. Пономъ Палата слушала докладъ Коммисіи, разсматривавшей проектъ закона о Государственномъ долгѣ. Коммисія раздѣлилась на двое: пятеро Членовъ приняли одно мнѣніе, четверо другое; обѣ части Коммисіи сдѣлали по докладу. Большинство полагаетъ признашь всѣ иносранныя займы, заключенныя Коршесами съ 1820 по 1823 годъ, и не признавать займовъ Королевы

скихъ или пакъ называемыхъ Гебгардовскихъ, заключенныхъ съ 1823 года по сіе время; изъ сего исключаются 60 милліоновъ реаловъ (15 мил. руб.) должныя Великобританіи въ вознагражденіе убытковъ и 12 м. реаловъ, должныя Сѣверо-Американскимъ Штатамъ; признаніе долга Франціи, по договору 30 Декабря 1828 года, оплагается до разсмотрѣнія сего договора Кортесами; между тѣмъ уплаты процентовъ и погашеніе этого долга должны осматриваться на прежнемъ основаніи. Остальные чепыре Члена полагають признашь Государственными долгами всѣ иносипранные займы безъ исключенія.

Въ Мадридской Газетѣ объявлено, что Генераль Каспаньосъ, Герцогъ Байденскій, отказался отъ званія Президента Палаты Процеровъ и на мѣсто его поступилъ Маркизь де ласъ Амарилласъ.

Въ одномъ журналѣ говорятъ, что Генераль Родиль опозванъ въ Мадридъ и что на мѣсто его назначается другой Генераль.

Въ письмѣ изъ Байонны, напечатанномъ въ Journal de Paris, утверждаютъ, что въ Испаніи соощавляется новая партія (ультра-либеральная), которая хочеть возвестъ на пресидель Дона Франциска де Пауля.

Разныя извѣстія.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица прибыла 27 Сентября (н. ст.) въ Берлинъ и встрѣчена въ Фридрихсфельдѣ Е. В. Королемъ и всюю Королевскою Фамилією.

Проектъ закона о замужествѣ Дони Маріи принятъ Португальскими Кортесами 12 Сентября и въ Лиссабонѣ гошованъ пароходъ, что бы послать за Герцогомъ Лихтенбергскимъ. Маркизь Салданья отказался отъ званія Пера для того, чтобы осматриваться въ Палатѣ Депушатовъ.

Въ Бельгійскомъ Монистерѣ напечатано Королевское повелѣніе о разныхъ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ. Между прочимъ, бывшіе Министры Рожье и Лебо назначены Губернаторами, первый Антверпешской, а второй Намюрской провинціи, а Баронъ Спассаръ Губернаторомъ Брабанта.

Въ Стокгольмѣ все еще продолжается сильная холера.

27-го Сентября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею поч-
тою, нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго.

28-го Сентября.

V.

М О Д Ы.

Nous avons vu de jolies mousselines pour l'automne; elles avaient des fonds bruns ou gris-perle quadrillés en rose, bleu, vert, etc. etc.

— Les dessins écossais se sont reportés sur les jacos et les mousselines. Dans ce dernier genre, on en voit bleu et noir, rose et noir, et qui sont très-bien pour négligés.

— On voit des organdis très-clairs, ayant un semé de bouquets brodés en soie plate de toutes nuances. Il est impossible de voir rien de plus frais, de plus élégant, de plus convenable en toilette de cette saison.

— Le satin imprimé forme la plus grande partie des écharpes que l'on porte aujourd'hui. On emploie un satin très souple; le bout de l'écharpe est frangé.

Мы видѣли хорошенькія кисеи для осени. Поле у нихъ темное или перловое съ розовыми, бѣлыми, зелеными или другими полосками, составляющими квадраты.

— Шотландскіе рисунки перешли уже на жакон и кисеи. Они бываютъ бѣлыя съ чернымъ, розовыя съ чернымъ; они весьма хороши для проснаго наряда.

— Мы видѣли органди очень прозрачныя съ маленькими букетами, вышитыми шелками разныхъ цвѣтовъ, въ гладь. Нѣтъ ничего свѣжѣе этого, изящнѣе и пріятнѣе по времени года.

— Большая часть шарповъ, которые нынче носятъ, дѣлаются изъ печатнаго атласа. Для этого употребляется атласъ очень мягкій; на концахъ шарпа бахрама.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 20-го Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 40.

I.

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ИЗЪ ТРАГЕДИИ: ПЕТРЪ БАСМАНОВЪ,

СОЧ. БАРОНА РОЗЕНА.

ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ 1-ОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Кремлевская Палата. Царевичъ Ѳеодоръ занятъ чтеніемъ у стола, на коемъ письменный и рисовальный приборы, книги и проч.; Царевна Ксенія тихо подходитъ сюда и руками закрываетъ ему глаза.

ѲЕОДОРЪ.

Какъ не узнашь тебя по мягкимъ ручкамъ?
Ты Ксенія!

КСЕНИЯ.

Такъ брось свои занятія,
Тепради, книги, перья, чершежи;
Иди ко мнѣ на игры, и пошѣхи.

ѲЕОДОРЪ.

Ты въ радости! прійду; но ны сперва
Скажи мнѣ, чтобъ тебя развеселило?

К с в н и я.

И шо и сѣ... побѣда надъ Разспригой!

Ө к о д о р ь.

Мой свѣтъ, шы шумишь! не было еще
Опасности большой! Нейметса вѣры,
Чшоби великій подвигъ веселил
Дѣвичье сердце! Красная невѣста
Въ своей душѣ гадаешъ и поешъ
Лишь объ одномъ, о суженомъ!

К с в н и я.

Не правда!

Ө к о д о р ь.

О суженомъ Царевичѣ Грузинскомъ!

К с в н и я.

Нисколько, видишь Богъ! Не самъ ли шы
О суженой задумываешься началъ?
Пойдемъ въ мой шеремъ: дѣвушки мои
Гадають въ милой пѣснѣ о *тебѣ*
И о швоей Царевнѣ Каршалинской —
И я себя зову на эту пѣсню!

Ө к о д о р ь.

О, если бъ былъ я нянюшкой швоей,
Я зналъ бы кое чшо!

К с в н и я.

Она была бъ

Последняя повѣренная сердца!
Предобрая спарушечка, мо вѣка
Прабабушекъ: не смѣй заговоришь
О шомъ, что шолько нахлещи иноземнымъ,
Чшо не во нравахъ древнихъ! Насъ съ шобой

Ученью вразумили; равноспь мыслей,
 Довѣренность межъ нами завела;
 Будь только что на сердце у меня —
 Съ однимъ съ тобой я бь поделилась тайной
 Завѣсною

Ө в о д о р ь.

Сесирца! бышь не можешь,
 Чтось никогда на сердце на своемъ
 Не ворковала горлица!... Намедни
 Читала я въ книгѣ иностранной новелль,
 Гдѣ девушка такъ мило говоришь,
 Чтo любишь молодца, смиренно шуживъ
 Но молодцѣ, и дивныя слова,
 Чтo жемчугъ перекашный рассыпаешь.
 Изъ вашихъ устъ желалъ бы я принятьъ
 Въ мой слухъ такое милое признанье!
 Желалъ бы я послушать, на какой
 Прекрасный голосъ Русская дѣвица
 Выводитъ чувство дѣвичьей любви!

К с е н и я.

Угадываю только, что любовь,
 Но сердцемъ не извѣдала, ей Богу!

Ө в о д о р ь.

Уже ли ты ни сколько не любила
 Ивана Королевича? по немъ
 Ты плакала такъ много

К с е н и я.

Не видавъ
 Его въ глаза, любя лишь по наслышкѣ,
 Я и умомъ однимъ его любила!
 Какъ скажутъ намъ: такой-шо свой женихъ —
 Заромишься въ нашъ умъ сіе словечко,

Какъ искра въ огнежаждущее зелье,
 И загорится яркая мечта,
 И съ нею суеша, что на пожаръ. . . .
 Вспревожнилъ насъ и свадебный обычай,
 И переменна въ образъ жипья,
 И весь обрядъ вьнчальный! но и сѣ
 Придетъ на мысль — и совѣстно и спрашно,
 Что чуждый человекъ такъ близко будетъ. . .
 Разсудилъ ли Господь своимъ умомъ,
 Что сужено родителескою волей —
 То будио спрашно не было. . . . шончасъ
 Жаль жениха и жаль своей мечтны
 О женихѣ и слезы сами льются.

Э в о д о р ъ.

Я не приду швою послушать пѣсню,
 Покуда мнѣ не скажешь, ошъ чего
 Ты въ нѣкоемъ воспоргѣ? Вижу ясно,
 Ты чѣмъ нибудь да заняпа въ душѣ;
 Ты въ комъ нибудь учаспие приемишь,
 Когда не сердцемъ, такъ умомъ!

К с е н и я.

Давно бы
 Ты такъ спросилъ — и я бѣ не запыралась!
 Въ младенчеспвѣ однажды, лѣтъ осьми,
 Я съ нянюшкой у Юрьевыхъ была,
 Съ Ириною мы бѣгали въ горѣлку,
 А няня насъ ловила. Ей уже
 Не спало въ мочь, а мамъ-то поиграшь
 Еще хопѣлось. Вотъ, въ углу двора,
 Въ раздуми сидишь на бревнахъ мальчикъ,
 Постарше насъ. Мы съ просьбою къ нему, —
 И онъ пуспился бѣгашъ съ нами. Какъ-то
 Онъ уронилъ меня, и я ушиблась,

Расплакалась. Его взяла болзнь,
 Чшо онъ ушибъ Правилцелеву дочку;
 И спшала няня говоритъ: «Не плачь!
 Онъ сирота: опецъ и дѣдъ побиты
 Царемъ Иваномъ, и ему бѣды
 Не миновашь, коль жалобу положишь!»
 Я переспшала плакашь, общалась
 Не сказывашь родителемъ, хотѣла,
 Чшобы еще онъ съ нами поигралъ.
 Онъ мнѣ безмолвно въ ноги поклонился,
 И опошелъ, и не хотѣлъ уже
 Играть и бѣгать.

Ө в о д о р ь.

Мальчикъ съ твердой волей!
 Кто жъ это былъ?

К с в н и я.

Узнаешь, погоди!
 Черезъ восемь лѣтъ (я иногда его
 Видала въ церкви — нянюшка жайкомъ
 При выходѣ показывала мнѣ)
 Черезъ восемь лѣтъ — въ ночь дѣнь, когда ро-
 дилась
 На царствѣ сѣлъ, когда мы шли во Кремль —
 Гляжу: въ гущой народной пѣвонѣ
 Къ ногѣ ногамъ припалъ мой бывший мальчикъ,
 Какъ бы желая мнѣ напоминъ шѣмъ,
 Чшо нѣкогда у Юрьевыхъ случилось;
 Какъ бы еще благодаря меня,
 Чшо я иногда проснила и забыла!
 Черезвычайно шронула меня
 Такая благодарственная память —
 И про себя я начала съ нѣтъ хоръ
 Желашь ему добра — и онъ, дошло

Заперянный въ шолтъ людей ональныхъ,
Спалъ выходящъ впередъ, и наконецъ
Прославился какъ вышелъ — Пётръ Басмановъ!

Ө н о д о р ь.

Какъ? Пётръ Басмановъ! эпохъ дивный мужъ,
Опечество приведшій въ изумленье;
Безсмертныя шворившій чудеса
Во городъ, разбитомъ до обвалу —
Топъ, кто въ огнѣ осады люшой жлъ,
Какъ въ печкѣ раскаленной и опшуда,
Огнемъ ошвѣннымъ забросавъ врага,
Великолѣпно вышелъ и съ собою
Жаръ-славу вынесъ — и сюда гредешъ
Прядъ ему замаченныя чесни!

К с в н и я.

Топъ самый, да! Когда-то зрѣлся онъ
Передо мною ирешень и блѣдешъ —
Топъ, кто единымъ маніемъ меча
Унялъ измѣнъ взволнованное море,
Величественно шоя на скалъ,
Подъ градомъ раскаленныхъ вражыхъ ядеръ —
Неуспрашимъ, безсмертенъ и могущъ!
И любо мнѣ; чшо бышнй опроша,
Мой бѣдный мальчикъ спалъ великимъ мужемъ!
Я радуюсь блишпательнымъ чеснямъ,
Ему угошовляемымъ въ награду,
При велелѣнномъ шеснвѣ въ Москву —
Всѣ эши милосни и чесни будно
Подарки мнѣ самой на швншый правдншъ!

Ө н о д о р ь.

Поняшно мнѣ учашіе швое;
Такъ вошъ шенеръ швой мальчикъ боязливый!

К с в я я .

Ты видишь, милый братаецъ: не всегда
 О женихахъ однихъ гадать дава,
 И не всегда въ мужчине любилъ шолько
 Одну любовь! Какъ вы спремилесь къ славъ
 Воинскихъ дѣлъ, покинувъ жилище
 Домашнее, супружницу и дѣшюкъ;—
 Такъ иногда и мы ошъ нѣжныхъ игръ,
 Дѣвичьихъ чувствъ, лепимъ душой на встрѣчу
 Великаго, возмощеннаго въ мирѣ,
 И мелкое и женское свое
 Предъ доблестью мужскою забываемъ!

Того же дѣйствія 5-е явлѣнiе.

Кремлевская площадь и Красное крыльцо.

Ривичъ, Зыковъ и толпа народа.

Зыковъ.

Вонъ, спойше здѣсь! сюда Басмановъ будешъ;
 Вы здѣсь его увидише вблизи!
 А шопъ народъ, что за городъ понесся,
 Не нагляднися шамъ; а ужъ сюда
 Обычаемъ на кони не пробьешся!

Престолюдинъ.

А скоро ль будешъ нашъ Басмановъ?

Зыковъ.

Скоро!

(Поласмыаютел дѣа Престаса.)

Ужъ Приснавы у Краснаго Крыльца!
 Къ нему уже и выехали сами,
 Въ какихъ ништо не снжываеъ досель,
 Окромъ Царскія семьи; и въ нихъ-шо

Басмановъ будетъ шествіе держати
По городу, какъ нѣкій Королевичъ!

Простояднѣ.

Какъ бы его увидѣшь поскорѣй!
Знашь, лишь въ худыхъ дѣлахъ бываетъ скоро,
Какъ, напримѣръ, ошъ голоду до мора;
А радости все ждешь, пождешь — все нѣтъ
Какъ нѣтъ, хоть пресни!

Зыковъ.

Вошъ Болре идущъ

Его встрѣчаютъ!

(Болре, въ пышныхъ нарядахъ сходитъ по Красному Крыльцу и медленно шествуютъ черезъ сцену. Приставы очищаютъ дорогу. Народъ кланяется и, по минованіи процессіи, становится по прежнему.)

Риничъ.

Все это для героя!

Въ саняхъ во Царскихъ вѣдешь онъ во Кремль;
И царственная Дума въ свѣтломъ платьѣ
Несетъ ему привѣтствіе Царя
Видала ли Москва такого чина
Почешный праздникъ Царскому рабу?
Не видывали предки, да наврядъ
И дѣтки наши въ жизнь свою увидятъ!
Самъ Государь великій человекъ,
И жалуетъ своею Царскою любовью
Людей великихъ, спавишь высоко
Достоиннаго, дабы онъ видимъ былъ
Во всѣхъ концахъ святаго Государства!
Симъ торжествомъ необычайный Царь
Богатыря даритъ всему народу, —
Чтобъ и послѣдній между нами ногъ

Себя сказавъ: «Опъ мамъ!» чинобы еще
Въ помощникъ говорили: *Мамъ Басмановъ!*

Зыковъ.

Видь въ самомъ дѣлѣ справили мы съ ними
Осадное побойще шакое,
Чшо будеть міру, чѣмъ насъ поминать!

Простолюднѣ.

Вы оба были въ Сѣверской осадѣ
И сами видѣли, о чемъ въ народѣ
Есть разный слухъ! Поразскажише — мы
Послушаемъ; а между пѣмъ какъ разъ
Нашъ богатырь очутившя у насъ!

Зыковъ.

И, бранцы, былъ шакая, чшо держишесь!
Ты, Риничъ, подавай намъ во словахъ,
Все, чшо на дѣлѣ было; норови,
Чшобы ошъ спрѣха волосъ подирало!

Риничъ.

Друзья! не спрѣхъ на васъ хочу навесить,
А бурное душевное похмѣлье!
Военный ужасъ ешь разгуль, гдѣ честь
Сидишь на красномъ мѣспѣ, гдѣ веселье
Гремишь во слухъ канѣвомъ громовымъ!
Разсказъ ешь пирь; хозяинъ я; вы госпи —
Такъ просимъ милости!

Къ спѣнамъ градскимъ

Подползъ Разомрига-дѣволъ гладкимъ змиемъ,
Спалъ искушать Басманова; но шомъ
Въ него ядромъ — и змій поразвернулъ,
Однимъ размахомъ горедъ обхвалилъ —
И шуть-шо разыгралъ бой ядреный,

Чшо вѣръ не подобно! Разныиъ ильнѣ ,
 Черновыиъ званѣ и жестокое вышнѣ ,
 И дѣшскій плачь, и пушечныя громы ,
 Обвалы спѣнѣ, обрывки шѣль людскихѣ ,
 Огонь и кровь, и дымъ и ильъ и гибель —
 Чшо и себя не поминишь! не видашь
 Ни зги, ни неба, ни земли! а видишь
 Вездѣ Басмановъ, словно Ангелъ Божій
 Въ земной нуждѣ, величественъ и смѣль ,
 Распорядишелевъ и быспръ и пылокъ!
 Ошдасиъ наказъ, направитъ пушку самъ ,
 Поидешъ, пошунитъ шушку, шамъ и сямъ, —
 Какъ бы съ цѣшовъ головки, — мимоходомъ
 Собьешъ горящій хвостникъ съ малыхъ ядръ,
 Предупреждаа взрывъ! дѣлцеиъ и женщициъ
 Пошлетъ въ подвалы; въ Божій храмъ зайдешъ
 И двинешъ оспановленную службу —
 Чшобы напѣвъ церковный переспорилъ
 Трескучій громъ осады! глады, ошашъ
 Онъ шамъ уже, гдѣ вражескiа ядра
 Сильнѣ бьютъ, гдѣ въ грозной кушернѣ,
 Чшо огненныя змѣи, вьюцца смерщи

З ы к о в ь .

Каковъ Басмановъ!

И а р о д ь .

То-нио молодець!

Р и н и ч ь .

Онъ говорилъ: друзья! не бойтесь смерти —
 И будешъ смерть бойтесь *ее*! Сидѣца
 На небеси была такая вѣра!
 Поразвалили сѣтѣмъ — не у насъ
 Сильнѣишаа была другая красоснѣ!

Воздвигая вознесившая грудь!

Враги на прислушь — онъ создастъ изъ камней
Спанныхъ развалинь добрыхъ слугъ Царю —

И приметъ вора въ камни! Невозбранно

Во вражій спанъ воремся и гульнемъ,

Что любо-дорого! Поди Басмановъ

На соннъ чершей — и черши побегушь,

И самый адъ Басмановъ разгромилъ бы

При звукахъ Русскихъ шрубъ....

(Трубныя звуки, колокольный звонъ, мара въ бубны и въ сурны.)

Грядежь Басмановъ!....

2.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МОРЬЕРОВА РОМАНА:

ЗОГРАБЪ ЗАЛОЖНИКЪ.

(Посвящается М. Ф. Н — вой.)

Г Л А В А XIII.

*Вуръ, бай дурезиъ, пусть они бьютъ; вуралмиъ, бьютъ мы;
вурунъ, бейте вы; вурсунларъ, пусть они бьютъ.*

Турецкая Грамматика Виггера.

Шахъ провелъ безпокойную и безсонную
ночь. Объ впомъ обстоятельствъ, неръдко
происходившемъ отъ несваренія пищи и отъ
испорченнаго желудка, рассказывали всегда съ
ужасомъ при дворъ и даже въ городъ; ибо оно
сопровождалось обыкновенно какими нибудь же-
спокими и насильственными поспуцками, копо-
рыхъ сладствія были болше или менше гибельны,
смотря по тому, въ какой степени расшири-
валось у Шаха спокойствіе духа. Горбунь, спрот

го наблюдавшій всѣ признаки, узнавалъ всегда навѣрно, по морщинамъ на лицахъ ферашей (посельничьихъ) и другихъ служиледей Шаха, въ какомъ расположеніи духа вспавалъ Его Величества; сообразно сему онъ умѣлъ приоровишь свое поведеніе и разговоры. Брѣя своего повелителя, онъ зналъ, съ какою частію его головы могъ онъ поступать съ вольностью, и гдѣ долженъ былъ обращаться почтительно. При веселомъ расположеніи Шаха, онъ могъ безнаказанно играть однимъ или двумя волосами, выросшими у Его Величества гдѣ нибудь на щекѣ или на подбородкѣ; но когда Шахъ былъ раздраженъ и волнуемъ негодованіемъ, онъ съ величайшею заботливостію старался, чтобы не задѣть раздражительныхъ частей, и едва касался пухъ мѣся, прикосновеніе къ коимъ могло воспламенить гнѣвъ пирана.

Приближаясь къ нему, въ настоящемъ случаѣ, онъ поспѣшь замѣшилъ, что все шло не ладно. Задумчивый Садикъ стоялъ неподвижно въ передней, засунувъ руку за поясъ, и опершись одною ногою о стѣну. Хашемъ лишился своей живоспи, и главный докторъ, *Хакиль-Баши*, готовился уйти, насунивъ брови и съ видомъ страха, приличествовавшаго несчастному, висящему между жизнью и смертью.

Опытный брадобрѣй, въ высокой степени пріучившій себя сообразоваться со всеми обстоятельствомъ времени, мѣся и случая, проскользнулъ почти непримѣтно, и спалъ предъ

своимъ поведицелемъ. Въ самомъ дѣлѣ Шахъ смопрѣлъ, какъ грозная буря. Видъ его былъ безпокоенъ, зрачки глазъ безпреспанно измѣнялись, смопрѣли вкось и не знали, куда успремиться. Звукъ голоса былъ хриплъ и злобѣщъ. Замѣшивъ своего цирюльника, онъ обратился къ нему съ слѣдующими ругашельспвами.

»Гдѣ ты паскался?« сказалъ онъ гнѣвно: »ты, горбашый песь, ты, образецъ человѣческаго уродства? Развѣ Шахъ долженъ дожидаться своего брадобрѣя, сполько же, какъ дня послѣдняго суда?«

— »А ваша жертва,« отвѣчалъ брадобрѣй, съ величайшимъ хладнокровіемъ, пригошовляя въ шо же время нужное для бришья, »солнце еще не всходило, а Ваше Величѣство обыкновенно вспаешет не ранѣе, какъ чрезъ часъ или чрезъ полчаса послѣ этого. Рабъ вашъ былъ гошовъ съ самой зарей.«

»Какое дѣло солнцу или зарѣ до головы Шаха? Ты, спарая скошина, дѣлай свое дѣло и молчи.« За симъ горбунъ началъ свою обыкновенную операцію. Мысли во множествѣ полпились въ голову его, между шѣмъ, какъ ему должно было хранить молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ онъ увидѣлъ, что не могло предспавиться удобнѣйшаго случая для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ намьренія, женишь Зограба на Зюльмѣ. Въ слѣдспвіе сего онъ спокойно ожидалъ обыкновеннаго Шахскаго вопроса: Что сегодня новаго? прежде нежели осмѣлился дашь разговоръ другой оборощъ.

»Чи хеберъ эсть? Ну, что сегодня новаго въ городѣ?« спросилъ Шахъ.

»Я ваша жертва,« отвѣчалъ первшипельно брадобрѣй, »новато, къ вашимъ услугамъ, и въшь ничего, — полько.....«

»Что полько?« сказала Шахъ: »если уже есть полько, шакъ ешь и новости; что шакое случилось?«

»Говорятъ,« отвѣчалъ горбунь, »что Мазандерани Зограбъ далъ отвѣшь Насакчи-Баши (Главноуправляющему благочиніемъ); онъ не хочетъ жениться на его дочери.«

»Далъ отвѣшь« сказала Шахъ, почти задыхаясь, шогда, какъ его ужасная голова; вшловину выбришая, вшловину намыленная, предшавляла, и формой и цвѣшомъ, видъ самый опвращишельный. »Какіе опвѣшы ему давалъ? Развѣ онъ не получилъ Шахскаго приказанія? Да кто нуждается въ его опвѣшь?«

»И всѣ по же говорятъ« отвѣчалъ царюльничкъ, по видимому съ величайшимъ равнодушіемъ продолжая свое дѣло: »по всему видно, что вшоптъ юноша не въ своемъ умѣ.«

»Гдѣ вы это слышалъ?« сказала Шахъ: »никто еще изъ эшихъ уродовъ, обязанныхъ доносить объ эшакихъ вещахъ, не говорилъ вшого; шакъ опкуда же вы узналъ?«

»Да буду я вашей жертвою« сказала горбунь: »Насакчи-Баши боялся повергнушь свое предшавленіе къ ногамъ Шаха, прежде нежели не испытаемъ всѣхъ средствъ получить успѣхъ, и въ слѣдствіе сего, преноручилъ вашему рабу переговоры съ юношею. Рабъ вашъ говорилъ, но

онъ оказалъ мнѣ такое же презрѣніе, какъ и Главноуправляющему благочиніемъ Вашего Величества.»

»И отказался повиноваться моимъ повелѣніямъ?» прибавилъ Шахъ съ величайшею живостию, сорвавъ со щекъ салфетку.

»Такъ точно,« ошвѣчалъ брадобрѣй.

»Что же сказалъ безсвятосшный юноша?» возразилъ Шахъ съ прежнимъ жаромъ.

»Онъ сказалъ,« продолжалъ хитрый проныра: «когда я совѣтовалъ ему повиноваться Шахскому повелѣнію, когда показалъ непослушному, сколь велика къ нему Шахская милость, когда описалъ всѣ прелести будущей его жены, и безчисленные почести, такимъ образомъ ему оказанныя — онъ сказалъ, что все это можетъ быть очень хорошо, но что касается до Шахскаго повелѣнія, то оно не имѣетъ для него никакой важности; пошому, что у него только одинъ Государь, кошорому онъ долженъ повиноваться, и что этогь Государь — его отецъ.»

»Точно ли онъ это сказалъ? Клянись головою Шаха,« заревѣлъ нахмуренный монархъ. »Пусть мнѣ всякій Персіянинъ въ рожу напакуетъ, и скажетъ, что я ему не Шахъ, если эптогь щенокъ сожженаго отца еще сегодня же не будешь раскаяваться. И еще онъ называетъ своего поганяго отца Государемъ? Ну ужъ вправду Государь! Я ескверню могилу отца такого Государя! Позови сюда палачей и вели Садику явиться къ намъ.»

Гнусный цирюльникъ, раздраживъ Шаха болѣе, нежели сколько нужно было для успѣха его предпріятія, увидѣвъ шеперь необходимость нѣсколько охладить его, и въ семь намѣреніи сказалъ, запинаясь и продолжая медленно водить бришвою по головѣ Шаха :

»*Бе хешмъ*, на глазъ мой будешь исполнено!«

»Слунай же,« воскликнулъ разъяренный Шахъ: — ли пезови ферашей и Главноуправляющаго благочиніемъ.«

»Рабъ вашъ идетъ, но до отхода, онъ долженъ замѣнить одну вещь: нужно ли Первому Визирю знать волю вашего Величества?« сказалъ брадобрѣй съ величайшею недовѣрчивостію.

Слова сіи нѣкоторымъ образомъ охладивъ запальчивость монарха; подумавъ съ минутою, онъ сказалъ всмыльчиво: »какая тебѣ до того нужда, спарая собака! Какое дѣло Визирю до тебя, или тебѣ до Визиря?«

»Рабъ вашъ менѣе, нежели золотникъ пыли« сказалъ раболѣпный цирюльникъ, »но можешь быть Первый Визирь пожелалъ бы отшвратить наказаніе, кошораго, по мнѣнію убѣжища вселенной, заслуживаетъ эшопъ непокорный невѣрный.«

»Ну, хорошо,« сказалъ Шахъ: »а что же дальше?« —

»Если бы Мазандерани наказалъ въ домѣ Насакчи-Баши тайно, а не при народѣ, но и всѣ приличія были бы соблюдены, и Шахское повелѣніе исполнено, и рабъ вашъ думаешь, что все пошло бы какъ нельзя лучше.«

Услышавъ это, гнѣвный Государь успокоился и молчалъ во все оспальное время; когда же цирюльникъ, окончивъ дѣло, сложилъ свои принадлежности, и готовился уйти, онъ сказалъ: «пошли сюда Насакчи-Баши.»

Горбунъ, не теряя времени, повиновался этому повелѣнію; ибо зналъ завистливый нравъ своего повелителя, который могъ принять совѣтъ, предложенный наединѣ, но всегда отвергнулъ бы мнѣніе, данное при другихъ, пошому только, что оно не ему принадлежало, и пошчасъ же смѣкнулъ, что Шахъ непременно дастъ рѣшеніе, благопріятное его намѣренію.

Когда явился Главноуправляющій благочиніемъ, Шахъ пошчасъ сказалъ ему: «ясно, что ты принадлежишь къ числу тѣхъ мерзкихъ негодлявъ, которые почитаютъ своимъ долгомъ скрывать истину и прячутъ ее въ сундукъ, доколь она сама не выйдетъ въ замочную скважину. Почему ты не извѣстилъ насъ о неповиновеніи Мазандерани?»

Пораженный такимъ внезапнымъ обвиненіемъ, Насакчи-Баши едва имѣлъ время погладить бороду, пригошываясь къ ошвѣшу, какъ Шахъ началъ говорить снова: «Мы знаемъ все, что случилось — на жизнь, или на смерть, къ радости или печали, къ гибели или счастью, наши приказанія рѣшишельны, и ты знаешь, что мы не шупимъ нашими опредѣленіями. *Беро!* Иди! На шпошъ разъ мы даемъ Мазандерани время одуматься. Скажи, что Шахъ повелѣваетъ ему из-

братъ одно изъ двухъ: наказаніе или женильбу. Если онъ предпочтетъ женильбу, шакъ хорошо — шопчасъ же призови музыканшовъ, пригошовъ приданое, устрой пиръ — и, во имя Аллаха! оппразднуй свадьбу. А если онъ опять откажется опъ пивоей дочери, то вели принести фелеку и палки; собери самыхъ дюжихъ ферашей, и оппкашай его шакъ, чшобъ онъ переспалъ оппличать одну ногу опъ другой. Когда это будетъ исполнено, увѣдомъ меня. Мы сидимъ на своемъ муенудѣ, и дѣлаемъ, что намъ угодно! Ступай!»

«*Бэ гишль!* На глазъ мой, будетъ исполнено!» сказалъ Насакчи-Баша, и сдѣлавъ торжественное колынопреклоненіе, удалился. Онъ спѣшилъ домой, гордясь важностію оказанной ему довѣренности, и исполненный злобнаго удовольствія оппмститъ человѣку, презрѣвшему предъ него дочери. «Шахъ шочно Шахъ, это правда,» говорилъ онъ самъ себѣ, «но я шакже начальникъ его палачей, и у меня шоже еспъ свой муенудъ, на которомъ я сижу не хуже его.» Пришедши домой, онъ шопчасъ велѣлъ пригошовить *Диванъ-Ханэ*, или залъ, находившійся на главномъ дворѣ, поднять закрывавшій его занавѣсъ, пущить фонтанъ, и поставивъ въ углу муенудъ вдвое выше обыкновеннаго, чшобы сидѣшь на немъ въ полномъ блескѣ. Между шѣмъ подошвѣвшій горбунъ, своими намѣтками еще болѣе возбудилъ надменность Насакчи-Баши, который немедленно пошѣшилъ гаремъ своей дочери,

чтобы извѣстить ее о предположеніи и приготовить къ трагедіи, долженствовала разыгрываться.

Все было устроено; фераши, каждый съ огромною, зеленою, осиноюю палкою въ рукѣ, стояли въ торжественной тишинѣ вокругъ бассейна; грозная фелека лежала на полу; дикій блюститель благочинія сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; дальѣ, на распояннѣ двухъ аршинѣ отъ него, лежалъ горбунъ, и одинъ изъ палачей былъ оправленъ за Зограбомъ.

Въ продолженіе довольно долгаго времени, пока пѣвникъ былъ приведенъ изъ своей комнаты на мѣсто наказанія, въ собраніи царствововала величайшая тишина, прерываемая единственно бульбульканьемъ кадьяна, который Ханъ курилъ съ большимъ достоинствомъ; наконецъ предсталъ и Зограбъ. Вошедши, онъ не получилъ приглашенія сѣсть, какъ обыкновенная учтивость требовала для особы его сословія, и вообще не видѣлъ ничего утѣшительнаго, напрошивъ все показывало, что замышляется насилье.

Славъ прямо прошивъ Насакчи-Баши, сидѣвшаго у открытой колоннады, Зограбъ не былъ привѣтствованъ ни однимъ учтивымъ словомъ, но первая фраза, поразившая его ухо, и произнесенная самымъ грубымъ голосомъ, была слѣдующая:

«Я, Главноуправляющій благочиніемъ Его Величества, Шаха, Царя Царей и убѣжища все-

ленной, получилъ опъ него повелѣнiе, спросить васъ въ послѣднiй разъ: хопипели вы повиноваться его повелѣнiямъ, женишься на Господѣ Зюльмѣ, и вступишь въ его службу, какъ это вамъ предложено Первымъ Визиремъ. Если вы согласишься, то голова ваша вознесется до небесъ, по цѣлому городу раздадутся звуки пиршесствъ, отпразднуется свадьба, какой давно уже не видывали въ Тегерани — и Зограбъ-Ханъ съ Шахскимъ фирманомъ на головѣ, и прекраснѣйшею изъ дѣвъ Ирана въ Эндерунѣ, будетъ самымъ счастливымъ и достойнымъ зависимымъ человекомъ; но если вы откажешься, такъ здѣсь есть фелека, а тамъ фераши. Я самъ, главный исполнитель Шахскихъ повелѣнiй, нахожусь предъ вами, и задамъ такую палочную расправу, что прежде пропадутъ всѣ вѣтви на деревьяхъ, и руки, дѣйствующiя оными, нежели я скажу: довольно. Говорише, именемъ Аллаха! говорише.»

Когда Зограбъ очнулся нѣсколько опъ удивленiя, въ кошорое повергла его эта грубая рѣчь, чувство негодованiя за такое обращенiе закипѣло со всею силою въ груди его, и онъ воскликнулъ: «Бездушные! невѣрные! орудiя беззаконнаго мучителя! Вы хуже собакъ! Испугашь, что ли, вы меня хопипте своими низкими предложенiями? Что я сказалъ, то сказалъ. Дочери твоей, спарый злодѣй, я не знаю; никогда не видалъ ее. Она можешь бышь шакова или еще лучше того, какъ мнѣ ее описали; прошивъ

всего я ничего не могу сказать. Но будь она хороша, как Ширань; чиста, как небесная гурія, и совершенна, как благословенная Маріямъ, да если мнѣ ее спануть навязывать шакимъ образомъ, то я отвергну ее. Да, отвергну; и если бы у меня во рту была тысяча языковъ, вмѣсто одного, который далъ мнѣ Богъ, то я всеми ими повспорилъ бы, что не хочу ее видѣть, что я ее отвергаю, — что и отвергаю и Шаха и его службу—и не боюсь всѣхъ вашихъ мерзостей, невѣрные! негодяи!

Когда присутствовавшіе услышали сіи слова, то шъ, у которыхъ была борода, погладили ее, и всѣ вообще закрутили усы. Фераша схватили свои палки, приготовавшись бить, и казалось съ непрерывнымъ ожидали повелѣнія броситься на свою жертву. Горбунь нахмурилъ свою дьявольскую рожу, какъ бы показывая, что онъ съ великимъ удовольствіемъ похлопоталъ бы Зограба, если бы это было ему поручено. Самъ Насакчи-Баши, обнаруживая чувство оскорбленнаго достоинства, нагнувъ шапку на сторону, схватился руками за ляпки, и привешавъ на пяцки, воскликнулъ: «Слышали ли вы, люди! Слышали ли вы, что говоришь это безумецъ? Если онъ хочетъ мѣститься мерзостямъ, такъ это его дѣло, а не наше. Мы слуги Шаха и должны повиноваться его повелѣніямъ. Схватите его, во имя Аллаха! и разложите, какъ слѣдуетъ!»

За сими двое самыхъ отважныхъ ферашей

выступили впередъ, чтобы наложить на юношу свои насильственные руки. Когда они подходили къ нему, онъ вскричалъ: «Остановишесь! я уступлю только превосходной силѣ!» Но какъ они, не смотря на это, приблизились къ нему, то схвативъ одного изъ нихъ за горло, онъ съ ужасною силою ударилъ его о землю, а другаго, взявъ за поясъ, бросилъ на воздухъ, какъ мячикъ. Никогда еще доселѣ эшотъ безпрепятственный юноша не показывалъ предъ Персіянами своей силы, и такой образчикъ отважности остановилъ дальнѣйшія усилія его враговъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ отважиться на впорой прыгунъ. Зобрабъ споялъ, какъ изнеможенный левъ; благородная осанка его, одушевленная негодованіемъ и презрѣніемъ къ противникамъ, казалось, выражала: дайте мнѣ приличнѣйшихъ враговъ, вызовите меня на честный бой за жизнь, и я готовъ умереть. Мысль, что его хотѣли позорно бить, какъ обыкновеннаго пресупника, возмозвала въ немъ всѣ чувства гордости и гнѣва; и если бы тысяча подобныхъ противниковъ напала на него, онъ, казалось, готовъ былъ опразить ихъ одними руками, безъ всякаго оружія. Наконецъ, Насакчи-Банни, видя, что никто не являеся для исполненія Шахскаго повелѣнія, вспалъ съ своего мѣста, и сказалъ громкимъ голосомъ: «Эшо что значитъ? Чтобы отколошить пару ногъ мало двадцати паръ рукъ! Ахъ вы дѣти сожженныхъ опцевъ! Схватите его, или, клянусь бородою Пророка! клянусь головою Шаха!

собственною рукою перерублю вамъ головы по-одиначкѣ.»

«До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ людьми,» сказала одинъ изъ поверженныхъ Зограбомъ, медленно вснавая съ полу, «а это дьяволь.»

«Это самъ Руссемъ,» сказала другой: «имъ готовы ипши на любого Персидани; но кому придетъ охота помириться съ этимъ Мазакдерани.»

Тогда горбунъ вскричалъ, взглянулъ какъ хищный вѣтеръ на свою жертву, и выступивъ впередъ, заревѣлъ громкимъ голосомъ: «Вы называете себя Шахскими слушителями, безсвятосные иудеи, а испугались одного человека! ступайте, схватите мерзавца, и двойными веревками привяжите его къ фелекѣ.» После сего фераши, предводимые своимъ начальникомъ, двинулись, чтобы схватить Зограба. Различные крики: «хватайте его! бейте его! сожгите его ошпа! оскверните его мать! опрубите ему голову! пусть меня! пошелъ самъ!» и многіе другіе выривались изъ толпы нападающихъ, тогда какъ слова: «оспаовипешъ, не шрогайтешъ, бездальники! убью перваго, кто выступитъ!» произносимыя одушевленнымъ голосомъ Зограба, безпрестанно раздавались, какъ громъ тяжелой артиллеріи среди ружейныхъ выстрѣловъ. Палачи снова окружили свою жертву; одного или двухъ онъ повергъ; но другіе, схвативъ его за руки, удвоили усилія, и возбуждаемые начальникомъ, начинали преодолевать сопротив-

леніе храбраго юноши, какъ вдругъ небольшая дверь, ведшая въ гаремъ, быстро опворилась, и женщина, завернутая въ покрывало, не скрывающее впрочемъ ея прекрасныхъ формъ, вбѣжала въ комнату и закричала: «Остановитесь! пересыаньте! — бездѣльники! ничтожныя! Нападайте на меня, на женщину, а не на этого льва!» и бросившись между сражавшихся, подкнула одного въ спору, схватила за руку другаго; наконецъ добралась до начальника, сказавъ съ жаромъ нѣсколько словъ горбу, и такимъ образомъ успѣла разогнать всю шайку и освободить Зограба, едва дышавшаго отъ употребленныхъ имъ усилій, хотя сохранявшаго все присутствіе духа. Въ продолженіе стараній освободить Зограба, часть покрывала ея свалилась; и взорамъ павника представилось лице, пламѣтввшее одушевленіемъ, выразительное въ высочайшей степени и обладавшее полною красою, которую могутъ дать повелительный взглядъ и сознаніе собственнаго достоинства. Глаза ея выражали спросъ сильную, но чуждую нѣжности; уста, прекрасно образованныя, были сжаты, какъ бы незнакомые съ улыбкою; величественныя, достойныя прагматической музы. брови, выражали суровость, и вообще всѣ очерки ея головы и снана возбуждали удивленіе, но удивленіе безъ любви. Такимъ образомъ Зограбъ и Зюльма встрѣпились лицомъ къ лицу. Первымъ движеніемъ павника было обратитъ глаза на свою спасительницу,

и хотя онъ иногда же узналъ, кому обязанъ
 была своимъ освобожденіемъ, и въ какомъ за-
 труднительномъ положеніи онъ находился предъ
 нею, но жгль довольно присущствія духа и
 природной възливости, чшобы превозмочь ош-
 вращеніе, произведенное въ груди его ея поспуш-
 камн, не смотря на то, что они льстили ея
 самолюбію; и почтительными взглядами выра-
 зить свою признательность за ея заслуги:
 Едва ли было бы возможно описать въ шу-
 ну ея выразительные взоры, разнообразивше
 множествомъ самыхъ различныхъ чувствованій.
 Ревностныя спаранія ея для защиты покрови-
 тельствуемаго ею челоуька, были частію ис-
 инны, хотя основывались на обманъ, и были
 условлены заранее. Она хотъла бы говорить, но
 спранныость ея положенія лишала ее дара слова.
 Желая болъе всего услышать голосъ любимаго
 ею челоуька, въ изліаніи чувствованій его благо-
 дарности, она едва обращала вниманіе на испол-
 ненныя изумленія взгляды присутствовавшихъ,
 на гъвный видъ Насакчи-Баши, который хотя
 прешала при мысли о неисполненной обяза-
 ности, но еще болъе спрашлся неукротимаго
 нрава своей дочери; на толпу палачей, опшущ-
 цившихъ предъ женщиною и незнающихъ, какъ
 поспунить въ такомъ несмыслии общо-
 нельствъ; и наконецъ на подлаго горбуна, совер-
 шенно пригошвеннаго къ происшедшей сцелъ,
 и сльвашагося въ рукавъ ошъ радости, что его

наштрениа исполнились совершенно шакъ, какъ онъ желалъ.

Дѣло не могло оснாவашься долго въ такомъ положеніи, и не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ Насакчи-Баши, на коемъ лежала вся оцъвѣтственностъ за это дѣло, воскликнулъ, обращаясь къ дочери.

«А, право, удивляюсь. Ты дочь моя, и вмѣшиваешься въ Шахскія повелѣнія! Изъ любви къ Хюда (къ Богу), возвратись въ свой Эндеруль, и занимайся женскими дѣлами, оставя меня исполнять приказанія моего повелителя; здѣсь опасно медлить.»

«Такъ этакъ-то знаете вы дочь свою? ошвѣчала неуспрашимаа дѣвица: «развѣ я не ша Зюлма, которую знаетъ цѣлый свѣтъ? что, вы думаете ислугашь меня шакими рѣчами? я помогала наказывать виновнаго; невиннаго же никогда. Эшопъ человекъ (указывая на Зограба), котораго безъ меня вы бы убили, не шаковъ; чтобъ съ нимъ обходиться какъ съ Жидомъ или Армяниномъ; земля наша должна гордиться имъ, а не ошвергать его, какъ собаку. Да падеть безчестіе на всѣхъ васъ; во-первыхъ на Шаха, — потомъ на васъ, банюшка, и на всѣхъ васъ!» прибавила она, обращаясь къ собравшимся ееранамъ: «что вы рѣшились воспользоваться слабостію беззащитнаго и всѣ вмѣстѣ напасти на него.»

«Что же намъ дѣлать?» сказала горбунъ съ величайшею кротостію: «развѣ Бегюмъ угод-

но подвергнушь опасности жизнь няню, чтобы на нѣсколько часовъ оплохитъ наказаніе юности, или она хочеть своими прелестями заставить его покориться Шахской воли, и такимъ образомъ, уничтоживъ необходимость насильственныхъ мѣръ, осчастлививши всѣхъ насъ, начиная отъ Государя до самого палачика.»

«Ахъ! еслибы это могло быть,» сказала Зюльма понизивъ голосъ, «но не мнѣ должно говорить объ этомъ,» и бросивъ въ то же время на Зограба, едва понимавшаго, что въ немъ происходитъ, одинъ изъ своихъ самыхъ нѣжныхъ взглядовъ, примолвила: «Пусть Ханъ скажетъ что нибудь самъ; онъ видитъ, сколько многое отъ него зависитъ.»

Не смотря на весь ужасъ и опивращеніе, внушаемая Зограбу посулками Шаха, онъ не могъ не почувствовать, сколь легче было для него заснулленіе особы столь прекрасной, какъ дочь Главноуправляющаго благочиніемъ. Онъ былъ ослѣпленъ ея красошою, пораженъ отвагою, удивленъ умомъ и живостью. И хотя онъ добровольно оснанилъ бы мѣсто, во всѣхъ отношеніяхъ ентель для него непріятное, но обязательный говорить въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ ему надлежало показашъ признательность, и гдѣ дѣйствительно онъ чувствовалъ оную за спасеніе отъ помоснато наказанія, онъ произнесъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: «Что могу я сказать? Благодарнія, оказанныя мнѣ вами, заслуживаютъ мою величайшую благодарность. Я едва

вѣрю своимъ чувствамъ. Я спасенъ омиъ безчестія руками добраго ангела. — Вы навсегда сдѣлали меня рабомъ своимъ; я рабъ вашъ, о Ханымъ! Дѣлайте съ несчастнымъ Зограбомъ, что вамъ угодно.»

Онъ продолжалъ бы эти обыкновенныя и невѣжливныя опредѣленнаго смысла фразы, если бы не былъ остановленъ хитрымъ цирюльникомъ, которому показалось, что онъ достигъ теперь предположенной имъ цѣли, свесивъ Зограба съ Зюльмою, и заславивъ послѣднюю оказать нашему герою такое благодѣаніе, которое бы могло родить въ немъ благодарность, а потомъ, какъ онъ надѣяся, воспламенивъ спрасъ, долженствовавшую окончиться ихъ желаннымъ союзомъ. Онъ оказалъ юношѣ: «По-испину, Зограбъ Ханъ, теперь ясно, что вы хотите исполнить наши желанія; мы благодаримъ васъ, — да процвѣтаетъ домъ вашъ!»

«*Иншаллахъ!* Если угодно Богу, васъ не буду больше беспокоить, и дѣло ваше немедленно пойдетъ своимъ порядкомъ.»

Всякому изъ присутствовавшихъ хотѣлось что нибудь сказать; но горбунъ ни какъ не позволялъ этого сдѣлать. Главноуправляющій благомысліемъ желалъ спросить: Почему не исполнено Шахское повелѣніе? Зограбъ, боясь, чтобы общія мѣста его рѣчи не были худо поняты, неперфильво желалъ объяснить ихъ смыслъ; а Зюльма, горѣвшая желаніемъ продлить свиданіе съ любезнымъ ей сердцу, не хотѣла съ нимъ

разспашься; но пронырливый гузу (горбунъ) немедленно употребилъ всѣ свои усилія, чтобы распустилъ собраніе. Главноуправляющему благочиніемъ онъ сказалъ: »Развѣ вы не видите, что юноша согласился исполнить Шахскую волю? Для чего его долже удерживать? Отпустите его.« Дочери его шепнула: »теперь ничего не говорите больше; все идетъ хорошо. Вы чудесно сыграли свою роль. Спуйайте въ свою комнату, спуйайте; я скоро къ вамъ буду.« И наконецъ сказалъ Зограбу: »Простите за оказанныя вамъ непріятели: эти презрѣнные не имѣютъ ни какого смысла. Это Турки. Позвольте попросить васъ опривахъ къ себѣ и успокоиться, мы не будемъ болѣе васъ привожишь.«

Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Зограбъ возвратился въ свое уединенное жилище; Зюльма въ Эндерунъ, а горбунъ оспался съ Насакчи-Баши для объясненія ему этого дѣла.

»Вы человекъ шупоумный« сказалъ гузу, когда они съѣли. »Развѣ вы не видали, какое вліяніе произвелъ взгядъ вашей дочери на этого пылаго юношу! Скажите лучше послѣ того, что вы сегодня видѣли, что на свѣтѣ есть нѣкто, по справедливости заслуживающій имя »Господина премудрости.« Какимъ образомъ человекъ, да'еще такой! человекъ, какъ Зограбъ, можетъ влюбиться въ женщину, не выдавъ ее? Къ тому же онъ видѣлъ ее съ самой благопріятной шочки зрѣнія — какъ свою избавительницу, — какъ лице, принимающее живое участіе въ его судьбѣ. Спу-

пайше, спупайше, женишьба успруена; вы будете имъшь зятемъ храбрѣйшаго чедовѣка въ цѣлой Перси, и повѣрьше мнѣ, что прежде исщеченія шести мѣсяцевъ, онъ сдѣлаешся Шахскимъ любимцемъ.»

Главноуправляющій благочиніемъ все еще худо понималъ слышанное имъ. Онъ былъ скоръ на удары, но медленно разбиралъ нипи запушанной иншриги. Покачавъ головою, онъ сказалъ: «Чудный ты шайшанъ, разумная голова! но со всѣмъ своимъ умомъ, скажи, съ какимъ лицомъ явлюсь я передъ Шаха, не исполнивъ его приказанія? Юноша не переменялъ своего мнѣнія; не далъ согласія на женишьбу. Какъ же я скажу Шаху, что я не повиновался его повелѣнію, пошому, что не было болѣе причины къ наказанію?

«Осшавъ это мнѣ сказалъ горбунъ: «слышала ли ты когда, чтообъ лекарь, производя болѣзнь, не имѣлъ въ рукахъ средсшва къ ея излеченію. Мы не спанемъ прогуливаясь безъ башмаковъ по кремнистой дорогѣ. Спупайше, облегчише душу вашу. Шахъ, правда, хипръ, какъ лисица; да я опець всѣхъ лисиць; но одно слово на ухо. Вы должны сказать, что юноша далъ согласіе. Да и почно онъ сказалъ такіа слова, кошорыа выражають это самое. Не говорилъ ли онъ вашей дочери, что онъ рабъ ея, что она можешъ съ нимъ поступать, какъ ей угодно? Чего же вамъ еще надо?»

Услышавъ эти слова, Главноуправляющій благочиніемъ выпучилъ глаза и сказалъ съ изу-

мленіемъ: «Полно, такъ ли?» пошомъ, покачавъ головою, продолжалъ: «удивительный ты шайшанъ! Все, что я слышалъ ошь юноши, была чистая *юль въ юль*, челуха. Дашь истинное и рѣшительное согласіе ешь одно — а наговорить хипрыхъ словъ, совершенно другое. Впрочемъ, если ты поклянешься, что онъ согласенъ, такъ въ этомъ нѣтъ худого. Я, пожалуй, тоже поклянусь; а тамъ, если онъ опять откажется, такъ мы еще успѣемъ снова приняшься за палки.»

«Ну, теперь, во имя Божіе! велише подать вашу лошадь,» сказалъ горбунъ: «повдѣмъ прямо къ Шаху, и донесемъ, что мы сдѣлали. Помнише, вы сами сказали, что онъ далъ согласіе, что увидѣвъ приготовленія къ наказанію, онъ испугался и сказалъ: я гошовъ исполнить все, что угодно Шаху; но откройте ваши глаза! ни слова о появленіи Зюльмы. Велише вашему *Наубу* скрыть эту часть дѣла. Впрочемъ это ничего не значить. Пусть народъ толкуешъ, что хочешъ; у насъ вѣдь свой разсудокъ, и Шахское ухо въ нашихъ рукахъ. Ошь этого намъ нечего ожидать, кромъ добра.»

За симъ они опправились во дворець, и были допущены къ Шаху, гдѣ мы теперь и должны ихъ оставить.

Съ Ангелійскаго В. Ве-р-і-гъ,

ПУТЕШЕСТВІЯ.

СВИДАНІЕ съ НАПОЛЕОНОМЪ.

(ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ КАПИТАНА БАЗИЛЯ ГАЛЯ.)

Мнѣ дано было порученіе сопровождать на *Лиръ*, Лорда Амгерсша въ Китай. Посольство оставило Кайтонъ въ Январѣ 1817 года; тогда *Лира* отправлена была въ Калькутту съ деньгами къ Генералъ-Губернатору. Оттуда поплыли мы въ Мадрасъ и Иль-де-Франсъ, и обойдя благополучно мысъ Доброй Надежды, бросили якорь у острова Св. Елены.

Разумѣется ничто не могло болѣе возбуждѣть нашего вниманія на семь островъ, какъ безсмертный его обитатель, Наполеонъ Бонапарте. За нѣсколько еще до того недѣль возможности видѣть его поглотила всѣ наши мысли. Всѣ предразсудки, всѣ предубѣжденія, какія мы могли имѣть на счетъ его характера, всякое постороннее чувство исчезло передъ желаніемъ видѣть человека, имѣвшаго столь странное вліяніе на судьбу міра.

Непреодолимое любопытство, возбуждавшееся въ насъ дальнимъ путешествіемъ, удовольствіе изучать прежде всѣхъ народы неизвѣстные, были ничто въ сравненіи съ ощущеніемъ, заставлявшимъ биться сердца наши, когда мы

ночувствовали себя вблизи такого человека, каковъ Наполеонъ. Даже шъ, кои по притчиъ обязанности на корабль не имѣли никакой возможности его видѣть, заразились Наполеономаніей; самые холодные, самые равнодушные были всепривожены. Чино жъ было съ швами, кои, какъ я, могли ласкаться надеждою получить аудіенцію!

Извѣстень будучи лично Губернатору и его семейству, которое пригласило меня жить въ Планшационъ-Гузъ, я молагалъ, чино легче другаго помяду въ число избранныхъ; но узнавъ о несогласіи, поселившемся между Губернаторомъ и прежнимъ Императоромъ, крайне разочаровался. Однако оны сдѣлалъ для меня все, что могъ: написалъ къ Капитану Блакеню, находившемуся въ это время для надзора въ Лонгвудъ, чино я возвращаюсь съ Воснока, и желаю видѣть Генерала Бонапарте, которому просилъ предсавить мое желаніе съ выгоднѣйшей для меня стороны.

Въ пошь вечеръ ни какого ошвѣща не было, и я не могъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Рышнелъный ошказъ имѣлъ бы, конечно, прошивное дѣйствіе; я бы побѣдилъ себя; но эта неизвѣстность мучила меня непонятно, чино однако ше-неръ, когда помышляю о сожалѣніи, которое ошало бы во мнѣ, если бы я не видалъ этого примечательнѣйшаго человека своего вѣка, я хорошо принимаю.

Утро я провелъ въ такомъ же волненіи, какъ и ночь. Послѣ завтрака изъ Лонгвуда пришелъ

отвѣтъ. Капитанъ Блакней писалъ, что имя мое вмѣстѣ съ желаніемъ поклониться, было объявлено Бонапаршу, но онъ едва обратилъ на это вниманіе. Капитанъ прибавлялъ, что онъ полагаесть, я не худо сдѣлаю, если пріѣду въ Лонгвудъ: ибо когда Бонапарше узнаешь, что я знаю, можешь быть, онъ меня и приметъ. Я пошчасъ отправился верхомъ, съ двумя пассажирами, съ *Лиры*, мнѣ сопутствовавшими.

На границѣ Лонгвуда, мы были приняты Докторомъ Омира (Omega) и Капитаномъ Блакнеемъ, не подавшими намъ ни малѣйшей надежды. »Бонапартъ не расположенъ никого принимать,« говорили они съ сожалѣніемъ: онъ даже не произнесъ моего имени, и по видимому не хотѣлъ, чшобъ его повѣряли. »Жаль,« прибавляди эши господа, »что вы не пріѣхали нѣсколькими минурами ранѣе, онъ гулялъ съ четверть часа въ саду, и вы могли бы имѣть удовольствіе посмотришь на него.« Мы приходили въ опчаяніе.

Это жадное любопытство часшо называютъ глупостью, и я зналъ людей, которые увѣряли, что они лишняго бы шага не сдѣлали для шого, чшобъ видѣшь Бонапарше. Я ни мало не похожъ на эшихъ людей, и, подвергаясь опасности прослышь за весьма легкомысленнаго въ ихъ глазахъ, признаюсь откровенно, что ни какія предпріятія въ жизни меня шакъ много не вознаграждали, какъ доспавляющія мнѣ одну минушу свиданія

съ великимъ челоѡкомъ. Это въ особенности касается до Бонапарше.

Между шѡмъ мы ошправились къ Графу Бершрану, внизъ холма, на западной сторонѡ котораго расположено было жилище Императора. Между двухъ домовъ находился красивый цѡвѡникъ, пересѡкаемый песчаными дорожками и окруженный палсадиномъ. Нѡсколькo деревъ, какъ бы случайно занесенныхъ въ луспыню, отличали это мѡсто ошъ безплоднаго и печальнаго уединенія, царшвовавшаго повсюду. Графъ Бершранъ принялъ насъ среди своего семейства въ низкой и шѡсной комнатѡ, которой неудобство еще увеличивалось ошъ мебели, перенесенной изъ другой, переспроивавшейся шогда части дома. Диваны, стулья, кровати, затромождали всѡ углы. Почтенная госпожа Бершранъ спрадала, казалась, ошъ сильной зубной боли. Погода спояла холодная, и скудный огонь едва согрѡвалъ комнату; младенецъ плакалъ на рукахъ матери; словомъ, все имѡло видъ безпорядка и унынія, спѡснявшаго сердце. Между шѡмъ, это зрѡлище, по видимому, производило меньшее дѡспѡвие на хозяйку дома. Она вспрѡшила насъ съ пріяшной, благосклонною улыбкой, и избавила ошъ скучныхъ свѡшскихъ извиненій. Прекрасныя малюпки, ея дѡшши, услышавъ чужіе голоса, прибѡжали, и весело играли вокругъ насъ, не вѡдая ничего о странной судьбѡ своихъ родителей. Графиня показала мнѡ дамою очень образованною; но пріяшнѡе всего для насъ было,

что она говорила по-Английски и пѣвннла уча-
 спіемъ, кошорое принимала въ дѣлѣ, столь насъ
 занимавшемъ. Графъ Бершранъ былъ шакже очень
 любезенъ, но не имѣлъ живоспи своей супруги,
 и, по виднмому, сокрушался о своемъ положеніи.
 Онъ разсказывалъ намъ о всемъ, что прешерцѣ-
 валъ опъ зашоченія и вреднаго климаша Св. Елены.

Поговоривъ съ полчаса, Графъ сказалъ, что,
 можеть бышь, Имперашоръ насъ приметъ, и что
 во всякомъ случаѣ пойдешъ къ нему, объявшъ
 о нашемъ желаніи и пошчасъ возврапншся съ
 нзавнценіемъ объ успѣхѣ его ходашайшва. Про-
 междушохъ времени опъ его выхода до возвраще-
 нія мы провели въ невообразнмомъ волненіи. Ма-
 лѣйшій шумъ мы принимали за шаги Гофмар-
 шала и всшавали, въ надеждѣ, по его приглашенію,
 сзавоашъ за ннмъ. Г-жа Бершранъ по упшша-
 ла насъ, шо смѣялась надъ нашимъ неперпѣннемъ.
 Наконецъ, черезъ добрые полчаса, дверь опшвори-
 лась, и внѣспю Гофмаршала вошелъ слуга, кошпо-
 рый объявилъ намъ опъ имени его, что Импе-
 рашоръ, возврапнсь съ прогулки, скинулъ сюр-
 шукъ и расположнлся на софѣ; словомъ, не хо-
 чешъ принимашъ ни какихъ посѣщеній.

Эпнмъ окончнлись всѣ наши надежды, и мы
 опшкланнлись съ большнмъ сожалѣннемъ съ прн-
 мѣсью нѣкоторой досады на Наполеона, и мо-
 жешъ бышь, шакже съ неудошольсшвнемъ на са-
 мнхъ себя, что прндали шакую важносншь эшо-
 му дѣлу. Мы сѣли на лошадей, и даже опшѣтали
 съ чешверпѣ мннн опъ Лонгвуда, какъ венон-

нили, что не побывали у Доктора Омира. Зная, что ему хорошо известны все привычки и характеръ Наполеона, поворопили назадъ и напали его на порогъ дверей. Онъ мало подалъ намъ надежды, и мы было опять увхали, какъ случай навелъ меня сказать, что мнѣ шѣмъ болѣе прискорбно не видѣть Императора, что я хотѣлъ говорить о Бриенской Школѣ, гдѣ отецъ мой, Сиръ Джемсъ Галль, находился нѣкоторое время съ нимъ вмѣстѣ. Докторъ отвѣчалъ, что это обстоятельство даетъ дѣлу иной оборотъ, ибо Бонапарте очень любилъ пошолковать о всемъ, касающемся до Бриена. «Императоръ, впрочемъ, бы васъ принялъ,» прибавилъ онъ: «если бы могъ знать, кто вы такіе. Онъ только спросилъ кое-что о путешествіи *Лиры*, но ему показалось недоспабочнымъ этого предлога, — одной причиною болѣе — и онъ рѣшился бы дать вамъ аудіенцію; къ несчастію, время определенное на принятіе посыщеній уже давно прошло, и я совѣтую вамъ сегодняшній вечеръ увхалъ, но обещаю найнн случай говорить объ васъ, и если удастся, дамъ знать Губернатору черезъ телеграфъ. Съ этой слабой надеждой мы оставили Лонгвудъ; спутники мои отправились прямо въ Джемсъ-Тонъ, а я въ Плантанціонъ-Гузъ.

Мы весьма удивлялись, не получая въ слѣдующее утро никакого извѣстія черезъ телеграфъ. Лошадь моя, совсѣмъ осѣдланная, стояла у воротъ, и я готовъ былъ отправиться по первому уведомленію. Въ часъ по полудни я уз-

наль, что болѣе часа' назадъ, какъ сигналъ, о желаніи Бонапарша видѣшь Калипана Базилъ Галля въ два часа, былъ поданъ въ Планшационъ-Гузь. Служитель при шелеграфѣ, не зная меня, и безъ сомнѣнія полагая, что я нахожусь въ Джемсѣ, передалъ сигналъ въ укрѣпленіе, къ рейду, и пошому, не прежде какъ по переговору города съ Планшационъ-Гузь получено было уведомленіе.

Я поскакалъ сломя голову и едва успѣлъ прибыть къ назначенному времени. У воротъ Лонгвуда нашелъ двухъ пассажировъ, также поспѣшавшихъ по полученію сигнала на бригъ. Графиня Бершранъ искренно раздѣляла нашу радость. Комната ея была приведена въ лучший видъ; зубная боль прошла и все намъ у нея въ эпошъ день улыбалось.

Графъ Бершранъ объявилъ, что Императоръ приказалъ предсавишь напередъ меня одного, а пошомъ двухъ моихъ спутниковъ вмѣстѣ. Слышавъ о нешерцѣнн, кошорое изъясляеть онь, говоря съ нѣмъ, что не свободно объясняеться на Французскомъ языкѣ, я просилъ Гофмаршала оспашься при мнѣ для поданія помощи въ случаѣ, если въ чемъ буду затрудняшься. Гофмаршалъ успокоилъ меня, сказавъ, что я очень ошибаюсь въ мнѣнн на счетъ шерпѣнн Императора, что напрошивъ, онь, чрезвычайно хладнокровень въ эпошхъ случаяхъ и всегда гошовъ извинишь, кого допускаеть къ себѣ. Я вошелъ въ переднюю, подождать минушь съ десятишь, и слуга цришелъ сказавъ,

что Его Величество изволишь принимать. Я вслушалъ въ комнату. Бонапарте споялъ передъ огнемъ, подперши рукою голову и облокотясь на мраморъ камина. Онъ поднялъ глаза, сдвинулъ два шага впередъ, возвративъ мой поклонъ легкимъ наклоненіемъ головы. »Какъ ваше имя?« былъ первый его вопросъ, и на отвѣтъ мой сказалъ: — »Да, Галль! . . . я зналъ вашего опца въ военной Бриенской Школѣ . . . помню его совершенно . . . Онъ очень любилъ Математику . . . и никогда не водился съ молодыми воспитанниками, а предпочишалъ имъ монаховъ и профессоровъ.« — Послѣ сихъ словъ онъ помолчалъ съ минушою, и казалось, ожидалъ, чтобы я спялъ говорить. Я замѣнилъ, что часто слышалъ опъ моего опца о пребываніи его въ эту эпоху въ Бриенской Школѣ, но что дивлюсь, какъ Наполеонъ могъ помнишь его, чашнаго человека, послѣ шоль долгаго, наполненнаго шоль важными происшествіями времени. — »О; нѣтъ!« — вскричалъ Наполеонъ: — »шущъ ничего нѣтъ удивительнаго; вашъ опецъ былъ первый Англичанинъ, котораго я видѣлъ, и пошому никогда не забывалъ о немъ.«

Должно замѣнишь, что разговоръ происходилъ на Французскомъ языкѣ; что я спѣшилъ, но окончаніи свиданія, записалъ всѣ подробности онаго, и увѣренъ, что передамъ чинашелямъ всѣ выраженія почти слово въ слово; шакъ мои впечатлѣнія были живы и глубоки, — впечатлѣ-

лѣнія, предсказавшіяся уму моему долгое время.

Вслѣдъ за послѣднимъ замѣчаніемъ, Бонапарте спросилъ меня съ какой-то улыбкой, какъ бы находя свой вопросъ забавнымъ: «говорилъ ли вамъ отецъ вашъ когда нибудь обо мнѣ?»

— «Очень часто,» отвѣчалъ я немедленно.

— «Что же онъ говорилъ?»—спросилъ онъ съ удареніемъ, требовавшимъ скорого отвѣта.

— «Онъ часто изъявлялъ удивленіе къ поощреніямъ, оказаннымъ вами наукамъ во время вашего царствованія.»

Наполеонъ улыбнулся и нѣсколько разъ покачавъ головою, какъ бы весьма довольный привѣтствіемъ, продолжалъ:

— «Изъявлялъ ли когда нибудь отецъ вашъ желаніе меня видѣть?»

— «Онъ часто говорилъ, что нѣтъ на свѣтѣ человека, который бы болѣе заслуживалъ любви и уваженія, какъ Наполеонъ, и сожалѣлъ неискать возможнаго случая видѣть его.»

— «Очень хорошо,» возразилъ Бонапарте: «если отецъ вашъ считаешь меня за такую рѣдкость и имѣешь споль сильное желаніе меня видѣть, зачѣмъ же онъ не придетъ на Елену?»

Сначала я не зналъ, принялъ ли въѣзныя вопросы за шутку или нѣтъ? но, какъ онъ ждалъ отвѣта, то я сказалъ, что множество заманчивыхъ предпріятствъ оному моему вызванію къ опечесства.

— »Развѣ онъ имѣеть какую нибудь общесп-
венную обязанность?»

— »Никакой, но онъ Президентъ Королевска-
го Единбургскаго Общества, и эта должность
оценимаель у него большую часть времени.

Эпошь опвѣтъ породилъ множестве вопро-
совъ объ организаціи нашего Королевскаго Об-
щества. Наполеонъ хотѣлъ знать, чѣмъ зани-
маются всѣ Члены этого ученаго еословія, опъ
Президента до Сѣкретаря, и какъ производятся
у нихъ ученныя совѣщанія. Обыкновеніе, публично
разбирать предлагаемыя обществу вопросы, его
много забавляло. Наконецъ, когда я замѣнилъ,
что шамъ нѣсколько сошь членовъ, онъ пока-
чалъ головою, и сказалъ: — »Неужели всѣ эти
Члены ученые?»

Будучи удовольствованъ въ семь опношеніи,
опъ оплъшь завелъ рѣчь объ опцѣ моемъ, и какъ
бы расчлнывая въ умѣ, замѣнилъ: — »Вашъ
опецъ, я полагаю, долженъ бытъ девянью или
десятью годами старше меня . . . Покрайней
мѣрѣ девянью, если не десятию, не правда ли?»

— »Ровно десятию,« — опвѣчалъ я. Опъ на-
чалъ смѣяться, повнчалъ головою и повернулся
на пшпкъ. Я не смѣлъ спросить, что его шамъ
развеселило, не думаю, причиною тому былъ
вѣрный его расчетъ. Опъ продолжалъ свои во-
просы; хотѣлъ знать, сколько у моего опца дѣ-
тей, какихъ они лѣтъ и какого званія; зашмъ
спросилъ: — »Сколько лѣтъ вы жили во Фран-
ціи?»

— »Я никогда шамъ не былъ,« — опвѣчалъ я.

— »Но гдѣ еще вы научились по-Французски?«

— »Опъ разныхъ Французскихъ моряковъ, на военныхъ корабляхъ.«

— »Эти Французы были у васъ въ павну или вы у нихъ?«

— »Они были взяты кораблями, на кошорыхъ я служилъ.«

Наполеонъ захопѣлъ тогда, чпобъ я опи- салъ ему сраженія, въ конхъ учаспвовалъ; но вскорѣ, найдя эпопъ предметъ менѣ любопыт- нымъ, какъ полагалъ, онъ перебилъ меня, спро- сивъ о нѣкошорыхъ подробносняхъ моего пу- шешествія въ Воспочныя моря.

Первые опвѣпы мои сильно возбудили его вниманіе. Высокій санъ Наполеона, доспавившій ему безчисленные случаи собрашъ свѣдѣнія по- чпи обо всѣхъ предметахъ, его умъ, обширная память, до того запрудняли рассказъ о чемъ нибудъ для него новомъ, чпо я счастливымъ се- бя почишалъ, когда могъ говорить о вещахъ, не входящихъ въ кругъ обыкновенныхъ эпикешныхъ разговоровъ. Многіе увѣряли, будшо Наполеонъ особенно любилъ все касавшее до Воспока. Жадносшь, съ какою онъ поглощалъ подробности, опносящіяся О. Лоо-Шоо (*), Кишая и смеж-

(*) Не найдя въ нашихъ Географіяхъ и Словаряхъ сего острова, я слѣдовалъ въ правописаніи названія онаго Французскому переводчику, кошорый пишешъ *Лоо-Шоо*. *Прим. Перев.*

ныхъ съ нѣмъ земель, ясно доказала мнѣ справедливостъ этого мнѣнія. Утверждали также, будто онъ имѣлъ не полное понятіе объ географическомъ положеніи сихъ ошдаенныхъ странъ, но я не мало былъ удивленъ, видя, что идеи его относительно земель, лежащихъ на моряхъ Кипайскихъ и Японскихъ, были чрезвычайно опредѣленны и точны.

Когда я назвалъ островъ Лоо-Шоо, онъ покинулъ головою съ видомъ человека, кошорый въ первый разъ объ немъ слышитъ, и спросилъ, въ какомъ разстояніи Лоо-Шоо находится отъ Каппона, Японіи и Маниллы. Пересъченіемъ сихъ шрехъ линій, казалось, онъ опредѣлялъ въ умѣ довольно вѣрно положеніе Лоо-Шоо, ибо всѣ замѣчанія, сдѣланныя имъ зашѣмъ, согласовались съ его заключеніемъ. Потомъ спрашивалъ о жителяхъ сего острова, что истинно было тяжкое испытаніе. Вопросы его не сыпались на удачу, но каждый новый имѣлъ связь съ предыдущимъ или предуготовлялъ послѣдующій. Въ короткое время эти выпыщыванія до того меня раскрыли, что я не могъ ни ушамъ, ни смягчить ни одного выраженія. Дѣйствительно, быспроша, съ какою онъ проникалъ все его занимавшее, и чудная способность, съ какою соединялъ и раздѣлялъ подробности, сообщаемыя мною, были таковы, что онъ опережалъ иногда рѣчь мою, предвидя заключеніе и похищалъ, такъ сказать, мое повѣствованіе.

Однако многія обстоятельствова, касательно

жителей Лоо-Шоо, чрезвычайно его изумляли, и я имъль удовольствіе видѣть не однажды, что пѣкопорые *фенанезы* въ моемъ разсказѣ приводили его въ совершенное замѣшательство. Больше всего поразило его то, что Лоо-Шоанцы не имѣли оружія. — »Не имѣюль оружія и вскричалъ онъ; — »по естѣ пушекъ. . . у нихъ естѣ ружья?»

— »Нѣтъ и ружей,« — отвѣчалъ я.

— »Ну, такъ конья, или по крайней мѣрѣ луки, стрѣлы?»

— »Ни того, ни другаго.«

— »Такъ кинжалы?» вскричалъ онъ съ жаромъ.

— »И того нѣтъ.«

— »Какимъ же образомъ,« сказалъ Наполеонъ, сжавъ кулакъ и возвышая болѣе и болѣе голосъ: »какимъ же образомъ они дерутся безъ оружія?»

Я отвѣчалъ, что сколько мы могли удостовериться, они никогда не вели войны и наслаждались непрерывнымъ миромъ, внутреннимъ и вѣшнимъ.

— »Не вели войны!» вскричалъ онъ съ выраженіемъ презрѣнія и недовѣрчивости, какъ будто существованіе въ подсолнечной народа безъ войны была чудовищная аномалія.

Наполеонъ, казалось, сомнѣвался также, когда я разсказывалъ ему, что они оспровишяне не имѣли денегъ, и ни во что не цѣнили наши золотыя и серебряныя монеты. Подумавъ немного, онъ сказалъ въ полголоса: »Не знаешь употребленія денегъ!.., не заботишься ни о золотѣ,

ни о серебрѣ! — Зашѣмъ, поднявъ голову, спросилъ меня съ дукавымъ видомъ: »А чѣмъ же вы, Капишанъ, платили этому спранному народу за быковъ и другіе припасы, копорыѣ онъ посылалъ вамъ на корабль въ шакомъ огромномъ количествѣ?«

Когда же я объявилъ ему, что мы никакъ не могли убѣдить джипелей Лоо-Шоо принять какую либо плату, онъ не могъ надивиться этой щедрости, и заставилъ меня два раза прочитавъ списокъ припасамъ, коими насъ снабжали эти гостепріимные оспровишяне.

По совѣту Графа Бершрана, я взялъ съ собою нѣсколько рисунковъ, изображавшихъ разныя мѣсположенія и костюмы Лоо-Шоанцевъ и Корейцевъ, копорые весьма мнѣ пригодились при описаніи сихъ странъ. Между тѣмъ какъ мы мы говорили о Корей, Наполеонъ взялъ у меня изъ рукъ рисунки, и пробѣгая глазами разныя части, дѣлалъ въ полголоса замѣчанія: »Спарикъ въ огромной шляпѣ съ длинною сѣдою бородою... А!... въ рукъ длинная трубка... Кипайская цинковка... Китайскій кошномъ... другой плещень... все это нарисовано хорошо... очень хорошо...«

Зашѣмъ просилъ меня рассказать ему, гдѣ выработывающся, различныя матеріи, употребляемыя для одежды этими народами, и какой онъ цѣны... но я не могъ отвѣчать на эти вопросы. Хотѣлъ знать состояніе земледѣлія въ Лоо-

Шоо.... лошадьми или волами пашуть.... какъ сѣюшь и жнушь; брошають ли поля, какъ въ Кипаѣ, гдѣ онъ слышалъ, система увлаженія полей доведена до величайшаго совершенства. Спрашивалъ о климатѣ, мѣстоположеніи острова, о построеніи домовъ и кораблей, о модахъ, нарядахъ и даже о плетеніи соломенныхъ сандалій и пабачныхъ сумокъ. Онъ много смѣялся надъ упрямствомъ Лоо-Шоанцевъ державъ женъ въ заперпи, и многократно выхвалялъ умеренность и благоразуміе Капитана Максвелла (*), имѣвшаго правило никогда не спорить съ оспрошителями о томъ, что касается до ихъ обычаевъ и законовъ. Сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о религіи Кипайцевъ и Лоо-Шоанцевъ, и изумлялся наружному сходству Каполическихъ поповъ съ Кипайскими бонзами; сходство, замѣтилъ онъ, распространяющееся и на многіе обряды обожъ въроисповѣданій. »Однако, прибавилъ онъ, шупъ и оканчивается все подобіе, ибо бонзы не имѣють никакого вліянія на умъ народа и не мѣшаются въ дѣла его, ни въ духовныя, ни въ мірскія. Въ Лоо-Шоо, гдѣ столько есть вещей, достойныхъ похвалы, незначительность Владыкъ церковныхъ не менѣе поразительна, какъ и на твердой соседственной имъ землѣ — спраниешь, занимавшая нѣсколько времени оспроуміе Наполеона, но

(*) Командиръ корабля *Амцеста*, находившагося въ этой экспедиціи.

кошорую не могъ онъ объяснить себѣ удовлетворительно.

За исключеніемъ минушнаго порыва презрѣнія и недовѣрчивости при извѣстіи, что жители Лоо-Шоо не знали войны, ни оружія, Наполеонъ въ продолженіе всего разговора былъ весьма любезенъ. Его веселость, скажу даже, его коропкостъ въ обращеніи не только привели меня въ совершенное расположеніе духа, но иногда заспавляли забывашъ по почтительное вниманіе, какое я долженъ былъ и искренно желалъ оказывашъ падшему Монарху. Учаспіе, принимаемое имъ въ рассказъ моемъ о вещахъ наибодѣ занимавшихъ мое воображеніе, разумѣется, подспрежало меня еще болѣе. Не разъ выпустивъ изъ вида оспорожность, вдругъ замѣчалъ я, что говорю довольно свободно и смущаюсь отъ моей ошибки; но онъ потчасъ ободрялъ меня, прося продолжашъ въ помъ же повъ, съ шакою искреннею благосклонностію, что черезъ минушу я снова попадалъ на прежнюю колею.

— «Знаюшъ ли что нибудь ваши друзья Лоо-Шоанцы о другихъ справахъ?»

— «Они знаютъ только Китай да Японію, ошвѣчалъ я.

— «Да, да, конечно,» продолжалъ онъ: «но что знаютъ они объ Европѣ?»

— «Они ничего не знаютъ объ Европѣ, ни о Франціи, ни объ Англии, ни даже» — прибавилъ я — «никогда не слышали про Ваше Величество.»

Бонапартъ смѣялся отъ чистаго сердца

надъ эпимъ, чрезвычайнымъ, обстоятельствомъ въ Исторіи Лоо-Шоо, обстоятельствомъ, которое разительнo ошличало сію снрану отъ всѣхъ извѣстныхъ снранъ Земнаго Шара.

Я держалъ въ рукѣ пламя острова Суфра, скалы пустынной и безплодной, находящейся среди моря Японскаго. Наполеонъ посмотрѣлъ на него съ минушоу и сказалъ: «Э! да это островъ Св. Елены!»

Испондвѣ всѣ вопросы касательно нашего путешествія, или по крайней мѣрѣ, извлекаши изъ меня все, что я могъ ему разсказать, онъ возвратился снова къ занимавшему его предмету и, безъ всякой связи, спросилъ: — «Неужастивуетъ ли ващъ опецъ въ изданіи *Едмбургскаго Обсартнїа*?»

Я ошвѣчалъ, что всѣ соспрудники этого журнала были анонимы, но что нѣкоторыя сочиненїя моего опца въ немъ подвергались разбору. Тутъ Наполеонъ повернулся на право, къ Графу Бершрану, и, качая головой, сказалъ съ значительной улыбкой:

— «Ага!» — какъ бы желая швѣтъ показати, что онъ понимаетъ ошѣтъ хорошо разность между авшоромъ и кришникомъ.

Потомъ Бонапарте спросилъ меня: — «Женаны ли вы?» —

— «Нѣтъ, В. В.» — ошвѣчала я.

— «Ошѣтъ чего же нѣтъ?» — продолжалъ онъ: — «по какой причинѣ вы не женаны?»

Я затруднился въ выборѣ ошвѣтана и молчалъ.

чрезвычайно усилилась и что каждую минуту надобно ожидать, что онъ скончается. На другой день въ Палатѣ Депушаповъ читано было письмо Регента, въ которомъ онъ говоритъ, что накануне онъ исполнилъ свои обязанности какъ Христіанинъ и опецъ семейства и что состояніе его здоровья не позволяетъ ему болѣе заниматься дѣлами управленія; въ слѣдствіе сего онъ приглашалъ Палату принять нужныя мѣры. Это письмо, выслушанное въ глубочайшемъ молчаніи, произвело въ Палатѣ живѣйшее впечатлѣніе. Тогдашья наряжена была Комиссія; въ 4 часа она сдѣлала Палатѣ докладъ, въ которомъ предлагала объявить Королеву Дону Марію совершеннолѣтнею, для того, чтобы она могла немедленно вступить въ управленіе Государствомъ. Этому докладу утверждено единогласно. Дѣло сіе въ ночь же день было разсмашировано въ Палатѣ Перовъ, въ которой объявленіе совершеннолѣтія Доны Маріи было поддерживаемо 25 Герами противъ 6; послѣдніе предлагали назначить Инчаншу Дону Изабеллу Марію Регентшею до тѣхъ поръ, когда Королева совершитъ осьмнадцать лѣтъ. 19 числа обѣ Палаты соединились и отправили въ Келюзъ Депушацию подъ предводительствомъ Герцога Пальмеллы. Дона Марія изъявила свое согласіе письмомъ на имя Палаты, которая получила въ то же время письмо Герцога Пальмеллы о томъ, что Королева назначила слѣдующій день для принесенія присяги; вѣсть съ тѣмъ, Герцогъ, по приказанію Королевы, объявилъ, что Министрство будетъ измѣнено погчасъ послѣ присяги. Г. Суза Азеведо извѣстилъ Депушаповъ, что Королева объявила ему, что состояніе Герцога Браганцскаго значительно улучшилось. Г. Магаллаэсъ предложилъ изъявить этому великодушному Принцу народную благодарность.—Нынѣ двое изъ дѣтей Дона Педро владѣютъ коронами; осмальныя его дѣти отъ перваго брака пользуются доходами въ Бразиліи; но

Изабелла Марія Амелія, дочь Дона Педро отъ второго брака, ничего не имѣешь. Г. Магаллаесъ предложилъ назначить ей удѣльное имѣніе въ 500 конхоовъ де рейсовъ и наименовать ее Герцогинею Мидделло, въ воспоминаніе того, что Донъ Педро въ этомъ мѣстѣ вышелъ на берегъ. Это предложеніе принято въ разсмотрѣніе. — 20 числа Королева явилась въ Палацу, принесла присягу и поспѣшь возвратилась въ Келюзскій дворецъ. — Говорятъ, что болѣзнь Дона Педро есть водяная въ груди. Королева предлагаетъ о немъ прогашельныя попеченія и всѣ домашніе его принимаютъ живѣйшее участіе въ его положеніи. Приближенные Дона Педро говорятъ, что онъ самъ уже лишился всей надежды и спокойно ожидаетъ смерти.

Говорятъ, что первымъ Министромъ будешь Герцогъ Пальмелла въ званіи Министра Иноспранныхъ дѣлъ. Другіе Министры будутъ Герцогъ Теросирскій, Графъ Виллареаль, Маркизъ Валенсіей и Государственный Совѣтникъ Тригозо, а Маршалъ Салданья Главнокомандующимъ арміи. Желаютъ, чтобы Г. Сильва Карвальо остался Министромъ Финансовъ; но онъ соглашается на это единственно подъ условіемъ, чтобы нѣкоторые изъ его шоварицей сохранили мѣста свои и чтобы Правительство произвело преобразованія, которыхъ онъ и Донъ Педро имѣли въ виду.

Говорятъ, что Французскій Министръ торжественно пропеснивалъ противъ бракосочетанія Королевы съ Герцогомъ Лихтенбергскимъ.

Въ Лондонѣ получено, чрезъ Мадридъ, извѣстіе, что Донъ Педро скончался 22 Сентября въ полдень, отъ водяной болѣзни; но извѣстія прямо изъ Лиссабона еще нѣтъ.

Испанскія дѣла.

Палата Прекураторовъ, въ засѣданіи своемъ 25 Сентября приняла, на большинству 65 голосовъ противъ 47, первую спавнью министровскаго проекта закона о государственныхъ долгахъ, въ которой сказано: Всѣ иностранныя долги, сдѣланные Правительствомъ въ разное время, а именно, иностранныя займы, заключенныя какъ прежде, такъ и послѣ 1825 года, признаются государственнымъ долгами. Не смотря на это, на другой день Палата, значительнымъ большинствомъ, отвергла даже называемый Гебгардовскій

были въ Англію въ половинѣ Октября, пробывъ въ вояжѣ двадцать мѣсяцевъ. Въ апошнѣ короткій омежунокъ времени, я сдѣлалъ около чешырнадцати тысячъ миль, — разстояніе, равное двумъ окружностямъ Земаго Шара: посѣтилъ большую часть береговъ Кишая, многіе острова Воспочнаго Архипелага и морей Японскихъ, многія примѣчательнѣйшія мѣста на швердой землѣ и островахъ Индіи, обошелъ два раза мѣсто Доброй Надежды и видѣлъ Наполеона!

— В. В. —

III.

ПОЛИТИКА.

1.

НОВАЯ ПАЛАТА ДЕПУТАТОВЪ.

Статья II.

ПАРТІЯ ЛЕГИТИМИСТОВЪ.

Партія Легитимистовъ еще въ первый разъ со времени Іюльской революціи являеца подъ эшимъ названіемъ въ одной изъ опраслей правленія. Это шакъ и должно бытъ послѣ движенія спрасшей полишическихъ.

Появленіе роялистской оппозиціи въ Палатѣ было привѣтствовано радосными кликами легитимистской партіи; это очень естественно. Когда партія, долгое время остававшася внѣ управленія, находилъ въ немъ себѣ мѣсто, получаетъ возможность

выставлялъ своихъ избранныхъ, слѣдовавъ за ними на шрибуву, провозглашавъ ихъ ученіе, — это для нея шоржесство и утѣшеніе. Такова судьба партіи Леггинимистовъ; она шумно провозглашаетъ свою побѣду, преувѣличиваетъ свой успѣхъ, спавишь въ свои ряды нѣсколько человекъ съ мнѣніями не совсѣмъ определенными и говоришь: я сильна!

Но шумъ начинаются новые расчеты; восшоргъ шоржесства полекъ за собою заблужденіе; золотыя шовидніа увеселяли жалкое положеніе партіи побѣжденной. Расчеты измѣняются: одни журналы при-своиваютъ себѣ шридцать пять голосовъ; другіе, изчисляя вѣрнѣе, только двадцать пять. И мнѣ кажешся, что дѣйствительно партія Леггинимистовъ, со всѣми своими опшѣнками, имѣетъ не болѣе этого числа голосовъ.

Эти опшѣнки уже существуютъ; они будутъ развиваться и обозначаться лясственнѣе по мѣрѣ шого, какъ новые выборы ознажутъ доспавлять имъ подкрѣпленія, что необходимо должно случиться. Я уже различаю чепыре подраздѣленія, въ чемъ, я увѣренъ, согласатся со мною и знающіе люди въ этой самой партіи.

1-е, Чисные Якобиты (*), сосшоющіе подѣ управленіемъ Гг. Берье и Гэннекенд; они не видятъ ни какой возможности союза съ нынѣ царствующею династіею и будутъ бороться съ нею, пока она не падетъ или пока не уничтожится въ политическомъ мѣрѣ партія, которую они предспавляютъ.

2-е, Торин, партія, которую Г. де Ламаршинъ спараешся создать и которая всегда бываетъ весьма слаба въ первое время революцій и броженія полиши-

(*) Чисшатели наши, конечно, помилатъ, что въ Англии, послѣ революцій 1688 года, называли Якобитами приверженцевъ Іакова II, Дома Стуршовъ, прежняго порядка вещей. *Ред.*

ческих спрасней, когда все спремнися къ крайности, и въ вещахъ и въ людяхъ. Эша партия, конечно, со временемъ возрастетъ и если нынѣшнѣ дѣвшія и нынѣшній порядокъ вещей удержатся, то она обратится въ парцію хранителей, въ Перскую и парламентскую аристокрацію, которая владычествуетъ въ Великобританіи. Но для этого необходимо время и спокойствіе. А до тѣхъ поръ, если Г. де Ламаринъ хочетъ пользоваться какими нибудь вліаніемъ, собирать вокругъ себя значительное число голосовъ, то онъ, по необходимости, долженъ выдавать себя за Якобита.

3-е, Опшавленные роллистскіе чиновники, каковы, напримеръ, Г. Жакино де Пампелонъ и даже Г. Бленъ де Бурдонъ; я не предполагаю въ нихъ такой силы политической жизни, чтобы они бросились, очертя голову, въ оппозицію, спремную къ испроверженію существующаго порядка. Они почти всегда были связаны съ Правительствомъ, въ различныхъ его измѣненіяхъ и въ нихъ нѣтъ жара Якобитовъ; Министрство искусное прощануло бы къ нимъ руку и кто знаетъ, ошказался ли бы они ошъ ней? Быть можетъ, въ первый годъ этого и не случится, но во второй, въ третій; люди, которые такъ долго участвовали въ правленіи, не въ состояніи долго противиться Правительству, когда оно само идетъ къ нимъ на встрѣчу. Въ этой партии есть наклонность къ министеріализму.

4-е Нерациональные; я не знаю, могутъ ли роллисты надѣяться на Гг. Созе и Жанье (*). Конечно, роль оппозиціи, придерживающейся основныхъ пра-

(*) Два новыхъ Депутата; оба они известны какъ искусные Адвокаты; Г. Созе въ особенннсти прославился рѣчью, возоренною имъ въ защиту Г. Шанилова одного изъ послѣднихъ Министровъ Карла X, судимыхъ Палатною Перою. Ред.

вилъ, избранныхъ роялистскою партіею — бережли-
вости и парламентской реторикѣ, должна нравиться
молодымъ людямъ съ пылкомъ и любовью къ отече-
честву; но какъ всякій политическій вопросъ разрѣ-
шается окончательно въ вопросъ о лицахъ, то когда
придетъ время действовать въ пользу нынѣшней ди-
настїи или въ пользу прежняго Королевскаго Дома,
я не думаю, чтобы вершинные члены прислали тогда
къ Якобинамъ.

Несомненно то, что все эти подраздѣленія ле-
гитимистской партїи не сплунуть слѣдовать одному
и тому же направленію; двое или шрое Ламартино-
выхъ моріевъ не захопятъ принявъ идеи демократи-
ческихъ и присоединятся къ Якобинамъ. Они будутъ
действовать какъ Хранители; посему возмущеніе ихъ
въ Палату не неприятно Министрству и оно не про-
тивилось ихъ избранію. Почему же это? потому что
партїя Хранителей, не смотря на приверженность
свою къ прежнему Королевскому Дому, будетъ под-
держивать власть, въ какихъ бы рукахъ она ни нахо-
дилась, и потому-то роялисты, стремящіеся къ не-
проверженію существующаго порядка и не доверяющіе
Хранителямъ. Легитимисты дѣлаютъ успехи въ пар-
ламентской шахматѣ; самые искусные изъ нихъ гово-
рятъ уже, что всякая партїя, даже и самая пропав-
шая началамъ, на кошерахъ основывается существую-
щее правленіе, должна распределяться такимъ обра-
зомъ, чтобы одна часть ея помогала Правительству,
съ тѣмъ, чтобы со временемъ овладѣть властью, а
другая часть рьяннѣе на него нападала. Какимъ
образомъ действовала либеральная партїя въ цар-
ствованіе Бурбоновъ? прибавляютъ они. Разъ она
оказывала отвращеніе отъ власти, тогда ее предлага-
ли? Между тѣмъ какъ Малуевъ, Бенжаминъ-Константъ,
сохраняли отвращеніе свое отъ царствующей дина-

ешин, Казмиръ Барье съ нею сближался; онъ съ величайшею гонимостію принялъ бы мѣсто Министра и политическіе его друзья не спали бы осуждая его за это; дѣла своей партіи обдѣлывашъ гораздо легче въ Министерствѣ, чѣмъ внѣ онаго. Чѣмъ оппоритъ дверь, лучше имѣть ключъ, чѣмъ ломать замокъ. Но либеральная партія догадалась объ атомъ уже послѣ десятилѣтняго опыта, а съ Июльской революціи прошло только чепыре года. Роялисты еще въ школѣ; они идутъ впередъ, но идутъ, какъ всегда ходятъ партіи — шагами муравьиными. Посмотрите, сколько времени надобно имъ было для того, чѣмбы почувствовать испину, между тѣмъ очень проснуто: именно, что не слѣдуетъ уничтожаться, если хочешь достигнуть своей цѣли, и что надобно ходить на выборы, чѣмбы не прослыть умершими. Сначала Легитимисты съ негодованіемъ отвергли присягу; теперь они присягаютъ, а со временемъ сдѣлаются и Хранителями для выгоды Якобинскихъ, и *sempre bene*.

Я означилъ подраздѣленія партій роялистовъ; теперь я долженъ обрисовать главные лица, которые будутъ являться на аренѣ. Легитимистская партія послала въ Палату лучшихъ своихъ Орашоровъ. Она еще не достигла вѣселаго періода, когда выставитъ впередъ людей, умѣющихъ дѣйствовать. Надобно она начала утвердить свое ученіе, а потомъ уже можно будетъ праспувать къ дѣловымъ. При слѣдующихъ выборахъ въ Палату посадятъ Генераловъ снѣрой гвардіи; теперь являющіяся одни только Орашоры. — Г. Барье говоритъ чрезвычайно пріятно: въ рѣчахъ его мнѣ великихъ мыслей, незамѣнно сильнаго соображенія; но онъ предидаетъ благозвучнымъ своимъ голосомъ, свободою изъясненія, избранными выраженіями, жестикуляціей, и пріятными и благородными и прекрасною своею головою, съ челемъ широкимъ, съ ви-

раженіемъ крошкимъ и остроумнымъ. Г. Берье еще молодъ; политическая жизнь его только начинается: онъ вступилъ въ Парламентъ въ Министерство Полиціяка. До тѣхъ поръ Г. Берье былъ извѣстенъ только своими блестящими импровизаціями въ Судахъ; онъ не занимался много изученіемъ законовъ, не шрудился слишкомъ надъ разсмотрѣніемъ важнаго ему дѣла, а просто являлся въ Судъ и какъ бы по вдохновенію, съ большимъ чувствомъ произносилъ пламенные рѣчи, которыя не разъ спасали подсудимыхъ. Г. Берье уже нѣнадцать лѣтъ принадлежалъ къ той часни роялистской партіи, которую предводительствовалъ Г. Полиньякъ, которая ненавидѣла Г. Виллеля и находила его полицику робкою и эгоистическою, хотѣла идти прямо и смѣло къ аристократическому и религіозному возрожденію. Г. Берье, человекъ свѣтскій, весьма пріятный въ обществѣ, былъ любимцемъ конгрегаціи и Іезуитовъ; онъ приобрѣлъ то, чего Г. Дюпенъ тщетно добивался изоспаями — довѣренность партіи просвѣщенной, которая умѣетъ угадывать шаланпы и приговаривать заслуги. Въ Палатѣ, Г. Берье говорилъ въ первый разъ тогда, когда дѣло шло объ адресѣ 221; (*) онъ блестятельно, но безъ успѣха, опровергалъ этотъ адресъ. Краснорѣчіе его было замѣчено тогдашнимъ Кабинетомъ, который предложилъ ему, чрезъ Г. Шаброля, мѣсто Помощника Спайс-Секретаря или Генераль-Директора. Г. Берье весьма умно отвѣчалъ: я или не спую этого, или спую больше: попробуйте меня. И дѣйствительно, единственный Ораторъ тогдашняго управленія, конечно, заслуживалъ мѣсто Министра. Г. Берье человекъ не дѣловой, но

(*) Знаменитый адресъ, въ которомъ Палата объявила, что Министерство Полиціяка не пользуется ея довѣренностію. Ред.

онъ имѣеть даръ говорить умно и пріятно о всѣхъ возможныхъ предметахъ, не задывая никого ни справа, ни слава. Г. Берье никогда не будетъ предводителемъ парціи; но онъ большой мастеръ умагчать умы и соглашашъ ихъ со своимъ идеямъ.

Г. Геннекенъ не можеть производить въ Палатѣ никакого же дѣйствія; Г. Геннекенъ дѣлецъ, мастеръ защищашъ мелочныя дѣла въ Судахъ первой инстанціи и апелляціонныхъ, но Орапоръ Парламентскій совсѣмъ не то, что судейскій Адвокатъ; часомъ человекъ, прославившійся въ Судахъ, совершенно уничтожается въ Палатѣ, и можеть ли бытъ иначе? Привычка ошпрѣшь на все вопросы со споромъ личныхъ выгодъ и съ низкой точки зрѣнія, рѣдко соглашашся съ ученостію важною, обширною, необходимою для политика. Это не парадоксъ: я утверждаю, что изъ двадцати Адвокатовъ частныхъ выгодъ, защитниковъ дѣлъ мелочныхъ, не найдеша ни одного Парламентскаго Орапора, а изъ двадцати Парламентскихъ Орапоровъ ни одного Адвоката мелкихъ дѣлъ. Конечно нѣтъ правила безъ исключенія; но я боюсь, чтобы слава Г. Геннекена не зашмилась на шрибунѣ. Это шапръ слишкомъ обширный для его краснорѣчія, склоннаго къ анекдотамъ и каламбурамъ. Впрочемъ умъ человѣческій иногда измѣняешся; бытъ можеть, что привычка зашмилась дѣлами важными, вопросами общими, избавить Г. Геннекена ошъ паденія, всегда весьма плагосшнаго для людей, пользующихся въ своей парціи большимъ уваженіемъ.

Въ авангардѣ Якобитовъ есть еще Адвокатъ, молодой Депутатъ Марсельскій, Г. де Лабули. Революція зашмала его Генераль-Адвокатомъ въ Ріонѣ; онъ поступилъ благородно: подалъ въ отставку. Получивъ увольненіе, онъ уѣхалъ въ Э, гдѣ отецъ его былъ Генераль-Прокуроромъ и шже оставилъ свое

вѣсно. Оба они возвращались къ званію Адвокатовъ. Г. де Лабули участвовалъ во всѣхъ процессахъ роялистовъ южныхъ Демаршанешовъ. Онъ человекъ съ сердцемъ пламеннымъ, съ умомъ полуденнымъ, живымъ, ослеплымъ и блестящимъ. Но онъ можетъ вредить своей партіи невоздержанностію рѣчи, откровенностію чувствованій и намѣреній, почти неразлучнымъ съ юнымъ и непредусмотрительнымъ убяжденіемъ. Г. де Лабули выдавалъ себя въ Марсели за представителя парламентарнаго преобразованія и, конечно, будешь поддерживать его на ширбуѣ.

Г. де Ламаринъ не пойдетъ такъ далеко. Прекрасный поэтический пылалъ его жизнѣнъ всей Европѣ, а замѣчаніе мое о несомнѣнности Адвоката съ политическимъ Оранжоремъ, можетъ быть, еще болѣе справедливо въ отношеніи несомнѣнности Поэта съ человѣкомъ государственнымъ. Дебютъ Г. Ламарина доказалъ это. Проектъ его о дѣлахъ Восрока насытилъ всѣхъ дѣловыхъ людей, которыхъ органомъ служилъ Аугсбургская Газета (*Allgemeine Zeitung*); съ тѣхъ поръ Г. Ламаринъ дѣйствуетъ благо разумно; будущность благо разумной роялистской партіи принадлежитъ ему; скоро роялисты увидятъ, что они непременно должны сдѣлаться *Хранителями*. Г. де Ламаринъ долженъ какъ можно болѣе проникнуться духомъ этой роли; советуемъ ему терпѣливо сносить сарказмы, и ограничивать полннику свою положительнымъ, одѣнкою событій и дѣйствій. Со временемъ Легитимизмы возвращаются къ нему. Пріехали его, которыхъ едва въ чепыре года убѣдился, что представительно въ Палатѣ есть сила, уважаютъ со временемъ и то, что обличеніе съ Правительствомъ не есть предательство и что можно принять мѣсто въ надеждѣ быть полезнымъ для своей партіи.

Эту истину, я думаю, скорее всех почувствуютъ тѣ изъ Легитимистовъ, которые занимали некогда должности публичныя или административныя. Въ числѣ ихъ находились Г. Влель де Бурдонъ, бывший Претектъ Департамента Па-де-Кале. Онъ старый Депутатъ, пришелъ Гг. Виллеля и Корбьера, человекъ знающій во всѣхъ административныхъ тайнахъ и хитростяхъ; употребляемыхъ при выборахъ, и легко могущій сойтись съ Г-мъ Тьеромъ, если не въ интимныхъ, то по крайней мѣрѣ въ выборѣ средствъ. Но я не советую легитимистскою партию принимать на себя такимъ образомъ ответственности Г. Виллеля. Если эта партія желаетъ популярности, то непременно должна казаться партией новою и отрицающею прошедшее, которое было бы дурною оружіею за будущее. Что мнѣ оказала о Г-мъ Жакино де Пампелюнь? Я думаю, что бывший Генераль-Прокуроръ, наследникъ Г. Беллара, предшественникъ Г. Пероля, одаренъ умомъ слишкомъ здравымъ для того, чтобы выкаемываться защитникомъ парламентарскаго преобразованія и правъ народа. Я не говорю, чтобы нынѣшняя система была самая лучшая, чтобы на нее не слѣдовало нападать; но нападать на нее должны не такіе люди, какъ Жакино де Пампелюнь. Что бы сказали въ Англіи, если бы Лордъ Эльдонъ, въ своемъ огромномъ парикѣ, вспалъ и началъ говорить прошекъ Г-на Брума, во имя народныхъ выгодъ? Его бы задавили сарказмами.

Роялисты причисляютъ къ своимъ Гг. Жанье и Созе, пошому, говорятъ они, что голоса ихъ на выборахъ поданы были въ пользу этихъ Депутатовъ. Это еще ничего не значить; Г. Жанье имѣлъ голоса всѣхъ партий, а Г-пу Созе помогали и министеріалисты; припомъ развѣ не бывало кандидатовъ, которые пользовались вспомогательными голосами какой

нибудь паршии, не принимая въ отношеніи къ ней ни какихъ обязательствъ. Повторяю, люди съ большими талантами всегда спануть въ ряды блистательной оппозиціи, и ежели Легитимисты сдержатъ свои обещанія, если они будутъ провозглашать бережливостъ и парламентское преобразованіе, то Гг. Жанье и Созе, безъ сомнѣнія, за ними послѣдуютъ; они оба молоды; у обоихъ блестящее прошедшее и еще болѣе блестящая будущность; чію имъ дѣлать на лавкахъ центра, позади столькихъ посредственности, робкихъ и своекорыстныхъ? Захотятъ ли они сдѣлаться помощниками молодыхъ доктринеровъ, защитниками бюджета, Полиціи и опусковъ суммъ на тайныя издержки? Чіобы прославиться въ Парламентѣ, надобно прежде всего показать благородную независимость; роль защитниковъ общественнаго порядка и бюджета уже устарѣла; нынѣ, чіобы пріобрѣсти въсь въ политикѣ, надобно присоединиться къ приверженцамъ преобразованій.

Министерство знаетъ, что легитимистская оппозиція будетъ затруднять его, и пошому готовился напасть на нее съ лица, напоминая ей прежнія дѣла ея и особенно 1815 годъ; но на это Легитимисты спануть отвѣчаютъ, что тогда власть была не въ ихъ рукахъ, и что нынѣшній Министръ Г. Гизо болѣе замѣтанъ въ тогдашнихъ происшествіяхъ. Во всемъ этомъ будетъ много соблазнительнаго, драматическаго; Исторія найдешь въ этихъ преніяхъ прѣмы, политическіе мыслишели — уроки.

Перь Франціи.

2.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Государь Императоръ, по докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 26-й день минувшаго Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: распроспиранишь на Маринскій Иношишумъ силу § 54 Высочайше утвержденнаго въ 1-й день Юля сего года Положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, по коему окончившіе воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ отъ Правительсва и сослощныхъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, получающъ, по выданнымъ имъ при выпускѣ аттестатамъ, свидѣтельство на званіе домашней учительницы, не подвергаемъ испытанію.

— Господинъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по вснушившему къ нему вопросу отъ С. Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора о томъ, какой должны носить мундиръ здѣшній Градской Глава, Члены Градской Думы, Магистратовъ, Сиротскаго Суда и Секретари сихъ двухъ послѣднихъ мѣстъ, такъ какъ въ Высочайше утвержденномъ въ 27-й день Февраля сего года Положеніи о гражданскихъ мундирахъ, на счетъ помянутыхъ лицъ помненія не сдѣлано, входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ. Государь Императоръ, по Положенію о семь Комитета Гг. Министровъ, послѣдовавшему въ 14-й день ишекшаго Августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: должностямъ, замѣщаемымъ по выбору Купечества и Мѣщанства, присвоить разряды для ношенія мундировъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Градскимъ Главамъ въ столицахъ 6-й, въ губернскихъ и поршovýchъ городахъ 7-й, въ уездныхъ и за-

шпашныхъ городахъ 8-й; Засѣдателямъ оиъ Купечества въ Палатахъ Уголовной и Гражданской, въ Совѣсныхъ Судахъ и въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, Членамъ Градскихъ Думъ и Бургомистранъ: въ смолицахъ 7-й; въ губернскихъ и поршovýchъ городахъ 8-й, въ уѣздныхъ и зашпашныхъ городахъ 9-й; Раиманамъ: въ смолицахъ 8-й, въ губернскихъ и поршovýchъ городахъ 10-й; Городовыхъ Старосшамъ и Секретарямъ Магистратовъ и Сиротскихъ Судовъ: въ смолицахъ 10-й, въ губернскихъ и поршovýchъ городахъ 10-й, въ уѣздныхъ и зашпашныхъ городахъ 10-й. Какъ иъкошорыя лица, занимающія градскія должности, носятъ шаринное Русское одежаніе, но шакевыиъ дозволяется повсемѣстно, какъ въ смолицахъ, такъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, носить, вмѣсто мундировъ, кашаны, съ шипьемъ, соопшашенно разрядамъ, а вмѣсто шагъ сабли.

— Высочайшею Грамошою 9-го Сентября, Всенилосшашенно пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, Генераль-Лейшешанну, Генераль-Адьюшанну Панкратьеву.

— Высочайшими Грамошами Всенилосшашенно пожалованы Кавалерами ордена Блага Ора, Генераль-Лейшешанциъ Вильсонъ и ордена Св. Владимира 2-й ошешени, Главный Директоръ, Предсѣдательсшешующій въ Коммиссіи Финансовъ и Казначейсшеша Царсшеша Польскаго, Тайный Совѣшникъ Фурманъ.

— Его Императорское Величество, по засвѣдательсшешивованію Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, объ ошашчно-ревностной службѣ и шрудахъ Градоначальниковъ: Измашльскаго, Генераль-Лейшешаншта Тучкова, и Таганрогскаго, Дѣйсшешительнаго Спашнскаго Совѣшника Барона Франка, Высочайше повелѣшиъ сошзволилъ объявшиъ ииъ Монаршешее благоволеніе.

заемъ. 27 числа, вторая сдѣлѣ, измѣненная согласно съ мнѣніемъ чепырехъ Членовъ Коммиссiи, принята, а претѣя сѣлѣ, которою весь государственный долгъ раздѣлѣтся на активный и пассивный, отвергнута большинствомъ 58 голосовъ противъ 44. Для и всѣ слѣдующiя сѣлѣ переданы снова на разсмотрѣніе Коммиссiи.

Въ Мадридской Газетѣ отъ 23 Сентября напечатанъ декретъ, которымъ армія, состоящая подъ командою Родиль, раздѣлѣтся на два независимые одиѣ отъ другаго Корпуса. Первый, подъ командою Генераль-Лейтенанта Эспоза и Мины, будетъ дѣйствовать въ Наваррѣ; второй поручается на время Генераль-Маіору Осма и будетъ дѣйствовать въ Баскскихъ провинціяхъ. Маркизь Родиль будетъ по прежнему Генераль-Губернаторомъ Эспрамадурскимъ.

Въ Капалонѣ захваченъ ивкло Ромагозо, котораго Донъ Карлосъ назначилъ Генераль-Капитаномъ Капалонскимъ и у котораго найденъ миллионъ реаловъ золотомъ.

Донъ Карлосъ, какъ сказываютъ, углубился въ Наварру. Инсуррецины наводились; но послѣднимъ извѣстіямъ, близъ Эгичи и Валь д'Эрре, а Карлешская Юниа въ Лекароетъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Владѣтельный Герцогъ Саксен-Алтенбургскій скончался 29 Сентября послѣ 54 лѣтняго царствованiя; на протѣ вслушилъ Наслѣдный Принцъ Юскъ.

Рейсъ Эзекди объявилъ всѣмъ иностраннымъ Миссіонамъ, что Порша даровала Княжескивамъ Валлахскому и Молдавскому право имѣть свои собственные флаги.

4-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего замѣчательнаго. 5-го Октября.

IV.

М О Д Ы.

On porte des écharpes en organdi clair, tout uni, qui vont très bien avec les toilettes de la saison.

— Beaucoup de gants en filet noir, brun ou blanc, brodé à la main, sont arrêtés au-dessus du poignet par un noeud de ruban.

— Dans le corsage d'une robe décolletée on voit porter souvent un fichu en organdi clair, bordé d'une petite ruche de tulle. Ces fichus doivent être très-tendus sur la poitrine.

— La frénésie des cannes semble devenir incurable: on voit des pommes d'or ciselé ou niellé avec des accidens d'émail ou des incrustations de pierreries; quelques cannes sont surmontées d'une tête de porcelaine, garnie d'un long cordon de soie et or qui se termine par deux gros glands. Quelques personnes qui réunissent l'utile ou beau, font orner richement de solides rotins. Nous avons même vu un nerf de boeuf complètement desséché, dur comme du fer, monté en canne et dont la pomme vaut au moins 600 francs.

Носить эшарпы изъ рѣдкаго органди, совершенно гладкаго; они очень хороши съ нынѣшними нарядами.

— Перчатки изъ шиле чернаго, шёлнаго мѣина или бѣлаго, вышитыя, придерживающаея повыше кисти банпомъ изъ ленпы.

— Подъ корсажемъ плашья съ открышою грудью надѣвають часто косыночку изъ весьма рѣдкаго органди, обширную узкимъ рюштемъ изъ шюли. Эта косынка должна лежать плотно на груди.

— Страсль къ прорсточкамъ спавовишся неизлечимою: мы видѣли набадчачники золотые чеканенные или съ чернью, украшенныя эмалью или камнями; на нѣкоторыхъ прорсточкахъ дѣлаются фарфоровыя головки съ длиннымъ золотымъ и шелковымъ снуркомъ, оканчивающимся двумя большими оливками. Иные, соединяя пріятное съ полезнымъ, обдѣлываютъ богатымъ образомъ надежную палку. Мы видѣли даже бычачью жилу, совершенно высушенную, швердую какъ желѣзо и обдѣланную въ видѣ прорсти; набадчачникъ ея стоилъ по крайней мѣрѣ 600 фр.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 25-го Сентября.)

Онъ повпорила свой вопросъ, и принужденный отвѣчать что нибудь, я сказала, что для много имѣла слишкомъ много занятой въ продолженіе жизни, и припомъ не въ состояніи былъ женишься. Онъ, кажется, не понялъ меня, и хотѣлъ знать непременно, отъ чего я осталась холоспымъ. Я сказала, что бѣдность препятствовала мнѣ женишься.

— «Ага!» — вскричалъ онъ; теперь понимаю! — недосташокъ въ деньгахъ.... не было денегъ..... да, да!» — и началъ хохотать отъ души. Я, разувенся, также смѣялся, хотя не слишкомъ много видѣлъ шушь смѣшнаго.

Послѣдній вопросъ, сдѣланный мнѣ, относился до гавани и до силы командуемаго мною корабля. Попомъ онъ сказалъ съ увѣрительнымъ видомъ, какъ бы имѣя въ помъ какую нибудь власть: — «вы будете въ Англии черезъ двадцать пять дней,» — предвѣщаніе, которое, сказавъ мимоходомъ, къ несчастію не сбылось, ибо мы пробыли шестьдесятъ два дня въ морѣ и въ добавокъ чуть не умерли съ голода. Послѣ сихъ послѣднихъ словъ Наполеонъ немного помолчалъ, и давъ мнѣ легкій знакъ головою, и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, опшуспидъ меня.

Затѣмъ введены были два мои спущника, Клиффордъ и Гарвей. Наполеонъ сдѣлалъ имъ нѣсколько незначущихъ вопросовъ, и спустя нѣсколько минушь, опкланялся.

Меня чрезвычайно поразило несходство между Бонапарпомъ и порирепами или

бюстами его, виданными мною. Лице его было шире и плотнее, нежели во всѣхъ другихъ изображеніяхъ. Его шучиноснѣ, пошорую полагаая иногда чрезмѣрною, ничего не имѣла въ себѣ примѣчательнаго. Напрошивъ члены его казались швердыми и мускуловатыми. На щекахъ непримѣнно было ни малѣйшаго слѣда краски, и кожа покрыва была будпо пашнами. Ни одна морщина не хмурила чела его, и судя по наружности, онъ былъ здоровъ и швѣломъ и душою, хотя въ Англій думали вообще, что онъ шивился ошъ спеченія разныхъ болѣзней, особенно моральныхъ. Способъ объясненія его былъ болѣе медлительнѣ, чѣмъ шворъ и совершенно лень. Онъ дожидаль съ большимъ шерывлѣемъ моихъ опашновъ на свои вопросы, и въ продолженіе разговора, мы принуждены были одинъ только разъ прибѣгнушь къ помощи Г. Бернтрага. Нельзя умолчать такъ же о выразительномъ и иногда ослапительномъ блескѣ глазъ его. Они однако сіали не безпрерывнымъ блескомъ, но только тогда, когда онъ одушевлялся или сильное въ чемъ либо принималъ участіе. Ничего не можешь дать понятія о кротости и даже доброти, выразившейся на лицѣ его во все время моего при немъ присутствія. Если въ это время Наполеонъ былъ нездоровъ или въ дурномъ расположеніи духа, то онъ долженъ еще въ высшей степени, противъ того какъ вообще все думаютъ, обладать искусствомъ управлять самимъ собою.

На другой день мы подняли каруса, и при-

— Правительствующимъ Сенатомъ въ званіе потомственнаго Почетнаго Гражданскаго удостоены: С. Петербургскій первошашейный купецъ Логинъ Миллеръ; купцы 1-й гильдіи: С. Петербургскій, Вильгельмъ Блесигъ съ семействомъ; Московскіе, Сергій Zubовъ, Кирилъ Кукниъ; Нарвскіе, Іосій Бирчъ, Георгъ Геншъ, Петръ и Павелъ Пивоваровы; Рижскіе, Рейнгольдъ Реймерсъ, Христофъ Драхенгауеръ, Коммерціи Сопъшникъ Михаилъ Алифановъ; Казанскій, Хасанъ Апанавъ; Кяхлинскій, Мишрофанъ Курбашовъ; Калужскій, Иванъ Блибинъ; купцы 2-й гильдіи: Московскій, Леонасій Шеланупинъ; Архангельскій, Машвѣй Чернышевъ, Воронежскій, Алексій Капканщиковъ съ братьями Карпомъ и Аркадіемъ и племянниками Николаемъ и Леонидомъ; Коломенскій, Василій Левинъ; Бѣлевскіе, Амвросій Прохоровъ, Николай Собнинъ съ брашомъ Алексѣемъ; Рижскій, Христіанъ Эрихсонъ.

Ф р а н ц і я .

Весь дипломатическій корпусъ приглашенъ сопровождать Короля въ путешествіи его въ Фоншенебдо. Всѣ Министры также съ нимъ ѣдутъ.

Въ Монисеръ напечатанъ утвержденный Королемъ докладъ Министра Коммерціи о составленіи Комиссіи для приготоовленія Земледѣльческаго кодекса.

Графъ Мале отказался отъ званія четвертаго Вице-Президента Палаты Перовъ; говорятъ, что это мѣсто займетъ Графъ Симонъ.

Генералъ Себастіани отправился въ Неаполь.

Съ острова Мадеры отъ 30 Августа пишутъ, что Принцъ Жуанвильскій прибылъ сюда на фрегатѣ *Сиренъ*. Принцъ долженъ еще посетить Генериъ и Асорскіе острова до Фаяла и пошомъ возвратиться въ Францію.

Но Королевскому повелѣнію отъ 10 Сентября, въ Алжиръ составляется корпусъ пусенныхъ кавале-

рисовъ, подъ названіемъ *Регулярныхъ Снаговъ*. Онъ будетъ состоять изъ четырехъ эскадроновъ, подъ командою Подполковника.

А н г л и я.

Король пожаловалъ Лорду Миншо большой крестъ ордена Бани.

Друзья Лорда Грея въ Ньюкестлѣ и окрестныхъ мѣстахъ открыли подписку для сооруженія Грау-сташуи въ этомъ Графствѣ, въ которомъ онъ родился.

Извѣстно, что Лордъ В. Беншикъ отказался отъ званія Генералъ-Губернатора Восточной Индіи. Директоры Компаніи имѣли 28 Сентября тайное засѣданіе, въ которомъ Сиръ К. О. Мелкеалъ, нынѣшній Президентъ Агры, по однимъ извѣстіямъ, назначенъ исправляющимъ должность Генералъ-Губернатора, а по другимъ наименованъ прямо Генералъ-Губернаторомъ. Это назначеніе, какъ извѣстно, должно еще быть утверждено Контрольнымъ Бюро по Индійскимъ дѣламъ.

Флотскій Капитанъ Г. Прескоттъ наименованъ Терръ-Невскимъ Губернаторомъ.

Альдерманъ Г. Винчестеръ, ножевщикъ, избранъ почти единогласно въ Лондонскіе Лорды Меры.

Чугунная дорога между Лидсомъ и Сельби открыта; полезность ея еще увеличилась тѣмъ, что она доведена будетъ до Гулла; а если проектъ соединить желѣзною дорогою Лидсъ съ Манчестеромъ совершится, то съ восточнаго на западный берегъ Англіи можно будетъ ѣздить въ нѣсколько часовъ.

Въ Глазговѣ открылась холера.

Португальскія дѣла.

Утромъ 17 Сентября нарочный привезъ изъ Келюзскаго дворца извѣстіе, что болѣзнь Дона Педро

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 41.

I.

ЦВЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я МОГЪ БЫ ДАВНО ЖЕНИТЬСЯ, — НО....
ПОВѢСТЬ.

Мы весьма пріятно проводили время, лѣтъ за десять или двѣнадцать, въ домѣ одного уволеннаго ошъ службы Начальника Ошдѣленія; онъ имѣлъ семейство и хорошее состояніе; былъ гошпепріименъ и не шерпѣлъ карптъ, и ошъ того-то долгіе зимніе вечера мы обыкновенно у него проводили въ разговорахъ, рассказываніи повѣстей и пушешествій, наконецъ въ шупкахъ, кошторыхъ обильнымъ началомъ служилъ небольшой, веселенькій спаричекъ, всегда безпечный, всегда опрашнный, рѣдко жаловавшійся на нездоровье и всегда довольный собою и людьми.

Этому спарикѣ достался на землѣ весьма завидный жребій; въ 65 лѣтъ (навѣрное столько годовъ было можно счестъ сполна), онъ сберегъ юношескую шупливоспъ и, какъ мнѣ казалось, любилъ людей, какъ мы любимъ ихъ въ молод-

спи, п. е. ошь чистаго сердца; онъ былъ здоровъ и безпечень, какъ я сказала прежде, и пошому-то не зналъ одной изъ непріятнѣйшихъ принадлежностей спароспи; наконецъ, будучи спарымъ холостякомъ, онъ любилъ женщинъ, семейный бытъ и привлекалъ къ себѣ какими-то шайными способами дѣшей, всегда предпочитавшихъ его другимъ госпямъ, хотя послѣдніе часшо имѣли болѣе блеску въ своей одеждѣ, а блескъ въ одеждѣ много значить не только для дѣшей, но и для женщинъ!

Однажды мы засидѣлись долѣ обыкновеннаго въ домѣ нашего добраго Начальника Опдѣленія; мы шутили, смѣялись до слезъ; ибо жена хозяина, опкровенная, любезная женщина, вздумала допрашивать нашего спаричка, котораго назову Пешинымъ, о причинѣ, заспавившей его избратъ соспоаніе холостяка; соспоаніе печальное, и можешъ бытъ, долженствующее бытъ подвергнушымъ спрогому упреку нравспвенному. Пока только осмѣивали его соспоаніе, онъ по возможности опшучивался, опспрился; но когда одинъ изъ госпей замѣшилъ, что это соспоаніе можешъ свидѣтельспвовашъ о нечиспой нравспвенности челоувка, и что пошому въ Спарлѣ, по законамъ Ликурга, повелѣно было молодымъ людямъ не опдавать должной почести спарымъ холостякамъ, то нашъ Пешинъ, прошивъ обыкновенія своего нахмурился, сдѣлался важень и сказалъ довольно пвердо, что изумило насъ своею новостію: Господа! не всегда женинъба

есть сдѣдствіе собственнаго нашего произвола; иногда эгоистъ женился ранѣе, между тѣмъ какъ человѣкъ, въ груди котораго бьется теплое сердце къ собратіямъ, оспается на распушіяхъ жизни одинокимъ, одинокимъ на старость, дряхлоспъ; одинокимъ сходитъ въ могилу; — такой человѣкъ заслуживаетъ не упреки — но сожалѣніе.....

Все смолкло. Петинъ продолжалъ, обращаясь къ намъ. — Вы Гг. только вступаеете въ общество; вы стоите еще на порогѣ этого обширнаго маскарада и только-что раскланиваетесь съ лицами, въ немъ дѣйствующими. Будетъ время, вы вспомните меня, и въ душѣ оправдаете слова мои; но душевно желаю вамъ, послѣ всѣхъ неудачъ жизни, послѣ всѣхъ гоненій опъ общества, послѣ упраспъ сердечныхъ, послѣ неисполнившихся, разрушенныхъ людьми изъ злоспи, пламенныхъ желаній вашего добраго сердца — сберечь характеръ юношескихъ лѣтъ, юношеское сердце и любить людей и смолпрѣтъ на міръ сердцемъ и глазами старика Пепина.

Что же вы всѣ уже и нахмурились? Что же у всѣхъ васъ вдругъ сдѣлались такая длинная лица? — болѣзнь еще не пришла, а вы, кажется, уже чувствуете ея спраданія — и просите лекарспва? — но, съ позволенія вашего, это новая, великая глупость! Кто въ періодъ повальной болѣзни преждевременно прибѣгаетъ къ врачу и проситъ открыть ему кровь, шопъ убѣдительно приглашаетъ болѣзнь къ себѣ и она

входишь въ пѣло чрезъ отверстіе, сдѣланное ланцешомъ.

Но не худо знать заранѣе средства, исцѣляющія какой нибудь недугъ, или хотя свойство недуга, дабы судить, чего должно ожидать, подвергнувшись его вліянію. Право знать это должно; и для того наши почтенные хозяева позволяють мнѣ рассказать вамъ нѣчто изъ моей жизни, что меня можешь по прѣжнему навесми на веселое расположеніе духа, а вамъ докажешь, что не всегда старые ходосыаки должны бытъ осуждаемы.

Въ поминущу рколо Пепина соснавился кружекъ и онъ началъ обыкновеннымъ шупливымъ своимъ голосомъ:

Мнѣ было не болѣе 24-хъ лѣтъ, когда я, окончивъ курсъ въ Гешпингенскомъ Университетѣ, ибо отецъ мой ничего не щадилъ для моего воспитанія, возвратился для свиданія съ родителями въ Москву, на самое короткое время, и попомъ желалъ уѣхать въ Пепербургъ на службу.

Желаніе мое, скорѣе ошыскать хорошее мѣсто въ Пепербургѣ, раздѣлялъ и добрый отецъ мой, но онъ имѣлъ съ машушкою и другое — продолжишь мое пребываніе въ Москвѣ; ибо оба, будучи болѣзненны и дряхлы, не надѣялись на долготѣіе, и хотѣли по крайней мѣрѣ въ послѣдній разъ въ здѣшней жизни наглядѣвшись на сына, котораго, не дѣлая имъ никакой непріятелиости дославлялъ удовольствіе успѣхами въ наукахъ и

неукоризненнымъ поведеніемъ. Любовныя шалости, споль сродныя 24-хъ лѣтнему возрасту, отецъ мой, какъ человекъ благоразумный, извѣялъ.....

Но прожить въ Москвѣ два, три мѣсяца и не влюбиться, было не возможно въ то время; теперь уже не то; мнѣ рассказывали, что многіе Петербургскіе молодцы, проживъ шашъ больше полугодя, возвращались холосными, а нѣкоторые въ Москвѣ теряли спрасъ къ женищбѣ; но въ мое время, было со всѣмъ другое, и пошому-то я влюбился смертельно въ 18-ти лѣтнюю дѣвушку, дочь одного Смоленскаго Помѣщика.

Правда она была бѣдна, но за то какъ роскошно и хорошо были ея глаза, алый рожикъ, цвѣщущія щеки, шелкъ волосъ, алебастръ груди; — вся она — повпоря за настоящими повшами — была идеаломъ моихъ ночныхъ грезъ!.. Каково?

Прошли еще двѣ недѣли — я вездѣ танцовалъ съ нею, разговаривалъ съ нею, и наконецъ мнѣ удалось сказать ей: я люблю, обожаю васъ; Любовь Федоровна; не для чего говоришь, что я уже гораздо прежде зналъ красавицъ въ танцахъ руку и мнѣ обывчали нѣтъ же; теперь же на пламенное мое признаніе вылетѣла въ вальсъ шже божественное люблю — и я чувшь, чувшь не расцѣловалъ дѣвушку при всѣхъ; — но безразсудное стремленіе мое остановилъ суровой видъ башюшки, которій во время танца

сполая за нами и вѣрно слышала мое признаніе.

Отецъ мой немедленно увезъ меня съ бала и возвратясь домой, сказалъ мнѣ, что онъ все слышала, что онъ одобрилъ бы намѣреніе мое женишься, если бы не зналъ обспояшельствѣ опща моей возлюбленной, самую дѣвушку и наконецъ соснояніе мое. Туть онъ повѣрилъ мнѣ, что небольшой оспапокъ своего имѣнія, значительно уменьшенный издержками, употребленными на мое воспитаніе, считаешь справедливымъ опдашь въ приданое за моею сеспрою, кошорая уже имѣешь жениха въ одномъ достойномъ армейскомъ Штабъ-офицерѣ, и требовалъ отъ меня опвѣща, согласенъ ли я съ его предположеніемъ.

Я опвѣчала ему, что данное мнѣ воспитаніе доставитъ мнѣ и мѣсто и выгодное содержаніе; что мужчина можешь существовать своими шрудами; и что и безъ предложенія его я имѣла намѣреніе сдѣлать по же. Спарикъ обнялъ и поцѣловалъ меня.

— Но, мой другъ, съ какою же цѣлью ты волочился за молодою Смоленкою? — Съ намѣреніемъ женишься? Она ничего не имѣешь, и сверхъ того легкомысленна — я тебѣ докажу эшо.....

Чрезъ нѣсколько дней, въ кошорые меня не оставляли на свободѣ, отецъ мой предложилъ мнѣ ѣхать на вечеръ къ одному изъ спарыхъ своихъ пріятелей; онъ говорилъ, что шамъ званный вечеръ и будущъ шанцы. Я охотно поѣхала.—

Мы прїѣхали позднѣе другихъ; уже давно гремѣла музыка, и шанцы были, какъ говоримся, во всемъ развалѣ; башюшка мой шелъ впереди и пробивался между толпою гостей; я слѣдовалъ за нимъ; — вдругъ онъ останоуился и, какъ мнѣ казалось, за невозможностию пробраться въ пѣсношѣ въ гостиную, гдѣ находились хозяева; я останоуился за шанцующими и прямо за парюу, сосшавленною изъ молодого Кавалергарда и моей небесной красавицы. — У меня почти захватывалось дыханіе — ошъ радости, ошъ сильного чувствования счастья находимся шакъ близко къ ней; — я обратился весь въ вниманіе, былъ весь слухъ. — Опець мой ни съ мѣсна и смошришь въ другую спорому, даже завелъ разговоръ; — пущь разговариваетъ — я счастливъ! Проходишь мгновение, два — я слышу, Кавалергардъ любезничаетъ съ своею дамою — наконецъ шопощь, — вдругъ полугромкая кляшва Кавалергарда, на которую ошвѣчаютъ ошою жеманною, выученною, одобришельною улыбкою я убишь, унишожень, — но чувство собшвеннаго достоинства даетъ мнѣ новыя силы, негодование замѣняетъ чувство привязанности и случаѣ ошкрываетъ меня шанцующей паръ; — она примѣчаетъ меня я доволенъ!

Прїѣжаемъ домой, я уже не влюбленъ. — Объявляю башюшкѣ, что мнѣ пора ѣхать въ Пешербургъ, меня не удержиываютъ, и я уѣзжаю

Правда, дѣвушка была хороша, но позво-
лять жать руки каждому кнѣ возмѣять на се-
бя прудъ говоришь ей любовныя сладости;
опивчашь въспрѣчному и поперечному на при-
знаніе: я люблю васъ — какими же: я люб-
лю! право, не хорошо — и такая дѣвушка,
будь она первая красавица въ мірѣ, будешь пос-
лѣднею по достоинству женою, а жашерью —
будешь ли еще? — Гг.! вы видите шеперь, что
я на красавицъ могъ бы уже давно женишься,
— но

Начались шулки, и имъ не было бы конца,
но Пешинъ продолжалъ: рассказъ мой только въ
началѣ, послушайте далѣе:

Вопъ я пріѣхалъ въ Пешербургъ, съ реко-
мендательными письмами еще старушекъ и
стариковъ Московскихъ. Рекомендательныя пись-
ма, можетъ быть, ни сколько бы мнѣ не помог-
ли, когда бы я не имѣлъ досташочныхъ свѣдѣній.
Вельможа, къ которому я былъ адресованъ,
узнавъ, что я воспитывался въ Германскомъ
Университетѣ, желалъ знать твердо ли я знаю
Нѣмецкій языкъ и приказалъ мнѣ для оныша при-
готовить нѣсколько писемъ на этомъ языкѣ; я
исполнилъ его желаніе и онъ объявилъ мнѣ, что
охотно принимаетъ меня въ должностъ своего
Секретаря по перепискѣ съ Германскими Мини-
страми; жалованье, мнѣ назначенное, превышало
мои ожиданія, мѣсто также — и я съ первою
почтою постынилъ обрадовать домашнихъ не-
вѣсшіемъ о блестящихъ успѣхахъ моихъ

Вскорѣ мои родители получили еще извѣстiя о новыхъ моихъ успѣхахъ по службѣ; въ короткое время я былъ произведенъ въ Переводчики и получила многостранный крестникъ, тогда еще рѣдкоешъ на Руси, — но непрерывные успѣхи ведутъ весьма часно къ несчастiю; — я, имѣя возможность занявъ мѣсто Директора Канцелярiи вельможи, потерялъ и званiе Секретаря его по слѣдующему спрранному случаю:

Съ каждымъ днемъ, каждымъ мѣсяцемъ Его Сiяшество привыкалъ ко мнѣ болѣе и болѣе; уже я занимался не только перепискою по службѣ, но часно дѣлами его собственными, считалъ его повѣренныхъ, повѣрялъ управителей — находилъ вездѣ плутины и мошенничество — и былъ болѣе и болѣе имъ ласкаемъ.

Но чѣмъ старѣе мы станемъ, тѣмъ болѣе любимъ кругъ семейный, тѣмъ болѣе чувствуемъ необходимость семейной жизни; пусть женишба зло, какъ говорятъ нѣкоторые, но зло необходимое, подобное кровопусканiю Это чувство было причиною частыхъ моихъ посвщенiй одного семейства, гдѣ хотя не было невѣстъ, но гдѣ жила двѣи, добродушiе хозяевъ — дѣлали меня почти принадлежащимъ къ ихъ дому; дѣшамъ я носилъ игрушки и лакомства, и они меня любили; снарикавъ многостранныя газетны — и они меня ждали непертьливо, встрѣчали всегда съ удовольствiемъ....

— Скажите, чшб вы не женишесь, любезный

Павель Пешровичъ, спросила меня однажды съ лукавымъ видомъ хозяйка дома.

Всегдашнія занятія по службѣ, отвѣчалъ я, оспаиваютъ мнѣ мало свободнаго времени для новыхъ знакомствъ; въ шѣхъ же домахъ гдѣ я шеперь бываю, нѣтъ невѣсть; — къ шому же я сущесствую только службою, и мое состояніе не таково, чшобы, женясь на дѣвушкѣ небогатой, я могъ бы содержать семейство прилично

— Но вы имѣете надежду на повышение; Князь васъ шакъ любитъ; къ шому же иногда можно болѣе выиграть, женясь на дѣвушкѣ изъ хорошаго семейства, въ связяхъ, чѣмъ на богатой.

Да, вы разумѣете, что чрезъ родныхъ жены можно иногда достигать до чиновъ и сопряженнаго съ ними большаго содержанія, но сколько шупъ невыгодъ! Толки, насмѣшки поспоронныхъ, да и самое покровительствво знашныхъ родныхъ, за которое платишь слѣдуетъ умженіемъ, а иногда шакими дѣйствіями по службѣ, которыхъ самъ по совѣсти не оправдываетъ — не веселишь.....

— О! какой вы спрогій моралистъ, сказала хозяйка дома, и попомъ нѣсколько помолчавъ, продолжала, что она недавно сдѣлала весьма хорошее знакомство съ однимъ любезнымъ семействомъ, состоящимъ въ свойствѣ съ Княземъ, моимъ Начальникомъ, и что это семей-

сыво будешь у нея въ Ченвергъ; — она просила меня посѣтить ее въ ночь же день.

Я далъ слово, въ назначенный день сдержалъ его и нашелъ уже шамъ госпней. Отець и мать были не въ молодыхъ лѣтахъ, но замѣтно было, что они имѣють большія препензии; они нѣсколько разъ вмѣшивали въ разговоръ Князя и твердили о немъ, какъ о ближнемъ родспвенникѣ. Мой cousin, говорила дама, мой cousin говорилъ ея мужъ — и эпошь двоюродный брашь былъ мой Начальникъ, Князь, въ домъ копорого я никогда не вспрѣчалъ ихъ, хотя всегда обѣдалъ у Князя въ дни большихъ сподовъ; можеть бышь, они бывали у Князя запросто, когда я не былъ приглашаемъ Бышь можеть! Дочь ихъ, 20-ши лѣтняя дѣвушка, кажеться, была ни дурна, ни хороша, а, шакъ, счастливая посредешвенность! Природа, произведя ее не красавицей, вѣроятно въ замѣнь дала добрый нравъ и хорошее сердце; но родилели ея, кажеться, спарались порнишь и шо и другое....

Однако жъ я съ ними познакомился и иногда бывалъ у нихъ; спарики меня нерѣдко оспавляли за спуломъ дочери, копорая довольно хорошо играла на арфѣ и пѣла довольно сносно.... Дочь дѣлала мнѣ шомные глазки и часшо, очень часшо чего-шо ждала ошъ меня. — Наконецъ часшны мои посѣщенія произвели во мнѣ привычку бывать въ ихъ общеспвѣ. /

Я уже думалъ сдѣлать предложеніе дѣвущкѣ, кошорая, какъ я прежде сказалъ, хотя не

была красавицею, но была довольно доброю девушкою; а мнѣ недосугъ было искать совершенной. Къ недоспашкамъ родилелей ея я привыкала, какъ мы привыкаемъ по немногу ко всему дурному; но вдругъ къ нимъ прѣехала съ мужемъ своимъ спаршая дочь. — Это прощенье спвіе было причиною, что я перемѣнила мое намѣреніе.

Мужъ спаршей дочери, который, какъ я узналъ въ ихъ же семействѣ, получалъ выгодное мѣсто по назначенію Князя, мѣсто, доставлявшее ему не только безбѣдное содержаніе съ семействомъ въ настоящее время, но обезпечивавшее его и на будущее, — былъ жалкій мужъ; онъ не смѣлъ имѣть мнѣнія своего не только въ частной своей жизни, но и въ дѣлахъ служебныхъ, — онъ былъ въ полномъ смыслѣ подъ роковою властью своей жены, подъ тяжкимъ гнетомъ ея родственниковъ, числомъ безконечныхъ, средствами къ жизни бѣдныхъ. Представляете себѣ, даже при мнѣ говаривали ему родные, что безъ ихъ содѣйствія онъ не имѣлъ бы куска насущнаго хлѣба; но же говорила жена при малѣйшемъ прошиворѣчїи, болѣе — при легкой оптинкѣ неудовольствія на лицѣ, кивольно выказывавшейся при видѣ моповсява жены или непрерывно ея пренебрегаемой обязанности маперя... Видный мужъ женщиной изъ хорошей фамиліи! — Я душевно сожалѣлъ о немъ, но не могъ иначе ему помочь, какъ жаться на другой сестрѣ, и сладовашелько радѣть о его горѣ, но

для того надлежало имѣть рѣшимость, которой я не имѣлъ, и пошому я спалъ рѣже и рѣже по-сѣщашъ родспвенный домъ моего Князя.....

Но меня не оставляли, меня преслѣдовали; преслѣдовали и спрадальца, мужа спаршей дочери, говоря, что онъ имѣлъ со мною шайные разговоры, что онъ мнѣ опсовѣповалъ вспупишь въ бракъ, споль для меня выгодный, изъ зависпи, изъ желанія одному пользоваться выгодами шайкой женишьбы.... Право, бѣдный мужъ женщины изъ хорошей фамиліи!..

Князь сдѣлался ко мнѣ менѣе благосклоннымъ; онъ уже не шушилъ со мною болѣе, не ласкалъ меня, даже не занималъ своими дѣлами. Я угадывалъ причину его неудовольствія, но молчалъ; ибо думалъ, что я ему нуженъ и что по привычкѣ, онъ не разстанется со мною.....

Я уже нѣсколько недѣль не былъ у прежняго моего знакомаго и завернулъ къ нему однажды, чтобы напомнишь о себѣ и поглядѣшь на его миленькихъ дѣшей..... Ласковая хозяйка встрѣпила меня словами: какъ кспашп! а я хотѣла послашь за вами, любезный Павелъ Пешровичъ, Мнѣ передано опноспительно васъ важное порученіе, опгадайте, опъ кого?

Опъ

—Не опгадали, опъ вашего Князя.

Я изумился.

—Ну, подите сюда и оставьте дѣшей, сказала хозяйка дома, и насильно повела меня въ гостиную, гдѣ, усадивъ въ кресла, говорила:

— Полно вамъ дурачиться, мой старшій пріятель! — Если бы я не брала участія въ васъ, шо махнула бы рукою и не взяла бы на себя труда орашорствовать предъ вами; но дѣло идеть о вашемъ счастьи, а оно для меня не чужое; — слушайте: Князь знаетъ, что вы знакомы въ домѣ его родственника, и что не совсѣмъ была равнодушны къ Нашашѣ; онъ поручилъ мнѣ сказать, что Директоръ Канцеляріи Его Сіяшельства получаетъ новое назначеніе, и что онъ желаетъ, дабы вы заняли его мѣсто; для васъ оклады Директора будутъ увеличены, но съ уговоромъ жениться на Нашашѣ: Князь такъ много любитъ своихъ родныхъ, а особенно Нашашу. Къ тому же вы получите, въ видѣ награжденія за службу, нѣсколько тысячъ рублей на свадьбу. — Ну, надумайтесь, мой любезный Павелъ Пешровичъ! — вы человекъ разсудшельный, умный.

Нышъ, опвѣчалъ я чрезъ полминуты — нышъ, я ни за что не могу согласиться войти въ шакое семейство. Богъ съ ними и со всеми ихъ блестящими предложеніями! Впрочемъ, я знаю Князя, знаю, какъ я ему необходимъ, онъ доспавишъ мнѣ, ибо давно оцѣнилъ мои способности и заслуги, мѣсто Директора своей Канцеляріи, безъ условій, шоль для меня шягоспныхъ

— Какъ? что? — вы опказываетесь опъ предложенія, шоль дешнаго и выгоднаго? —

Да въ умѣ ли вы, мой любезный? Ужъ не влюблены ли въ другую?

Нѣтъ, ни въ кого. — Тогда я рассказала ей все, чему была свидѣтель въ помѣ домѣ, описала состояніе горькаго спрадальца, имѣющаго по женѣ завидное счастье: быть въ свойствѣ съ Ею Сіяшельствомъ, и просила мою добрую пріятельницу предложить мнѣ откровенный совѣтъ въ настоящихъ, затруднительныхъ моихъ обстоятельствахъ.

— О! если дѣло въ такомъ состояніи, то я совѣтую вамъ то же, на что вы уже рѣшились, сказала она вздохнувъ, но я предвижу, что повредите успѣхамъ своимъ по службѣ . . . Впрочемъ, лучше испорчишь служебный пушъ свой, чѣмъ оправишь всю жизнь несчастнымъ супружествомъ.

Однако я надѣюсь на Князя — прошепталъ я, и кажется, не довѣрялъ самъ своимъ словамъ.

— Не надѣйся на Князя и сыны человѣческіе — сказала она — вамъ не видашь мѣста Директора Канцеляріи, вы и свое поперяете.

Такъ и случилось! я на претій день послѣ моего разговора съ нею, шелъ по Морской на Липейскую, къ ней же, моей доброй, старой пріятельницѣ, чтобы пошолковать съ ея мужемъ о томъ, куда бы лучше было обратиться съ просьбою о мѣстѣ

Вонъ видите ли, Гг., продолжалъ Пепинъ, открывая свою золошную шабакерку, — дѣвушка

была и изъ хорошей фамилии, и я давно бы уже
могъ женишься но

(Окончаніе впереди.)

II

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ.

ОБЪ ИСТОРИИ ВООБЩЕ, ПРЕДМЕТЪ, ЦѢЛИ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ ОНОЙ.

Что есть Исторія? Исторія вообще есть знаніе прошедшаго, знаніе того, что случилось, что происходило даже до насильсваго времени. Опъ Географіи она отличается тѣмъ, что первая описываетъ только существующее, настоящее, дѣйствительное, такъ что, взявши объ сѣи Науки въ смыслъ ошвѣченный, можно нѣкоторымъ образомъ Исторію отнести ко времени бытія, Географію же къ пространству онаго. Пространство и время одно безъ другаго существовать не могутъ; ибо какъ первое служитъ главнымъ основаніемъ всего того, что ни происходитъ во времени, такъ и сіе послѣднее есть необходимый проводникъ и, такъ сказать, хранитель всехъ явленій, заключающихся въ пространствѣ. Посему-то жизнь всего существующаго по необходимости обнаруживается пространствомъ и временемъ. Это же самое досконально объявлено и то, почему Географія соединена неразрывною связію съ Исторією, и

почему въ изложеніи происшествій болѣе или менѣе излагается и самое настоящее, дѣйствительное извѣстнаго времени. Впрочемъ, сіе послѣднее можно ошдѣлить отъ перваго, и тогда уже составится собственно Географія прежняго времени, напр. Географія V, VI, VII, столѣтія и. п. д. (*). Въ семь случаевъ прошедшее представляется какъ бы настоящимъ того вѣка, въ которомъ оно существовало. Съ другой стороны иногда Исторія вступаетъ въ предѣлы самой Географіи, напр., при описаніи современныхъ происшествій. Въ спрогомъ смыслѣ сіе описаніе относится единственно къ тому, что уже произошло; но сіе прошедшее какъ бы уничтожаетъ настоящее и засмущаетъ, по видимому, мѣсто онаго. Такимъ образомъ, что бы совершенно уже отличить Исторію отъ Географіи, можно присоединить, что послѣдняя представляется намъ нѣчто постоянное, въ одинаковомъ видѣ продолжающееся, а первая излагаетъ то, что непрерывно измѣняется и принимаетъ, смотря по дѣйствію обстоятельствъ, различные виды. — Но довольно; обратимся теперь собственно къ Исторіи.

Исторія вообще обнимаетъ въ своей сферѣ все то, что ни относится къ области міровъ или физическаго или нравственнаго, смотря по тому какія она описываетъ происшества, пѣ-

(*) Я не говорю здѣсь о Статистикѣ, потому что она нѣкоторымъ образомъ противопологается Политической Исторіи, о которой скажемъ ниже.

ли, которыя показывающъ явленія жизни физическаго міра, или тѣ, которыя принадлежатъ исключительно къ жизни міра нравственнаго.

Впрочемъ, какъ та, такъ и другая жизнь суть не что иное, какъ жизнь одного и того же Земнаго Шара. По сей причинѣ многія физическія явленія имѣють споль явное и рѣшительное вліяніе на нравственный міръ, что иногда не возможно бываетъ не упомянуть объ оныхъ, при описаніи происшествій сего послѣдняго; — къ таковымъ явленіямъ, напр., принадлежатъ землетрясенія. Конечно, теперь еще не раскрыта во всей ясности сія необходимая взаимность и относимость той и другой жизни; но со временемъ сія тайна, если можно такъ сказать, организма нашего Земнаго Шара, безъ сомнѣнія, разрѣшится великими умами, и тогда уже объ Исторіи должны будутъ сами по себѣ слиться въ одну общую Исторію нашего міра. — Какъ бы то ни было, только вообще Исторію можно разсмапривать съ различныхъ почекъ; и посему можно раздѣлить ее на Исторію: собственно Всеобщую, и въ частности на Исторію Политическую, Дипломатическую и Философскую. Политическая Исторія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе, изъясненіе явленій, происходящихъ въ политическихъ обществвахъ; следовательно она должна занимать-ся изслѣдованіемъ дѣйствій, причинъ и слѣствій всѣхъ видоизмѣненій политическихъ организмовъ. Нельзя изобразить, сколь великую

можно было бы почерпнуть пользу, если бы Исторія представила, съ надлежащею опчепливостію, какимъ образомъ Государства въ древнія, такъ и въ новыя времена возраспали, мужались и упадали, опъ чего они безпрерывно испытывали то шъ, то другія перемъны, какія сословія и въ какое время пользовались своими исключительными привиллегіями, правами, было ли при семъ наблюдаемо между сословіями соотвѣшствіе, необходимое для обезпеченнаго успроисшва Государствъ; религія, просвѣщеніе равно занимающъ въ семъ систематическомъ обзорѣ политическаго организма весьма важное мѣсто; налоги и вообще физическая жизнь Государствъ, шъсно соединенная съ нравственною оныхъ жизнью, такъ же пребуютъ особеннаго вниманія, строгой опчепливости. Словомъ: Политическая Исторія должна слѣдить весь ходъ и каждое движеніе жизни всѣхъ, когда либо бывшихъ политическихъ обществъ. Послѣ Исторіи Политической слѣдуетъ Исторія Дипломатическая. Сія Исторія разсматриваетъ уже происшествія въ высшемъ и болѣе обширномъ обозначеніи оныхъ. Такъ — сфера ея обнимаетъ всѣ Государства, какъ бы части одного и того же организма, и только подъ сими отношеніемъ изслѣдываетъ ихъ взаимныя, болѣе или менѣе сосредоточенныя дѣйствія. Не должно думать, что сюда принадлежитъ изложеніе однихъ только пракшашовъ, заключавшихся между разными Государствами. Напротивъ, это составляетъ

одну только отрасль, хотя и весьма важную Дипломатической Истории; въ общую же сферу оной входить разматриваніе всего того, что ни учреждалось во взаимныхъ соотношеніяхъ, связяхъ между Государствами, какъ они между собою то, по видимому, расходились, то опять сближались, — и какъ, не смотря на всё, даже сильныя переломы, перевороты народныя, мало по малу между ними проводилась тончайшая нить, по коей обнаруживалось дѣйствіе всеобщаго организма Государствъ или всеобщей жизни человѣчества, поспешенно болѣе и болѣе раскрывающейсѣ. Слѣдственно къ Дипломатической Истории принадлежатъ, кромѣ повсемѣстнаго усвоиванія правъ абсолютныхъ, неизмѣняемыхъ, вѣчныхъ, также обыкновенія, учреждавшіяся между народами, переговоры, пракшасы, словомъ: все, что ни составляетъ предметъ Дипломатіи — (или вообще условнаго народнаго права), Науки въ полномъ, систематическомъ ея значеніи.

Наконецъ Философская Исторія обращаетъ наше наблюдательное вниманіе на весь организмъ Земнаго Шара, не упуская въ то же время изъ вида по крайней мѣрѣ дослопримѣчательныхъ явленій и прочихъ небесныхъ силъ, съ которыми оная, по неизмѣняемымъ законамъ природы, находится въ необходимой силъной связи. Слѣдственно въ сей Истории Земной Шаръ самъ по себѣ разматривается подъ видомъ единства; физическая и нравственная жизнь онаго въ ея

сферъ нераздѣльны и соспавляютъ жизнь одного цѣлаго. Здѣсь мы сможемъ на человѣка въ шакомъ же непосредственномъ отношеніи ко всему Земному Шару, въ какомъ сей послѣдній находится къ нему самому; такимъ образомъ Философская Исторія разрѣшаетъ, объясняетъ и сокровенныя причины, дѣйствія внутренней жизни самаго человѣчества. Зная основательно сію Исторію, мы можемъ смѣло и безбоязненно обсуживать настоящее и съ нѣкоторою самоувѣришельностію проникаемъ въ послѣдственныя событія будущаго. Это соспавляетъ верхъ всѣхъ нашихъ историческихъ познаній. — Чпо же касается собственно до всеобщей Исторіи, то она уже представляеть всѣ сіи предметы, нами исчисленные, принадлежащіе каждой отрасли Исторіи, нераздѣльно, безъ всякаго исключительнаго, особеннаго направленія оныхъ; общая цѣль ея есть — посредствомъ событій, изучать чловѣка и народы.

Изъ всего сего, чпо я сказала, довольно ясно видно, почему не всѣ Исторіи испытывали одинаковое въ одно и то же время раскрытіе. Когда чловѣчскій родъ находился еще въ младенчествѣ, когда онъ едва достигалъ цѣль, назначеніе своего бытія, и слѣдственно, когда еще не могъ цѣнить важности познанія прежнихъ событій; тогда Исторія въ спрогомъ смыслѣ (*) не существовала. Уже въ послѣд-

(*) Я говорю, въ спрогомъ смыслѣ; ибо вообще Ис-

ствіи являлись многіе великіе умы, которые постоянно начали обращать свое вниманіе на то, что ни совершалось современно и прежде ихъ вѣка, и, пробиваясь сквозь мракъ прошедшихъ столѣтій, извлекали Исторію изъ хаоса безчисленныхъ разнообразныхъ событій. — По сему могла ли еще тогда Исторія послѣдовать какому либо своему исключительному направленію? — Такъ утверждалась съ своимъ основаніемъ Всеобщая Исторія. — Но сколько еще потребно было вѣковъ для того, чтобы можно было хотя главныя происшествія собрать въ одно цѣлое и припомъ такъ, чтобы совершенно ложныя, нелѣпыя происшествія опдѣлать, оплечить отъ событій вѣрныхъ, несомнѣнныхъ! Такимъ образомъ, до сего времени критическаго разысканія, главное достоинство Историка болѣе состояло въ томъ, чтобы со всѣмъ блистательнымъ краснорѣчіемъ описать самыя достопамятныя и въ особенности современныя происшествія, и выставить дѣйствовавшія въ оныхъ лица самыя разительными очерками. Сими-то перомъ безсмертія Тацитъ вписалъ имя свое въ Исторію Историковъ, какъ имя знаменитѣйшаго изъ древнихъ Писателей. Онъ сильно и убѣдительно показалъ, какъ должно проникать въ тончайшіе изгибы чловѣческаго

сторія начало свое ведетъ отъ первыхъ временъ по подъ видомъ изустныхъ преданій, по подъ видомъ памятникоевъ и проч.

сердца, и соглядать, такъ сказать, тайныя думы великихъ душъ. Въ такомъ видѣ перешагнула Исторія изъ древняго міра въ новый міръ Европы! — Долго однако, слишкомъ долго она еще младенчествовала въ сей послѣдней. — Казалось, что она какъ бы отдыхала для того, чтобы потомъ, при руководствѣ, напушествованіи древнихъ знаменитыхъ Историковъ, усвоивъ все, что ни отличало ихъ, получить высшееобразное общему просвѣщенію въковъ, направленіе. Не возможно представить, сколь важно, сколь поучительно относительное сравненіе временъ древнихъ и временъ, такъ называемыхъ, среднихъ! — При первомъ взглядѣ кажется, что между оными не было ни какого взаимнаго соотношенія, ни какого посредства; они представляюща наши глаза какъ бы двумя разорванными ужасными горами, совершенно между собою въ цѣпи событій отдѣлявшимися; но думаешь такимъ образомъ, значило бы подвергнуть себя величайшей ошибкѣ во всеобщемъ взглядѣ на Историю. Какъ бы то ни было, только уже въ новыя времена собственно Исторія получила свое высокое достоинство; поспешенно въ разныхъ швореніяхъ геніевъ проявлялись особенными очерканіями то Исторія Политическая, то Исторія Дипломатическая, то Философская Исторія. Но какъ еще сіи Истории далеки отъ совершенства! Еще предстоятъ для необщественныхъ усилій великихъ умовъ многіе вѣки, пока они достигнутъ конечной почки свое-

го определеннаго раскрытія! Мы видимъ, что Полипическая Экономія, особенно Полипика, Науки важнѣйшія, Науки, изслѣдывающія законы жизни полипическихъ обществъ, едва развернулись въ своей области; едва обозначены ими вполне существенные, общіе и частные предметы! Надобно прежде было видѣть на самомъ опытѣ организмъ полипическій дѣйствующимъ во всѣхъ направленіяхъ, чтобы потомъ можно было разложить оный на составныя его части и разсмотрѣть въ сихъ послѣднихъ совершавшіеся процессы полипической жизни. Посему могли ли сіи Науки появиться слишкомъ рано? Могли ли умы объять оныя въ ихъ надлежащей обширности? И если пакъ, то какъ могла и самая Полипическая Исторія образоваться заранѣе? Какъ могли Писатели - Историки провести оную по всѣмъ тончайшимъ ея нитямъ разныхъ степеней? — Теперь — Дипломатія есть Наука гораздо высшая и болѣе шрудная, нежели Науки — Полипика и Полипическая Экономія. Извѣстно, въ какомъ слабомъ состояніи раскрытія она находится въ самый нашъ вѣкъ! Какъ недоспашочно, неопредѣлительно, почти безъ всякаго систематическаго соображенія, изложены главнѣйшіе, основные ея предметы! а потому можетъ ли теперь существовать, говоря строго, Исторія Дипломатическая? Если же Флассанъ и назвалъ свою Исторію Исторією Французской Дипломатіи, то это онъ разумѣлъ въ частномъ смыслѣ, ибо, по нашему мнѣнію, Дипломатическая Исторія долж-

на непременно обнимашь въ своей сферѣ движеніе, жизнь всѣхъ Государствъ, Исторія же Флассана содержитъ въ себѣ болѣе Исторію пракшашовъ, копорые заключала Франція съ другими Европейскими Государствами, и общій взглядъ на Полишкку Французскаго Двора; гдѣ же изложеніе другихъ важнѣйшихъ предметовъ Дипломатціи? — Въ Дипломатической Исторіи народы должны бышь выпавлены дѣйствующими: лицомъ къ лицу; кабинеты Дворовъ суть только ихъ проводники. Конечно сія истина еще мало раскрыта, по причинѣ слабаго обозначенія ея въ народной жизни; но послѣдующія столѣтія, безъ сомнѣнія, поднимуть завѣсу, скрывающую въ насшашее время величіе и силу вліянія оной на судьбу народовъ. — Наконецъ, что мы можемъ сказашь о Философской Исторіи, Исторіи, составляющей центръ всѣхъ исключительныхъ Исторій? — Думаешеш ли, что пворенія даже шакихъ знаменитыхъ мыслишелей, каковы суть Гердери, Шпушцманъ и другіе, изложили намъ оную во всемъ ея совершенствѣ? Думаешеш ли, что въ оныхъ послпгнута вся шайна движений жизни Земиаго Шара, изслѣдованы сей послѣдней всѣ изгибы, переломы, преобращенія (*)? Въ конеч-

(*) Нельзя однако не чувспвовашь глубочайшаго уваженія и признательности къ симъ отличншмъ мужамъ. Сколько высшихъ истинъ открыто ими! Какіе необыкновенные порывы ума, какое чрезвычайное усиліе ко всеобщности понятій рѣзко обозначены въ

номъ смыслѣ, сія Исторія только тогда можетъ достигнуть истиннаго своего назначенія, раскрытія, когда самый Земной Шаръ раскроется весь въ своихъ физическихъ и нравственныхъ силахъ, когда всѣ процессы его жизни, безъ сомнѣнія, определяемой жизнью всѣхъ міровъ, созрѣютъ, усвоятъ возмужалость; тогда все можетъ быть усмотрѣно простымъ взглядомъ, ибо все обозначится ясными, опланическими чертами; но время сіе еще слишкомъ отдаленно, и мы вопице требовали бы ошъ великихъ умовъ ускоренія того, что находишься внѣ усидій челоуѣка; мы пока должны довольствоваться одними высокими идеями, пролагающими поспешенно для каждаго вѣка новые стѣды къ достиженію сего послѣдняго нашего назначенія! Какая величественная картина — созерцать, какъ все въ семъ мірѣ образуется, раскрывается, совершенствуется, и какъ природа непрерывно проявляетъ на сцену дѣятельности народовъ—мужей съ необыкновеннымъ гениемъ для наблюденія ея законовъ! — Глазамъ обыкновенныхъ людей все кажется погруженнымъ въ хаосъ и что вездѣ царствуетъ одинъ безпорядокъ, всѣмъ управляетъ одинъ слѣпой случай; они не замѣчаютъ той сокровенной, движущей міръ пружины, которая, не смотря на безчисленные свои изгибы въ слѣдствіе условной жизни разумно-свободныхъ существъ, всегда остается сама въ себѣ непоколебимою, неприкосновенною твореніяхъ! Подобные гении суть настоящіе солдцы нравственного міра.

еновенною. Подобно тому, какъ великій Нату-
 ралистъ, взирая на воздымающіяся волны гроз-
 наго Океана, на ужасныя изверженія огнедыша-
 щихъ горъ, внутренно оспается спокойнымъ,
 упѣшаясь тѣмъ, что сія явленія мало по
 малу наконецъ разсѣются и міръ физическій опять
 вступитъ въ прежнее свое состояніе; подобно
 ему, говорю, великій Историкъ — Полипикъ,
 Дипломатъ, Философъ, взираетъ на дѣйствія, со-
 вершающіяся въ организмъ полипическихъ об-
 ществъ въ частности, въ организмъ народовъ
 вообще, наконецъ въ организмъ всего Земнаго
 Шара, взираетъ на оныя спокойнымъ, наблюда-
 тельнымъ окомъ; въ нихъ онъ видитъ поодиноку
 однѣ перемѣны, смѣняющіяся одна другою, и замѣ-
 чаетъ въ то же время въ движеніяхъ природы
 нѣчто всегда одинаково продолжающееся, неиз-
 мѣняемое. — Посему вся сила, сущность посниже-
 нія происшествій состоятъ въ томъ, чтобы
 умѣть отличить дѣйствія свободы нравствен-
 ныхъ существъ отъ дѣйствій необходимости,
 какъ явленія неизмѣняемыхъ законовъ при-
 роды, по кошорымъ, такъ сказать, совер-
 шается жизнь ея самой. Историкъ—Полипикъ,
 Дипломатъ, Философъ долженъ непрерывно имѣть
 въ своемъ вниманіи сію важную истину, какъ
 компасъ для наблюденія своего пути; иначе онъ
 неизбежно долженъ поперягаться въ почномъ обо-
 значеніи событий, а сіе уклоненіе уже должно
 произвести вредныя слѣдствія въ самомъ напра-
 вленіи, даваемомъ мыслителями внутреннимъ и

ви́шнимъ движеніямъ народовъ. — Слѣдственно какъ много лежишь на отвѣтственности Историки со стороны его обязанности къ народамъ! — Людм свѣтскіе часпо совсѣмъ не замѣчаютъ этого; они большею частію какъ равнодушно приглашываютъ ядъ, скрывающійся въ перья писателя, такъ равнодушно слушаютъ и высокія истины, имъ проповѣдываемыя. — Кажешся, я уже слишкомъ отвлекся отъ главнаго предмета. Разсмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ существенная цѣль Истории. —

Обыкновенно многіе Историки почишаютъ главнымъ источникомъ познанія Истории любопытство. Довольствоваться такимъ понятиемъ объ Истории было бы слишкомъ ограничено. Знать Историю, или знать то, что происходило прежде, заключается въ стремленіи самой нашей природы. Если все человечество составляетъ одну и ту же цѣпь, если тысячи спольствій показываютъ одно только постепенное раскрытіе жизни онаго; то можно ли обойтись когда либо безъ знанія прежнихъ происшествій? — Не спорю, что душа можетъ увлекаться желаніемъ знать случившееся прежде по одному любопытству, и что даже частный человекъ можетъ единственно изъ онаго изучаться событіямъ. Но можно ли такъ судить вообще о человекѣ и о народахъ? Конечно, природа весьма часто возбуждаетъ человека къ совершенію своихъ назначеній нѣкопорымъ приятнымъ самоощущеніемъ, однако это продолжается только

до того времени, пока человек не узнаетъ самъ по себѣ важности оныхъ предначертаній. Тогда уже высшее чувство, пробуждаясь, начинаешь въ немъ дѣйствовать и мало по малу становится основною побудительною причиною его желаній и поступковъ. Какое великое несчастіе для людей, если они, слишкомъ долго одолеваемые предразсудками, спрасьями, не понимаютъ настоящихъ цѣлей природы, и исполняютъ ея священнѣйшіе уставы изъ одного чувственнаго влеченія! Чтобы яснѣе убѣдиться въ семъ, слѣдуетъ только взглянуть въ нѣкоторыя общія предметы нашихъ желаній. Такъ напр., думаете ли, что конечная цѣль погребленія предметовъ, служащихъ для роскоши, состоитъ единственно въ наслажденіи? Ни какъ. Основаніе сего заключается въ основаніи постепеннаго развитія силъ самой природы; это необходимо для того, чтобы люди, открывая, умножая свои потребности, чувствовали совершенную нужду одни въ дѣйствіи и взаимной помощи другихъ. Но если принять непосредственно предметы роскоши за предметы, необходимые для одного нашего удовольствія; то чѣмъ бы мы могли тогда ограничивать свое необузданное влеченіе къ пріобрѣтенію оныхъ? На что бы кто рѣшился для того только, чтобы имѣть оныя въ своемъ исключительномъ обладаніи? (*) — То же самое замѣ-

(*) Можетъ быть при семъ скажутъ жаркіе любители удовольствій: — Какъ? мы должны отказываться отъ наслажденій? Мы не должны желать вещей, удо-

чаніе можно примѣнить и къ спределенію природы нашей къ народонаселенію. Я не могу изобразить, какое смѣшеніе, какой хаосъ ужасныхъ волей, и физическихъ и нравственныхъ, произтекающихъ изъ сего чиснаго, могу сказать, боже-

влетворяющихъ нашему упонченному вкусу и проч. и проч. и проч.? — Ошвѣчаю: кто можетъ ошвергнуть сіе! Но чшобъ почищать эти вещи за главную цѣль нашей физической и нравственной жизни, смѣло думаю — это безразсудно. Обыкновенно всякой долженъ стараться сначала удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ, пошомъ уже долженъ пріобрѣтать предмешы, служащіе для выгодъ и удобности нашей жизни, а наконецъ и пѣ, которыя служатъ для наслажденія въ обширномъ смыслѣ, но все сіе должно дѣлать постепенно, и безъ того сильнаго влеченія, которое рѣшительно управляетъ бы нашими желаніями и дѣйствіями. Поступая такимъ образомъ, мы ни въ какомъ отношеніи не выйдемъ изъ круга порядка, назначеннаго намъ природою; мы тогда не пережысаемъ своихъ пошребностей, не пожертвуемъ высшими цѣлями для низшихъ, п. е., мы не будемъ гоняться за удовольствіями тогда, когда еще не имѣемъ въ извѣстномъ избыткѣ такихъ вещей, которыя бы служили собственно для удобности жизни, равно не захотѣли бы лишаться другихъ необходимаго для того, чшобы имѣть самихъ наслажденія; наконецъ мы ни какъ не рѣшились бы пожертвовать священнѣйшими обязанностями службы, добродѣтели, чшобы купить на счешъ оныхъ предмешы, слишкомъ рѣзко обозначающіе рабовъ роскоши. Не должно думать, чшобы правила сіи пропшворѣчили правиламъ Политической Экономіи; напрощивъ, послѣднія утверждающія на первыхъ, какъ на незыблемомъ своемъ основаніи.

спивеннаго источника всеобщей жизни! Мы умѣемъ приписывать все одному слѣпому случаю, мы взводимъ причину всего худаго на что-то, опъ насъ ни мало не зависящее, словомъ: мы во всемъ очищаемъ себя правыми. Но какой бы объялъ насъ ужасный препеть, если бы картина того, что ни совершается предъ нашими глазами и чрезъ насъ, раскрылась во всей своей наготѣ? тогда-то мы увидѣли бы всю безразсудность, всю порочность своихъ необузданныхъ желаній и, въ слѣдствіе ихъ, непрерывно совершаемыхъ нами дѣйствій. — И шакъ любопытство, какъ пріятное влеченіе, есть однополько обличеніе высшаго стремленія нашей природы.

Что же можемъ сказать о пользѣ сей вшорой, по мнѣнію Испориковъ, побудительной причины изучашъ Испорію? Она не что иное есть, Ибо что есть Политическая Экономія, какъ не продолженіе одной и той же цѣли, идущей опъ самыхъ главныхъ основаній Философіи? Напрасно поверхностные умы хопляшъ подчинилъ ее частнымъ проявленіямъ, измѣненіямъ вещей, облекъ ее въ однѣ формы опыта. Они не замѣчаютъ, что все дѣйствуетъ и раскрывается въ своемъ дѣйствіи по извѣстнымъ кореннымъ началамъ, и что особенностями, опличающіе вещи между собою, походилъ шолько на радіусы, исходящіе изъ одного общаго ихъ центра; я не говорю уже о случайныхъ отраженіяхъ лучей, которыя могутъ быть безчисленны. Политическая Экономія есть Медицина, которая, не смотря на различныя свои практическія примѣненія, подчинена нѣкоторымъ общимъ правиламъ какъ для сохраненія здоровья, шакъ и для излеченія самыхъ болѣзней.

какъ самое слѣдствіе знанія событій: ибо познавая оныя, мы вмѣстѣ изучаемъ законы самой природы; изслѣдывая непрерывно обнаруживающуюся жизнь человѣчества, мы на каждомъ шагѣ опыта видимъ, какія дѣйствія разумно-свободныхъ существъ какими сопровождались всегда послѣдствіями. Для всѣхъ Исторій, какъ то, Философской, Политической и Дипломатической есть уставы вѣчныя, неизмѣняемыя; нарушая ихъ, человѣкъ неизбѣжно долженъ испытывать въ большей или меньшей степени переворота. По сему основательное познаніе того, что ни происходило прежде, служило лучшимъ руководствомъ и наставникомъ для человѣка въ томъ, какъ онъ долженъ поступать и въ настоящее время. Вѣкъ текущій соединенъ неразрывною связію происшествій съ самымъ первымъ бытіемъ человѣка, съ первою минутою существованія Земнаго Шара. Отсюда-то и происходитъ важность того, чтобы слѣдить, сколько можно, вѣрнѣе происшествія, чтобы въ изслѣдованіи оныхъ обнимать всѣ замѣчательныя существенныя обстоятельства, иначе Исторія опдала бы отъ своей главной цѣли. Понимая событія такъ или иначе, мы нечувствительно получаемъ, сообразно симъ понятіямъ, и самое направленіе въ образѣ своихъ мыслей и дѣйствій, — и какое несчастіе, если сіи понятія бывающъ слишкомъ неясны, невѣрны, искажены? Вошь, почему знаменитые Историки, какъ замѣтили мы выше, употребляли всѣ усилія къ разъясненію мра-

ка, покрывавшаго прегніа снгольшіа. Сама Природа, якъ копорымъ образомъ направляла ихъ. Это есть необходимой законъ ея условной жизни. Сколькo уже прошекло вѣковъ ошъ начала бытія нашего земнаго шара до насшоющаго вѣка! Сколькo уже было создано Исторій великими умами? И между тѣмъ и теперь еще являюшся необыкновенные гени, стремящіеся глубже проникнуть въ прошедшее, чтобы изслѣдовать все то, что ни было заперяно умышленнымъ или нечаяннымъ упущеніемъ писателей, чтобы все выставить въ насшоащемъ видѣ и совершенной ясности. Природа въ условныхъ своихъ дѣйствіяхъ безпрерывно уклоняется то въ ту, то въ другую сторону, и вездѣ во всемъ проявляетъ, шакъ сказать, своихъ напершняковъ; иначе все подвергнулось бы преждевременному засшолюію, порчѣ и разрушенію. Впрочемъ, если я здѣсь говорю о необходимости изслѣдованія прегніихъ событий, то не надобно подѣ сими разумѣть, будто должно безъ всякой цѣли, безъ всякихъ обдуманыхъ предначертаній усматриваться знать все то, что происходило прежде насъ. Это было бы ярудъ сколько напрасный, сколько и бесполезный. Всякой шонъ, кто не предназначаетъ себя собшовенно къ изслѣдованію древностей, долженъ всячески избѣгать знанія мелкихъ подробностей событий. Ибо ошпыть показывается, что люди, которыхъ память, даже счастливая, была загромождена заученіемъ всѣхъ важныхъ и

не важныхъ происшествій, по большей части были шуны въ соображеніи и выводъ изъ оныхъ вѣрныхъ и полезныхъ заключеній; въ ихъ помянутыхъ царствованіяхъ наступилъ хаосъ; все у нихъ было смѣшано, все было основано на однихъ частию нелѣпыхъ, слѣпыхъ соображеніяхъ и при томъ безъ всякой собственной опчепливости. Къ сожалѣнію, такіе поверхностные умы иногда увлекаютъ за собою массу слѣпыхъ подражателей, которые, обольщаясь ихъ чрезвычайными познаніями, почитаютъ ихъ за необыкновенныхъ гениевъ, коимъ они должны слѣдовать неуклонно. Сіи ученые скорѣе могли бытъ уважаемы въ древнія времена, когда Исторія не заключалась въ границахъ систематическаго порядка; но теперь подобная ученость совершенно бесполезна. Ибо предположимъ, что еще пройдетъ нѣсколько тысячелѣтій; то достанутъ ли будущія когда умственныя силы чловѣка, чтобы вынести всю огромную массу знаній бывшихъ когда либо происшествій? и думаете ли, что наше ограниченное попомство будетъ почитать для себя необходимымъ весь запасъ наступящихъ и послѣдующихъ событій? — Впрочемъ нельзя не замѣтить, что уваженіе сей очевидной истины мало по малу проникаетъ уже въ общество; постепенная усовершенность, утонченіе вкуса болѣе и болѣе усваиваются вездѣ; даже обыкновенный рассказъ происшествій становится не шибко чѣмъ онъ былъ за нѣсколько предъ симъ времени; басни, нелѣпыя анекдоты, рѣчи,

не имѣющія никакой цѣны, съ презрѣніемъ изгоняются изъ хороше-образованнаго круга, хотя еще гордо возмощающа надменная секта безталанныхъ, упорныхъ ученыхъ-педагоговъ. Но сей-мо причиной я намеряю здѣсь рассмотреть практическое изложене Мопорія вообще.

(Окончаніе впрѣдъ.)

III.

К Р И Т И К А.

О НАЧАЛАХЪ ГЕОМЕТРИИ, СОЧ. Г. ЛОБАЧЕВСКАГО.

Есть люди, которые, прочитавъ иногда книгу, говорятъ: она слишкомъ проста, слишкомъ обыкновенна, въ ней: не о чемъ и подумать. Такихъ любителей думатьъ сокрушу прочесавъ: Геометрію Г. Лобачевскаго. Вошь ужъ подлинно: есть о чемъ подумать; Многіе изъ первоклассныхъ нашихъ Математиковъ читали ее, думали и ничего не поняли. После всего уже не считаю нужнымъ упоминашь, что и я, продумавъ надъ ея книгою нѣсколько времени, ничего не придумаю, п. е. не понять нечисти ни одной мысли. Даже шрудно было бы понять и то, какимъ образомъ Г. Лобачевскій маъ самой легкой и самой ясной въ Математикѣ Науки, какова Геометрія, могъ сдѣлать ша-

кое пыжелое, такое жемное и непроицаемое учение, если бы самъ онъ ошчасши не надомилъ насъ, сказавъ, что его Геометрiя ошланчана ошъ *употребительной*, кошорой всъ мы учились, и кошорой, върошно, ужъ разучились яв можемъ, и ешъ только *воображаемая*. Да, теперь все очень поняшно. Чего не можешъ предспавишь воображенiе, особливо живое и вишсть уродливое? Почему не вообразишь наприм. черное бълымъ, круглое чешыреугольнымъ, сумму всъхъ угловъ въ прямолинейномъ треугольникъ меньшею двухъ прямыхъ, и одинъ и шопъ же опредъленный интеграль равнымъ по $\frac{\pi}{4}$, по ∞ ? Очень, очень можно, хопя для разума все это и непоняшно.

Но спросить: для чего же писалъ, да еще и печаталъ такiя желвныя фаншазiи? — Признаюсь, на этошъ вопросъ отвъчашъ шрудно. Авшоръ ни гдъ не намъкнулъ на то, съ какою цълiю онъ напечаталъ сiе сочиненiе, и мы должнмъ слъдовашельно приблигнушь къ догадкамъ. Правда, въ одномъ мвстъ онъ ясно говорилъ, что будшо бы недосшалки, замъченны ямъ въ употреблемой доселъ Геометрiи; заставилъ его сочинилъ и издашъ эту новую Геометрiю; но это, очевидно, несправедливо, и по всей върошношши, сказано для шого, чтобы еще болъе скрышь насшощую цълъ сего сочиненiя. Во первыхъ это противоръчишь шому, что сказалъ самъ же Авшоръ о своей Геометрiи, и: е: что она въ природъ во все не существуетъ, а мог-

ла существовать только въ его воображеніи, и для измѣреній на самомъ дѣлѣ оспаривается совершенно безъ употребленія; во вѣпорыхъ это дѣйствительно противорѣчитъ всему тому, что въ ней содержится, и судя по чему скорѣе можно согласиться на то, что новая Геометрія выдумана для опроверженія прежней, нежели для пополненія оной. При томъ же, да позволено намъ будетъ нѣсколько коснуться личности. Какъ можно подумавъ, что бы Г. Лобачевскій, Ordinary профессоръ Математики, написалъ съ какою нибудь серьезною цѣлю книгу, которая немного бы принесла чести и послѣднему приходскому учителю? Если не ученость, то по крайней мѣрѣ здравый смыслъ долженъ имѣть каждый учитель; а въ новой Геометріи не рѣдко не догадываешь и сего послѣдняго.

Соображая все сіе, съ большою вѣроятностію заключаю, что истинная цѣль, для которой Г. Лобачевскій сочинилъ и издалъ свою Геометрію, есть просто шулка или лучше сапира на ученыхъ-Математиковъ, а можетъ быть и вообще на ученыхъ сочинителей настоящаго времени. За симъ, и уже не съ вѣроятностію только, а съ совершенною увѣренностію полагаю, что безумная страсть писать какимъ-то страннымъ и невразумительнымъ образомъ, весьма замѣтная съ нѣкотораго времени во многихъ изъ нашихъ писателей, и безрассудное желаніе — открывать новое при шансахъ, едва достающихъ для того, чтобы

надлежащимъ образомъ постигаешь старое, суть два недосыатка, которые Авторъ въ своемъ сочиненіи намъренъ былъ изобразить, и изобразилъ какъ не лѣзя лучше.

Во-первыхъ новая Геометрія, какъ я уже упомянулъ о томъ выше, написана такъ, что никто изъ читавшихъ ее, почти ничего не понималъ. Желая покороче познакомить васъ съ нею, я собиралъ въ одну шечку все мое вниманіе, приковывалъ его къ каждому періоду, къ каждому слову и даже къ каждой буквѣ, и при всемъ томъ такъ мало успѣлъ прояснить иракъ; кругомъ облегающій это сочиненіе, что едва въ состояніи рассказать вамъ то, о чемъ въ немъ говорится, не говоря ни слова о томъ, что́ говорится. Сперва, какъ обыкновенно ведется, излагаются главныя понятія о пространствѣ и его измѣреніяхъ. Разумѣется, что эти понятія совершенно ошлачны отъ понятій обыкновенныхъ, и изложены особеннымъ образомъ. Угодно вамъ прочесть хоть нѣкошорикъ изъ нихъ въ подлинникъ? Извольте.

»Между свойствами, общими всемъ теламъ, одно должно называться *Геометрическимъ* — прикосновеніе. Словами не лѣзя передать того, что мы подъ этимъ разумѣемъ: понятіе пріобрѣтено чувствами, преимущественно зрѣніемъ, и симъ же чувствами мы его постигаемъ. Прикосновеніе составляетъ ошлачительное свойство телъ: ни въ силахъ ни вретени и нигдѣ въ природѣ болѣе его не находимъ. Ошлачая всѣ прочія

своими, шѣлу даюшь названіе — *Геометрическаго*.

»Прикосновеніе соединяетъ два шѣла въ одно. Такъ всѣ шѣла представляемъ частію одного — *пространства*. Тѣло *ограничено*, когда прикосновеніе къ нему другаго — *окружающаго*, дѣлаетъ невозможнымъ прикосновеніе всякаго иреняго. Это второе будетъ *окружающимъ пространствомъ*, если оно съ первымъ сопоставляетъ цѣлое пространство. Пустыша, занимаемая тѣломъ внутри пространства, называется *мѣстомъ*.

»Геометрическія свойства шѣла познаемъ въ различномъ дѣленіи ихъ на частии. Они служатъ основаніемъ Геометримъ и заключающія въ слѣдующемъ.

»I. Всякое шѣло можетъ быть раздѣлено на частии, которыя не касаются чрезъ одну. Такія сѣченія назовемъ *поступательными*; число ихъ неограничено.

»II. Всякое шѣло можетъ быть раздѣлено на частии, которыя всѣ касаются взаимно, и копорыхъ число съ каждымъ новымъ сѣченіемъ увеличивается двумя. Такія сѣченія назовемъ *обращательными*; число ихъ неограничено.

»III. Всякое шѣло можетъ быть раздѣлено тремя сѣченіями на 8 частей, которыя всѣ касаются взаимно. — Такія сѣченія назовемъ *тремя главными*.

»Поступательныя сѣченія къ тремъ глав-

мымъ назначающъ въ шѣлъ его *три протяженія*.

»*Измѣрять* шѣло значить изчислять одинаковыя части, на которыя раздѣляется это шѣло и другое, принятое за мѣру, въ трехъ пропяхеніяхъ поступательными сѣченіями.

»Соединеніе двухъ шѣлъ въ одно будетъ вѣдѣль сѣченіемъ въ этомъ одномъ. Смощра по пому, прикосновеніе принадлежитъ одному шѣло, или нѣсколькимъ обращательнымъ, или шремъ главнымъ сѣченіямъ, оно будетъ *поверхностное, линейное, съ точкѣ*.

»Тѣло получаетъ названіе *поверхности*, когда оно касается другаго поверхностно и когда принимающъ въ разсужденіе шѣло взаимное прикосновеніе сихъ двухъ шѣлъ; а пошому дозволяющъ отбрасывать всѣ части одного, неприкосновенныя къ другому. Такъ уничтожается одно изъ трехъ пропяхеній, и шакъ отдѣленіемъ ненужныхъ частей поверхности доходимъ до шонкости листа бумаги, или какъ далеко можешъ иши воображеніе.

»Два шѣла, которыхъ прикосновеніе здѣсь разсмащривается, будутъ двѣ стороны поверхности.

»*Линіей* называется шѣло, которое касается линейно другаго, и ошъ котораго дозволяющъ отбрасывать части, неприкосновенныя къ этому другому. Такъ доходимъ до шонкости волоса, чершы ошъ пера на бумагѣ и пр. Съ обращеніемъ шѣла въ линію уничтожаются два пропяхенія

женія, пошому чшо линію образують въ пространствѣ два съченія, въ кошорыхъ поступательныя отдѣляютъ однѣ излишнія части.

Тѣло получаетъ названіе *точки*, когда разсматриваютъ его прикосновеніе къ другому въ шочкѣ, а пошому дозволяютъ отбрасывать части перваго, неприкосновенныя къ другому. Такъ можно доходить до малости песчинки или шочки опъ острей пера на бумагѣ.

Точка образуется премо главными съченіями въ пространствѣ, въ кошоромъ поступательныя отдѣляютъ однѣ излишнія части: слѣдовательно въ шочкѣ нѣтъ ни одного пропаяженія.

Въ поверхности, линіи и шочкѣ обращаютъ вниманіе только на прикосновеніе двухъ швалъ. Это значитъ, допускаютъ всѣ измѣненія въ одномъ, кошорыя бы не лишали части другаго ихъ прикосновенія и не придавали бы новыхъ частей, прикосновенныхъ къ другому. Вошь по чему при измѣреніи поверхностей и линій дозволяется всѣ поступательныя съченія, кошорыми назначаютъ пропаяженія, замѣняютъ ихъ обращательными. Отсюда слѣдуетъ, что линія не измѣняетъ величины поверхности, а шочка — линіи. Отсюда также видно, что линія должна принадлежать всей системѣ обращательныхъ съченій, а пошому для образованія линіи необходимы двѣ поверхности, о кошорыхъ говорятъ, что онѣ *пересткаются въ линіи*. Каждая изъ сихъ поверхностей раздѣляется линіей на двѣ части, кошорыя будутъ двумя сторонами линіи.

»Точки принадлежать не только тремъ главнымъ сѣченіямъ, но и всѣмъ съ ними обращательнымъ: а пошому для образованія почки необходимы двѣ линіи, о коннорыхъ говорить, что онѣ *пересѣкаются въ точку*. Каждая линія раздѣляется почкой на двѣ части, которыя служатъ для назначенія двухъ сторонъ почки.

»Когда два шъла А, В касаются каждое прешьяго С въ точку, тогда относительное положеніе двухъ почекъ, или такъ называемое *расстояніе* ихъ другъ отъ друга, всякой разъ будетъ опредѣлено, какъ скоро А и В соединены шъломъ D, неприкосновеннымъ къ С, хотя бы при этомъ въ А, В, D происходили перемѣны ошдѣленіемъ, или присоединеніемъ, новыхъ частей, неприкосновенныхъ къ С, или шѣ измѣненія въ А и В, которыя дозволяются въ семь родѣ прикосновенія А, В съ С. Такъ циркуль служитъ для назначенія расстояній.

»Съ такими понятіями о способѣ измѣрять протяженія, Геометрія можетъ быть ведена со всею строгостію доказательствъ въ шомъ порядкѣ, въ какомъ здѣсь ниже излагается. Но извините, я не могу выписать до слова то, что ниже излагается, пошому что уже и такъ много выписалъ; а разсказать въ короткихъ словахъ не умѣю, ибо отсюда-то и начинается самое не понятное. Кажется, что послѣ нѣсколькихъ опредѣленій, съ такимъ же искусствомъ и съ такою же точностію составленныхъ, какъ и пред-

идущія, Авиюръ говоритъ что-то о преуголь-
 никахъ, о зависимости въ нихъ угловъ отъ спо-
 ронъ, чѣмъ главнѣйшимъ образомъ и ошамчаеш-
 ся его Геометрія отъ нашей; попомъ предлага-
 етъ новую теорію паралельныхъ, кошорая, по
 собственному его признанію, находилса или нѣтъ
 въ природѣ, ижешо доказанъ не въ сосноднѣ; на-
 конецъ слѣдуетъ разсмотрѣніе того, какими об-
 разомъ въ этой воображаемой Геометріи опре-
 дѣляется величина кривыхъ линий, площадей,
 кривыхъ поверхностей и объемовъ нѣтъ, — и
 все это, еще разъ повшорю, написано шакъ,
 что ничего и понять не возможно.

Во-вшорыхъ, въ концѣ книги Г. Лобачевскій
 помѣслилъ два опредѣлимые интеграла, кошо-
 рые онъ открылъ шихоходомъ, идя прямо къ
 своей цѣли — дать общія правила для измѣре-
 нія отъхъ Геометрическихъ величинъ, и дозволив-
 шимъ себѣ только нѣкоторыя примѣненія. Откры-
 шіе весьма замѣчательное! Ибо одинъ изъ сихъ
 новыхъ интеграловъ уже давно извѣстенъ, и на-
 ходилса гораздо легчайшимъ образомъ; другой
 совершенно невѣренъ, пошому что ведешъ къ
 той нелѣпости, кошорую мы уже замѣшили вы-
 ше, ш: е: что одинъ и шотъ же опредѣлимый
 интегралъ равенъ шотъ $\frac{\pi}{4}$ шотъ ∞ . Но не шакъ вы-
 ли и въ самомъ дѣлѣ болшею частію бывающъ
 прославляемыя у насъ ново-открышія? Не часто
 ли случаетса, что старое, представленое
 шолько въ какомъ нибудь новомъ странномъ
 образѣ, выдающъ намъ за новое, или и новое, но

ложное, за чрезвычайно важное открытіе? Хвала Г. Лобачевскому, принявшему на себя трудъ обличить съ одной стороны наглость и безсмысленство ложныхъ ново-изобрѣшашелей, съ другой простодушное невѣжество почишашелей ихъ новоизобрѣшеній.

Но сознавая всю цѣну сочиненія Г. Лобачевского, я не могу однакожъ не понять ему за то, что онъ, не давъ своей книгѣ надлежащаго заглавія, заставилъ насъ долго думать понапрасну. По чему бы вѣсно заглавія: о *началахъ Геометріи*; не написалъ на пр. *Сатира на Геометрію*, *Каррикатура на Геометрію*, или чтонибудь подобное? Тогда бы всякой съ перваго взгляда видѣлъ, что это за книга, и Авторъ избѣжалъ бы множества невыгодныхъ для него толковъ и сужденій. Хорошо, что мнѣ удалось проникнуть настоящую цѣль, съ которою написана эта книга, — а то, Богъ знаетъ, что бы и я объ ней и ея Авторъ думалъ. Теперь же думаю и даже увѣренъ, что почтенный Авторъ почтешъ себя весьма мнѣ обязаннымъ за то, что я показалъ истинную шочку зрѣнія, съ ко- шорой должно смотрѣть на его сочиненіе.

С. С.

IV.

ПОЛІТІКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Высочайшимъ Приказомъ 22-го Сентября, назначены: Начальникъ 1-й Гренадерской дивизіи, Генераль-Лейтенантъ Угрюмовъ 1-й, Членомъ Военнаго Совѣта; Командиръ 5-й Гвардейской Пѣхотной бригады, Генераль-Лейтенантъ Берхманъ 2-й, Начальникомъ 1-й Гренадерской дивизіи; Командиръ 1-й бригады 12-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Кроминъ, сослуживъ по Арміи; сослуживъ при Начальникъ 3-й Гвардейской Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Дебанъ-Скорощенкой, Командиромъ 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи.

— Дополженіемъ къ Высочайшему Приказу 23-го Сентября, Членъ Государственнаго и Военнаго Совѣта, Генераль ошъ Инфантеріи, Генераль-Адъютантъ Балашовъ, по прошенію, за распроемнымъ его здоровьемъ, уволенъ ошъ службы.

— Высочайшимъ Приказомъ 26-го Сентября, Командиръ 3-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Генераль-Адъютантъ, Генераль-Лейтенантъ Потаповъ 1-й, произведенъ въ Генералы ошъ Кавалеріи, съ оставленіемъ въ прежнемъ званіи и должности.

— Высочайшимъ Приказомъ 28-го Сентября, Командиръ Ошдѣльнаго Сибирскаго Корпуса и Генераль-Губернаторъ Западной Сибири, Генераль ошъ Инфантеріи Вельяминовъ 1-й, согласно желанію его, уволенъ ошъ настоящихъ должностей, и назначенъ Членомъ Военнаго Совѣта; назначены: Генераль-Губернаторъ

поръ Воспочнои Сибири и Командующий войсками, въ оной расположенными, Генераль-Лейтенантъ Сулима, Командиромъ Отдельнаго Сибирскаго Корпуса и Генераль-Губернаторомъ Западной Сибири; Начальникъ Штаба Отдельнаго Сибирскаго Корпуса, Генераль-Маіоръ Броневскій 1-й, Исправляющій должность Генераль-Губернатора Воспочнои Сибири и Командующимъ войсками, въ оной расположенными.

— Высочайшею Грамотою 15-го Септября, Всемилостивѣйше пожалованы алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, Командиру 4-го Пѣхотнаго Корпуса, Генераль-Лейтенанту Князю Хилкову 1-му.

— Высочайшими Грамотами Всемилостивѣйше пожалованы Кавалерами ордена Св. Спаса Сланислава 1-й степени, Генераль-Маіоры: Командиръ 1-й Бригады 18-й Пѣхотной дивизіи, Эгтеръ, состоящій въ Свѣтъ Его Императорскаго Величества, Окуневъ; Командиръ 1-й Бригады 3-й Легкой Кавалерской дивизіи, Дмипріевъ-Мамоновъ, и Директоръ Новгородскаго Кадетскаго Графа Аракчеева Корпуса, Вородинъ.

— Смоленскій Губернскій Предводитель Дворянства, Станискій Совѣтникъ Аничковъ, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Станискіе Совѣтники.

Ф р а н ц і я.

Генераль-Лейтенантъ Баронъ Эмаръ, командовавшій въ Лионъ во время Апрельскаго возмущенія, возведенъ въ Перское достоинство.

Король, вся Королевская Фамилія, всѣ Министры, весь Дипломатическій корпусъ, множество Перовъ и другихъ важныхъ лицъ, находясь въ Фонштенебло, гдѣ всякой день бывають большіе обѣды и празднества. За столомъ Графъ Поццо ди Борго всегда сидитъ по правую сторону Королевы.

На Парижской Биржѣ запрещено шортъ на сроки Испанскихъ фондами. Эта мѣра, конечно, не загладитъ будущій, произведенныхъ безпрерывнымъ пониженіемъ курса Испанскихъ фондовъ, но по крайней мѣрѣ предупредитъ множество подобныхъ несчастій. Въ одномъ журналѣ говорятъ: «Посреди волненія, производимаго извѣстіями, получаемыми изъ Испаніи, никакъ не замѣчаютъ одного событія, между тѣмъ весьма важнаго. Срогъ уплаты проценновъ по Испанскимъ займамъ наступилъ 1 Октября, а между тѣмъ никто и не думаетъ платить ихъ.

Изданіемъ Журнала National de 1834, приговорены къ слѣдующимъ наказаніямъ: Г. Арманъ Каррель по шремъ двѣмъ, къ уплатѣ 6000 фр. пенн и заключенію въ шюрму на 6 мѣсяцевъ, Г. Шефферъ къ уплатѣ 4500 фр. пенн и къ шюремному заключенію на 10 мѣсяцевъ, Г. Руанъ къ уплатѣ 6000 фр. пенн и заключенію въ шюрму на 6 мѣсяцевъ.

По послѣднемъ исчисленію въ Парижѣ считается 785.000 жителей и 29,000 домовъ, слѣдственно среднимъ числомъ приходиться по 27 жителей на каждый домъ.

А н г л и я.

Испанскій Министръ, Маркизь Мирафлоръ отправился изъ Лондона въ Мадридъ; за отсутствіемъ его должность Повѣреннаго въ дѣлахъ будетъ исполнять Г. Хабатъ.

Съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что Лондонскіе и Миддлсекскіе Шерифы, во все время отправления своей должности, то есть цѣлый годъ, не принуждены были приводить въ исполненіе ни одного смершнаго приговора.

Г. Коббелъ путешествуемъ шеверъ по Ирландіи.

дін, но оць скоро возвращинся въ Дублинцѣ, что бы продолжашь свои лекціи о Политической Экономіи.

Изъ Англійскихъ колоній получены извѣстія не столь благопріятныя какъ вренія Въ особенносши письма изъ Демерари подають поводъ къ важнѣйшимъ омасеніямъ. Губерналпоръ Колоніи Сиръ Джемозъ Смишъ былъ публично оскорбленъ Неграми, коиорые не хотѣли работашь и явно изъвляють намѣреніе сопротивлялись исполненію закона. Одно письмо оканчивается слѣдующими словами: »Мы находимся нѣкономъ рымъ образомъ на мнѣ, которой взрывъ можетъ каждую минушу быти произведемъ надѣйшою искрою.«

ПОРТУГАЛЬСКІЯ ДѢЛА.

Хошя извѣстіе о смерти Дона Педро полученное въ Лондонѣ чрезъ Мадридъ, (*) не подтвердилось; но оно было только преждевременно. Донъ Педро дѣйствительно скончался 24 Сентября въ 2 часа по полудни. Въ Лиссабонѣ все было спокойно, но вездѣ было замѣшно уныніе. Въ тошъ же день издано было прибавленіе къ Официальной Газетѣ и въ немъ напечатанъ декретъ о новомъ Министерствѣ: Президентомъ Совѣща Миниспровъ назначенъ Герцогъ Пальмелла, Военнымъ Миниспромъ Герцогъ Терсейрскій, Миниспромъ Иноспранныхъ Дѣлъ Графъ Виллареаль, Миниспромъ Внутреннихъ Дѣлъ Епископъ Коимбрскій, Миниспромъ Юстиціи Государственнѣй Совѣтникъ Баррепо Феррасъ, Морскимъ Миниспромъ Г. Фрепъ, а Миниспромъ Финансовъ ослаеиъ Г. Сильва Карвальо. Въ слѣдствіе назначенія Герцога Пальмеллы Президентомъ Совѣща Миниспровъ, Государственнѣй Совѣтникъ Тригозо наименованъ Вице-Президентомъ Палаты Перовъ.

— Донъ Педро де Алькантара, сынъ Короля Іоанна

(*) См. No 40 С. О. и С. А.

VI Португальскаго и Бразильскаго; родился 12-го Октября 1799 года, былъ Намѣстникомъ и Регентомъ Бразиліи съ 23-го Апрѣля 1821, провозглашенъ воегдашнимъ Защищникомъ Бразиліи 15-го Марта, Императоромъ 12-го Октября, коронованъ 1-го Декабря 1822 года; наследовалъ отцу своему въ обладаніи Королевствомъ Португалією и Алгарвиею 10-го Марта 1826 года, и уступилъ корону онаго дочери своей, Донѣ Маріи да Глоріи; отказался отъ Бразильскаго Престола въ пользу сына своего, Дона Педро II-го, 7-го Апрѣля 1831 года; прибылъ въ Шербургъ 11-го Июля того же года, подъ именемъ Герцога Браганцскаго. Въ первомъ бракѣ имѣлъ онъ супругою дочь Императора Австрійскаго, Эрцгерцогиню Леопольдину, скончавшуюся 11-го Декабря 1826 г. Во второй бракъ вступилъ въ 1829 году съ Принцессою Амалією, дочерью покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго. Дети его отъ (отъ перваго брака): Дона Марія да Глорія, Королева Португальская (род. 4-го Апрѣля 1819 г.), Дона Януарія (род. въ 1821 г.), Дона Паула, (род. въ 1823 г.), Дона Франциска, (род. въ 1824 г.); Дона Педро II, Императоръ Бразильскій (род. 2-го Дек. 1825 года); отъ втораго брака: Дона Марія, (род. въ 1833 г.).

— Назначеннаго жениха Королевы Дони Маріи, Герцога Лейхтенбергскаго, ежедневно ожидаютъ въ Лиссабонѣ. Донъ Педро завѣщалъ ему шпагу, которую носилъ во время осады Оверно.

Въ Timesъ напечатано письмо изъ Лиссабона отъ 27 ч.; въ немъ говорится, что Донъ Педро, чувствуя, что кончина его приближается, проситъ Королеву, дочь свою, освободить заключенныхъ въ тюрьму за политическія преступленія и проступки; само собою разумѣется, что она обѣщала исполнить это. Онъ желаетъ, чтобы его похоронили только съ

почесными, приличными Главнокомандующему Португальскою арміею, и чтобы смертные останки его, или по крайней мѣрѣ сердце, были перевезены въ Оporto. Народъ оплакиваетъ смерть его и каждый порядочно одѣтый чело­вѣкъ носитъ трауръ. Сознавъ новаго Министрства въ Лиссабонѣ вообще одобренна. Но полученіи извѣстія о кончинѣ Дона Педро, Палата Депутатовъ отложила свои засѣданія на недѣлю и назначила Депутацию изъ двѣнадцати Членовъ, чтобы изъяснить Королевѣ соболѣзнованіе. Палаты и присутствовали при погребеніи Дона Педро.

Испанскія дѣла.

Генералъ Родиль, узнавъ, что здоровье Минны не позволяетъ ему полчасъ вступити въ исполненіе должности Главнокомандующаго, согласился начальствовать надъ войсками до его прибытія. 24 Сентября онъ пріѣхалъ въ Пампелуну, чтобы преобразовать дивизію Карондела. Фитзероа назначенъ Начальникомъ Главнаго Штаба. — Въ Пампелунѣ ожидаютъ 10.000 ч. большаго частію Королевской Гвардіи.

Генералъ Кордова заславилъ Карлишмовъ силами 29 Сентября блокаду Элисондо. Домъ Карлосъ находился въ Эсносъ.

Инсургентамъ содержатъ Санъ-Себастьянъ какъ бы въ осадѣ, и перехватываютъ всѣ подвозы припасовъ сухимъ путемъ. Имъ удалось перерѣзать каналы, которыми была проведена въ городъ вода, такъ что жители принуждены пить очищенную морскую воду. Хаурегви нѣсколько разъ дѣлалъ вылазки, чтобы прогнать этихъ беспокойныхъ сосѣдей, но выходя въ поле, онъ не встрѣчалъ ни одного непріятеля: инсургенты, предувѣдомленные своими шпионами, уходили въ горы; но какъ скоро Хаурегви возвращался въ городъ, они снова появлялись. Карлишми преспокой-

но вербуютъ въ окрестныхъ деревняхъ и даже часто ночуютъ въ Сень-Маршенскомъ предмѣстїи, лежащемъ на ружейный выстрѣлъ отъ города.

Нѣсколько офицеровъ войска Королевы перешли къ инсургентамъ.

Бездѣйствіе Сумалакарегви объясняется: онъ организовалъ девятый и десятый батальоны. Вообще число инсургентовъ увеличивается; у нихъ недостаетъ только оружія.

Палата Прокураторовъ, принявъ мнѣнія своей Комиссіи приняла раздѣленіе государственнаго долга на активный и пассивный: въ первое опредѣленіе поступаютъ двѣ шреши всей суммы.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Докторъ Франсія, который деспотически управляетъ Парагваемъ, съ того времени какъ Провинціи Южной Америки отложились отъ Испаніи, и которому уже 70 лѣтъ, женился въ Санъ-Сальвадорѣ на дочери одного Французскаго купца, Г. Дюрана. Говорить, что по брачному договору молодая супруга Диктатора должна наследовать политическую власть его, если онъ не будетъ живъ дѣшею.

Жары нынѣшняго лѣта и осени такъ сильно подѣйствовали на Швейцарскіе ледники, что многіе изъ нихъ, при первыхъ дождяхъ, должны, какъ полагаютъ, обрушиться.

Везувій находится все въ прежнемъ положеніи: внутреннее движеніе все еще слышно и краперъ по временамъ дышитъ. 11-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею почтою, нѣтъ ничего замѣчательнаго. 12-го Октября.

V.

M O D E .

Dans les grands magasins on pose sur les chapeaux de satin des branches de fleurs très-légères.

— On porte des redingotes en pou de soie broché, garnies d'un petit liséré de satin, et fermées par des noeuds placés sur le côté du jupon, ce qui indique un corsage croisé. Les pélerines ont quelques fois des pointes par devant, mais tellement étroites qu'elles ne cachent pas dutout la taille et semblent un large ruban croisé.

— On voit des redingotes en gros de Naples garnies de ruches de ruban. Une redingote plus élégante encore était en satin paille broché en ramages ponceau, garnie de petits lisérés en satin ponceau. Les manches étaient larges jusqu'au poignet.

— Les manchettes paraissent de tous les côtés avec les mêmes formes qu'elles avaient il y a quelques années. Toutes les manchettes de tulle sont anciennes; celles de batiste à ourlet, garnies quelques fois d'une valancienne sont les seules bien portées.

—

Въ большихъ модныхъ магазинахъ на апласныя шляпки прикалываютъ, очень легкія цвѣточкя вѣтки.

— Носить рединготы изъ пу-де-суа съ вышканными узорами, убранныя шоненькими апласными лизере и заснегивающіеся баншами съ боку, что означаютъ, что корсажъ долженъ быть перекрещенный. Пелеринки дѣлаются иногда съ концами на переди; но такими узкими, что они нисколько не скрываютъ шали и кажутся широкими перекрещенными лешшами.

— Мы видѣли рединготы изъ гроденапля съ лешпочными рюшами. Рединготъ еще красивѣе этихъ, былъ изъ анласа соломеннаго цвѣта, съ вышканными разводами цвѣта понсо, и украшенный маленькими лизере шакже изъ анласа понсо. Рукава были широкіе до кисти.

— Маншеты вездѣ появляются съ штик же формами какъ дѣлались онѣ за нисколько лѣтъ предъ симъ. Тюлевые маншеты ситры; въ модѣ однѣ шолько башишновыя со складкою (урле), иногда обшишныя кружезцаны.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes,
30-го Сентября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

и
СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 49.

I.

ПЯЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Я МОГЪ БЫ ДАВНО ЖЕНИТЬСЯ, — НО....

(Окопаніе.)

Все общество зашумѣло; но спаричекъ, какъ училель, напомнилъ о молчаніи и сказалъ: Еще на нѣсколько времени перпѣнія; моя исторія только въ половинѣ.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я былъ опредѣленъ въ Канцелярію Генераль-Казначей. Мѣсто, мною занимаемое, хотя было хорошо, но не столь выгодно какъ прежнее; однако оно давало мнѣ безбѣдное содержаніе, и я былъ доволенъ.

Много прошло времени, не скажу сколько лѣтъ, чѣшобы вы, Гг., по собственному моему признанію, не сочинили въ послѣдствіи моей мешрики, но много прошло времени, — и я уже не гонялся ни за красотой, ни за хорошею фамиліею, а искалъ женильбою усшронить свое состояніе, и. е. искалъ денегъ — следовательно,

сами догадаешесь, что мнѣ уже было давно за 30, когда я познакомился съ одною вдовою, только что прїѣхавшею въ столицу изъ Украйны, гдѣ она имѣла около 2000 крестьянъ.

Молоденькая вдова, (ей было не болѣе 25 лѣтъ) прїѣхала въ Пешербургъ по дѣламъ — ей указали на меня, какъ на дѣльца, и я при первыхъ свиданіяхъ понравился богашой Малороссіянкѣ. Мнѣ были переданы всѣ ея дѣла; я хлопоталъ по упрямъ о ея пользѣ, а вечеромъ иногда бывалъ у нея и, сознаюсь, что она мнѣ понравилась болѣе сама, чѣмъ ея приданочныя достоинства.

Вдовушка, съ своей стороны, также спаповилась ко мнѣ ласковѣе и благосклоннѣе, а я, въ замѣну ея расположенію, прилежнѣе и внимательнѣе работалъ по ея дѣламъ, которыхъ только неусыпными моими трудами получилъ ходъ болѣе и болѣе благопріятный, такъ, что успѣхъ ея былъ не сомнишелень . . .

Конечно, она оцѣнивала мою работу, мою привязанность къ ней и нераздѣльно къ ея годамъ; я эшо видѣлъ разъ, пять разъ, десять разъ — я увѣрялся въ помѣ многократно, а наконецъ имѣлъ починны свѣдѣнія о расположеніи ея ко мнѣ; впрочемъ, мнѣ было хотя и за шридцать, но я былъ еще, что называется, мужчиною въ порѣ, еще считался женихомъ, а она вдова и вдова въ 25 лѣтъ. — Безспорно, она была богата, за то я былъ уже Надворный Совѣтникъ и, сверхъ иносшраннаго крестика, имѣлъ

Владимірскій. — Все это дѣлало изъ насъ партію весьма сходную и позволяло мнѣ имѣть намѣренія, нѣмъ болѣе, что женитьба наша не могла влечь за собою ни полковъ, ни пересудовъ.

Наконецъ дѣло ея почти было кончено, и кончено въ ея пользу; оставалось только собрать нѣкоторыя справки, которыя давно уже и прѣбывались, и я могъ отдохнуть отъ усиленныхъ своихъ занятій.

Отдыхъ мой обыкновенно бывалъ въ ея домѣ, который посѣщался весьма часто мною и довольно рѣдко двумя или тремя семействами ея родственниковъ, семействами людей довольно пожилыхъ и бездѣльныхъ. Тогда, бывая почти черезъ день у ней, я еще болѣе къ ней приспирался. Надобно отдать ей справедливость, что она имѣла добрый нравъ, природный умъ и была довольно любезна.

Однажды я заспалъ ее дома и одну. Она лежала на кушеткѣ и такъ замечталась, что я близко подошелъ къ ней, не будучи ею замеченъ. — Долго я разсматривалъ ее, долго любовался ею; проклятыя мечны мои рисовали мнѣ такими фантастическими красками счастливый семейный кругъ, дѣшей, родныхъ, довольство, что я, забывшись, тяжело вздохнулъ. Вы знаете, что вздохомъ, какимъ-то сладостнымъ помлениемъ, обнаруживающа въ людяхъ мгновенія ихъ высшихъ наслажденій. — Этошь вздохъ перервалъ грѣзы вдовушки.

Она, не перемѣнивъ положенія, которой было такъ хорошо, дрогнула ко мнѣ руку и сказала: ахъ! ошо вы, Павелъ Петровичъ. — Извините меня: я не много нездорова, и вы мнѣ конечно позволите не беспокоиться.

Ея рука была въ моей рукѣ, моя голова — ея препенала и жгла мою болю и болю.

Разговоръ не продолжался. Справное слово — еспь мгновения, когда ждемъ, говоримъ, слышимъ вымолвить слово и слово, какъ очарованное — не выговаривается — беззвучно, беззвучно — еспь идея, но нѣтъ рѣчи! Модные Повны не подобны ли мгновения называющъ краснорѣчивымъ молчаніемъ? Думаю! Но названіе не точно.

Она не отнимала руки своей, хопя и ед жаль въ какомъ-то безуміи, хопя и цѣловала епу ручку, пухлую, красивую ручку и забыла вамъ сказать, господа, что вдовушка имѣла прет красныя рунки и чудную ножку. . . .

Тупь мнѣ наскучило, оспаваясь въ верши- кадномъ положеніи, цѣловать и жать ея ручку; я медленно опускался на кушетку и уже сидѣлъ возле вдовушки, которой пылающія щеки показывали внутренній жаръ.

Я сегодня нездорова — прошептала она вѣдочно и я, чтобы узнать степень жара въ больной, попеременно прикладывала свои руки къ ея лбу, щечкамъ, плечамъ — наконецъ, ну Гг., наконецъ — я, кажется, приняла на себя

должность Доктора-магнетизера, и по моему рецепту больная оправилась.....

Въ какомъ-то чаду оставилъ я ее. — Того ли я хотѣлъ, того-ли я домогался? — Все дѣлается проклятый случай, и при счастья, жедая понаспѣ въ Губернатори, попаденъ на бѣду свою въ Министери. — Такъ думалъ я, возвращаясь домой отъ своей больной.

На другой день раннимъ ушромъ, я былъ уже у нея, на претій шагъ же, на четвертый шагъ же; я видѣлъ и лечилъ ее каждый день, и мнѣ казалось, что я шагъ близьокъ къ вдовушкѣ, какъ бы только могъ быть на мѣстѣ ея мужа. Первое намѣреніе, разумѣется, было много до времени пріоснановлено; и ждалъ случая, и двухъ мѣсяцевъ какъ не бывало!

Вопль однажды моя вдовушка встрѣтила меня съ радостію на лицѣ, съ слезами на глазахъ. Какъ другу она передала мнѣ пріятное извѣстіе, что дѣло рѣшено въ ея пользу, и что она уже имѣетъ о томъ формальное увѣдомленіе; какъ другу же созналась и о причинѣ ея слезъ:— она была Что мнѣ дѣлать, любезный Павелъ, сказала она, и склонилась своею головкою ко мнѣ на грудь....

Я причиною вашего проступка и я его обязанъ загладить. Я прошу, мой ангелъ; руки швоей.

—Такъ ты хочешь, чтобы я за тебя вышла замужъ?

Какъ же иначе поправишь это дѣло?

— О! нѣтъ, мой милый, это не возможно, не возможно — и еще разъ не возможно!

Ольгѣ чего?

— Какое ты имѣешь въ обществѣ званіе, какое личное родство, чтобы я могла рѣшиться опустить тебѣ руку? — Право невозможно! меня засмѣюшь, разбранишь не только чужіе, но и свои — нѣтъ, этому никогда не бываешь!

Я въ негодованіи опшполкнулъ ее ошь себя.

— Ты уже сердишься, сказала она голосомъ, которымъ женщины такъ умѣютъ владѣть, что по ихъ голосу нельзя судить о ихъ чувствованіяхъ, — вы, мужчины, всегда безразсудны и не умѣете ничего дѣлать кспашни. Богамъ спасибо, я обойдусь безъ своихъ совѣтовъ, а тебѣ уведомляю о томъ, къ чему рѣшусь прислушаться въ наспоющихъ обстоятельствѣхъ; къ тому же чрезъ нѣсколько времени ты одумаешься, горячка пройдетъ и ты меня оправдаешь и поблагодаришь

Я не просиясь, оставилъ ее; — кажется, я наговорилъ ей много непріятнаго; кажется, выходя, я шакъ хлопнулъ дверью, что фарфоровая ваза, стоявшая на пѣдесталѣ, подшатнулася, упала и разбилась въ дребезги, — впрочемъ, всѣхъ несповсшвъ своихъ не помню, — помню только, что я пришелъ домой уже ночью, вынулъ прошивъ обыкновенія нѣсколько спакановъ пуншу, и проснулся на другой день вечеромъ.

Голова моя сильно болѣла! Я весь былъ не-

здоровъ и оспался дома нѣскольکو дней. Въ грустномъ заиворничествѣ я не одинъ разъ спрашивала о помѣ, былъ ли у меня кто нибудь; оуть кого ждалъ посланнаго, я спыдилса окаяншь момъ людамъ; однако никого не было — и только на пятый день человекъ моей красавицы вошелъ въ мой кабинетъ, опдалъ мнѣ письмо, и ушелъ прежде, чѣмъ я успѣла прочесть письмо.

Письмо было почти слѣдующаго содержания:

Мой добрый другъ, кошорому я обязана настояющимъ благососполюкѣмъ, конечно примешь участие въ моей радости. Полковникъ, Князь..... родной племянникъ искалъ руки моей, и сегодня я рѣшилась соединить свою участь съ участіемъ спода достойнаго человека. Счастливейшій день въ моей жизни я желала украсить и благодарностию къ моему благодѣтелю. Прими же въ знакъ искреннаго уваженія моего билетъ на 35.000 рублей, подарокъ ничтожный, можешь быть, въ сравненіи съ услугою, вами мнѣ оказанною, но предлагаемый оуть добраго сердца

Въ первомъ движеніи я хотѣла разорвать билетъ, билетъ, билетъ подарокъ женщины, спода беспыдной и безнравственной; потомъ хотѣла возратить подарокъ; напосѣдокъ, разсудивъ внимательнo, я положилъ билетъ въ шкапулку, какъ необходимое условіе въ гражданскомъ быту, какъ способъ на черный день, и

положилъ его съ увѣренностію; иже деньги до-
быты мною честнымъ образомъ и мнѣ замысла-
но еще не весьма щедромъ рукою.

Черезъ два мѣсяца мнѣ было опять хорошо...
Но бѣдному Полковнику Князю..... не было никакъ
хорошо; онъ плясалъ на дудочкѣ своей дражай-
шей половины, либо не по любви, а по необходи-
мости были выбраны, въ шумѣ, и часто,
очень часто, даже въ первыхъ мѣсяцахъ, сожалѣлъ
о женитбѣ своей. Когда же черезъ 7 мѣсяцевъ
пришлось ему приглашать родныхъ и знакомыхъ
на крестины здороваго мальчика, то онъ на-
единъ своему доброму армейскому поварнику
предъ кошерыми не имѣлъ ничего скрывшаго,
проговорилъ:

..... И онъ былъ правъ!

Вотъ видите, Гг., сказала Пенсия, что
я хотѣлъ жениться и на богатой и хотѣлъ да-
же уже жениться.... но.....

«Всѣ смѣялись и никто не вѣрилъ мени-
въ рассказу не Пенсии, боишься и ханъ онъ ни-
когда не признавалъ искуе имя Божіе, но мы за-
молчали. Тогда помпешный собесѣдникъ нашъ по-
просилъ дослушать окончаніе.

Съ этого времени я бываю убѣжденъ, что для
оптимальной женитбы не нужны ни красота, ни
хорошая фамилія, ни богатство, — что нужны
только досмотрѣнна въ двушки; я уже зналъ,
что жену доспейную, при благоразумномъ выбо-
рѣ, легче всего было отыскать въ сѣсномѣнн не
богатомъ, но богатствомъ, какъ одно ни хорошо,

поринить людей, и женщинъ еще болѣе, чѣмъ муж-
чинъ; но чтобы имѣть право быть подобнымъ
избранелемъ, но надлежало имѣть первоначаль-
но средства къ содержанію семейства и дѣтей,
надлежало приобрести способы дать послѣднимъ
хорошее воспитаніе, ибо я самъ получалъ отъ
отца воспитаніе приличное, соотвѣтственное
требованіямъ современнаго общества, и слѣдо-
вательно долженъ былъ выплачивать въпомъ долги
своимъ дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы и на нихъ нѣ-
когда возложили подобную же священную обя-
занность, ведущую человѣчество къ возможному
усовершенствованію.....

Такое разсужденіе вело къ заключенію, что
надлежало начать состояніе; но какъ начать
его? — Многіе способы для достиженія подоб-
ной цѣли, другими употребляемые, для человѣка
честнаго не приличны, и потому-то я находилъ
только одинъ — продолжая службу равносп-
но, жить умеренно и въ то же время отыски-
вать жениха, которому бы безъ боязни могъ
предложить свою руку, съ которымъ бы пріят-
но было разделить трудовой избытокъ.

Я привелъ въ исполненіе мое предположеніе,
и между тѣмъ, какъ мѣсяцы лѣтъ за мѣсяца-
ми, годы уходили за годами, я достигъ службою
до чина Спашскаго Совѣтника, до хорошаго со-
держанія и приобрѣлъ капиталъ, развязывавшій
мнѣ руки. Но я былъ уже не молодъ; хотя еще
не спаръ для человѣческаго возраста, но не мо-
лодъ для женитьбы. Къ тому же я никогда

дѣвушки по сердцу, и зная, что при поздней женитьбѣ не достигаютъ люди до высшаго блаженства супружескаго, т. е. рѣдко доживаютъ до того счастливаго времени, въ которое видятъ дѣтей своихъ совершеннолѣтними; — я почти оставилъ намѣреніе быть женатымъ.

Въ это время прѣхалъ въ Пешербургъ мой знакомый, мой соученикъ, человекъ пожилой, имѣющій большое семейство, и живущій небольшими помѣстьемъ въ Орловской губерніи. Я люблю всѣхъ людей одинаково, но привычки дѣтскія лѣтъ, воспоминанія юности, дѣлають моихъ школьныхъ поварицей болѣе близкими ко мнѣ; и счисляю ихъ, если не за друзей моихъ, то за родныхъ. — Мой старый знакомецъ прѣхалъ въ Пешербургъ наглядѣвшись на старшаго сына, который былъ выпущенъ изъ 2 Кадетскаго Корпуса Офицеромъ Артиллеріи, обмундированъ его по мѣрѣ возможности своей и отправилъ на службу Государю и отечеству.

Я посѣдилъ его, и нашелъ въ его женѣ добрую, и тихую женщину; въ дочери, 20 лѣтней блондинкѣ — милую, скромную дѣвушку; кошкою любящая мать передала всѣ познанія, приобретенныя ею въ Смольномъ Монастырѣ, семъ незабвенномъ памятникѣ одной изъ незабвенныхъ нашихъ вѣщеносныхъ Особъ, кошкою имя не навываю; ибо это бесполезно для каждаго Русскаго: ее знаюшь по безчисленнымъ ея благодѣніямъ! Я замѣнилъ, что характеръ милой провинціалки былъ мягокъ, что она имѣла умъ и

сердце, что ей были знакомы многія изъ изящныхъ искусствъ, сполько украшающихъ женщину въ пищивъ ея домашнихъ обязанностей; словомъ, въ вшой скромной деревенской дѣвушкѣ я нашелъ по дивное существо, котораго искалъ въ продолженіе моей полувѣковой жизни; но что же, довольнѣе ли, счастливнѣе ли я спалъ ошъ споль неожиданной, ошъ споль богатой находки?...

Мнѣ было уже за 50 лѣтъ, я уже спрадалъ припадкамъ спароспи; я уже сдѣлалъ привычку къ вшой одинокой, печальной жизни, — привыкають и къ шпоремному заключенію — ашо еще не спранвостъ! Правда, я имѣлъ доброе имя, я имѣлъ обезпеченное сосшоеніе, я могъ ишши еще впередъ и не былъ еще разслабленнымъ спарикомъ, — но довольн ли исчисленнаго мною для шого, чшобы доспавишь счастье молодой дѣвушкѣ, кошорая проситъ любви болѣе пылкой, болѣе безумной, болѣе ивжной, болѣе сильной, — чѣмъ любовь человека, имѣющаго за 50 лѣтъ? — Для шакого, исполненнаго жизни и радости, существа, досташаочно ли ушарѣлаго сердца, думающаго опдѣлаться шихою склонноспію, благоразумно и до счепу опвѣчающаго на цощаун и расходующаго спраспъ мѣрою, въ боязни, что скоро не спанешъ запаса? Нѣтъ, я спрого, разсудишельно, долго обдумывалъ, опредѣлялъ свое положеніе и приводя задачу къ разрѣшенію, увидѣлъ, что мнѣ не должно было женишься на молодой дѣвушкѣ, кошорая могла соспавишь счастье человека молодаго. — Я не оскорбилъ ее моимъ предложе-

ніемъ; я испребилъ, вырвалъ изъ сердца любовь къ ней.....

Пешинъ замолчалъ и наклонился къ дѣшамъ хозяина, тогда къ нему подбѣжавшихъ; казалось, онъ прислушивался къ ихъ откровеннымъ разсказамъ, но многіе изъ насъ замѣтили, что спарикъ держалъ свой плашокъ у глазъ. — Онъ никогда не казался намъ споль достойнымъ уваженія! Такъ иногда живешь съ человѣкомъ многіе годы, почишаешь его обыкновеннымъ, и случайно узнаешь, что въ его груди бьется сердце чистое и прекрасное, что онъ нравственно высоко спойишь надъ обществомъ.....

Вотъ видите ли, Гг., сказала спарикъ, что можешь быть, опъ меня зависѣло бы и женишь ся на превосходной дѣвушкѣ; — но я не женился — и, кажешся, послуиить шакъ, какъ мнѣ поступишь было должно.

Признаюсь, я никогда не сожалѣлъ ни о Смоленской красавицѣ, ни о пленницѣ Князя, ни о богатой вдовушкѣ, но часто въ моихъ воспоминаніяхъ изображалась шилая Орловская уроженка, съ ея шихимъ нравомъ, съ ея неблеспящими прелеспями, съ ея образованіемъ, шакъ счастливо приноровленнымъ къ домашней жизни; тогда я вѣрилъ, что изъ эшой дѣвушки вѣкогда будетъ прекрасная мать семейства — и не оиибся! Послѣдствія оправдали мой тайный помышленія.

Вотъ вся моя исторія! Она можешь быть разсказана и десяшкомъ словъ: въ молодости я

могъ и желать женишься, но не имѣлъ возможности содержать жену, а подъ старость, когда нажилъ сподолько, чшобъ удовлетворишь всѣмъ похребностямъ семьянина — я не могъ уже жениться. —

Однако пора по домамъ. — Онъ сдѣлавъ привѣщивіе хозяевамъ и вышелъ.

Разсказъ Пепина подвѣщивовалъ на насъ ошально; въ числѣ слушателей находилось насъ 6 человекъ молодыхъ людей, шодько чшо начинавшихъ жить. Мы всѣ не имѣли сосшоянія, всѣ шрудами или службою, желали создать для себя будущее и ко всѣмъ намъ можно было опнешти шослѣднія слова шарика. Молча глядѣли мы другъ на друга и, кажется, не смѣли взаимно сошнаться, чшо дорога, по кошорой намъ приходился ишши въ жизни, ша же, кошорую дочши уже прошелъ нашъ добрый, веселый холоснякъ.

Но, не шакъ ли, какъ нашъ разговоръ, сперва шушанвый и веселый, не замѣшно перешелъ въ грушнвый, — неожиданно смѣющійся лѣшній день. превращается въ печальную бурю? Ушѣщимся! Пригошовимся къ подобнымъ перемѣнамъ: мы живемъ въ шполь измѣнчивомъ климатѣ, и между людьми еще болѣе измѣнчивыми!

А. Кончозерскій.

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРІИ.

ОБЪ ИСТОРІИ ВООБЩЕ, ПРЕДМЕТЪ, ЦѢЛИ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ ОНОЙ.

(Окопание.)

Обыкновенно Всеобщую Исторію излагаютьъ или по народамъ или современно; пошъ и другой способъ, исключительно употребляемый, для начинающихъ учиться Исторіи почитающаго частію недостаточными, частію затруднительными для успешнаго познанія происшествій. Я полагаю, что гораздо лучше было бы соединить оба эти способа такимъ образомъ, чтобы сначала преподавать Исторію по народамъ; напр: о Египтянахъ, Іудеяхъ, Вавилонянахъ и проч. и по прочтеніи Древней Исторіи, приступить къ изложенію событий хронологически по столѣтіямъ, такъ напр. въ такомъ-то столѣтіи были такіе-то современные Государя и современные происшествія, и каждое столѣтіе подводить подъ общія соображенія. Послѣ Древней Исторіи пошъ же способъ изложенія должно наблюдать въ Исторіяхъ — Средней и Новой. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкошорыя важнѣйшія событія при семъ должны быть представляемы въ особенноти. — Отъ сего образа преподаванія польза должна произойти слѣдующая. Молодые умы гораздо удобнѣе могутъ запомнить происшествія

каждаго народа, если оныя излагаются въ непрерывной связи одно за другимъ. Тогда же, когда они съ успѣхомъ затвердятъ излагаемыя симъ образомъ происшествія въ опдѣльности, а къ конюры, по общей связи ихъ, въ большемъ или меньшемъ вліаніи на разные народы, тогда уже они легче могутъ соображать событія и по спользіямъ. И здѣсь уже представляется имъ обширнѣйшее поле для размышленія, для изученія законовъ нравственной природы; здѣсь уже умъ мало по малу пріучается ко всеобщности понятій и къ частнымъ, безчисленнымъ примѣненіямъ оныхъ. Такъ — окидывая своимъ наблюдательнымъ взоромъ всѣ спользія, одно за другимъ слѣдовавшія, можно явственнѣе видѣть, какъ жизнь человѣчества, постепенно болѣе и болѣе обнаруживаясь, раскрывается; можно лучше примѣнить цѣль, связывающую между собою даже самыя опдаленныя событія. — При обзорѣи каждого спользія порознь, наше вниманіе скорѣе обозначаетъ, какія происшествія въ оныхъ были болѣе важны и замѣчательны, и какія менѣе или какія изъ нихъ имѣли вліаніе на жребій народовъ сильное, рѣшительное, и какія слабое; можно, сравнивая все то, что ни совершалось въ одно и то же время у разныхъ народовъ, изслѣдывать коренныя причины, открывать источники, не рѣдко чрезвычайно сокровенныя, разнообразныхъ явленій. Сколько опсюда можно извлечь полезныхъ для себя уроковъ для познанія народной жизни! Видя, напр., что

Европа въ самыя древнія времена едва понимала свое бытіе, между тѣмъ какъ въ Азіи и Африкѣ уже многіе народы оканчивали знаменитѣйшія эпохи своей политической жизни, умъ невольнo оспанавливается на семь пунктовъ, возбуждается, дѣлаешь возможныя усилія къ постиженію причинъ такого явленія и ищешь оныхъ въ самой природѣ вещей, или въ самомъ основаніи попятія о нашемъ Земномъ Шарѣ (*). Но попомъ, когда Европа начала, какъ сказать, возражаться, послѣ бурныхъ и продолжительныхъ передомовъ начала укрѣпляясь въ своихъ физическихъ и нравственныхъ силахъ, постепенно мужала, а Азія напрашивъ, какъ будто погрузилась въ глубокой сонъ, и только изрѣдка пробуждалась отъ необыкновенныхъ, нечаянныхъ, внутреннихъ и вѣшнихъ движеній, потрясеній, намъ снова предспояшь любопытнѣйшіе предметы для размышленій и соображеній. Самые народы въ каждой отдѣльной части Свѣта, какъ по, Азіи, Африкѣ, Европѣ, не всѣ имѣли одинаковое состояніе въ одно и то же время; каждое еполѣтіе было ознаменовываемо въ оныхъ разнообразными событіями, по ускорявшими, по замедлявшими ихъ возвышеніе и паденіе. Историкъ, направляя такимъ образомъ умы, имъ руководствуемые, можешь нечув-

(*) Штупцманъ съ глубочайшею философіею разсшириваетъ сей предметъ въ своемъ знаменитомъ твореніи.

испытательно. познакомить ихъ самымъ вѣр-
нымъ образомъ съ организаціею каждаго народа.
Въ жизни Царей по большей части обнару-
живаются характеры самыхъ народовъ; не всегда
ихъ особенности бывають частнымъ, исключи-
тельнымъ оппечанкомъ собспвенной ихъ на-
туры; надобно безпрерывно сравнивать наро-
ды съ Царями, Царей съ народами, чтобы съ
возможною вѣроятностію изслѣдовать, что при-
надлежитъ исключительно тѣмъ или другимъ;
Вообще, когда мы разсматриваемъ въ частности
жизнь одного какого либо человѣка; что его
свойства, способности, склонности самикомъ
слабо испытываютъ наше вниманіе: но есди
сравниваемъ его съ другими частными людьми,
то всѣ уже особенности, отличаютія ихъ ме-
жду собою, представляются намъ разительнѣе,
сильнѣе; но же самое можно оппнести и къ на-
родамъ. Вошь необыкновенная польза, проис-
текающая опъ соображенія происшедшій по
спользіямъ! — Я не говорю уже о томъ, что
послѣ такого общаго соображенія и самыя со-
бытія каждаго народа, прежде зашверженные,
остаються глубже запечатлѣнными въ памяти.

Обнявъ, проникнувъ такимъ образомъ со-
бытія всѣхъ извѣстныхъ народовъ по споль-
зіямъ, мы попомъ можемъ обратишь свое вни-
маніе на частныя подраздѣленія оныхъ. Такъ —
мы можемъ порознь выводити на сцену всѣхъ
великихъ мужей, процвѣшавшихъ въ одинъ и
тошь же вѣкъ у разныхъ народовъ. Полководцы,

Министры, ученые и других сословій знаменитые мужи предсказываются нуну нашему размышленію. Какія сильныя впечатлѣнія должна испытывать наша душа, при разсмотрѣніи ихъ знаменитыхъ дѣйствій съ разныхъ точекъ на жизнь народовъ въ одно и то же время! Тамъ, Карлъ V изощряетъ свой гибкій, предприимчивый геній въ изобрѣненіи возможныхъ плановъ узидить своего благороднаго соперника. Сколько владѣтелей были въ смятеніи отъ его счастливо-совершившихся замысловъ! — Здѣсь Лютеръ тихо пролагаетъ глубокіе слѣды къ основанію новаго вѣроисповѣданія, долженствовавшаго, спустя не много времени, обнятьъ войнами внутренними и внѣшними полъ-Европы. Въ опдаленіи же преслѣдующаго послѣдователями Колумба, мало впрочемъ на него походившія, завоеванія Америки.

Историкъ долженъ заставитьъ молодые умы углубляться въ постиженіе характера, плановъ и всѣхъ особенностей знаменитыхъ дѣйствователей. Но чтобы лучше успѣть въ сей цѣли, необходимо надобно, такъ сказать, извлекать ихъ изъ самой сцены дѣйствій и представлять ихъ опдаленію, мыслительному наблюденію. Читайте Тацитовъ, Юмовъ, Робертсоновъ, Алсиденовъ и другихъ славныхъ писателей, знакомьтесь, сколько можно, ближе съ ихъ бессмертными твореніями, и вы тамъ увидите тайну постиженія великихъ людей людьми великими; тайна поистинѣ велика!

евъ; необыкновенные только достигаютъ необыкновенное (*).

Особенно надобно замѣчать со всѣмъ строгимъ вниманіемъ, что особеннаго имѣли въ себѣ гении-дѣйствователи, чѣмъ они были обязаны вѣку, и чѣмъ вѣкъ былъ обязанъ собственно имъ. Не думайше, чтобы великіе люди являлись на сценѣ сего міра по слѣпому спеченію общолюдействѣ, и не думайше также, чтобы они создали самихъ себя, ш. е., создали себя цѣль, чѣмъ были. Все, что ни является, является въ слѣдствіе условной жизни человѣчества; одни гении посылаются природою для дѣлъхъ народовъ, другіе исключительно назначаются ею для одного какого либо народа; одни только для насющаго столѣтія, другіе для столѣтійъ будущихъ. Впрочемъ какъ природа заключаея въ человѣчествѣ, такъ и сіе послѣднее заклю-

(*) Каждый изъ нихъ имѣетъ свои особенности въ возвышеніи всего великаго. Одинъ глубокъ въ проицаніи тайныхъ думъ и изгибовъ человеческого сердца; другой всеобъемлющъ въ понятіи цѣли важнѣйшихъ событий; одинъ сухъ, не досказываетъ чинапелю того, что не обсуживаетъ его гени; другой, напротивъ, увлекаетъ разнообразными картинками своихъ наблюдений; одинъ развлекается общолюдействами или самыми событіями, другой бываетъ болѣе погруженъ въ созерцаніе дѣйствующей оныи кружины, самой души явлений. Въ семъ отношеніи Историки въкоромъ образомъ сами подлежатъ суду Исторіи.

чаешся въ природѣ; вмѣстѣ же то и другое составляютъ одно цѣлое, единство. Съ другой стороны не забывайте и того, что если въкъ кажется какъ бы спящимъ для народовъ, то это еще не означаетъ, будто бы онъ не имѣетъ въ себѣ самомъ силъ бытъ пробужденнымъ, бытъ другимъ, а не шѣмъ, чѣмъ являетъ себя. Пусть человекъ осуществитъ себя шѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно есть въ идеѣ, и тогда вся природа сплзнетъ къ нему, такъ сказать, лицомъ къ лицу. Могъ ли Александръ Македонскій сказать, что послѣднй солдатъ въ его войскѣ не могъ бы бытъ шѣмъ, чѣмъ онъ былъ самъ! или можно ли думать, что послѣднй ученикъ Лейбница не былъ бы пошъ же Лейбницъ въ условной сферѣ?— Но что значить Александръ и Лейбницъ предъ самимъ собою въ идеѣ? и потому-то какъ для возвышенія жизни человечества не достаточно только того, что бы понимать происшествія единственно въ томъ видѣ, какъ они совершались, такъ мы совершенно унизили бы самихъ себя, если бы плавили только одну дань удивленія великимъ людямъ. Въ первомъ случаѣ мы нѣкошорымъ образомъ должны сами соиздать въ своемъ умѣ собышя, какъ бы творить новые мiры въ своихъ идеяхъ, вести человека и народы сквозь всѣ возможные роды явленій и дѣйствій, чтобы предсавить, въ какомъ собственнo видѣ они должныствовали бы предстать предъ нами, ихъ попомками и вмѣстѣ

ихъ судіями (*); во-второмъ случаѣ, оцѣнивая до-
 стоинства гениевъ, дѣйствовавшихъ на сценѣ
 народной жизни, мы должны изслѣдовать, все ли
 ими совершено, къ чему они, по видимому, были
 предопредѣлены, не сдѣлано ли ими какихъ либо
 важныхъ уклоненій, хотя иногда извинитель-
 ныхъ для нихъ, но неизвинительныхъ для всего
 человѣчества! — Такъ мы должны пворить
 въ умѣ своихъ новыхъ гениевъ, и идеальныхъ
 великихъ мужей прошивопоставлять шѣмъ,
 копорыхъ уже видѣль мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ,
 для чего намъ нужно знать Испорію? не для
 того ли, чшобы изучиться поспиженію чело-
 вѣчества? но можно ли поспигнуть оное, слѣдя
 шодько шакимъ, какимъ оно было?—вошъ самая
 важнѣйшая шайна Испоріи!—Были знаменишые
 Испоріики, копорые едва на самомъ дѣлѣ обо-
 значали оную. Разверните ихъ шворенія, слѣ-
 дите все шо, чшо они ни излагали намъ, и вы
 увидите, какъ они нерѣдко увлекаемы были
 пошохомъ происшествій, и, описывая великое,
 сами въ шо же время, въ спрогомъ смыслѣ ис-
 щины, не были велики. Такъ, напр. Испоріи
 предшавляють Равальяка злодѣя и Генриха IV, Го-
 сударя благороднѣйшаго, добрѣйшаго. Положимъ,
 чшо вамъ опдаются на судъ эшо ужасное нрав-

(*) Судіями, говорю я, ибо предыдущія сполшшія
 опшвчаютъ будущимъ за все шо, чего не сдѣлали они,
 но могли бы сдѣлать, опшвчаютъ за свои заблужде-
 нія, предразсудки, копорыя иногда проводили кро-
 вавыя черпы въ Испоріи народовъ.

ственное явленіе; но вы, не изрекая своего сужде-
ніа, остановившись не много на семь важныхъ пунк-
тъ, думайте. Потомъ уже совокупише въ одну
неразрывную идею всѣ происшествія, развершыва-
йте оную постепенно, съ благоразумною
осторожностію; не забывайте, что Генрихъ IV
могъ бы быть Равальякомъ и Равальякъ Генри-
комъ IV; наконецъ спарайтесь опыскать пункты,
раздѣляющій необходимость отъ свободы, и тогда
уже дѣлайте послѣднее рѣшеніе. Иногда совершаю-
щій преступленіе есть большая жертва, нежели
шопъ, кто былъ дѣйствительно жертвою онаго.
Горе оправдывающимъ преступленія, но горе
иногда строго обвиняющимъ преступниковъ. Въ
шомъ и другомъ случаѣ мы можемъ подвергаться
заблужденію, неурзумвнѣю жизни человѣче-
ства. Правда, каждый человѣкъ въ частности не
ограниченъ въ свободѣ; но онъ находится болѣе
или менѣе подъ вліяніемъ всеобщаго, ибо всѣ мы,
хотя видимо и отдѣлены между собою, однако
составляемъ одно цѣлое въ условномъ явленіи;
вся важность дѣйствій состоитъ въ шомъ, что-
бы, какъ я сказала, опредѣлить степень борьбы
свободы съ необходимостію, и это для того, что-
бы опредѣлить такимъ образомъ величіе и ли-
чностество людей, прошивополагая достоинства
недостаткамъ, добродѣтели порокамъ. Но чело-
вѣкъ, повшоряю, никогда не долженъ терять въ
себѣ сіе высокое чувство, что онъ по своей
нравственной свободѣ независимъ и неограниченъ.

И шакъ Историкъ, предспавляя происше-

спивъ и великихъ людей, всегда долженъ быть исполненъ важныхъ испинъ, которыя мы здѣсь обозначили. Это особенно нужно для руководства и наставленія молодыхъ умовъ. — Я слышу, какъ нѣкоторые говорятъ: къ чему намъ нужно знать въ такомъ высокомъ смыслѣ Исторію? для насъ довольно только ознакомиться съ событіями, а размышлять объ оныхъ со всею философско-политическою уваженностію мы предославляемъ другимъ. На сіе отвѣчаю я: пусть прежде написанные такими спранными предразсудками исключать себя изъ круга вліянія на нихъ всѣхъ высокихъ испинъ, пусть прежде они опорвутъ себя отъ массы всеобщихъ дѣйствій и разобщатъ себя со всѣмъ швмъ, въ чемъ они участвуютъ своимъ образомъ мыслей и поступковъ; но въ состояніи ли они сдѣлашь это? Философія и Политика, если могутъ такъ выразиться, заключающа въ нашей крови; отъ первой минушы нашего бытія до послѣдняго издыханія, онѣ вездѣ, всегда, неуклонно намъ сопутствуютъ, такъ что въ то время, когда мы думаемъ быть совершенно свободными отъ ихъ вліянія, мы наиболѣе бываемъ ихъ безусловными, безопчешными дянниками. Жалкое ослабленіе! но оставимъ это и продолжимъ дадье разсужденіе наше объ образѣ преподаванія Исторіи.

Я полагаю, что весьма не много должно предославлять молодымъ умамъ собшвенно для заучиванія происшествій; довольно для сего изложитъ изъ оныхъ самыя важныя, прочее же

должно предсказать имъ на собственныя замѣчания, разумѣется, пребуя въ семь ошь нихъ благоразумной опчешамвостпи. Сіе благоразуміе заключаешся въ томъ, чшобы, если наставленія преподаюшся для многихъ, испытать, въ какой степени какіе молодые умы способны къ обниманію, запомняшванію и обсуживанію событій. Конечно, надобно спарашся, сколько можно, возбуждашь во всѣхъ болѣе дѣшельности и усмія; однако пребывашь ошь всѣхъ въ одинаковой степени познаній, былъ бы шягоспный и напрасный трудъ. Припомъ надобно обращашь особенное вниманіе и на то, чшобы происшешвія не были предаваемы одной именной памяши, но чшобы въ то же время находилась въ самопромвольномъ дѣшшвіи и самая способность мышленія, чшо бы каждое событіе было основательно разобрано, обсужено. Посему весьма полезно, при изложеніи происшешвій, спрашивашь ошь молодыхъ слушателей собственныхъ мнѣній на счетъ оныхъ, дабы они не могли привыкнушь къ одному рабскому выслушиванію чужихъ мнѣній и механическому онымъ послѣдованію. Я уже не говорю о томъ, чшо такой способъ преподаванія можешъ возбуждашь въ слушателяхъ и болѣе вниманія, охоты къ изученію происшешвій, ибо кромъ того, чшо всякой въ сіе время предполагаешъ бышь спрошеннымъ о предметѣ разсказываемомъ, еще удовлетворяешся и благородное самолюбіе его шѣмъ, чшо онъ не ешь слушательспрадашешный, но вмѣстѣ дѣшшвующій. Нако-

нецъ къ сему надобно присоединить и то, что чрезъ сей способъ взаимнаго обсуживанія происшествій молодые умы легко приучаются къ свободному объясненію оныхъ общими своими выраженіями, словомъ, къ проявленію всѣхъ своихъ особенностей въ отношеніи къ умственнымъ силамъ. На сей послѣдній предметъ, что есть на свободное объясненіе, уже начинаютъ обращать вниманіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Жаль только то, что по большой части мало содѣйствуютъ и къ совершенствованію способности размышленія. Нѣкоторые заботятся только о томъ, чтобы дѣля пріятно и легко рассказывало происшествія, и — это еще, къ удивленію, на языкъ иностранномъ. Какое неприспешельное заблужденіе! Дѣля захочешь ли тогда думать о томъ, чтобы обсуживать самыя происшествія? Не будешь ли занимать его только то, чтобы удобнѣе выражать свои мысли на языкъ не отечественномъ? — Гдѣ же цѣль Исторіи? для чего ли мы учимся оной, чтобы сдѣлать изъ Науки важной и существенно-полезной для насъ Науку только пріятную? — Что языкъ Французскій есть языкъ дипломатическій и долженъ быть языкомъ общимъ для всѣхъ народовъ, по причинѣ непрерывнаго сообщенія ихъ между собою, съ этимъ ни какъ нельзя не согласиться. Но чтобы замѣнять имъ свой языкъ, чтобы для сего забывать важнѣйшія цѣли Наукъ, это непонятно! (*)

(*) Частные люди, занимаясь одни охъ дру-

Изложивъ свои главныя мѣнія объ образѣ преподаванія Исторіи, я уже опускаю другія, такъ напр., что должно сколько можно, тѣснѣе соединять Исторію съ Географіею и Статистикою, указывая мѣста совершившихся въ разныя столѣтія событій и сравнивая внутреннее состояніе Государствъ нынѣшняго времени съ состояніемъ прежнихъ временъ. Вообще какъ Исторію, такъ и Статистику весьма полезно и даже необходимо преподавать сравнительно. Земной шаръ, какъ мы нѣсколько разъ замѣчали, составляетъ одинъ организмъ, одно цѣло; но сей организмъ, сіе цѣло въ разныхъ частяхъ имѣетъ свои особенности. Слѣдственно умъ долженъ бытъ направляемъ такимъ образомъ, чтобы вдругъ обнимать цѣлое, и потомъ постепенно нисходя къ всѣмъ частямъ его жизни; только систематическое познаніе есть познаніе настоящее, истинное и въ полной мѣрѣ полезное, и къ такому-то познанію должно постепенно привыкать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Тогда ни какъ не могутъ произойти тѣ ошибки въ практической жизни, какимъ подвергаются люди не рѣдко съ наилучшими дарованіями. Представимъ, что кому либо вдругъ поручается важнѣйшая отрасль Государственнаго управленія, и представимъ, что онъ обладаетъ въ извѣстной степени система-

гихъ, должны однако удерживать свою характеристичку; но же должно сказать и о народахъ. Что за народъ, принимающій чужую личину?

психическимъ умомъ; но, безъ всякаго сомнѣнiя, онъ съ самаго начала почтеть главною своею цѣлю объять всѣ предметы своей дѣятельности въ общемъ ихъ взглядѣ, а попомъ уже, ссѣлавивъ, образовавъ въ своемъ умѣ идею единства, онъ поспешенно будетъ нисходить и ко всемъ частямъ своего управленiя. Сколько бываетъ такихъ людей, которые почишаются наилучшими дѣйствователями единственно попомъ, что они ипрудолюбивы, заботливы? Въ чемъ же состоятъ ихъ ипрудолюбiе, заботливостъ? въ одномъ разбирательствѣ, мелкомъ обезживанiи важныхъ и не важныхъ дѣлъ, между нѣмъ какъ цѣлое, организмъ, такъ скажутъ, сферы ихъ дѣятельности оснаются безъ всякаго съ ихъ стороны вниманiя, и даже эти люди кажутся совсѣмъ далекими отъ того, что бы постигати внутреннюю жизнь политическаго организма?—Можно ли, при такомъ ходѣ дѣлъ, ожидать какихъ либо смѣльных, по отношенiю къ обществельствамъ, полезныхъ мѣръ? Мнѣ кажется, что всякiя мелочи, обыкновенныя дѣйствiя должны быть предоставляемы людямъ обыкновеннымъ; главному же дѣйствователю въ извѣстной сферѣ управленiя надобно болѣе занимать завѣдыванiемъ, обниманiемъ общей массы: вопъ, что значитъ, имѣть недоспашокъ въ систематическомъ образованiи!—

Я до сего времени говорилъ собственно о практическомъ заманiи Всеобщю Испорию; но тогда, когда молодые умы успѣють хорошо по-

знакомиться съ оною, они могутъ исключительно заняться одною какою либо отраслю Испоріи, или Политическою, или Дипломатическою, или Философскою. Конечно, у насъ еще въ строгомъ смыслѣ нѣтъ подобныхъ Испорій, однако можно для руководства выбирать такихъ Авторовъ, которые въ своихъ твореніяхъ берутъ болѣе то или другое направленіе. Это особенно нужно для тѣхъ, которые преимущественно занимаютъ какою либо отраслю Политическихъ Наукъ, т. е., собственно Политикою, Политическою Экономіею или Дипломатіею. Не спорю, что всякъ долженъ въ большей или меньшей степени знать всѣ отрасли Наукъ извѣстнаго рода, однако не съ равномерными познаніями и одинаковымъ успѣхомъ. Посмотрите на службы другихъ родовъ, военную, гражданскую; отъ чего тамъ для каждаго рода дѣль есть особенныя свои отдѣленія? безъ сомнѣнія, по той причинѣ, чтобы исключительное занятіе оными доставляло каждому возможность быть исправнымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Менѣ ли это нужно по ученой части? Развѣ пошому только это не важно, что упущеніе пользы, происходящей отъ раздѣленія ученыхъ трудовъ менѣ замѣтно? Но такъ судить, было бы не извинительно тому, кто проникнутъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Государство непрерывно достигало возможно большаго благосостоянія, улучшенія. Впрочемъ придетъ время, когда

польза, приносимая просвѣщеніемъ, будешь ощу-
 щительна, очевидна для всякаго, и тогда уже
 ученый классъ самъ по себѣ содѣляется въ сво-
 ей сферѣ также обширнымъ, какъ обширны ше-
 перь сферы другихъ классовъ. Все подлежащъ по-
 спешенной усовершенности. Опытъ показываетъ,
 что въ Государствахъ, только что всту-
 пающихъ въ кругъ Государствъ образован-
 ныхъ, ученые не всегда пользуются большими
 выгодами; часто на нихъ смотрятъ, какъ на лю-
 дей другой сферы, и вмѣсто того, чтобъ быть
 благодарными къ нимъ за ихъ познанія, усвояю-
 щія Государству общую образованность, не
 рѣдко напротивъ оказываютъ имъ холодное вни-
 маніе и уваженіе; но мало по малу кругъ покрови-
 шелей Наукъ долженъ распространиться классъ
 ученыхъ долженъ будешь вступить во всѣ права
 и соотношенія свои къ другимъ классамъ обще-
 ства. Иначе, какимъ бы образомъ Государство
 могло сдѣлаться со временемъ просвѣщеннымъ? Оно
 по необходимости должно было бы или оспашь-
 ся на одинаковой степенѣ образованія, или дол-
 жно было бы сойти на прежнюю степень
 варварства; но послѣдняго вообще ожидать
 нельзя, да и первое состояніе народовъ не
 можешь оставаться всегдашнимъ: рано или
 поздно просвѣщеніе однихъ народовъ должно
 будешь проникнуть въ предѣлы другихъ. Та-
 кимъ образомъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что
 Азія, Африка, и прочія части свѣта нако-

нецъ послѣдуютъ по стезямъ образованныхъ Европейскихъ народовъ.

Т. Степановъ.

III.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА (*).

I.

Исполняю данное тебѣ обѣщаніе, описать первыя впечатлѣнія, произведенныя во мнѣ Парижемъ. Исполняю охотно, но не могу сказать съ удовольствіемъ, пошому что напередъ знаю, что ты не найдешь въ спрочахъ моихъ того, чего ожидаешь. Разказы земляковъ нашихъ, бывшихъ въ Парижѣ, такъ преувеличены, такъ мало сходны съ истиною, что я, будучи теперь въ состояніи ихъ повѣрять, не знаю, что и подумать. Тутъ, кажется, двѣ причины: во-первыхъ... Но нѣтъ, лучше опишу напередъ, что видѣлъ, а потомъ буду выводить свои заключенія; а то ты, пожалуй, бросишь мое письмо не дочитавъ первой страницы, и скажешь, что это вздоръ, что тебѣ столько-то очевидцевъ

(*) Авторъ этой статьи, жившій долгое время въ Парижѣ, обещалъ намъ изложить наблюденія свои въ нѣсколькихъ письмахъ, которыхъ мы будемъ имѣть удовольствіе сообщить нашимъ читателямъ. Ред.

говорили совсѣмъ прошивное, что я хочу выказашь себя странностию своего мнѣнія и. ш. н. Просни меня, другъ мой, если я тебя обижаю какими предположеніями, но шакъ какъ мнѣ очень хоченся, чтобы ты письмо мое дочитала до конца, то я все шакъ начну прежде разсказывать, а потомъ спяну уже разсуждашь.

15-го Декабря прошлаго года въ 11 часовъ утра прибылъ я изъ Брюсселя въ Парижъ. По осмотру вещей нашихъ во дворъ Королевскихъ джандансовъ, я взялъ фьякръ и велѣлъ извозчику ѣхать въ улицу Сен-Жакъ въ Лионскую госпитальницу, гдѣ и шеперь нахожусь. Изъ оконъ кареты замѣнилъ я множество народу, мало экипажей, высокіе дома, грязныя и узкія улицы и медленность ѣзды моего извозчика, кошорый на понуканія мои отвѣчалъ мнѣ насмѣшками. (Послѣ узнала я, что, по причинѣ узкихъ и кривыхъ улицъ полицейскимъ постановленіемъ запрещено всѣмъ чепыреколеснымъ экипажамъ ѣздить иначе, какъ шагомъ). Нанявъ комнату и одѣвшись, пошелъ я гулять. День былъ холодный но прекрасный; лишь шолько вышелъ я на улицу, какъ остановился, чтобы узнать, почему всѣ видимыя мною люди бѣжали, — я предполагалъ на вѣрное пожаръ или мятежь. Скоро однако досадаю, что причиною этого необыкновеннаго для меня движенія были два градуса мороза, и что Парижане, во фрачкахъ или шонкихъ плащахъ своихъ, употребляютъ это средство, чтобы согрѣться. По улицамъ нельзя иначе

ходишь, какъ серединою, по причинѣ наваленныхъ около домовъ сору, бижой посуды и навозу. Не смотря на то, мостовая, гдѣ ее видно, хороша и состоишь изъ четырехугольных въ фунт глубины камней. Тропуары, которыхъ весьма много, сдѣланы изъ тѣхъ же камней и отличающа не гладкостію и чистотою, какъ Петербургскіе, а возвышеніемъ своимъ, которое препятствуетъ шельгамъ задѣвать пѣшеходовъ колесами. На первомъ перекресткѣ у фонтана Сен-Северинскаго, услышалъ я крикъ: Prussien! (перекверканное Prussien, Прусакъ). Эти слова относились ко мнѣ, потому, что на мнѣ была зеленая фуражка съ маленькимъ козырькомъ, похожая нѣсколько на наши офицерскія. Это дало мнѣ весьма невыгодное мнѣніе о народоперпимости Парижанъ. Завернувъ въ улицу Лагарпъ, меня изумило убранство магазиновъ; опъ самой кровли четырехъ-этажнаго дома до земли, развѣшаны цѣлые куски ситцу, большими фестонами. На площади Сен-Мишель передъ мостомъ того же имени, слышалъ я пѣсню: Ah! quel plaisir d'être soldat! изъ Оперы: La Dame blanche. Ее пѣла двѣнадцатилѣтняя дѣвочка и прерывала каждый куплетъ просьбами, чтобы бросили пятакъ. До самаго Новаго моста (Pont-Neuf) преслѣдовали меня нѣсколько маленькихъ Савояровъ, прося какого нибудь запявсѣвшаго пяточика (un petit sou tout moisi). Ксшати о деньгахъ: объявляю тебѣ, что су (sou)

значить никакъ, а не кофайка, какъ это обыкновенно употребляется у насъ въ разговорахъ; и такъ если тебѣ кто нибудь разскажетъ, что онъ купилъ въ Парижѣ ножичекъ за quarante sous, то ты не удивишься дешевизнѣ Парижской, потому что и у насъ въ Гостинномъ Дворѣ можешь купить за сорокъ пятаковъ хорошій ножичекъ. Новый мостъ находится на спирякѣ острова de la Cité (древняго Парижа) и соединяя концами своими два противоположные берега, прилегаетъ среднюю къ острову. На срединѣ моста, а на оконечности острова, стоитъ бронзовая конная статуя Генрика IV-го, а противъ нея на площади Дюжиской, Генерала Дезе, любимца Наполеона; — изъ подножія последней печать фонтанъ. Здѣсь мостъ настоящій толкучій рынокъ; шопъ суешь тебѣ подъ носъ съ оглушающимъ крикомъ шросточку, другой колечко, булавочку, жантилоны, ножички, часы, ключики, книги, ухверники; здѣсь предлагаютъ за гривну емошрѣшь въ шелесконъ, наведенный на луну, а шамъ за гривну не вычесшишь сапоги; — женщины спрыгушь и брѣюшь пуделей или рѣжушь пресположно шущими ножницами уши моськамъ; нище гнущать псады или играють на разохшемся кларнетѣ; щенки, запершыя въ клѣшкахъ и большія собаки, привязанныя къ нимъ, визжатъ и воють. — Шумъ и крикъ шакой, что Боже унаск. — Разсказываютъ, что одинъ Дадчанинъ, увидя на выѣскѣ прихригленной къ шесигу, веажонному въ клѣтку женщины, торгующей собаками: Ici on coupe les

ogailles aux Danois (Здѣсь рѣжущь уши Данчанамъ, т. е. Дашскимъ собакамъ), шакъ испугался, что на другой же день уѣхалъ изъ Парижа. Походивъ немного по мосту, я шакже сберегая свои уши, только по другой причинѣ, отправилъся объѣдать, и чтобы не заблудиться, пошелъ пою же дорогою въ свою гостиницу. Обществу за сподомъ сослужило изъ ошпавнаго Маіора, Мера города Нанси, Испанца сына изгнаннаго Коршеса, Итальянца библіофила и одного Французскаго и двухъ Нѣмецкихъ студентовъ.— Можешь себѣ предшавить, какіе разнородные вопросы мнѣ были дѣланы, и какіе забавные споры происходили между моими собесѣдниками, изъ кошорыхъ каждый хотѣлъ щеголять предо мною познаніями своими о Россіи. Маіоръ увѣрялъ, что Русскіе, до вшорженія Наполеона, спрѣляли изъ ружей посредствомъ шипилей. Меръ утверждалъ, что наши помѣщики, для размноженія креспьянъ своихъ, сочешавающь бракомъ опцовъ съ дочерьми, и ссылаелся въ шомъ на Г-на Ансело, кошорый провелъ у насъ полгода и намѣренъ издашь описаніе своего пребыванія въ Россіи (*). Сынъ Коршеса весьма важно разсуждалъ съ однимъ изъ Нѣмецкихъ студентовъ о способахъ, употребляемыхъ въ Пешербургѣ для шопленія улицъ и площадей, и говорилъ, что дядя его самъ видѣлъ вокругъ

(*) Книга эта подъ заглавіемъ: Six mois en Russie par Anselot, вскорѣ пошомъ вышла, и въ самомъ дѣлѣ, въ ней находится это нелѣпное обвиненіе.

Большаго Театра въ Пешербургъ печи въ земахъ, со-
 грѣвающія всю театральную площадь. Библиофиль
 объявилъ, что Русскіе доселѣ писали руническими
 буквами, но что Пій, изъ благодарности, что его
 возвели вновь на Папскій престолъ, подарилъ
 имъ Италіическія письма.— Хозяйка гостиницы
 клялась, (что впрочемъ не нужно было, потому,
 что всѣ, кромѣ меня, были совершенно увѣрены
 въ неоспоримости ея утверждаемаго,) что Рус-
 скіе за величайшее лакомство почишаютъ салъ-
 ные свѣчи, и что сплывшій на кварширь у ея
 мащери Казакъ, въ три дня, переѣлъ у ней весь
 годовой запасъ свѣчь. — Послѣ обѣда Маіоръ
 предложилъ показашъ мнѣ Тюльерійскій садъ и
 Пале-роля. Мы зашли напередъ къ шляпнику,
 потому что въ Тюльерійскій садъ не пускаютъ
 въ фуражкахъ. Тутъ узналъ я, что и въ Парижѣ
 запрашиваютъ и торгуются, какъ и у насъ.
 Шляпу, къ которой былъ прикрѣпленъ ярлыкъ
 съ надписью 42 $\frac{1}{2}$ франковъ, уступилъ мнѣ ку-
 пецъ, говоря надмѣнно, при каждомъ пониженіи
 цѣны: nous ne surfaisons pas, Mr. (мы, сударь,
 не запрашиваемъ) — за 25 франковъ. — Лувръ
 есть четырехугольное зданіе съ прекрасною
 колоннадою противъ церкви Сен-Жермена Оксер-
 скаго (St Germain l'Auxerois). Колоннада Спръль-
 ненскаго дворца весьма на нее похожа. Отъ
 Лувра простирается по берегу Сены галерея,
 построенная по повелѣнію Наполеона, и прижи-
 кающая къ Тюльерійскому дворцу. Тюльери
 же есть дѣльное двухъ-этажное зданіе съ пятью

куполами или павильонами весьма дурнаго вкуса; со стороны Лувра находится такъ называемая Карусельская площадь, отдѣленная отъ Тюльерійской параллельною съ дворцомъ рѣшеткою. На Карусельской площади, передъ входомъ на Тюльерійскую, воздвигнуты небольшія приуживалныя ворота, на которыхъ находились знаменитыя четыре бронзовыя вызолоченныя лошади, украшавшія площадь Св. Марка въ Венеціи и привезенныя Наполеономъ. При занятіи Парижа Союзниками ихъ возвратили. По другую сторону дворца садъ; проспектирующійся до площади Лудовика XV, гдѣ былъ казень несчастный Лудовикъ XVI. — Видъ славнаго произведенія Лекотра, которыхъ такъ гордятся Парижане, оцѣль онообразень. Три широкія параллельныя аллеи, въ средней два бассейна, малый передъ дворцомъ, а большой передъ выходомъ; во всю длину сада двѣ террасы, отгороженныя рѣшеткою, отдѣляющъ садъ отъ прилегающей съ одной стороны, улицы Риволи, а съ другой набережной. Подъ одной террасой гауптвахта, а подъ другой кофейная. — Передъ самымъ дворцомъ поставлены: мраморная группа, Смерть Лукреціи, бронзовыя: Сапиръ, почтацій ножъ и Геркулесь, поражающій гидру. Охотники до приключеній могли бы найши въ эпитахъ трехъ изобразженіяхъ — причину, дѣйствіе и конецъ революціи Французской. Спранно, что около деревьевъ кѣшь дерну, а насыпанъ песокъ, смѣшанный съ глиною. — Уже смеркалось, когда мы вышли изъ

Тюльерійскаго сада и направилъ путь по улицѣ Сентъ-Оноре къ Пале-роялю. Фасадъ его схожъ нѣсколько съ фасадомъ Таврическаго дворца, нѣмного гораздо худшей архитектурны, и имѣнно рѣшешки соединяетъ два боковыя зданія галлерей. Во дворе живеть съ семействомъ своимъ Герцогъ Орсеанскій (*).

Пройдя наружный дворъ и обойдя дворецъ, выйдешь на внутренній, который охватывается оный сада деревянною галлереею съ множествомъ лавокъ. Пале-рояль представляетъ паралеллограмъ, квадрата при въ длину. — Выворотни Ботаникскій Дворъ на изнанку, такъ, чтобы лавки были внутри, а не снаружи, такъже градскій дворъ нашъ садомъ съ бьющимъ посреди фонтаномъ, надстрой чешыре являва мада лавками, набей ихъ кофейными, игорными домами, респираторами, ожидающимъ на нѣсколько часовъ кабинетами, должниками, мастерскими, вагонн куда мужины и женщины разнаго рода ремесль, въ особеннени карманочницами, освѣти все фонарями и канделябрами и поди гулянь—пни въ Пале-рояль! — Джемъ, какъ мнѣ говорилъ Майоръ, Пале-рояльскій садъ посѣщаемы няньками съ дѣтими, любителями новостей и должниками. Въ немъ поспросены чешыре навлади она въ Китайскомъ вкусъ; изъ двухъ находивши ся подъ ренондомъ (café de la Botonde) раздаются газетны на прочтене. Можно ходишь по саду и

(*) Нинъ Король Французскъ.

чипантъ, но приснавленныя два челоуѣка наблюдають, чинобы ты не ускользнулъ съ нею въ галлерей; за проченіе Монинера плащашъ гривну, а за прочія газетны пятакъ. Тупъ же еспъ сшуля, на кошорыхъ можно опдыхашъ, заплащивъ за эпо гривну. Если ты будешъ когда либо здѣсь съ дамами, шо не подходи къ другимъ двумъ яркими красками испещреннымъ павильонамъ, если обоняніе шебя о шомъ не предувѣдомишъ. Непонятно, съ какимъ беспыдспвомъ Парижане выспавляютъ на показъ эши зданія, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, и какъ будшо нарочно украшають ихъ особеннымъ образомъ, чинобы возбудишъ любопынспво. Палероальское не имешъ даже сѣвнъ, а шолько шестъ шоненькихъ столбовъ поддерживають кровлю. Толпа ропозѣвъ окружаешъ эпо мѣсто, чинобы проволанъ громкимъ хохомъ несчастныхъ провинціаловъ, опибкою подходящихъ съ семейснванн сюда для удолешворенія любопынспва. — Только чшо начинають замигашъ фонари, какъ всѣ особы, пришедшія съ семейснвами и вообще всѣ спюющія названія дамъ, спѣшашъ оставишъ Пале-роаль, и пошому онъ недоспупенъ имъ въ самомъ своемъ блескѣ. Тогда онъ испинно прекрасенъ, пошому чшо прекрасно освѣщенъ. Главнѣйше украшають его богатое убранспво магазнновъ, зеркальныя стекла, расположенныя со вкусомъ шовары, хорошенькія личики буфешницъ или конторщицъ (*demoiselles de comptoir*) и проч. Вошедъ въ деревянную галлерей, мы, во-

первыхъ, вынули изъ кармановъ плашки и положили ихъ за пазуху, плавно заспегнувъ сюрпукъ. Тушь болѣе всего книжныхъ магазиновъ, модисшокъ, и Кабинетовъ для чтенія, гдѣ за нѣсколь-ко су можно пробѣжать всѣ газеты и вообще липературныя новости. — Какъ здѣсь, такъ и въ кофейныхъ и вообще во всѣхъ публичныхъ заведеніяхъ, кромѣ игорныхъ задѣ, сидишь за буфетомъ или конторкой дѣвушка необходимо припятой наружности, получающая при выходѣ деньги, ошъ посѣщителей, копорыхъ число зависишь ошъ болѣе или менѣе приманчивой красоны буфетчицы. На головѣ у ней обыкновенно черныя бархашный шокъ въ родѣ чалмы. — Въ камен-ныхъ галлерейхъ находящяся разнаго рода лавки и заведенія: залы для спрѣжки волосъ очень хо-рошо и чисто содержимы; залы, гдѣ чистяшь са-поги, оригинальны: вокругъ всей комнагы лав-ка по крайней мѣрѣ на подпора аршина высоты; на пол-аршина выше, другая, обложенная подуш-ками. Забавно смотрѣшь, какъ гордо сидишь иной на этомъ возвышенномъ амфитшатрѣ; разширивъ ноги и сложивъ руки по-Наполеоновски онъ по-смаприваешь вокругъ себя съ самодовольнымъ видомъ; другой прусишь упасишь и при каждомъ движеніи проворнаго декропера, хващаешь за подушку; а шамъ одинъ, вышянувъ носъ и шею, бѣгаетъ глазами по вечернему журналу. — Здѣсь болѣе всего галантерейныхъ лавокъ; есишь шакже мѣняльныя, кофейныя и кандинерскія (въ послѣд-нихъ не ѣдятъ, а покупаютъ сладости). Главныя

кофейная въ галлерейхъ еуть: de Valois, гдѣ собираются дуэлисты, de Lamblin, Бонапартистами и de la Rotonde, ерепны. Надъ галлерейми во внорьехъ иная находятся также кофейныя: а именво Голландская, гдѣ собираются иностранцы и гдѣ можно курить, Всемирная (de l'Univers), куда приходять полишики; и Mille Colonnes, славная по своему великолѣпю. — Здѣсь находятся и главныя ресторациы, Верн, Везуръ и братья Провансалы; коморама, кукольная комедія, кабинеты для чтенія, игорныя залы. — Мы зашли въ тысяче-колонную кофейную. Стѣны покрыны зеркалами и отражая восемь колоннъ, поддерживающихъ куполъ, производящъ при богатомъ освещеніи, пріятный для глазъ обаяніе, что и дало ему наименованіе Тысячи колоннъ. Буфетчица сядишь на шровъ Юсефа Бонапарта, стоившеть 10,000 франковъ. — Удивляла меня наглость прислушниковъ (garçons). На буфетѣ сновать обыкновенно кружки, куда кладуть для нихъ добровольно нѣсколько мелкой монеты. Когда кто бросаетъ туда деньги, то они кричали во все горло: Grand merci, Mг.! Когда же кто этого не дѣлалъ и обращался къ нимъ спокойно, чинювь вышнѣя, то они отвѣщивали преглубокій поклонъ съ преглуными ужимками и прибаутками. Не только никто ихъ не останавливалъ, но все сдѣлалось, не думая о томъ, что чрезъ нѣсколько минутъ сами будутъ цѣлю ихъ же насмѣшекъ, если не захопять онымашились. — Пешюжъ прохаживались мы по саду и галлереймъ.

На каждомъ шагѣ встрѣчали мы толпы женщинъ подозрительнаго ремесла, особенно въ деревянныхъ галереяхъ. Узнавая съ перваго взгляда иностранца или провинціала, онѣ окружають, осмынають его нѣжными именами, подхватываютъ подъ-руки и не пускають, дѣлая его въ добавокъ предметомъ колкостей и насмѣшекъ самыхъ непристойныхъ. А прогоняють ихъ позволено только словами; если осмѣянешься дамѣ волю ломаятъ, но на это есть у нихъ наемные кавалеры, которые, кромѣ того, что распространяють кругъ ихъ знакомства, готовы приколотишь тебя за каждый неосторожный толчокъ, данный дамѣ его сердца. И не только карманный ея кавалеръ, н. е. кавалеръ ея кармана, но и всѣ такъ называемые порядочные люди будутъ упрекать тебя и ругать за нарушение должнаго уваженія къ прекрасному полу. — Этому превратно истолкованному правилу не подлежатъ слова. Въ Парижѣ, какъ на улицѣ, такъ и въ обществѣ, (что я послѣ имѣлъ случай замѣтить) не только позволено говорить дерзосно встрѣчающимся дамамъ, или приводишь въ краску невинную дѣвушку, выведя изъ ея словъ неприличнѣйшій каламбуръ, но и весьма похвально, потому что всякій этому радъ и стараешь умножитъ замѣшательство ея приправленіемъ новой непристойности, — а уголовнымъ преступленіемъ противу приличія почишаешь опшолкнушь развращенію. Сначала я смѣялся, но наконецъ вышелъ изъ терпѣнія. Не знаю, угрюмый

ли видъ, принятый мною въ это время и суковашая, дорожная палка, кощорой я скомандовалъ на плечо, — или шепнутое Маіоромъ слово: *c'est un Russe!* подвѣшывало на жидконогихъ Парижанъ; шолько я препорядочно далъ волю локтямъ своимъ и выбрался въ садъ, откуда мы пошли въ Палерояльскій шеатръ де Монпансье. За входъ ничего не плашашъ, но должно непременно чшо нибудь выпить или съѣсть и заплашишь за шо влящеро. Въ партеръ для этого усстроены столы, окруженные скамьями или стульями. Въ партеръ чернь, а въ ложахъ порядочно одѣтые люди. Женщинъ множество, но всѣ безъ изьяшя по-срамляющія полъ свой. Каждый часъ дается какая нибудь пьеса, продолжающаяся полчаса. Равно въ 9 часовъ подняли занавѣсъ и представили водевилъ: Маркишаншка и барабанщикъ. Крикъ прислужниковъ, приспашающихъ къ посвѣщителямъ, чшобы они взяли чшо нибудь, громкій хохощъ въ партеръ, брань, двиганье и паданье стульевъ, клики жандармовъ: *Silence Mrs!* заглушали голоса актеровъ. Не смотря на шо, рукоплесканіямъ послѣ представленія не было конца. — Я хошѣлъ ийти домой, пошому чшо было около десяти часовъ; но Маіоръ предложилъ мнѣ зайти еще въ погребъ слѣпыхъ, а пошомъ въ игорную залу, и шѣмъ окончишь мой первый день въ Парижъ. Погребъ слѣпыхъ есть большая чешвероугольная зала со сводами и столбами, въ подвалѣ зданія Палерояльскаго.

Въ углубленіи залы, на возвышенномъ мѣстѣ, сидятъ двадцать слѣпыхъ, играющихъ на разныхъ инструментахъ, довольно пріятно, если бы по временамъ не выскакивалъ изъ-за маленькихъ ширмъ высокій мужчина, съ длинною зависою, à la tire-bouche бородою, съ перьями на головѣ, въ плащѣ шведскаго цвѣта, и не ударялъ безпощадно по дюжинѣ барабановъ и лишавръ, на низкой скамейкѣ разложенныхъ. Эпо, если тебѣ угодно знаешь, дикій, и по этому погребѣ называется: Caveau des aveugles et du sauvage. Слепые играютъ очень согласно и занимаются изъ Инспишуна слѣпыхъ, des Quinze-Vingts, называющагося такъ потому, что первоначально принимали въ него только 300 человекъ. Здѣсь уже постоянные посѣпителы и посѣпительницы всѣ низкаго разбора, кромѣ любовныныхъ, которые только приходятъ на нѣсколько минутъ. Отсюда оправились мы въ игорную залу. Онѣ не имѣють выѣсокъ, а только черный фонарь съ номеромъ. Тотъ, въ который мы пошли, былъ знаменитый No 113-й. Въ передней, опъ насъ пошребовали шляпы. Во всѣхъ другихъ публичныхъ заведеніяхъ шляпъ никогда не снимають, кромѣ шапъ, и по лишъ тогда, когда поднимають занавѣсъ. Въ первой залѣ, среди длиннаго стола, находилась рудетка; прошивъ нее съ обѣихъ сторонъ по два банкира, которые чередовались въ бросаніи шара, а на обѣихъ концахъ стола, два крупьера. Всѣ они имѣють въ рукахъ ма-

зикъ, или палку, всяженную въ маленькую овальную дощечку, для прищипыванія къ банкиру проигранныхъ денегъ, которые бы выношь изъ когъ достаешь своимъ мазкомъ. Онь совершенно схожь съ нѣмъ орудіемъ, которыми дворники въ Петербургѣ спускають въ одну кучу щадкую грязь на улицахъ. Сяголь покрытъ зеленымъ сукномъ съ выпуклыми на немъ, въ квадратахъ по три въ рядъ прищипки шесью номерами, оны 1-го до 36-ми включительно и два NN: O и OO. Съ одной стороны вышого длиннаго рѣшетчатаго параллелограмма написаны въ квадратахъ: rouge, pair, blanc, а на другой: noir, impair, passe. На одномъ изъ червыхъ двухъ спавяшь деньги и выигрываетъ, если ошгадають на какомъ голѣ вышедшій номеръ написанъ, на черномъ или красномъ; выорыши двумя играютъ на чепъ или нечепъ; а на послѣдніе свыше или ниже восемнадцати вышедшій номеръ. Банкиръ повертываетъ оспрълку рудешки и бросая шаръ, говоритъ: спавыше господа (faites le jeu, Mesrs); когда шаръ ослабываетъ въ ходу и можно замѣшшь на какой N онь упадешь, то Банкиръ восклицаетъ: вончено, господа (le jeu est fait, Mesrs), и иногда уже никакъ спавяшь не можешъ. Если кто спавяшь на одинъ номеръ, то получаете, въ случаѣ выигрѣша, 35 разъ, если же на два, 17 разъ болѣе спавленнаго, и п. д. въ сразѣрности. Проигрываетъ же, разумѣеся, столько шо, что спавлялъ. Множество людей сидять, имѣя въ

руках печатными карточками, разделенными на два столбца и раздающимися даромъ, и по цѣлымъ часамъ замѣчаютъ прокалывавшая булавкой дыры въ картѣ, сколько разъ сряду выходили номера на красномъ или на черномъ полѣ. Здѣсь есть еще одна зала съ рулеткой и двѣ, гдѣ играютъ *trente-quarante*, похожій на-Нѣмецкій *halb Zwölf*. Физіономіей игроковъ, о которыхъ пишушь и говорятъ такіе ужасы, здѣсь по крайней мѣрѣ не видаешь; называть же опчальнѣмъ и испуганнѣмъ театральныя выходки и ребячества проигравшихся Парижанъ было бы нелѣпо; вообще они только смѣшны, но опшюдь не страшны. Блѣдность лица, которую надѣляютъ обыкновенно игроковъ по причинѣ недоспанныхъ и проведенныхъ за игорнымъ столомъ ночей, также не имѣетъ здѣсь мѣста, потому что игорныя залы опкрыты опъ полудня до полуночи, и по этому, проигравшійся имѣетъ ровно двѣнадцать часовъ времени, чтобы выспаться. Игровая зала въ Парижѣ есть коммерческое заведеніе, основанное на акціяхъ, копоры покупаешь каждый можешь и въ капиталѣ копорого участвуютъ знавшійшіе банкиры. — Я не говорю, чтобы онѣ были не опасны, напрошивъ всякая публичная игра весьма и всегда вредна нравственности народа, и даже чѣмъ она менѣ опвращительна, тѣмъ гибельнѣе для него, — но сказать вышеписанное только для того, чтобы показать, сколько можно вѣршиь рассказать шѣхъ, копорые описываютъ Парижскіе игорные дома,

сущимъ вершепомъ разбойничьимъ, а председательствующимъ со впальми неподвижными глазами, блѣднымъ лицомъ, съ исполономъ за пазухой. Самоубійства случаются, но они ограничиваются только попытками. Пронгравшійся Парижанинъ порвавъ себя оспорожно (ш. е. взерошивъ) волосы, и насмѣшивъ вдоволь публику разными гаупосиями и ширадами изъ различныхъ мелодрамъ Театра de la Porte St Martin, бросается съ крикомъ: vous m'avez volé, (вы меня ограбили) въ двери, забываетъ взять шляпу и шому подобное; или, если захочетъ удивить мiръ и попастъ въ газеты, то бросается изъ окна вшораго эшажа, на успланную полспымъ слоемъ песку аллею, и предспавление оканчивается обыкновенно вывихнутой или много что переломленной ногой, кошорую знаменитый Дююипренъ вставитъ или залечитъ на счетъ казны въ печеніе чешырехъ недѣль.— Но есть, конечно, самоубійства наспоющія, серьезныя, самоубійства не для публики, не театральныя; но на эшо у Парижанъ и кромъ игорныхъ залъ множество карманыхъ причинъ. Двѣ, совершенно прошивоположныя причины, производятъ одинакое дѣйствіе: у Англійскаго Лорда всегда слишкомъ много денегъ; онъ не знаетъ, куда ихъ дѣвать, (нельзя же шребовать, чшобъ ему пришло на мысль опдасть ихъ младшему брату, бѣдняку), и онъ начинаешъ воображашъ себя, чшо ему скучно, чшо у него сплинъ. Ну, а ужъ когда у Англичанина сплинъ, шо онъ дол-

женъ непременно, если не захочетъ нарушить общаго порядка вещей, *прехладнокровно застрѣлится*. У Парижскаго Маркиза или Виконта, всегда недоспаешь денегъ, и онъ по пущишься на биржу торговашь облигаціями и фондами, по заведешь, подъ чужимъ именемъ лавочку, по пускаешься въ изобрѣшенія и опкрытія по часши наукъ, извѣстныхъ ему шолько изъ руководствъ (manuels), по стараешься обогатиться посредствомъ выгоднаго мѣсна по Минисперсшву, подряда для продовольствія арміи, женишьбы на дочери банкира, и если ему ни что не удасся, по онъ мечешся какъ угорѣлый, смѣшивъ праздныхъ, бѣсинъ дѣловыхъ, наконецъ, пожалуй, съ *попыхахъ и застрѣлится*. Пробывъ цѣлый часъ въ No 113-мъ и выигравъ бездѣлицу, я пошелъ съ Маіоромъ домой, и очень радъ былъ, когда попалъ въ свою комнапу.

Вошъ шебъ мой первый день въ Парижъ! ш. е. описаніе того, что я видѣлъ въ первый день; подробносши же относящя къ тому времени, которое провелъ я послѣ того здѣсь. Много имѣю я еще сказать, но оплагаю до будущей почшы, пошому что письмо мое и шакъ уже длинно. — Нѣсколько словъ еще объ обмануныхъ ожиданіяхъ. Помнишь ли ны, какъ мы, бывало, читая *Общественный договоръ* Руссо, *Философическій словарь* Вольшера, разсуждали о великихъ Французахъ, какъ о существахъ исключительно одаренныхъ всѣми древними и новыми добродѣтелями, приписывали

Французскому гению славу и умъ великаго Корсиканца, считали Французскій образъ Правленія за благотворное свѣдѣніе народовъ и Государствъ; благородство, храбрость, услужливость Французовъ отличительною чертою ихъ характера.

— Поминишь ли ты, какъ мы, поглощая описанія Карамзинка о Парижѣ, рассказы земляковъ нашихъ о Пале-рояль и — что грѣха шанить — перечисывая украдкой въ десятый разъ *Любовныя похождения Шевалье де Фоблаза*, восхищались, охали, — юное сердце хотѣло выпрыгнуть отъ восторга, воображая себя когда либо въ вѣнокъ раю. Мы готовы были отдать десятъ лѣтъ своей жизни, чтобы только возможно было намъ произнести магическія слова: я въ Парижъ!!! Ну что-жь? я въ Парижъ; да, я въ Парижъ; да неужели я въ Парижъ? точно, я въ Парижъ. Щупаю себѣ голову, лицо; палею глаза, смотрю, вижу Новый мѣстъ; да, я въ Парижъ. — Нѣтъ, лучше вообразу себя, что я уваръ въ Пинеръ. Меня окружаютъ толпа моихъ товарищей, друзей, во фракахъ, въ юнкерскихъ, въ студентскихъ мундирахъ, даже въ вполенахъ, на которыхъ премно блестятъ одна звѣздочка, — и восклицаютъ: «Какъ ты былъ въ Парижъ?» — Да, я былъ въ Парижъ. «О блаженный человекъ! и ты не умеръ отъ восхищенія?» — Покажетъ языкъ еще. «Ну что, шумъ, шлокошья, семи-вѣнажные домы, узкія, грязныя, улицы!» — Да. «Ахъ какъ вѣно мило! Шестперки, четверки запряженныя....» — Гусемъ.

»Въ прелестныя экипажи....« — Ломовые. »Мчашіе-ся по улицамъ?« — Шагоиъ. — »Полно тебѣ вращь, вѣдь всѣ говорятъ...« — И я говорю. »Что по Парижскимъ улицамъ несутся экипажи....« — Это было при Карамзинѣ. »И давятъ людей!...« — Глухихъ. »Что знаменипаго Турнефора раздавили лошади.« — Раздавили. »Что тамъ прячуцца ошъ нихъ въ магазины.« — И шеперь. »Да къ чему, чего они бояшя?« — Грязи. »Да кшожь на нихъ брызжешъ, когда экипажей нѣтъ?« — Фьякры. »А прогос, о фьякрахъ, не правда-ли, что они вовсе не похожи на нашихъ извозчиковъ?« — Правда. »Ахъ, какъ это прелестно! Ну, а Пале-рояль, не правда-ли, что онъ восхищенелень, очаровашелень?« — Для провинціаловъ. »А Тюльери? чудо? Вѣдь ешъ же люди, которые ушверждающъ, что нашъ Льшній садъ и рѣшетка лучше Тюльерійскихъ?« — Ешъ. »Ну, а свобода, вольность: говори что хочешъ, пиши что душъ угодно!« — Да, коль хочешъ посидѣль въ шюрмѣ. »Какъ въ шюрмѣ, въ какой шюрмѣ?« — Свяшой Пелагеи (Ste. Pelagie). »Да за что....?« — Не ври. »Да вѣдь тамъ свобода книгопечатанія?« — Для немѣющихъ грамотъ. »Свобода говоришь?« — Для черни. »Ну, если я что нибудь скажу или напишу прошивъ Правительства, что со мною сдѣлающъ?« — Позовущъ въ Судъ. »Кшо о томъ объявишь въ Судъ?« — Королевскій Прокуроръ. »А ему кшо скажешъ?« — Сорокъ тысячъ Парижскихъ шціоновъ. »Да, тамъ Полиція чудесная, сей-

часъ опыщуть. О Парижъ! Парижъ! Это рай. Давайте шампанскаго! Да здравствуетъ Парижъ! Вѣдь ты пилъ шамъ шампанское? — Пилъ. «А что спонить буылка?» — Пяшь рублей!.. «Какая дешевизна! Пей, брашь! Да что ты все сидишь и молчишь! рассказывай намъ о Парижъ, о Пале-Рояль, о Парижанкахъ, о Парижанахъ.» — И вошь я рассказываю, рассказываю, кругъ около меня мало по малу рѣдѣетъ и наконецъ остаешься одинъ ты. — Ты мнѣ вѣришь, ты знаешь что я говорю, что чувствую, удивляешься, молчишь и пыхонько вздыхаешь. Такъ, другъ мой, въ три года, я спалъ десятью годами спарье. Въ три года, я узналъ всю ничтожность тѣхъ правилъ, копоры насъ одушевляли, узналъ, что *Общественный договоръ*, *Философическій словарь*, есть ядовитая на-смѣшка на вѣрующихъ въ нихъ; — что добродѣтели въ Парижъ — прекрасный шеапральный занавѣсъ, закрывающій волчью долину, обиналице злаго духа; — что благородство, храбрость, услужливость, основаны на низкомъ расчетѣ собственной пользы; — что благошворное съ-шило народовъ и Государствъ есть факель безначалія и грабежа; — что вся слава и величье Французовъ опираются на подвигахъ великаго Корсиканца!.. Корсиканца, который хопѣлъ изъ нихъ сдѣлать людей, (спрашиваю: можно ли ихъ было назвать людьми во время революци?) даль имъ законы, правленіе, вѣру, военное искусство, сдѣлалъ ихъ уважаемыми ошь всѣхъ народовъ, и

въ награду за то была предательски ими ослав-
 лень. Пока ему льстило счастье и они ему
 льстили; когда оно ему изменило, изменили они.
 Нынѣ же приписываютъ его славныя дѣла себѣ,
 какъ будто они могли чшѣ нибудь сдѣлать безъ
 него, между шѣмъ какъ онъ могъ съ нами дѣ-
 лать, что хотѣлъ. Никакой народъ не позво-
 лить бы изъ себя дѣлать, чшѣ онъ съ ними дѣ-
 лалъ. Онъ образовалъ у нихъ Римскую республи-
 ку, а попомъ Монархическое правленіе; возста-
 новилъ у нихъ Римско-Католическую вѣру, а по-
 номъ велѣлъ имъ выгнать Главу Римско-Като-
 лической церкви. Онъ называлъ ихъ великою на-
 ціею, и взбалмошная нація почувствовала себя
 великою, также какъ Веспасіанъ чувствовалъ,
 что онъ спановишся Богомъ. Онъ далъ ей доб-
 рый приѣмъ бѣлены, смѣшанной съ воинской сла-
 вой, дерзостью, ласкою, и бѣвующейся народъ
 гошовъ былъ ишимъ хощъ на чорша. Онъ по-
 шатнулся, а они вмѣсто того, чшѣбы поддер-
 жать, забросили ноги на спину, да ну бѣжать,
 попрыгались въ норки и выглядывали опшуда,
 говоря: ахъ, какъ бы эта буря насъ не задѣла! —
 Это ужъ слишкомъ много, скажешь ты, и спросишь
 меня, почему я прежде о томъ не помышлялъ,
 пошому, что Исторія Франціи и въ Петербур-
 гѣ была мнѣ извѣстна. — На это скажу, что
 я прежде не зналъ Французовъ, а шеперь ихъ у-
 зналъ. — Но законы, скажешь ты, остались? —
 Осшались, чшѣбы надъ ними надсмѣхаться. При-
 веду шѣбѣ одинъ примѣръ. У насъ въ Петербур-

гъ, если кучеръ переведеть человѣка, по его выдерушъ, лошадей возьмутъ для пользы общественной, а баринъ долженъ лечить несчастнаго. Въ Парижѣ законъ пошановляеть, что кучеръ долженъ три раза крикнуть *пади* и если послѣ этого случится несчастіе, по кучеръ избавляется ошъ опвѣстственности. Чшожь изъ этого выходитъ? То, что Русскій кучеръ, несясь во всю прышь, если завидитъ человѣка, медленно переходящаго улицу, кричитъ ему десяшь разъ *пади* и если пошь не слышитъ, или не слушаешся, по онъ оспанавливаетъ или сворачиваетъ въ сторону лошадей; Французскій же кучеръ, сказавъ три раза *гаге*, знаетъ ничего не хочеть и просто ѣдетъ впередъ и давитъ народъ, — и выходитъ изъ Суда, гордо какъ невинность, раздавивъ или сдѣлавъ калѣкою несчастнаго, котораго вся вина сосшояла въ глухость или задумчивости. Эшо ли власть законовъ? эшо насмѣшка надъ ними!

И такъ прошу тебя для пользы швоей, разочаруйся, какъ я разочаровался нашимъ идеальнымъ Парижемъ. Думай о немъ съ удовольствіемъ, съ восхищеніемъ, если хочешь, — на счетъ веселостей тебя шамъ ожидающихъ; но изжени изъ себя эши мечшанія объ обворожительности, ожиданіе чудесъ, заражающее къ несчастію всѣхъ нашихъ земляковъ; — и ны увидишь его спокойно и онъ тебѣ понравится. — Въ началѣ письма говорилъ я на счетъ разсказовъ соотечественниковъ о Парижѣ. Миѣ ка-

жестя, преувеличеніе што происходитъ частію отъ того, что они смотрѣли на все глазами Француза-провинціала; частію же, что они хотѣли и не нашли, подобно мнѣ, чего ожидали, но спыдаясь высказать свое мнѣніе, боясь сдѣлаться смѣшными въ глазахъ предубѣжденныхъ нашихъ соотчичей. Еще бы провинціалъ какой нибудь, не выдавшій ничего кромѣ губернскаго города, въ кошоромъ родился, а что жилось, писмоецъ Русской столицы! Удивительно, непонятно, какъ сильно предубѣжденіе! — Перечитывая письмо, нахожу, что я помѣстилъ два раза, не объяснивъ пому причины, должниковъ въ числѣ обшпашелей Пале-рояля. — Когда кредиторы несостоятельнаго должника получаютъ отъ Коммерческаго Суда позволеніе заперѣть его въ шюрму, то они должны его ловить на улицѣ, когда онъ выйдетъ изъ дому и то только отъ восхожденія до захожденія солнца. Вотъ, мой должникъ, соскучивъ сидѣть днемъ дома, идетъ вечеркомъ въ Пале-рояль, занимаетъ комнату; а какъ въ публичныхъ мѣстахъ, въ Королевскихъ садахъ и п. д. также не позволено ловить должника, то онъ поутру выйдетъ освѣжиться въ Палерояльскій садъ и прочешетъ газеты, потомъ идетъ къ Вефуру позавтракать, отшуда въ Кабинетъ для чшенія, отшуда обѣдать, потомъ одѣвается и вечеромъ идетъ въ театръ или въ гости. Вотъ новый образецъ власни Французскихъ законовъ. Прощай; пишу какъ можно болѣе о Россіи. Теперь-то я ее ис-

пикно полюбить. Читай мое письмо всѣмъ кино захочешь слушать и прибавь къ нему, если хочешь, виграфъ: Звонки бубны за горами.

А. Московскій.

IV.

ПОЛТИЦКА.

1.

НОВАЯ ПАЛАТА ДЕПУТАТОВЪ.

Статья III.

СРЕДНЯЯ ПАРТІЯ.

По утверженіи адреса, (*) всѣ полковали о рѣшительномъ нападеніи Средней партіи на Минисперство. Кто знаешь? Можешь, средняя партія скоро добьется власти! — Полно существенны ли всѣ эти нападенія? не шулка ли это, какъ и въ прошломъ году? на долго ли они? Да припомъ какой результатъ произведутъ они? Естественъ ли союзъ Г. Гизо съ Г. Тьеромъ противъ партіи Дюпеля? — Долго ли могутъ идти по одной дорогѣ два человека, споль несогласные между собою, и если буря усилилась, неужели Г. Тьеръ не покинетъ Г. Гизо и не протянетъ руку къ поржествующей партіи, чтобы помочь ей забраться въ Минисперство?

(*) Нынешній адресъ, какъ известно, написанъ Г. Этьеннъ, Членомъ Средней партіи, и въ немъ есть нѣсколько оразъ, несогласныхъ призывныхъ Минисперству. *Ред.*

За Исторією партій слѣдоваль не прудно, по-тому, что у ней свое знамя, свои выгоды, свой силь-ной и спрасный языкъ. Партія можеть ошибаться, угнеташь государство, окровавляшь свое дѣло; но она воегда плаже партія; она сохраняешь свою лич-ность; она никогда не унижаешь до нишригъ; она возвышаешь или падаешь съ неизмѣнною искрен-ностію.

Но что такое Средняя партія? Можно-ли слѣ-довашь за движеніемъ нѣсколькихъ человекъ, безъ сильныхъ и благородныхъ спраспей, за движеніями мелкой политической партіи, имѣющей свою корысти-ную цѣль и идущей къ ней кривыми пунами, угне-шая слабыхъ, стѣбалась предъ сильными? Чшо можеть сдѣлать Средняя партія въ общемъ теченіи дѣлъ? Чшо создала когда либо Средняя партія, какіе резуль-таты произвела она для будущаго? Заглянише въ Исторію: Средняя партія сдѣлала изъ Кардинала Бур-бона смѣшнаго Французскаго Короля. Кому надобно приписать Парламентскія мелочи Фронды? Средней партіи. Въ 1789, во время великихъ явленій волненія и народной силы, она одицешворилась въ Сіестъ и погибла въ своей Конституціонной болнотѣ. Но вошь являешь могущественный Конвентъ! Средняя партія со смраха присодняешь къ Робертспьеру; въ правленіе Директоріи приспаешь шю къ однимъ, шю къ другимъ; 18 Фруктидора ошиправленъ Депушатовъ въ ссылку и потомъ привѣштвуетъ Бонапаршову военную революцію. Энохи вліанія Средней партіи всегда были мелочны; ни какія великія предпріятія не совершены во времена ея могущеснва; никогда возвышенное чувство, молнія славы, не блещетъ въ эшихъ душахъ пресмыкающихся, которыя управляютъ обществомъ, льстя его самымъ низкимъ наклонно-стямъ. Средняя партія доспавишь вамъ жизнь мелоч-

чую, пошлую, если хопите, даже спокойную; но не ожидайте отъ нея ничего такого, чтобы сослужило блестящую страницу въ Исторіи; эта партія истребуетъ охранной грамоты отъ всѣхъ происшествій; прячется при каждомъ переворотѣ и потомъ, при восстановленіи тишины, снова появляется, чтобы воспользоваться перемятами, каковы бы онѣ ни были.

Не надобно думать, чтобы люди дѣлались начальниками партій по собственному произволу; не прихоть Фортуны спавишь ихъ на то или другое мѣсто, но таинственное сочешаніе, пошому что сердце челоуѣка всегда кроется въ глубинѣ партій и партія таится въ сердцѣ челоуѣка. Это объясняетъ вамъ могущество Г. Дюпена въ частн Палаты, которую называютъ Среднею партіею; дѣло въ томъ, что между ними существуетъ сильное сочувствіе. Возьмите Г. Дюпена, поставьте его куда вамъ угодно; онъ всегда возвратится на это мѣсто, предназначенное ему природою.

Я уже говорилъ, что въ новой Палатѣ, Средняя партія по необходимости должна будетъ пристать или къ Министерству, или къ Оппозиціи. Въ Палатѣ возобновленной, въ которой партіи непременно должны обозначаться явственнѣе, существованію Средней партіи было бы несообразностию; эта Средняя партія неизбежно должна перейти или къ Министерству или къ Оппозиціи. Будьте увѣрены: во всѣхъ случаяхъ важныхъ, гдѣ дѣло идетъ не объ однихъ только фразахъ, а о дѣйствіяхъ положительныхъ, рѣшительныхъ, Средняя партія будетъ Министерскою. Если придется выбирать между Г. Тьеромъ и Г. Лафиттомъ, между Г. Одилономъ Барро и Г. Персильемъ, Средняя партія никогда не усомнится. Она можетъ иногда досадовать на Г. Тьера; но

эпо ея любимиць; Г. Тьеръ, который такъ хорошо опгряхаетъ пыль сапоговъ своихъ на униженномъ чель ценшровъ; Г. Тьеръ, который презираетъ всѣхъ людей на свѣтъ; Г. Тьеръ, котораго нынѣшнее время поставило такъ высоко, пошому что онъ одинъ изъ первообразовъ нынѣшняго времени, пошому что нѣкоторая часть обществъ, порожденная эпохою безпорядковъ и позора, въ немъ олицетворяется.

Тщетно Средняя партія спарается увѣрять насъ въ своей независимости, оппуская острия слова на Министровъ; эпо походитъ на скоропреходящую досаду лакеевъ въ большихъ домахъ. Она можетъ вклеить въ адресъ нѣсколько непріятныхъ словъ, но какъ Министры прячутъ адресъ въ карманъ и сообразуются съ нимъ, только когда вздумается и какъ дѣло все въ бѣлыхъ шарахъ, а Средняя партія кладетъ бѣлые шары на бюджеты, на воинскіе законы, на все что угодно Министрству, то какая же надобность толковать о законности; эпо значитъ бить превогу на пожаръ, когда пожара тушить не хочешь. Г. Дюпень спанетъ краснорѣчиво толковать о свободѣ писанія, класъся въ нѣжной привязанности своей къ журналамъ; но если Министрству вздумается уничтожить одну изъ эпохъ публичныхъ трибунъ, если оно спанетъ нарушать личную свободу гражданъ или неприкосновенность ихъ жилища, повѣрьте, что Президишъ Палаты и не подумаетъ заставить свою партію подать голосъ въ пользу законности и опказомъ суммъ на секретныя издержки уничтожить злоупотребленія, которыя дѣлаетъ изъ нихъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Судебный говорунъ, провозгласитель постсовъ, Г. Дюпень, среди обильныхъ воздѣній, выставляется пламеннымъ защитникомъ правъ народа; но по выходѣ изъ объѣда, онъ и не подумаетъ требовать наказанія Министрства, осмѣливагося изъ

предосморожносши забралъ подъ спражу полшоры тысячъ человекъ по жалкому дѣлу, которое должно окончилъся посаженіемъ въ тюрьму какого нибудь Журналиста.

Въ Средней Паршии, также есть нѣсколько общинковъ.

Ъ перелому принадлежатъ дворцовыя постышпели: эти господа всякой вечеръ ѣздитъ въ Тюльери и выхода оппшуда возхваляютъ добродѣтели одного Принца, любезносшь другаго, съ умиленіемъ рассказываютъ вамъ сколько эшарповъ вышила одна Принцесса, какъ хорошо ѣздитъ верхомъ другая, и въ заключеніе воспѣваютъ благошворительносшь этого превосходнаго семейства. Эти господа выказываютъ какую шо рыцарскую, полу-феодалную, полу-религіозную привязанносшь къ Королю Французовъ. Только нынче дѣло идетъ не о рыцарствѣ, не о шурнирахъ, а о балашировкѣ и голосахъ въ Палатѣ Депутатовъ; нынче дають за Короля своего бѣлый шаръ, какъ прежде ломали копыя за свою даму; надѣваютъ Минишерскую ливрею, какъ прежде цвѣща своего Государя; Буванъ, Иври, — это нынче бюджеты и суммы на секретныя издержки; и, какъ весело, когда одинъ изъ эшихъ господъ, возвращаясь, покрытый пошомъ и пылью, изъ Палаты, можеть сказать Королю своему: «Мы прибавили миллионъ къ доходамъ Королевскаго Дома и жертвовали собою, чшобы пріобрѣсть нѣсколько тысячъ десятиныхъ лѣса Вашему Величеству!»

За этими рыцарями Депутатами являются формалисты. Посмотрѣли бы вы какъ они бѣсѣлись, когда Коншрольоснавилъ безъ новѣрки сорокъ чешыре франка въ бюджетѣ въ нѣсколько миллионивъ! Эти господа никогда не осмѣлялись депронуться до огромнаго бремени, лежащаго на плечахъ народа; они спокойно позволяютъ посадить въ тюрьму толпы гражданъ, хладнокровно

ещамуть смощрѣшь какъ Парижанъ бьютъ палками; но избави Богъ, если бы на примѣръ, Экзекуторъ не исполнилъ какого нибудь обряда; — о! тогда они устремляющся на шрибуну, разливають волны краснорѣчія и провозглашаютъ себя защитниками правъ и преимуществъ гражданъ.

Третій разрядъ. — Эти люди почишаютъ обязанностію шеритьшь и надѣяшся; если Минисстры не сдѣлали чего нибудь въ нынѣшнемъ году, по сдѣлають въ будущемъ. Имъ надобно было побѣдишь мятежниковъ и умершвишь, какъ я уже говорилъ, *секаторбу Карлистовъ, на могилахъ Республиканцевъ.* О коренныхъ законахъ буденъ еще время подумашъ. Будемъ шеритьшвы, благоразумны, спанемъ сохраняшь порядокъ и мы до всего доспигнемъ; ушвердимъ шолько бюджетъ въ нынѣшнемъ году, въ слѣдующемъ и шакъ далѣе.

Четвертый разрядъ. — Эшотъ, по моему мнѣнію, самый низкій и неблагогородный! — Къ нему принадлежатъ люди, независимые на словахъ, которые декламируютъ противъ Минисстровъ, порицають ихъ дѣйствія, бросаютъ молвію въ частныхъ обществахъ и въ избирательныхъ Коллетіяхъ, а потомъ преклоняють колѣна передъ волею малѣйшаго изъ Королевскихъ Советниковъ. Жалкій характеръ эша независимости, получающая жалованье; эшо двойное уваженіе, къ Минисстерству, которое плашншь, къ народу который избираешъ; дурная совѣсть въ дурныхъ людяхъ; надобно было время общесивеннаго упадка, какъ наше, для ятого, чшнобъ подобные люди могли зашнмашъ мѣсна въ политическомъ мѣрѣ и сосшавлять паршію.

Я не называлъ ни кого по имени въ эшой Спанисшкѣ Средней паршіи, потому, что люди, знакомые съ Французскими Парламентомъ, сами могутъ

причислишь по нѣскольку именъ къ означеннымъ мною категоріямъ; нужно ли мнѣ писать біографію Г. Дюпена, изображать прежнюю жизнь Г. Этьенна, прославлять независимость Г. Вьенне — первообраза, возвышающагося надъ всеми прочими? Трудно было бы сказать, чѣмъ эти люди отличаются нынче отъ Министеріалистовъ; такъ почему же имъ не оставишь наименованія Средней партіи? Это слово теперь уже ровно ничего не значить, не имѣетъ никакого смысла въ языкѣ политическомъ и должно быть вычеркнуто изъ Словаря Палаты; Министромъ ли будетъ Г. Дюпень, или останется Президентомъ Палаты, онъ все принадлежитъ душою и пѣломъ Правительству.

2.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ:

Р о с с і я.

Государь Императоръ, по случаю кончины Почетнаго Опекуна Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Нелидова, Высочайше повелѣшь соизволивъ, что бы бывшія въ его завѣдываніи частни оспались: С. Петербургская Сохранная Казна въ Управленіи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Кушникова, а Училище Глухонѣмыхъ въ Управленіи Почетнаго Опекуна, Тайнаго Совѣтника Новосильцова.

— Высочайшимъ Приказомъ, 8-го Октября, назначены: Окружный Генераль 2-го Округа Опдѣльнаго Корпуса Внутренней Спражи, состоящій по Арміи Генераль-Маіоръ Тришашный, Начальникомъ 10-й Пѣхошной дивизіи; Начальникъ 10-й Пѣхошной дивизіи, Генераль-Лейтенантъ Лашковичъ, состоящій по Арміи; Ярославскій Гражданскій Губернашоръ, Тайный Со-

вѣдникъ Полшорацкій, Ярославскій же Военнымъ Губернаторомъ, съ переименованіемъ въ Генераль-Лейтенанта и съ соспояніемъ по Арміи; уволенный ошъ службы Генераль-Маіоръ Баумгаршенъ определенъ по Арміи, съ назначеніемъ Комендантомъ въ г. Николаевъ.

— По засвидѣтельствованію Московскаго Военнаго Генераль-Губернатора Князя Голицына, объ особенномъ усердіи, оказанномъ на пользу нуждающихся Московскихъ жителей по бывшему Комиссупу для предупрежденія затрудненій по продовольствію Москвы, Высочайшимъ Указомъ Сентября 24-го числа с. г., Всемилоспивѣйше пожалованы Кавалерами орденовъ: Св. Владиміра 4-й степени: Московскій Градской Глава, 1-й гильдіи купецъ Колесовъ, и купцы 1-й гильдіи Спсраховъ и Нѣжинскій Грѣкъ Чумага; Св. Анны 3-й степени: дворяне и 1-й гильдіи купцы Александръ и Валентинъ Куманины, и Московскій купецъ 1-й гильдіи Щекинъ.

— Государь Императоръ, по докладу Г. Министра Финансовъ, въ 22-й день Сентября, Высочайше повелѣшь соизвоилъ: бывшаго Грузинскаго Гражданскаго Губернатора, Дѣйсспвительнаго Спашскаго Совѣтника Завелейскаго, опредѣлишь въ число чиновниковъ для особыхъ порученій при Министрѣ Финансовъ.

— Высочайшими Грамошами Всемилоспивѣйше пожалованы Кавалерами орденовъ: Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшеннаго: Начальникъ Шшаба 3-го Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса Свшны Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ Графъ Толстой 2-й, и Начальникъ Шшаба Аршиллеріи 1-й Арміи Свшны Его Императорскаго Величества Генераль-Маіоръ Глинка 2-й; Св. Анны 1-ой степени: Орловскій Гражданскій Губер-

напоръ Дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ Кочубей и состоящій при Главнокомандующемъ 1-ю Арміею Генераль-Маіоръ Галачевъ; Св. Спанислава 1-ой степени: Управляющій Московскою Коммиссіею Коммиссаріальскаго Дѣла, Генераль-Маіоръ Лодыгинъ, и Исправляющій должность Московскаго Оберъ-Полицмейстера, Генераль-Маіоръ Цынскій; Св. Владимира 2-ой степени: Начальникъ 11-ой Пѣхотной дивизіи Генераль-Маіоръ Гурко 2-ой; Св. Спанислава 2-ой степени: Командиръ 2-ой бригады 7-ой легкой Кавалерійской дивизіи, Генераль-Маіоръ Гельрейхъ 2-й; Судья Верховнаго Трибунала Царства Польскаго и Председатель Уголовнаго Трибунала Мазовецкаго-Воеводства Покленковскій, Каменецъ-Подольскій Комендантъ Г. М. Маршановъ 2-ой, Командиръ 1-ой бригады 7-ой Легкой Кавалерійской дивизіи Тухачевскій 2-ой, Командиръ Сибирскаго Гренадерскаго полка Полковникъ Ниловъ и Правитель Канцеляріи Смоленскаго, Вишескаго и Могилевскаго Генераль-Губернатора, Спашскій Совѣтникъ Глушковъ.

А н г л и я.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ сего года собрано Государственныхъ доходовъ 330,064 фунтами стерлинговъ менше, чѣмъ въ соотвѣствующей четверти прошлаго года; но во весь нынѣшній годъ получено 313.418 фунтами сп. болѣе, чѣмъ въ то же время прошлаго года. Увеличеніе послѣдовало въ таможенномъ сборѣ, а акцизъ доставилъ менше прошлаго года.

Въ Times говорятъ, что во многихъ мѣстахъ Англіи, особенно же въ западныхъ провинціяхъ, существованіе Кошторъ Англійскаго Банка такъ невыгодно для мѣстныхъ частныхъ Банковъ, что богатѣйшіе и самыя независимыя изъ нихъ сопротивляются ихъ обращенію, и замѣчательно, что не смотря

на кажущуюся неровность борьбы, это соприспавленіе производился съ большимъ успѣхомъ. Мѣстные Банки убѣдили нѣхъ изъ своихъ илленштовъ, на копорыхъ они имѣютъ вліяніе, промѣнявъ билеты централнаго Банка или Коншоръ его на билеты мѣстныхъ Банковъ и посылающъ ихъ въ Лондонъ для обѣзна на звонкую монету; такимъ образомъ они доставляютъ имъ выгоду, кошорой Коншоры Англійскаго Банка не предославляли имъ иначе какъ съ премією. Говорятъ, что билеты Англійскаго Банка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти совершенно вытѣснены этою мѣрою изъ обращенія.

Городъ Дуиди поднесъ Графу Дургаму дипломъ на гражданство и далъ въ честь его великолѣпный праздникъ.

Турецкій Посланникъ Намикъ-Паша предславлялся 9 Октябра Королю.

Ф Р А Н Ц І Я.

Г. Гизо занимается теперъ назначеніемъ Инспекторовъ порвоначальнаго образованія, кошорые должны вступитъ въ должность 1 Января 1835 года. Въ каждомъ Департаментѣ будетъ Инспекторъ, кошорый обязанъ по крайней мѣрѣ разъ въ годъ осматривать всѣ Школы и доносить о состояніи ихъ Министру.

Биржевые Агеншты приняли така мѣра, что игра въ фонды почти совершенно прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось и непрерывное распусканіе на Парижской Биржѣ политическихъ новостей. Если бы эта мѣра принята была за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, то она предупредила бы разореніе многихъ капиталистовъ; причиненное непрерывнымъ волненіемъ курса Испанскихъ фондовъ.

Первые шорговые дома въ Парижѣ положили не принимая участія въ новомъ займѣ Испанскаго

правительства; въ Journal de Commerce говорятъ, что заемъ будетъ заключенъ въ Мадридѣ съ Испанскими Банкирами, но что Парижскіе и Лондонскіе дома будутъ имѣть право въ немъ участвовать.

Г. Ливингстонъ, Посланникъ Северо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ прибылъ въ Парижъ. Говорятъ, что онъ имѣетъ корученіе предложивъ нѣкоторыя измѣненія въ договоръ объ уплатѣ 25 мил. ошвергнутомъ Палапою Депутатовъ. Увѣряютъ, что Соединенныя Штаты, чтобы скорѣе окончить это дѣло, рѣшились уступитъ шрестью часъ изъ своего пребыванія.

Знаменитый Композиторъ Боэльдѣ, умеръ 6 Октября въ своемъ помѣщеніи (*).

Испанскія дѣла.

Въ одномъ письмѣ изъ Сентъ-Жанъ-де-Люзъ говорятъ слѣдующее: «Донъ Мигуэль Португальскій, который, за нѣсколько дней предъ симъ, былъ еще, какъ полагали, въ Генуѣ, проѣхалъ чрезъ Францію, отъ Альпъ до западныхъ Пиреней и въѣхалъ въ Испанію 5 Октября, чрезъ Сурамонди. Въ другомъ письмѣ подтверждающъ это извѣстіе, прибавляя что 6 Октября онъ былъ въ Урдахъ.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ нѣтъ ничего новаго. Испанская армія, просиравшаяся отъ 10 до 12 тысячъ человекъ, сосредоточена въ Пампелунѣ и окрестностяхъ сего города. Говорятъ, что въ ней свирѣпствуетъ холера.

Льяндеръ отправился изъ Барседоны въ горную часть этой Провинціи, гдѣ появились Карлистскія шайки. Между прочимъ около Монсерра находяща

(*) Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ С. О. и С. А. мы сообщимъ читателямъ нашимъ его Біографію. *Ред.*

опрядь гверильсовъ въ 1000 человекъ, соспощій подъ командою знаменищаго Караюла. — Въ Барселонскомъ журналѣ El Varog говорятъ, что нѣсколько шаекъ уже разбино и что нѣкоторыя города и даже деревни формируютъ опряды волонтеровъ для содѣйствія войскамъ Королевы.

Въ одномъ письмѣ изъ Байонны говорятъ, что Донъ Карлосъ намѣреваеться издашь амнистію, 4 Ноября въ день своего рожденія. Спашьи этого декрета разсмотрѣны въ собраніи Наваррскихъ и Бискайскихъ Юншъ и одобрены Генераломъ Сумалакарегви, кошо-раго Донъ Карлосъ приглашалъ для этого.

Палата Прокураторовъ приняла оспашья спашьи Минисперскаго проакша о государственномъ долгѣ и изъвила свое согласіе на заключеніе займа въ 400 милліоновъ реаловъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно открыта была жила серебряной руды въ Перувезскомъ болошѣ (въ Бельгіи); говорятъ, что шакая же жила найдена близъ Турне она уже даетъ 39 процентовъ серебра.

7 Октябра исполнилось 25 лѣтъ, съ нѣхъ поръ, какъ Князь Мешпернхъ управляетъ дѣлами въ Австріи.

По повельнію Леопольда II, Великаго Герцога Тосканскаго, во Флоренціи будетъ воздвигнута спашья Галлею.

18-го Октябра.

ИЗВѢСТІЯ, ПОЛУЧЕННЫЯ СЪ ПОСЛѢДНЕЮ ПОЧТОЮ.

Во Французскомъ Монисперѣ говорятъ, что ко-свенныхъ налоговъ собрано за первыя шри чепверти сего года 420.695.000 фр. шо есть 14.565.000 фр. болте

чѣмъ въ 1832 году и 1.075.000 монъ въ 1833. —
 Въ Министериумѣ Газетнахъ опровергаютъ слухъ
 о томъ, что Донъ Мигуэль прибылъ въ Испанію;
 впрочемъ иже Газетамъ опровергли слуха и слухъ
 о прибытіи туда Дона Карлоса.

— Въ Португальской Палатѣ Депутатовъ негосу-
 дятъ на назначеніе Герцога Пальмеалла первымъ Ми-
 нистромъ. Комиссія для изысканія нарушеній Кон-
 ституціи находить это назначеніе не законнымъ, по-
 тому что Особа одного только Государя должна быть
 неприкосновенною, а такъ какъ Герцогъ Пальмеалла не
 живетъ особаго Министерства, то и онъ будетъ
 неприкосновеннымъ. Впрочемъ, докладъ объ этомъ Ком-
 иссіей, послѣ жаритъ и продолжительныхъ преній,
 отвергнутъ большинствомъ 50 голосовъ противъ 44.
 — Адмиралъ Нэпиръ отказался отъ должности и
 утѣлъ въ Англію.

19-го Октября.

MANTRAUX. — Les manteaux écossais semblent être appelés à un grand succès cet hiver. Le nom de *Marie Stuart*, donné à ceux en satin à grands carreaux de couleurs vives et brillantes, seront les plus élégans pour la sortie des spectacles, où le luxe des manteaux vient si fastueusement s'étaler sous le peristyle en attendant l'approche des équipages. Les *Quentin Durward* sont aussi beaucoup recherchés; les carreaux en sont marqués par des lignes de nuances très vives, encadrant des fonds bruns ou marrons.

— Nous voyons aussi des imitations exactes des *plaid*s des montagnards. Ce sont des fonds rouges, vers ou bleus, sur lesquels se dessinent de grands carreaux marqués par des lignes noires, oranges, blanches, etc.

ÉTOFFES. — Nous remarquons qu'en attendant les riches satins, velours etc. qui appartiennent tout-à-fait aux costumes des grandes soirées, on emploie pour robes habillées, beaucoup de *reps brochés* et des *poults de soie ramagés*. Elles offrent des guirlandes ou des dessins délicats forment colonnes. Ces tissus sont souples, soyeux et s'emploient avantageusement pour robes comme pour redingotes.

— On voit encore des foulards, mais de dessins tout autres que ceux si en vogue cet été. Maintenant ce sont des fonds foncés à impressions noires, fond chocolat, écru, gros vert, à larges et gothiques ramages, ou dessins d'arabesques et de minarets. On en fait aussi à carreaux verts, violets, écrus, bleus, etc.

Плащи. — Шотландскіе плащи, какъ кажется, будутъ въ величайшей модѣ нынѣшней зимою. Плащи съ крупными квадратами живыхъ и блестящихъ цвѣтновъ называемые *Марія Стюартъ*, будутъ чрезвычайно хороши при выходѣ изъ театра, когда плащи такъ пышно красуются на подъѣздахъ, пока не подають экипажей. Плащи *Кейтенъ Дурвардъ* также будутъ въ большомъ употребленіи; на нихъ квадраты образуются полосками самыхъ яркихъ цвѣтовъ; поле квадратовъ бываетъ темно-коричневое или каштановое.

— Мы видѣли также шочныя подражанія плащамъ Шотландскихъ Горцевъ. Поле у нихъ бываетъ красное, синее или зеленое и на немъ рисуются большіе квадраты, составляемые полосками черными, оранжевыми, бѣлыми и проч.

— **Ткани.** — Мы замѣчаемъ, что въ ожиданіи богатыхъ ашласовъ, бархатовъ, которые совершенно принадлежатъ къ костюму большихъ вечеровъ; для нарядныхъ платьевъ много употребляютъ *рексовъ съ вытканными узорами* и *пу-де-суа съ разводами*. На нихъ бываютъ гирлянды или нѣжныя рисунки, расположенные столбцами.

— Фулары еще въ употребленіи, но фулары со всѣми другихъ рисунковъ, чѣмъ шѣ, которые были въ такой модѣ нынѣшнимъ лѣтомъ. Поле дѣлается теперь темнаго цвѣта съ черными рисунками, или поле шоколадное, цвѣта небывеной холстины, зеленое, съ широкими и готическими разводами или съ изображеніемъ арабесковъ и минаретовъ. Ихъ дѣлаютъ также съ квадратами, зелеными, фиолетовыми, цвѣта небывеной холстины, синими и проч.

(Изъ *Petit Courier des Dames* и *Journal des Dames et des Modes*, 15-го Октября.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1854. № 45.

I.

ШВАЦКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

ИЗЪ СОНЕТОВЪ Н. БУТЫРСКАГО.
РАЗМЫШЛЕНИЕ НА ПОКЛОННОЙ ГОРЬ.

I.

Три Парголовскія озера.

У стопа при озера шумящъ
И жаждушъ, кажешся, prospera.
Напрасно: въ вѣкъ не сокрушащъ,
Нависшихъ олей скрыпу вторя,

Перспомъ Творца сомкнушихъ вранъ
Неодолимаго зашвора.
Тоскующей не съединящъ
Волны своей съ волною моря.

Незримыхъ внявши гласъ уснешъ,
Оно оная бышь можешъ вздрогнешъ
И хлынешъ ошъ ПЕТРОВЫХЪ снѣгъ,

И дно до Бельша все изсохнешъ.
Понянешъ мнѣ вашъ пляжкій плѣтъ:
И ваша урна шумъ загдохнешъ.

II.

Наводненіе 7 Ноября, 1824 года.

Чрезъ полшогльшье (*), какъ спѣна,
Къ намъ хлябъ морская подспунала.
Нева въ печенѣ спѣснена,
Назадъ въ испугъ побѣжала.

Могилъ святыня попрапа:
Пучина гробы размешала.
Корона града чупъ видна,
Надъ бездной шрепешно сіяла.

Все гибло. — О людскихъ грѣхахъ
Скорбѣвшій, самъ съ грѣхомъ въ раздорѣ,
Мужъ нѣкій праведный въ слезахъ

И съ пламенной душой во взорѣ,
Прощерся предъ иконой въ прахъ —
Слеза его сдержала море.

III.

Сотвореніе.

Когда же поншь опсель ушекъ?
Безмолвсивуешь скрижаль преданья.
Нѣшь, недостоинъ человекъ
Зршь дѣло спрашиое созданья.

Аишь Серафимы прежде вѣкъ
Да будетъ! слышали воззванье,
Которое Творецъ изрекъ,
И не снесли его сіанья.

Закрывъ шеспью крылами ликъ,
Воспыи предъ Его Прешоломъ:
Великъ Создатель нашъ, великъ!

(*) После наводненія 10 Сентября, 1777 года.

И двинушы нѣры глаголомъ,
Хвалебный опдавая кликъ,
Безбрежнымъ покашались доломъ.

IV.

МЕРТВЕННОСТЬ ПРИРОДЫ (*).

Конецъ переселенью водъ:
Икъ шерпа буйная гордыня.
Но слѣдъ ихъ — длинный рядъ болошь
И мершвая вездъ пусшыня.

Тамъ, гдѣ шемеръ кипишь народъ,
И блещешъ алшарей свашыня,
Нечисный ползающихъ родъ
Плодила смрадная шрасыня.

Блуждалъ пороѣ огонь лешучъ,
Приличный свѣшъ изчадыю ада;
А ни однажды изъ-за шучъ

Съ звѣздами не лилась опрада;
Къ чему? не вспрѣшилъ бы ихъ лучъ
Лешяцаго къ лазури взгляда.

V.

ТРАПЕЗА ПРИРОДЫ.

Земля, всѣхъ дышащихъ кумиръ,
Ковры зеленые расплала,

(*) По системѣ Г-на Кювье, сего глубокомысленнаго изслѣдователя таинствъ природы, съ муравою зажужали въ воздухъ насѣкомыя, съ деревьями запоркали и запыли птицы, запрыгали травоядные животныя, за которыми въ слѣдъ заревѣли плотоядные звѣри. Наконецъ явился человекъ къ приготовленной уже трапезѣ..... Прочее увидимъ; довольно приподнять слегка завѣсу: иначе можно повредить драматической занимательности. Въ Илиадѣ, правда, Гомеръ предупреждаетъ иногда развязку, показывая въ отдаленіи будущую судьбу царствъ и героев. Но то былъ Гомеръ. Sat sapienti. Прии. Соч.

И изкій снаряжая пирь,
Цвѣты повсюду разбросала,

Вскружился насѣкомыхъ мѣрь.
Густая пѣнь съ древесъ упала —
И прилепѣлъ пернашыхъ клирь,
Звѣрей станица приближала.

Но всѣ, другъ друга предваря,
Чего-то робко ждуть въ молчаньи.
Однимъ желаніемъ горя,

Голубка, яспребъ, волкъ и лани —
Всѣ вѣспѣ. Будшо-бы Царя,
Зовещъ народъ, просшерши длани.

VI.

Человѣкъ.

Грядешъ желанный власшелнѣ,
Звѣнца Божескаго ока.
Прекраснѣе, чѣмъ райскій крикъ,
Сіянемъ окруженъ Пророка,

Съ Синайскихъ спеднаго вершинѣ.
Спустился въ доль — и ошъ Восшока
Свѣшилъ поднялся исполнѣ,
Вздымшлася рѣка широка,

Вскурился ямнѣмъ ошъ горѣ,
Сверкнула шкань луговъ зелена,
Пернашыхъ грянулъ шумный хорѣ. —

И вѣ себя ошъ изумленѣ,
На небо успрема свой взорѣ.
Госшъ новый преклонилъ колѣна.

VII.

ПЕРВАЯ МОЛИТВА.

Тобой возносился къ Творцу,
Молишва, сердца изліянье !
И предстою какъ сынъ ошцу,
Съ Создателемъ Его созданье

Бесѣдуешь лицомъ къ лицу.
Хошябъ, шагнувшись, мірозданье
Склонилось къ своему концу,
Ошгоишъ спрахъ швое дыханье.

Числѣйшая, какъ пухъ снѣговъ,
Съ лазурнаго лепящихся поля,
Все чувшво, безъ покрова словъ,

Взнеслась впервые Ты, глагола
Поняшно лишь Творцу міровъ:
»Твоя, Твоя да будешь воля !«

VIII.

ПРЕКТЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Завиденъ первенца былъ рокъ:
Природа не щадила брашенъ;
Безумье, нужда и порока
Не подходили съ горькой чашей.

Не рвалъ бреговъ съдой помокъ;
Душистый лугъ и бѣшь былъ краше;
Глубокой мудросши урокъ
Поняшнй, чѣмъ во время наше.

Самъ Богъ ее въ уста вливалъ.
Дышало все шогда любовью,
Какъ ею человекъ дышалъ.

Болзнь не кралась къ изголовью:
Онъ безоружень засыпалъ
Средь шпгровъ, незнакомыхъ съ кровью.

IX.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Лишь капля намъ въ удѣль дана
Съ любовью изъ блаженства рая.
Восшоргъ вполне пила одна,
Ты, первая чеша свяшай!

Быспрѣй, чѣмъ звукъ — спрунѣ спруна,
Со взглядомъ мысль передавая,
Душа душой увлечена,
Неслась, куда неслась другая.

Смопри: шамъ спрой міровъ печель. —
Послушай: горлица поминся, —
Какъ грозно шамъ гора всшашъ! —

Какъ мило здѣсь ручей капинся!
И Ангелъ, свой сдержавъ полешъ,
На счастливыхъ не нагляднся.

X.

Паденіе чловѣка.

Дарами счастья возгорженъ,
Помыслилъ власшелнѣ спашъ богомъ.
И вопъ надъ полосой согбенъ,
Сшопнъ онъ въ рубищѣ убогомъ!

Слезой насущный хлѣбъ смоченъ,
Просннся царъ съ своимъ чершогомъ,
Въ землянку душную сведенъ
На смерть внушири и за порогомъ.

На лапахъ жинисныхъ, засѣвъ,
Спирешеть оленя левъ несышой,
Но чловѣкъ разсвирѣпѣвъ,

Обоухъ кровью весь облишой,
Любше, чьмъ сраженный левъ,
На браша всшалъ войной опкрышой.

XI.

И долопоклонство.

И ликовалъ враждебный адъ,
И падалъ человекъ все ниже,
Все дальше отъ Эдемскихъ вратъ,
Все ближе къ шаршару и ближе.

Не озираяся назадъ,
Хранители взлешали выше:
Имъ опрошивъль шука сирадъ
Въ кумирняхъ идоловъ, тешишей.

Лишь Папріаршескій навъсъ
Передавалъ слова объша
Скръпишь съ землей союзъ небесъ:

Въ глуши степей, на краѣ свѣта,
Верблюды, съ шапромъ, смиренно несъ
Свящую скинію завѣша.

(Продолженіе будетъ.)

2.

А Д Е Л Ь.

ПОВѢСТЬ.

(*Посвящена Д. Д. С — ой.*)

Любовь, любовь, въ твоихъ оковахъ
Проститься надобно съ умомъ!

— Карамзинъ. —

Aimer est un destin charmant,
C'est un bonheur qui nous enivre,
Et qui produit l'enchantement.

— Рагу. — Мегиз.

I.

Пробило 10 часовъ.

И богатый, образованный, блестящій Б...., одѣтый, какъ должно быть одѣтымъ молодому человѣку, желающему не показаться совершенно смѣшнымъ *нынѣшнему свѣту* и приобрести его суешное уваженіе, — бросивъ бѣгло еще одинъ довольный взглядъ на огромное ирюмо, сказавъ: до свиданія! почтенному спаричку, явжно на него глядящему — накинулъ плащъ, хлопнулъ дверью и — пропалъ.

И все какъ бы онустило въ пышныхъ комнатахъ юности. Въ одномъ углу лишь, скромно прижавшись, сидѣлъ шопъ спаричекъ и заботливо, въ очахъ, перебирала листки Псалмыри; но вдругъ онъ положилъ священную книгу, и бѣлая какъ лунь голова его склонилась на грудь, и крупная слеза омочила загорѣвшую щеку и спарикъ призадумался!...

Онъ былъ камердинеромъ онца Б.... На полъ брани, за родину милую положилъ свою жизнь свою, жизнь героя. — Убишая горемъ, шоская о другъ, на вѣки поперянною, скончалась также, въ двѣдшъ лучшихъ лѣтъ своихъ, и супруга храбраго. — И сироткою оспался юноша: небо опняло родимыхъ!...

Долго не осушались ошъ слезъ омраченныя грустью взоры сына; долго руманецъ не игралъ на ланипахъ его и долго веселая улыбка не одушевляла блѣднаго лица. — Но какой лечали не изгладить наконецъ мощное время? Какое горе не попометь въ его спремительномъ шокъ?... Вошъ, мало по малу, начало проявляться чело юноши; спада проявлялась улыбка на устахъ его и лице его, еще какъ-бы подернутое опльнкомъ бывшей грусти, начинало уже дышашъ спокойствіемъ и весельемъ и ошъ шого казалось лучшимъ, миловиднѣйшимъ прежняго. — Такъ небо послъ буръ и непогодъ блистаетъ ольнѣе, радуешь больше! — Такъ, по долгой равлукъ съ милою, она намъ кажется обворожительнѣй и прекраснѣй!...

Вошъ уже снова пируешь ошъ въ кругу друзей. Какъ прежде забавляешь ихъ своими шулками... И шумишь бесѣда! И шоска погибла въ роъ радостей, и уснуло воспоминаніе въ вихрь свѣта!...

Старикъ видѣлъ рожденіе молодого В.....

Сколько разъ носилъ ошъ его, проливая довольныя слезы. Сколько разъ заглядывалъ внизъ, игралъ

съ дыпяшею. — Онъ видѣлъ его младенчество. Онъ первый научилъ его чиншашъ. Онъ былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его любезности, его доброты душевной, его воспорженной любви ко всему благородному. О, какъ же можно было ему не любить такого дыпяши? не привязаться къ такому юношѣ? . . .

Но всежь пнягошило его легкомысліе молодого человека. И часпо шайно, на единѣ, онъ порицалъ юношу; но при немъ онъ былъ все пошъ же, все прежній ласковый, снисходительный другъ — не изъ лицемѣрія, но единственно изъ опасенія оправишь его радосни, помѣшашъ его веселью.

II.

Б слѣшилъ на балѣ.

Дорогой замышлялъ онъ: какъ бы блеснуть ему сегодня; какъ бы понравиться ему *той*, какъ бы засшавить *эту* полюбишь себя, какъ бы но карепа остановилась — и всѣ мечшы его размешѣлись, какъ видѣнья сна, какъ всѣ мечшы и всѣ надежды наши! . . .

Б уже въ передней. — Музыка гремитъ! шумъ, говоръ, бѣгошнѣ — все суешншся, хлопочешъ

Б въ залѣ.

Вошъ одному онъ чшо-шо шепчешъ на ухо; другому улыбаешся; у шрешьяго спрашиваешъ о здоровьи и, не дожидаясь отвѣша, шолкуешъ чешвершому о ножкахъ Talioni — и

вошь уже глаза его, вооруженные лорнешомъ, скользятъ по волшебному кругу разнообразныхъ предестей, подобно мопылькѣ, перелезающему съ одного цвѣшка на другой....

Но на что это онъ вдругъ спалъ глядяшь такъ приспально, такъ долго?.. что это онъ спойшь какъ очарованный?... съ нимъ говоряшь, его зовушь, — а онъ ничего не слышишь и глядишь....

Посмотрише на лице Б....

Не кажешся-ли вамъ, что всѣ его чувствва перешли въ его глаза? что весь онъ — въ глазахъ?...

Приложите руку вашу къ его груди, къ его сердцу. Слышите ли, какъ оно бьется?

Ошь чего?...

Онъ увидѣлъ Адель... шу милую, очаровательную Адель, которую вы всѣ такъ любите. И мудро ли, что пылкій Б... увидѣвъ Адель, видѣлъ только ее; дышалъ только ею?

Б... влюбился по уши.

Вы этому не вѣрите? Вамъ кажешся невѣроятнымъ это мгновенное сочепаніе двухъ душъ въ одну душу?... это сліянiе всѣхъ чувствъ въ одно чувство любви чистой, святой, невыразимой?... это непреоборимое влеченіе сердца къ сердцу родному?... Этошь внутренній голосъ, который говоришь вамъ: вошь онъ! вошь она!?...

Чему жъ вы вѣрите, скептики?

Б... любилъ Аделъ; Аделъ любила Б.....

Смопрнше, какъ при каждомъ словѣ Б.... яркій румянецъ покрываетъ дѣвственныя ланиты красавицы. — Не правда ли, что, танцуя съ нимъ, она какъ будто летаетъ — и какое-то веселье неописанно-милое, неземное, разливается по ангельскому личику и сильнѣе обыкновеннаго подымается грудь дѣвушки, какъ бы сжатая чѣмъ-то помышельнымъ, но вмѣстѣ и сладкимъ? ... а онъ?

О, онъ блаженствовалъ!...

Б.... искалъ и нашелъ случай познакомиться съ опцемъ ея, Генераломъ С..., которому онъ, какъ разувѣется, спарался и къ счастью, успѣвъ понравиться, и копорымъ былъ приглашенъ навѣщать его, *когда ему вздумается.*

Кто опишетъ восхищеніе Б...? Кто не пойметъ очаровательной улыбки, появившейся на коральныхъ губкахъ Адели?

Она покраснѣла какъ роза!

Балъ кончился. Музыка запижала. Все болѣе и болѣе пустѣла огромная зала... Вошъ и Генераль С.... прощается — уходитъ... и Б... летитъ за ними. Сажаетъ въ карету отца, цѣдуетъ почтительно ручку матери и робко (подивитесь дерзости!) жметъ ручку дочкѣ... и тихій вздохъ и томный взоръ отвѣчаютъ счастливому.

Опомнился Б... но Адели уже не было; давно и спухъ кареты замѣлъ вдалекѣ. —

Погруженный въ сладкія мечпанія о будущемъ, ворошился онъ домой и долго смотрѣлъ на ясное небо; долго смотрѣлъ на блѣдную луну и — лёгъ! . . .

Но только передъ разсвѣтомъ задремала онъ, безпрестанно занятый воспоминаніемъ о ней; но и во снѣ грѣзилось ему все одно и то же:

Вездѣ она!

III.

Ужъ высоко пылало солнце, когда пробудился мечтатель. — Какъ сладкій сонъ летало передъ нимъ вчерашнее и восхищало его! . . .

Онъ взглянулъ на часы, и ему не вѣрилось, что уже было такъ поздно. Онъ поперъ лобъ, какъ бы для собранія разбредшихся мыслей; — въ первый разъ, не поговоривъ съ Иваномъ, (такъ звали спарика), началъ одѣваться, былъ мигомъ гошовъ, и пять минуць спуся, онъ уже, говоря языкомъ романшика, летѣлъ на крыльяхъ любви шуда, куда звало его решивое, гдѣ жила его Адель.

А она уже давно ждала его; она не спала; даже не думала, чшобъ ей можно было заснуть. — Ей казалось страннѣмъ, что онъ не шущъ, не съ нею. — Сколько разъ уже подходила она къ окну и смотрѣла, не идешь ли онъ? — А онъ все не приходилъ! . . .

Какъ она мучилась! — Какъ она ждала, чшобы онъ пришелъ и какъ спрашивалась шой

минуты, когда онъ придетъ! — Сколько новыхъ чувствъ и мучительныхъ и пріятныхъ родилось въ груди ея, волновало грудь ея съ тѣхъ поръ, какъ она любила.

А давно ль она любила ?

Она съѣла за флигель, хотѣла играть, и не могла. Взяла книгу, и ей казалось, что всѣ буквы скачутъ, бѣгаютъ, пушуются... Нѣтъ, — она не могла читать... и она задумалась — вздохнула...

Скажите мнѣ, дѣвушки милыя, прелестныя: лгу ли я ?

Прошелъ мѣсяць... и они уже знали о взаимной любви своей; и они были счастливы, какъ бывають счастливы любящіе!

Какъ часто попомъ, по извилистымъ дорожкамъ парка гуляли они рука съ рукою и забывали все, кромѣ любви своей!

Какъ часто попомъ, усѣвшись въ какойнибудь шемной аллеѣ, говорили они и не могли наговориться.

— «О какъ пріятно, обыкновенно цеппала Адель, какъ незамѣтно проходишь время, когда ты со мною! когда я могу смотрѣть на тебя; ласкать тебя; говоришь съ тобою... Но скажи мнѣ, другъ мой, навсегда ли это счастье? Все ли ты будешь такъ любишь меня...»

— Пока я живъ, Адель! —

Но если бъ я и хотѣлъ забыть тебя—я бы не могъ.—Какъ хочешь ты, чтобы я забылъ эти глаза, эти губки; эти шемныя кудри; эшотъ румя-

нецъ, которъй иногда, подобно зарѣ упренней, вспыхиваетъ на своихъ ланипахъ;..... эшопъ го- лось, которымъ ты такъ хорошо, такъ восхи- щительно умѣешь говоришь мнѣ *люблю тебя!*...

И глаза его, горящія спрасъю, остана- вливались въ упоеніи на миломъ, прелесномъ ли- чикъ Адели..., и рука его въ рукъ ея дрожала.... и онъ весь дрожалъ!....

»О, не смотри такъ на меня, тогда умоля- ла Адель, я не могу снести эшого взгляда! — Онъ губишь меня..... онъ жжетъ меня..... и при- слонивъ къ груди его свою головку, она кувала ее въ свои длинныя кудри, и продолжала:

— »И всё таки я бы хотѣла, чшобы ты всег- да такъ глядѣлъ на меня. — Я бы умерла если бы ты посмотрѣлъ на меня иначе.... если бъ ты взглянулъ такъ на другую!.....«

И онъ наклонялъ голову; и, вспрѣпившись, ушла ихъ не разсвавались долго.... долго....

— »Знаешь ли, другъ мой, сказала однажды Адель, положивъ довѣрчиво руку свою на плечо любезнаго, мнѣ часно кажется, чшо мы слиш- комъ счастливы, для шого, чшобы счастье на- ше было продолжищельно... судьба такъ зависш- лива ! . . . «

— Для чего пугаешь себя пустными мечшами, ошвѣчалъ Б....., играя шелковыми, душистыми кудрями Адели: чшо можетъ судьба?.... Она мо- жетъ опниать у насъ все, но не любовь нашу:— любовь наша сильнѣй ея!... А чшо намъ всё бѣдшвія, пока любовь наша съ нами? пока

я съ тобою? пока ты со мною? пока мы живемъ одного жизнью? дышемъ одною душою? чувствуемъ однимъ сердцемъ, какъ пеперь?... —

И Адель ему улыбнулась, какъ вѣрно Ангелы улыбаются Богу — и лучъ луны, прокравшись сквозь густыя вѣтви дуба, ошралился въ перловой слезѣ Адели.

То была слеза счастья и любви!

Ночно вдругъ шакъ началъ призадумываться юноша? Чшо уже не шакъ весель онъ, какъ бывало прежде? О чемъ онъ думаешь, чшо его превозмощь?

Какой-шо гусаръ появился въ домъ Адели, и она кажешся къ нему не равнодушною. Часно Б..., погруженный въ мрачныя думы, примѣчаешъ ихъ нѣжныя взгляды; примѣчаешъ иногда легкое, но выразительное пожатіе рукъ ихъ — и всѣ муки ревности раздрающъ грудь его.....

О! эщо мученье. Тягшала—любишь и видишь, чшо ша, за кощорую бы опдалъ все — всѣ свои надежды, всѣ свои радости... жизнь свою—смотришь нѣжно на другаго, замѣчаешъ другаго, не видишь шолько одного меня!.....

IV.

Была ночь.

Темноголубое небо искрилось мариадами звѣздъ, — все дышало тишиною и спокойствиемъ.... Лишь Б..., блѣдный и распроенный, смотрѣлъ на эщо небо — и ничего не чувствовалъ,

крова своиа перзаціі; ни о чомъ не думала, какъ о своей Адель.

— Какъ коварны женщины! думала онъ; давно ли я нравился Адель; а пенерь?... Неужели въ самомъ дѣлѣ она могла разлюбить меня шакъ скоро? — Это ли награда за мою любовь, некрениую и пламенную?... Адель, Адель! Никшо не полюбишь себя итакъ, какъ я себя любилъ — Никшо!... Скажи мнѣ, что себя не нравишься во мнѣ? Я перемѣнюсь, я сдѣлаюу шакимъ, какъ ты хочешь; я сдѣлаю все, только люби меня опять шакъ, какъ ты меня любила прежде. — Ты говоришь мнѣ, что любишь все шакже; что холодна къ гусару; — не олъ чего ты иногда глы смотришь на него шакъ долго и шакъ нѣжно?... Не шакже ли изъ любви ко мнѣ?... О моей ли любви ты говоришь съ нимъ по цѣлымъ часамъ, когда я, никакъ не замѣченный, замѣчаю за шобой?... А я, за одинъ взоръ швой, за одну швою улыбку не показывать бы рад!...

Онъ спалъ писать.

»Адель! Мнѣ не нужно говорить тебе, сколько я люблю тебя. Ты это знаешь. Но ты — если въ груди твоей шанлся хоть одна искра любви ко мнѣ; если ты жалѣешь о мнѣ: — то нусть гусаръ эпошь переспанелъ ходишь къ вамъ. — О, не опкажи мнѣ!.. не мучь меня!..»
 »Если бъ я могъ передать тебе моя перзаціа... то нѣшь, ты бы не перенесла этихъ мукъ — ты бы умерла...

»Не правда ли, Адель, ты не любишь его?

«Онъ не будетъ ходить къ вамъ? — Ты любишь меня одного — шны моя? Вся моя?»

Онъ запечаталъ письмо.

— Поль, сказалъ онъ своему лакею, завтра въ 10 часовъ письмо это должно быть у Адели С...—

— Саушаю-сь. —

Наконецъ ночь, для всѣхъ спящая прекрасная и спящая тихая, но спящая бурная для Б..., прошла.

Б... не спалъ. —

V.

Къ полудню Поль ворочился съ ожившомъ.

Ужь день вечеръ... облокотясь на спящую, повѣся голову, сидѣлъ Б... и держалъ въ рукахъ все еще нераспечатанное роковое письмо, какъ бы спрашивая его содержанія.... но наконецъ онъ мужаешь... печась шрецишь... и знакомый, вѣчно милая почеркъ поражаетъ взоры его. Справа шный поцѣлуй, казалось, одушевилъ бумагу. Она дрожала!

Онъ началъ читать.

Вотъ ошвѣтъ Адели:

«И шны могъ думать, что я переспала любить себя? И послѣ всѣхъ моихъ увѣреній, шибъ кажется, что я люблю другаго. — За что же ты переспала уважалъ меня?....

«Не шны ли самъ увѣрялъ меня, что мои чувства благородны? — А развѣ коварство благородно?.... Мнѣ бы должно было теперь разсердиться на себя, не ошвѣчать шибъ; но я не

»могу!... Ахъ, ты еще не знаешь, какъ я тебя люблю!... Отказашь гусару опть дома нельзя. Я должна бышь съ нимъ ласкова, должна говоришь съ нимъ. — Не спрашивай меня, почему. Я не могу сказать тебѣ этого. Но ради Бога, вѣрь любви моей: она все та же!

»Адель.«

Б... только улыбнулся.... но если бъ вы увидѣли эту улыбку — вы бы содрогнулись и пожалѣли о немъ....

Потомъ страшная блѣдность покрыла лице его; глаза его засверкали!... Въ судорожномъ движеніи сжалъ онъ письмо — развернулъ его... снова началъ чипать и, въ мелкіе куски изодранное, разлещьлось оно по полу и въ бышешивъ онъ топпалъ ихъ....

— Вѣришь любви ея?... Я вѣрилъ и разувѣрился!....

— Адель! я любилъ тебя; — шеперь же ненавижу споль же сильно и неистово, какъ обожалъ прежде.... а онъ? — О, онъ умрешъ! слышишь ли, Адель? Онъ умрешъ! — и я убью его!... и я, обрызганный его кровью, приду къ тебѣ, чптобъ увидѣшь, какъ ты задрожншь; — чптобъ посмѣяться когда ты зарыдаешь....

И обезсиленный, полумертвый, онъ рухнулся на полъ.

Б... очнулся на рукахъ Ивана; и на заботливые вопросы старика: «что это съ нимъ? опть чего онъ такъ превожнтся? чѣмъ онъ боленъ?» не отвѣчалъ ни слова.

Иванъ вздохнулъ — Иванъ поднялъ къ небу глаза свои и изъ этакъ глазъ выкатилась слеза сожалѣнія.

Большъ нѣжно, кно дорого цѣнишь эци слезы — дороже жемчужинъ и алмаза! —

Б... послалъ къ гусару вызовъ на дуэль.

VI.

Чуть только взошло солнышко... еще не успѣла осушиться на цвѣсахъ роса,... а вопль уже споялъ другъ прошивъ друга соперники, и грозны ихъ взоры! мщеніе движеть ихъ сердцами!—

Шаги размѣряны — враги спановятся и Гусаръ взводитъ курокъ, прицѣливается..., пуля засвиспала и, пораженный въ сердце, несчастный Б... упалъ на праву. Черныя кудри его зарумянила кровь и алчная смерть положила печать свою на высокому чель его.

Гусаръ задрожалъ... мещъ зашкхла въ его сердце — и, какъ будто укоряя себя въ убійствѣ, онъ преклонилъ колѣна и поддерживалъ голову Б... — Съ какимъ безпокойствомъ смотрѣлъ онъ въ лице его, ошсыкивая въ немъ хотя малѣйшій признакъ жизни — но тщетно!.. Б... еще недавно обуреваемый споль смѣлыми спраспами — умолкъ навсегда. —

Вдругъ вопль опчаянія, сильный, произшельный, поразилъ слухъ гусара и блѣдная, съ распущенными волосами, поверглась Адель на шво дру-

га, и крѣпко уста ея прижались къ охладѣлымъ губамъ убишаго.

— Сестра моя! — глухо прошепталъ гусарь.

Адель получила жестокою горячку и въ страшномъ бреду, она, шо призывала любезнаго, шо укоряла себя въ его смерти, шо вдругъ блѣдный, окровавленный шрупъ его представлялся ей, и тогда волосы ея становились дыбомъ, губы синѣли, глаза наливались кровью... и она начинала стонать, рваться, умолять его о пощады, о прощеніи.....

И кто бы тогда въ этой бѣснующейся, въ вѣномъ ужасномъ, отвратительномъ скелетѣ узналъ прелестную, уминую, очаровательную Адель?..

— Она умерла: —

Письмо Гусара С..... къ его другу.

»Ты пишешь мнѣ, что я могу возвратиться въ мой полкъ.

Нѣтъ, я не возвращусь!

Прочитавъ письмо швое, я не порадовался ему. Я не улыбнулся даже, и вопшь, почему.

Прибывъ въ Парижъ, я взялъ честное слово съ родителей и сестры не говорить никому, кшо я. — Парижъ и безпокойство до шого измѣнили черпы мои, что даже лучшіе знакомые не узнавали швоего Жоржа. — Адель, какъ открылось послѣ, любима и была любима молодымъ Б..., кошорый, вида короткое обращеніе мое съ нею и не зная, что я братъ

ся, начала ревновать ко мнѣ и вывалять меня на дувль.

Чтобъ не показаться шрусомъ, я согласился, но съ швердымъ намѣреніемъ не драпъся по-тому, что онъ не оскорблялъ меня и я его такъ же. — Но образумишь его было споль же легко, какъ я усмирить бурю. Онъ называлъ меня шрусомъ!

Тутъ кровь моя закипѣла... я схватилъ пистолетъ и видъ себя спустилъ курокъ — онъ упалъ.

Каршель Б... я по неоспорожности осматривалъ дома; сестра моя прочла его, хотѣла предупредить несчастье — но поздно!

Провидѣніе рѣшило иначе.

Когда ты будешь читать письмо это, меня уже не будетъ во Франціи,

О, не презирай меня!

Жоржъ С...

К. А. Петерсонъ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

БЕРМУДСКІЕ ОСТРОВА. — СКАЧЕКЪ КИТА.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ КАПИТАНА БАЗИЛЯ ГАЛЛЯ.)

6-го Декабря, при свѣжеть сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, мы вышли изъ Галифакса. Холоды были жестокой: вся гавань покрыта была паромъ, похожимъ на густой туманъ, кошорый тяготясь надъ поверхностію моря, и гонимый зимнимъ вѣтромъ скользя по ней, проникая насъ до костей. Эшотъ туманъ, называемый здѣсь ширюльникамъ, вѣроятно происходитъ отъ стуженія испареній пошчасъ надъ водами. Въ минушу оплавшій нашего термометръ показывалъ одинадцать градусовъ ниже нуля; и если бы не сильный вѣтрѣ, разбивавшій въ пѣну поверхность моря, мы бы навѣрное замерзли подобно сѣверо-западнымъ путешественникамъ у острова Мельвила.

Лишь только мы миновали одинъ изъ городскихъ каналовъ, и поравнялись съ узкимъ проливомъ, находящимся между островомъ Георга и твердою землею на югъ отъ этой прекрасной гавани, какъ изъ этого канала вышла лодка съ однимъ господиномъ, по какому-то случаю опоздавшимъ на корабль. Люди, находившіеся въ лодкѣ, успѣли пристать къ кораблю; но, пой-

мавь брошенный съ русленей конецъ (веревку), къ несчастію, вмѣсто того, чѣмъбы укрѣпить гдѣ нибудь близъ носа, въ шороняхъ обязали ее около гребенкой скамьи. Невѣзнымъ слѣдствіемъ этого маневра было то, что корма ихъ поднялась на воздухъ, а передняя часть погрузилась въ воду . . . Чѣмъбы понять, какимъ образомъ это случилось, не надобно быть морякомъ: мы дѣлали по десяти узловъ. Въ одно мгновеніе всѣ бывшіе въ лодкѣ офицеры и гребцы очутились въ водѣ; кто сшарался ухватиться за весло, кто добрался до суши, къ счастью не опдаленной; ибо море въ этомъ мѣстѣ сподѣлающе глубоко, что корабль можешь безопасно плыть вдоль береговъ.

Мы удивлялись, какъ могли эти люди, не смотря на произвешельный холодъ, дварачъ сподѣлающе свободно; но попомъ оиъ, одного изъ нихъ узнали, что вода была въ сорокъ или пятьдесятъ градусовъ теплѣе воздуха, и что ему показалось будто онъ упалъ въ баню; за то, когда достигнулъ цдошины, гдѣ была выщаченъ, вымеченный, какъ упонувшая крыса, какъ нѣтъ часть почувствовавъ себя заключеннымъ — буквально — съ головы до ногъ въ ледной футляръ. Не безъ хлопотъ сняли съ него эту необыкновенную броню. Не прежде, какъ пробывъ нѣсколько часовъ въ дагръшой хорошо посидѣлъ между двумя другими особами, онъ могъ пощевелиться и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ состояніи выйти изъ комнаты.

Невозможно было намъ останавливаться въ какое время и въ какомъ мѣстѣ; *Адмиралъ* дѣлалъ, какъ свирѣла; обошелъ мысъ *Шебукшо*, мысъ *Самбро* и множество другихъ черныхъ мысовъ и голыхъ утесовъ, пропущенныхъ будто какими нибудь страшнымъ наводненіемъ, долженствовавшимъ, по видимому, пощонить эту часть *Америки*, отъ береговъ озера *Эріо* на востокъ до *Босфона* и *Нью-Йорка*. Но иногда намъ въкорда было перьять времени на набюденіа. Взперъ внезапно обратился въ ураганъ и разорвалъ въ клочки нашъ гроуъ-марсель съ шакми преекомъ, что и шенерь мнѣ кажется, будто я слышу эшопъ ужасный звукъ. Ничто не можетъ сравниться съ шордесивенностію шума, производимаго хлопаньемъ влажнаго паруса въ подобныхъ ураганахъ. Неудерживаемый болѣе шкопами, онъ мечется во всѣ стороны, силась шпорваться отъ реи, кошорая гнешся и шрещидъ шноль жешоко, шно даже нижняя часть мачшы наклоняешся иногда, какъ шросидъ. Правда, я слыкала громовые удары сильнаго звуковъ, о кошорыхъ говорю, но они не производили на меня шого вцешашавніа, какое производилъ парусъ, разорванный бурей, съ вѣшрѣмъ и дождемъ. Я шпелъ отъ нечего дѣлать на шпанцахъ съ навѣтренной стороны, не зная чѣмъ окончилась эшо новое шрешденіе; однако мысль о крушеніи корабля смущаю предшавлялась мнѣ. *Адмиралъ* приказалъ шпозвать марсо-

выхъ, кошорыхъ усилія были совершенно бесполезны и кошорыхъ снаспи хлещали по головамъ, я самъ смотрѣлъ съ возможными хладнокровіемъ на лоскушья паруса. Иногда, я замѣчалъ, что Сиръ А. Минчель бросалъ взглядъ на сторону, откуда дулъ вѣтеръ, въ надеждѣ на благопріятную перемену: но все шло хуже и хуже; наконецъ, когда фокъ-мачша находилась на волосъ отъ опасности сломаться, ибо гнулась какъ ивовый пруть, не смотря на то, что парусъ ея держали на рифахъ, тогда Адмиралъ, ошамивъ неумѣстную екиминтропію, командовалъ маневръ, закричавъ шакъ, громко, что я вздрогнулъ и отскочилъ два шага на шканцѣ:

»Парусъ на гипсовы!»

Въ одну минуту парусъ всамтественно поднялся на реи; спрашно спонавшій и попрясаемый во всѣхъ своихъ составяхъ корабль, вдругъ получилъ облегченіе отъ давленія паруса, едва не увлекшаго его подъ океанъ.

Зашѣмъ, надобно было установить ушлагарь кайвера, чтобы освободить буцпрішъ. При исполненіи этого маневра одинъ изъ лучшихъ нашихъ машпросовъ упалъ въ море. Это былъ опытно знающій свое дѣло рулевой; Кайишанъ, выхваляя однажды его искусство, скавалъ, что у него кожа съ бываетъ притворденъ къ мокшаузу; за то весь экипажъ уважалъ его, и искренно сожалѣлъ о его гибели. Я видѣлъ, какъ бѣд-

какъ узналъ съ своего поста, и сѣдѣлъ за нимъ, когда плыва вдоль корабля онъ выскакивалъ какъ пробка и разсѣкая смѣло волны, возводилъ къ намъ умоляющій взоръ, кошораго я никогда не забуду. Менѣе нежели въ минушу онъ пропалъ изъ виду; спускались баркасы не льзя было въ такую погоду, и для несчастнаго могли сдѣлать только то, что бросили ему концы, изъ коихъ онъ ни одного не могъ достать руками. Хотя мы скоро потеряли слѣдъ его, но, вѣроятно, онъ долѣе замѣчалъ насъ, плыва подъ вѣтромъ.

Эпоптъ урагана, первый кошораго я былъ свидѣтелемъ, былъ также ужаснѣйшій изъ всѣхъ, какіе только помню. Онъ продолжался три дня, разсѣявъ небольшую нашу эскадру, едва не напропалъ *Камбрикъ*, одинъ изъ нашихъ кораблей, который прибылъ къ Бермудскимъ островамъ, спустился несколько дней послѣ насъ, потерявъ гротъ-мачту и при шкельги.

Почва Бермудскихъ острововъ оказалась намъ, гардемаринамъ, весьма безплодною, не представляя ни какихъ полезныхъ произведеній, до крайней мѣры никакихъ, какихъ бы мы желали щамъ найти. На островѣ находилось такъ мало быковъ и барановъ, что овцья говядина, подаваемая на оманерскій столъ, считалась, помню, за рѣдкость, а никакіе чины вовсе не знали этой роскоши. Не знаю, каково тамъ пшеницы, до нашихъ кораблей еще не доставали.

Бермудскихъ острововъ считается бо-
 лее она маленькихъ, лежащихъ вокругъ шрехъ
 наибольшихъ. Губернаторъ живетъ на острове
 Св. Георгія, который живетъ отъ 4-хъ до 5-ми
 миль длины и до двухъ ширины. Городъ рас-
 положенъ на покатоносикъ красиваго холма про-
 шивъ гавани. Дома выстроены изъ плинты; ма-
 ноторые въ два этажа и по большей части съ
 одною прубою. Стены ихъ такъ были, что ат-
 томъ, свѣтъ, происходящій отъ отраженія лу-
 чей, несмерщны для глазъ. Къ счастью, многие
 дома обсажены бананами, померанцевыми и паль-
 мовыми деревьями, и поэтому жарчайшее дѣй-
 ствіе солнца ощущаешь только въ опирныхъ
 улицахъ. Этого прекраснаго городка населятъ
 почти одни Негры; многие изъ нихъ живутъ
 дома и получаютъ по полученной, разными сред-
 ствами, свободу. Забавно всегдѣ, что свободные
 Негры живутъ невольничью своею же породу;
 но, разумѣется, былое дѣлаютъ ихъ гораздо боль-
 ше. Невольничья не позволяется носить при
 себѣ оружія изъ опреска бумажъ.
 Эта предосторожность, равно какъ запреще-
 ніе выходить позже дванадцати часовъ вечера изъ дому,
 необходимъ въ островѣ, гдѣ больше невольниковъ,
 чѣмъ свободныхъ людей.

Мы назвали Негровъ вообще людьми низкими;
 послушными и добрыми. Когда мы выходили къ нимъ
 въ дома, они бездланно насъ ждали. Представили
 намъ, но эту бездланцу представили всегда съ
 проспоною и искреннимъ радушіемъ. Говоря

ощекровенно, чертѣе едѣлаи намъ лучшій пріемъ, нежели бѣлые, но прибавили надобно, что сред- ства угощанія иносстранцевъ весьма ограниченны на Бермудскихъ островахъ: жилища высшего со- словія питающа, какъ говорили намъ, почти ис- ключительно соленымъ мясомъ, привозимымъ изъ Америки на судахъ, ходящихъ для шорга шуда и обратно въ продолженіе года.

Много читали мы въ сказкахъ описаній де- бывалыхъ странъ, гдѣ распусть кедровые лѣса; но надобно видѣти Бермудскіе острова, чтобы въ- рнѣе эликимъ сказкамъ. На сихъ очаровательныхъ островахъ кедръ самое обыкновенное дерево.

Вся суда или лодки на Бермудскихъ островахъ строятся изъ кедра. Изъ этого пахучаго дерева дѣлають также косяки и мебели для домовъ. Ко- нечно, это не кедръ Ливанскій; но онъ сходенъ нѣсколько съ Англійскимъ шисомъ, хотя рѣдко достигаетъ до шакой вышины, какъ сей посажд- ній. Плодъ его имѣетъ цвѣтъ голубой и вели- чиною съ горошину; на вкусъ сладокъ, но слиш- комъ сухъ. Это дерево весьма уважается на вер- сахъ по причинѣ своей плоиности; будучи опесано и выстрогано, оно сохраняетъ нѣкоторое время красивый цвѣтъ, но скоро блѣднѣетъ и неспособно принимать хорошей полировки. На Бермудскихъ островахъ такое же изобиліе въ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьяхъ. Мы все приведены бы- ли въ восхищеніе при видѣ золотистыхъ пло- довъ, усыпавшихъ ихъ вѣтви, но взобравшись на деревья, въ надеждѣ добыти хорошій заширанъ,

нашли, что они того горькаго сорша, котораго годенъ только для варенья:

За исключеніемъ дикихъ голубей, птицъ мало водятся птицы; самыя обыкновенныя изъ нихъ красныя и голубыя, величиною почти съ дрозда. Голубыя довольно красивы, но, равно какъ и красныя, не поющъ; почему мы — гардемарины, не жалели ихъ бишь десятками для нашихъ пастешовъ.

Кромъ острова Св. Георгія, птицъ множеству другихъ острововъ меньшаго пространства, и между прочими Твердая Земля (Continent), такъ названный по причинѣ превосходства своего надъ всею группою, имѣетъ отъ 12-ти до 15-ти миль отъ одной оконечности до другой. На Северо-западъ отъ группы лежатъ Ирландскій островъ, на коемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, основано было мореходное заведеніе, и близъ коего находится еще и нынѣ якорное мѣсто для военныхъ судовъ. Народонаселеніе всѣхъ Бермудскихъ острововъ въ то время простиралось до 20.000 душъ, изъ коихъ большая часть Негровъ и невольниковъ.

Плита Бермудская есть сквозистой и столь мягкой камень, что если вы имѣете надобность прибавить окно въ вашемъ домѣ; вамъ сподобитъ только нанять Негра, котораго своею пилою въ какой угодно снѣгъ поспѣшь сдѣлаешь отверстіе.

Ничего нѣтъ замѣчательнѣе въ этой спрланной группѣ острововъ, какъ гряды коралловъ, кои усваиваютъ морское дно отъ сѣвера и простира-

южися вдаль, образуя полуовальный поясъ въ двухъ или прехъ миляхъ отъ берега. Сколько могу припомнить, одна изъ этихъ грядъ, называемая Норнъ-Рокъ, выказываетъ свою вершинѣ изъ воды. Другія скрыты подъ поверхностью моря и образуютъ опаснѣйшія шхеры, какія природа когда либо пославляла на пути мореплавателей. Мы видѣли много судовъ, попадавшихъ на эти коварные рифы, тогда, какъ замѣчалъ, съ такого разстоянія берега, они починали себя въ совершенной безопасности.

Скозь эти гибельныя вѣки описали, однако ничего не можетъ быть прекраснѣе, когда уснаприваете ихъ сквозъ двѣ или три сажени прозрачной и тихой влаги. Краски радуги, безъ преувеличенія, менѣе блестящи и разнообразны, въ сравненіи съ тѣми, кои предсавляются вашему взору. Съ другой стороны въ обманчивой жизни моряка, никогда и ничего не встрѣтитесь опаснѣе много предсавшаго ложа изъ морскихъ цвѣтновъ, кои возвышаютъ головы на подобіе Сиренъ или рыцарскихъ красавицъ, споль опасныхъ своимъ баснословнымъ очарованіемъ. Если по какому нибудь бѣдшвенному случаю морякъ попалъ однажды въ ихъ сѣти, то всѣ усмія его высвободить-ся навѣрное останутся тщешны.

Разсказываютъ анекдотъ объ одномъ лодочникѣ, который жилъ на счетъ этихъ бѣдшвій. Однажды онъ подошелъ къ несчастному судну, запусавшемуся въ эти коралловыя рифахъ, какъ муха въ паутинѣ, и сказалъ Канишану:

«Сколько вы мне дадите за это, чтобы я вас вывелъ опсюда?»

— Сколько хочешь: назначь самъ цѣну.

— «Илишь-сошь долларовъ. (2000 р.)»

— Хорошо, изволь! — И плути корачій въ другомъ смыслѣ одерживаетъ свое слово: выведишь судно изъ опаснаго риза и вернешь въ другой опаснѣйшій.

— «Теперь,» — сказала она чудесправку, вдвойнѣ обманутому — «теперь вы находитесь въ пакоть мѣстѣ, опкуда изъ одинъ корабль спасенись не могъ; одинъ человекъ знаешь нѣльке выхоть, а шотоиъ человекъ я.

— Мне кажется — опивчалъ суко Кайишанъ, ты не опкажешься за цѣну, равную первой, выведишь меня и изъ шотого риза: я дамъ еще пятисошь долларовъ.

Торгъ немедленно былъ заключенъ; показанъ единственнѣйшій выхоть, имѣвшій широкіе ривше сполько, чтобы не задѣшь божики судна, а глубины ровно сполько, чтобы между килемъ и дномъ оснавалось шесень вершковъ. Въ полчася пятисошь долларовъ были заработаны.

Когда опасность миновалась, Кайишанъ сказалъ: «Ну, разбойникъ, какъ аукнешься; шакъ и опкликнешься; это пословица всемирная: есакты не возвратишь мне мою тысячу долларовъ, то я прикажу опрубить каначъ швоей проклятой лодченки, и вѣсно шого, чтобы платишь зломъ за зло, какъ имѣющій на это право, я поступаю по-Христіански: опведу те-

бя въ Америку; по еспь ты по милости моей промѣняешь самую гнусную спрану на счастливейшую въ мірѣ. Тамъ, я очень легко могу удвоить мою тысячу долларовъ, продавъ тебя на рынкѣ въ Чарлсговнѣ, пошому что въ жилахъ твоихъ еспь кажешся нѣсколько капель черной крови: что екажешь на это, мой удалой Бермудецъ?

Мы проспоали на якорѣ у Бермудскихъ острововъ большую часть зимы 1802 и 3-го годовъ. Война не была еще объявлена и не имѣя настоящей службы мы спарались всячески проводить время полезно и вряшно. Намъ Мичманъ и вапига молодыхъ людей, впрасные до морскаго плаванія, принялись осматривать коралловые рифы, о копорыхъ я говорилъ. Эпопъ оврадъ философъ - натуралистъ, какъ конечно заслуживающъ оди быць названными, посѣтилъ Мысъ Св. Давида и другія мѣста, чшобъ съ большимъ инцаніемъ измѣришь ширину и длину оныхъ, наблюдашь надъ измѣненіями компаса, вычисляшь перпендикулярную высоту приливовъ и отливовъ, или наконецъ — и чаще всего, чшобъ насладиться купаньемъ въ вряшно-шепломъ морѣ. Легко понять, что всѣ эти занятія доставляли, предпринимающимъ оныя нескерцаемый источникъ удовольствій и изученій...

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ товарищей — бывший въ послѣдствіи храбрымъ и полезнымъ офицеромъ, вздумалъ принять участие въ Бермудской кишовой ловлѣ. Онъ получилъ позволеніе сѣсть на кишоловное судно и былъ свидѣше-

лемъ добытіи кнпа. Чудовище увлекло однако кнполововъ далеко въ море и гардемаринъ явился гораздо позже назначеннаго ему срока, благоухающей жиромъ и съ рассказомъ о своихъ чудесныхъ приключеніяхъ.

Всѣ единодушно рѣшили, что гардемаринъ нашъ сдѣлалъ ничто въ родѣ экспедиціи и прослылъ удакою головою. Я составилъ другую паршію, которая, завидуя лаврамъ нашего шоварища, воспользовалась первымъ случаемъ оплечиться подобнымъ образомъ. Въ одно утро мы открыли на рейдѣ Мюрай чудовищнаго кнпа, который пройдя рифы, опоясывающіе, какъ я сказала, рейдъ съ востока и съвера, игралъ вокругъ *Леандра*. Мы не могли понять, какимъ образомъ, такая огромная рыба могла понаспъ въ эшу западню: можетъ бытъ, пробираясь вдоль коралловой гряды и стараясь освободиться отъ ея оспрыхъ зубцевъ и раковинъ, беспокоящихъ сихъ морскихъ чудовищъ, она мало по малу подавалась слишкомъ далеко или въроншире, преслѣдуя какуюнибудь мелкую добычу, увлеклась своею безразсудною жадностію, пока обратный путь изъ этого лабиринта сдѣлался невозможнымъ. Какъ бы то ни было, она находилась на глубинѣ не болѣе восьми или десяти сажени, и, по видимому, безъ всякой возможности вырваться изъ эшихъ пенешъ. Каждый изъ насъ спѣшилъ взобраться на мачты и снасти, чтобы удобнѣе видѣть движенія кнпа. Вдругъ кому-то вздумалось сдѣлать предложеніе навѣспить его въ шлюбокъ съ однимъ баграмъ

вмѣсто всякаго другаго оборонительнаго оружія. Багры суть ничто иное, какъ длинныя шесты съ загнутымъ на концѣ на подобіе посоха желѣзомъ, годныя развѣ только для ловли черепахи, а нерыбы въ сорокъ или пятьдесятъ фузовъ длиною! Мы оправились, однако, на эту сумасбродную охоту, не рѣшивъ напередъ что будемъ дѣлать, настигнувъ дичь. По мѣрѣ приближенія нашего къ этому левиафану, видъ его спановился грознѣе и грознѣе; надобно было приготовить планъ правильной атаки на случай нашего нападенія. Объ оборонѣ нельзя было и думать; ибо, однимъ размахомъ хвоста непріятель могъ перекинуть шлюбку и экпажъ, багры и проч. чрезъ самыя верхнія рей до Адмиральскаго корабля. Всѣ взоры устремлены были на насъ. Послѣ минушнаго сообщенія мы единодушно рѣшили идти немедленно на кита и попробовать счастья. Поплыли; но китъ, котораго спина въ эту минушу выказывалась изъ воды, подобно опрокинутому судну, не заботясь, можетъ быть, о нашемъ приближеніи, или вѣрояно, не видя насъ, двинулся и исчезъ, оставивъ за собою обширный водоворотъ маслянистой влаги, въ кругахъ коего мы завершались, какъ дѣши, разинувъ ротъ. Мы были на исполоешный выспрѣлъ оупъ Леандра, и пошому наша неудача много пошѣшила нашихъ поварищей, копорые съ хохотомъ спустились съ снашей, гдѣ они гнѣздились, что оупъ лучше видѣть знаменишый бой между китомъ и молодыми гардемаринами. Мы въ смущеніи

оставались на веслахъ, не зная чпо дѣлать, какъ вдругъ увидѣли самое необыкновенное въ мірѣ зрѣлище; по крайней мѣрѣ, я не помню другаго, которое произвело бы на меня живѣйшее впечатлѣніе. Нашъ шипецель кипѣ, майдя, безъ сомнѣнія, воду слишкомъ мелкою, ибо, какъ я сказала, она имѣла не болѣе пятидесяти или шестидесяти фузовъ глубины, или сердца на невозможность удалишься отъ шероховатыхъ краевъ коралловъ, словомъ по чему бы то ни было, съ радости или съ горя, вдругъ выпрыгнувъ изъ воды.

Этотъ прыжокъ былъ такъ огроменъ и рѣшипелевъ, что въкоторое время кипѣ висѣлъ въ воздухѣ горизонтально почти въ 35 фузахъ надъ поверхностію моря! Хребетъ его долженъ былъ находиться въ 20-ти слишкомъ фузахъ отвѣсно надъ нашими головами. Онъ вознесся съною живоспью, съ какою прыгають форель или семга, но низвергся въ море, какъ тяжелый брусъ, брошенный плашмя, съ такимъ прескомъ, что отъ удивленія мы всѣ подняли руки, и сильѣйшій изъ насъ не могъ вздохнуть. Мы неминуемо погибли, если бы кипѣ прыгнувъ минуною ранѣ, ибо упалъ бы прямо на шлюбку.

Волны, произведенныя его паденіемъ, разлились до половины рейды. Самъ *Леандръ* подпрыгнувъ, не произвелъ бы большаго дѣйствія.

Между тѣмъ, прижавшись къ бортамъ нашего кущера, мы имѣли время взвѣсить вѣроятности нашего предпріяшя: вѣроятности успѣ-

ха, съ вѣроятностями быть раздавленными въ прахъ брюхомъ чудовища при его вторичномъ прыжкѣ. Намѣреніе поймать его было вовсе оставлено, если такая безразсудная идея могла подлинно войти намъ въ голову. Непреодолимое любопытство видѣшь другую попышку въ искусствѣ такого рода побудило насъ оспашься еще на веслахъ: черезъ десять минушь мы снова увидѣли хребетъ кита въ недалекомъ разстояніи.

— »Подойдемъ ближе!« закричалъ одинъ изъ насъ.

— »Подойдемъ, подойдемъ,« отвѣчали другіе, — и мы оправились въ надеждѣ видѣшь повшореніе зрѣлища. Однако китъ не заблагоразсудилъ скакать для нашей пошѣхи. Нѣсколько разъ мы приближались къ нему, но все напрасно; кончилось тѣмъ, что онъ убрался по добру по здорову, принявъ направленіе къ Норпъ-Року, въ намѣреніи можеть быть, пройши въ узкой выходѣ, извѣстный только опытившимъ корчимъ эшихъ коварныхъ водъ . . .

Не прежде, какъ пошерявъ кита совершенно изъ виду, и когда высота Св. Георга почти скрылась за нами, мы замѣтили перемену погоды. Во время этой глупой экспедиціи, небо покрывлось облаками, и вѣтеръ мало по малу обратился въ юго-западный. Благоразуміе всего было поворочить назадъ; ибо если бы вѣтеръ немного усилался, насъ бы занесло далеко отъ

Леандра. Нѣсколько часовъ надобно было грешити, чтобъ добраться до корабля.

В. В.

III.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Б О Э Л Ъ Д Ъ Е.

Адріанъ Бозьдѣ родился въ Руанѣ, въ Декабрѣ 1775 года, и учился музыкѣ у шамошняго органиста Г. Броша. Бозьдѣ весьма хорошо игралъ на фортепіанѣ и сначала писалъ для этого инструмента; его фортепіанные концерты и дуэты для фортепіана и арфы чрезвычайно славятся въ свое время. Нѣсколько романсовъ, изданныхъ имъ въ 1795 году, вскорѣ по прїездѣ въ Парижъ, сдѣлали его извѣстнымъ въ музыкальномъ свѣтѣ, въ которой ввелъ его пѣвецъ Гара. Гара чрезвычайно любилъ сочиненія молодого своего прїятеля и часто пѣвалъ ихъ въ общесѣвахъ и концертахъ. Ему обязанъ Бозьдѣ первую свою извѣстность, и мѣстомъ фортепіаннаго Профессора въ Консерваторіи, гдѣ онъ образовалъ нѣсколько знаменитыхъ учениковъ и между прочими Циммермана. Первымъ опытомъ его на сценѣ Комической Оперы было *Швейцарское семейство*, за которымъ скоро послѣдовала *Зораима* и *Зюльнаръ*, Опера въ трехъ дѣйствіяхъ, пославившая его

на ряду съ лучшими Французскими компози-
торами. *Приданое Сюзеты, Калифъ Багдадскій,*
Беньовскій, Тетушка Аврора, и многія другія
Оперы еще увеличили его славу. Въ 1803 году
онъ ѣздилъ въ Россію и по повелѣнію покойнаго
Императора Александра наименованъ былъ
Капельмейстеромъ и ему поручено было писать
музыку для театра и придворныхъ празднествъ.
Во время осьмилѣтняго пребыванія своего въ
Россіи, онъ написалъ Оперы: *Алина, Абдеръ-Ханъ,*
Молодая сердитая жена, Дѣтъ ширмы, Любовь и
тайна, Телемакъ, Опрокинутыя кареты, хоры
къ Трагедіи Гюго, множество бальной и воен-
ной музыки. Въ 1811 году онъ возвратился въ
Парижъ. *Опрокинутыя кареты, Дѣтъ ширмы,*
Сердитая жена, были вскорѣ по пріѣздѣ его сы-
граны на Театрѣ Комической Оперы, для копо-
раго онъ написалъ нѣсколько новыхъ Оперъ: *Жанъ*
Парижскій, Праздникъ въ сосѣднемъ селѣ, Новый
помѣщикъ, Красная шапочка, въ 1824 году *Блѣ-*
лану (le Dame blanche) свое лучшее произведе-
ніе и въ 1829 году *Дѣтъ ночи.* Съ шѣхъ поръ,
спрадая болѣзнію дыхательнаго горла, онъ не
могъ болѣе работать. Онъ занимался Оперою, въ
три дѣйствія, кѣнорой слова сочинены Г. Скри-
бомъ; но Бозльдѣ могъ написать только одно
дѣйствіе. Для поправленія своего здоровья, онъ
путешествовалъ по Франціи и Италіи и воз-
вратился въ Парижъ въ Іюль 1833 годѣ. Но бо-
лѣзнь его была неизлечима; онъ, и послѣ своего
путешествія, не могъ заниматься работою, уда-

лился въ небольшое помѣстье Жарси, близъ Гробуа и тамъ 8 Октября н. ст. скончался. Бювьдѣ былъ человекъ весьма оспроумный, любезный въ обществѣ, добрый, благородный и безкорыстный до того, что не смотря на многочисленныя свои произведенія, не оставилъ дѣламъ своимъ ничего, кромѣ помѣстья, въ которомъ кончилъ жизнь свою. Друзья и знакомые оплакивающъ его какъ прекраснѣйшаго человека, любители музыки какъ композитора, который могъ бы еще сдѣлать многое: послѣднія произведенія Бювьдѣ доказываютъ, что гений его еще нисколько не ослабѣлъ. Ему было только 59 лѣтъ, а Херубини 77 написалъ Али-Бабу, одно изъ лучшихъ своихъ произведеній.

Бювьдѣ писалъ весьма хорошо въ комическомъ родѣ: свидѣтельствомъ этого служатъ *Тетушка Аврора* и *Жанъ Парижскій*, и возвышался до лирической трагедіи въ *Беньювскомъ*, *Телемакѣ* и хорахъ *Говалии*. Полу-характерныя его Оперы *Зорама* и *Зюльнаръ*, *Красная шапочка*, *Бѣлана*, низки успѣхъ не менѣ блестящій. Французская Комическая Опера, въ томъ видѣ, въ какомъ обрабатывалъ ее Бювьдѣ, есть произведеніе искусства и воображенія. Фраза этого композитора всегда содержитъ въ себѣ пріятную мелодію; сила его оркестра увеличивались, сообразно требованіямъ каждой эпохи. Бювьдѣ всегда слѣдовалъ за успѣхами музыки. Въ началъ своего поприща онъ былъ соперникомъ Гретри, а его *Бѣлана* надвѣла-

за такой шумъ во время величайшаго торжества Россіи. Бюльдьё былъ музыкантъ оспроумный; онъ умѣлъ придавать словамъ приличный цвѣтъ и выразительность, не привязываясь впрочемъ къ словамъ и не играя ими, какъ дѣлали другіе музыканты. Онъ умѣлъ декламировать, не портя очерковъ мелодіи. Бюльдьё одинъ изъ знаменитѣйшихъ Французскихъ композиторовъ. Оперы его имѣли успѣхъ повсюду: ихъ переводили и играли въ Германіи, Россіи, Англии, Испаніи; и даже Италія, которая такъ не охотно принимаетъ произведенія иностранныхъ музыкантовъ, сдѣлала самый лучший приемъ его Donna Bianca.

IV.

Т Е А Т Р Ъ (*)

Осада Пскова: трагедія Барона Е. Ф. Розена, представленная въ первый разъ 1-го Октября.

Мы не станемъ рассказывать содержанія этой Трагедіи: основаніе ея сослავляется часлѣ Драмѣ того же Автора: Россія и Башорій, которая извѣстна, вродѣ, всѣмъ нашимъ читателямъ. Къ этой основѣ Баронъ Розенъ прибавилъ нѣсколько дѣйствующихъ лицъ и развилъ въ своей Трагедіи прекрасную идею. Онъ предположилъ, что одинъ изъ защитниковъ Пскова, Князь Прозоровскій, который первый предалъ пламени свой домъ, свои деревни и удалился въ городъ для защиты его отъ Поляковъ — сынъ знаменитаго Андрея Курбскаго, въ младенчествѣ оставленный имъ

(*) Спашья сія написана потчасъ послѣ перваго представленія Драмѣ Барона Розена и печатается такъ поздно по причинамъ, совершенно не зависящимъ отъ Редакціи.

въ Россіи и принявшій имя одного изъ своихъ родственниковъ. Прозоровскій въ Псковѣ, въ рядахъ Русскаго воинства, — опецъ его Князь Курбскій, подъ знаменами Пскова, въ рядахъ осаждающаго его войска; опецъ и сынъ не знаютъ другъ друга (они шакъ давно распались!); опецъ и сынъ могутъ встрѣпиться въ пылу битвы и при каждой вылазкѣ, несчастный сынъ можешъ сдѣлаться опцеубійцею! Эта ужасная мысль непрерывно его шерзаетъ и однажды она едва не сбывается: Прозоровскій срываетъ съ одной изъ Псковскихъ башенъ Польское знамя, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ водруженное Княземъ Курбскимъ. Наконецъ они встрѣчаются. Курбскій удался изъ Польскаго шана, намѣреваясь заключиться въ монастырь; но Князь Прозоровскій, счишая опца, по рассказамъ одного Поляка, за Стефана Башорія, задерживаетъ его на дорогѣ. Курбскій не сдается и между опцемъ и сыномъ начинается битва; но воинъ, принешиій извѣстіе о заключеніи мира, прекращаетъ ихъ единоборство и они узнаютъ другъ друга. Одна эта превосходная сцена спомнѣ цѣлой хорошей Драмы. Вообще это произведеніе дѣлаетъ величайшую честь своему Автору; оно согрѣшо пламенной любовью къ опечеству, совершенно согласно съ нравами изображаемаго времени, исполнена во многихъ мѣстахъ высокой поэзіи, содержитъ въ себѣ множество прекрасныхъ стиховъ и очасливыхъ выраженій. Мысль, сославляющая собственно завязку Драмы и по какимъ образомъ Баронъ Розенъ воспользовался этою мыслию, показываетъ въ немъ талантъ истинно драматическій. Пепиръ Басмановъ, вшорая его Трагедія, уже оконченная, заставляетъ насъ надѣяться, что онъ не остановится на поприщѣ, на которое вступилъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ.

О постановкѣ этой пьесы, мы покуда говоримъ

не спанемъ; первое представленіе не можешь итти такъ хорошо какъ мы надѣмся, пойдуть слѣдующія; поблагодаримъ шолько Дирекцію за прекрасную декорацию, изображающую лагерь Башорія въ зимнюю лунную ночь. Но мы послушили бы несправедливо, если бы не опдали нынѣ же полной похвалы игрѣ Гг. Брянскаго и Карашыгина. Игра перваго въ сценѣ, гдѣ Курбскій навѣки прощается съ родною землею и обоихъ въ той сценѣ, гдѣ отецъ и сыпъ узнають другъ друга, еспь верхъ совершенства.

Въ этомъ представленіи случилось нѣчто необыкновенное. По окончаніи піесы, любители драматическаго искусства съ воспоргомъ требовали автора, чшобы изъявиль ему свою благодарность за его прекрасное произведеніе; другіе — вѣроятно, нелюбители — не постыдились шикашь..... Талантъ Барона Розена слишкомъ самоспопшелень, чшобы подобное неодобреніе могло убиль его, и спыдъ эпого шиканья падаетъ не на него. Дамы (мы не смѣемъ назывиль ихъ, но можемъ сказать, чшо онѣ принадлежатъ къ самому высшему кругу) дамы, сидѣвшія въ одной изъ самыхъ замѣтныхъ ложъ, воспали съ мѣспъ своихъ и пріявали ревностное участіе въ рукоплесканіяхъ. Примѣръ ихъ прекрасно подѣйствоваль, шиканье было заглушено въ минушу и Авторъ съ воспоргомъ вызванъ. Честь и благодареніе цѣнишельницамъ таланта! Если бы наши дамы всегда принимали шакое участіе въ успѣхахъ Русскаго Театра и Русской Словесности — шшо послужило бы сильнымъ поощреніемъ Писателямъ и принесло бы нешчислимую пользу.

И О Л И Т И К А.

ОБОЗРЕНІЕ НОВЫЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Р о с с і я.

Высочайшимъ Приказомъ 8-го Октября, определенъ въ службу, уволенный отъ службы Генераль-Маіоръ Баумгаршенъ, по Арміи, съ назначеніемъ Команданномъ въ г. Николаевъ; 10-го, состоящій по Кавалеріи Генераль-Маіоръ Гельдъ назначенъ Командующимъ Оренбургскимъ Кавальнымъ войскомъ; Командира 1-й бригады Гвардейской Кирасирской дивизіи, Его Королевское Высочество Генераль-Маіоръ Принцъ Эрнестъ Виртембергскій, уволенъ въ отпущекъ за границу, на одинъ годъ, съ состояніемъ по Кавалеріи.

— Высочайшимъ Приказомъ 13-го Октября, назначены: Командиръ 2-й бригады 10-й Пехотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Гладичевъ, Команданномъ въ Эриванскую крѣпость, съ состояніемъ по Арміи; Командиръ Лейбъ-Гвардіи 2-й Артиллерійской бригады, Генераль-Маіоръ Спашковскій, Директоромъ Московскаго Кадетскаго Корпуса; Генераль-Маіоръ Рейненкампъ 1-й, Вице-Директоромъ Императорской Военной Академіи; Командантъ Эриванской крѣпости, состоящій по Арміи Генераль-Маіоръ Левандовскій, уволенъ отъ службы за ранами, съ мундиромъ и пенсіономъ полного оклада, определеннаго Указомъ 6-го Декабря 1827 года.

— Высочайшимъ Приказомъ 15-го Октября, Генеральнаго Штаба Полковникъ Коцебу 1-й произведенъ въ Генераль-Маіоры, съ назначеніемъ Командиромъ 1-й

бригады 8-й Пехотной дивизии; Генералъ-Лейтенантъ Бартоломей 1-й, состоящій по Арміи; Командиръ 1-й бригады 5-й Пехотной дивизии, Генералъ-Маіоръ Панюшинъ 1-й, Командующій 8-ю Пехотною дивизією; Командиръ 1-й бригады 8-й Пехотной дивизии, Генералъ-Маіоръ Гельвицъ 2-й, Командиромъ же 1-й бригады 5-й Пехотной дивизии.

— Департаментъ Высшей Торговли, съ разрѣшенія Г. Министра Финансовъ, предписалъ по таможенному ведомству, что иностранныя ассигнаціи и билеты иностранныхъ Банковъ, въ шрифтѣ не помѣнованные, дѣйствію оного подлежатъ не могутъ, и должны быть пропущаемы свободно какъ въ Россію, такъ и обратно, на томъ же основаніи, какъ допускаются безрѣдкисрочно заемныя обязательства или векселя изъ одно Государства въ другое.

— Департаментъ Высшей Торговли, согласно съ резолюціею Г. Министра Финансовъ, предписалъ по таможенному ведомству: въ случаѣ задержанія иностранныхъ логгерейныхъ билетовъ, кои Указомъ 25-го Марта 1771 года воспрещено брать Россійскимъ подданнымъ, не возвращать оныхъ хозяевамъ; но хранить и наблюдать, не выйдеть ли на кошорый нибудь билетъ выигрыша, а попомъ выигранныя деньги потребовать, и подвергая ихъ конфискаціи, по силѣ §392 Таможеннаго Устава, распредѣлять оныя по принадлежностіи, какъ бы сумму, вырученную отъ продажи запрещеннаго къ привозу шовара.

— Высочайшими Грамотами Всемилостивѣйше пожалованы Кавалерами: ордена Св. Владиміра 2-й степени, Начальникъ 1-й Драгунской дивизии, Генералъ-Маіоръ Гербель, и Начальникъ 2-й Драгунской дивизии Генералъ-Маіоръ Граббе 1-й; Св. Спанислава 1-й степени, Командиръ 2-й Бригады 2-й Драгунской дивизии, Генералъ-Маіоръ Шиллингъ 1-й, и того же ордена 2-й

степеня, Командиръ 1-й Бригады 1-й Драгунской дивизіи Генераль-Маіоръ Баршоломей.

А н г л и я.

Всѣ газеты наполнены описаніемъ плачевнаго происшествія: въ ночь съ 16 на 17 Октября сгорѣли залы обѣихъ Палатъ Парламента. Пожаръ былъ ужасный; онъ начался въ семь часовъ вечера и весь день еще горѣли развалины. Лорды Мельбурнъ и Донканонъ немедленно прибыли на мѣсто пожара; послѣдній спалъ на крышѣ залы Нижняго Парламента, и посреди величайшихъ опасностей, распоряжалъ дѣйствіемъ пожарныхъ инструментовъ. Онъ сошелъ съ крыши послѣ всѣхъ, когда уже пламя обхватило все строеніе. Графъ Минстеръ, оказавшій при семъ пожарѣ равномерную большую дѣлательность, съ трудомъ былъ спасенъ отъ гибели. Говорятъ, что при семъ пожарѣ лишились жизни нѣсколько человекъ, и большое число болѣе или менѣе ушибено. Изъ официальнаго объявленія, напечатаннаго во второмъ изданіи *Courier*, явствуетъ, что зала Верхняго Парламента поспрадала наиболѣе, но что библіотека и главнѣйшее хранилище документовъ его спасены. Въ Нижней сгорѣли библіотека и многія другія комнаты. Квартиры Секретарей сгорѣли совершенно; комнаты Орашора и многія судейскія залы значительно повреждены. Вестминстерская зала (*Westminsterhall*) оспалась въ цѣлости. По полученіи сего извѣстія, Король опдалъ въ распоряженіе обѣихъ Палатъ новый свой дворецъ, выстроенный въ Сентъ-Джемскомъ паркѣ; въ *Courier* присовокупляютъ, что еще неизвѣстно, будетъ ли сіе предложеніе принято; оно шѣтъ десниже, что занимаемый нынѣ Королемъ дворецъ Сентъ-Джемскій вовсе не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Весьма еспешиваемо, что по городу носится

различные слухи о причинѣ пожара, но въ *Times* объявляютъ, что мнѣніе объ умышенномъ поджогѣ не имѣешь ни какого основанія. Пожаръ произошелъ вѣроятно отъ неоспорожности при введеніи новой metody шопленія печей. Въ *Courier* утверждаютъ, что пожаръ начался въ Камергерской комнатѣ, и произошелъ случайно. Сегодня въ часъ по полудни собрался Совѣтъ Министровъ вѣроятно, для разсужденія о мѣраx, копорыя должно принять въ слѣдствіе сего несчастнаго случая. Въ *Courier* напечатано: »Засѣданія Парламента будутъ отсрочены на будущей недѣлѣ еще на нѣсколько времени, но если надобно будетъ открыть ихъ къ назначенному времени — и можетъ быть, сего потребуютъ обстоятельство — то будетъ пріискано приличное для обѣихъ Палатъ помѣщеніе.«

— Въ *Morning Post* утверждаютъ, что потеря, понесенная казною при семъ случаѣ въ однихъ спроектияхъ, превосходитъ до 200,000 ф. стерл. Въ *Albion* опровергаютъ сказанное въ другихъ газетахъ, будто бы при семъ случаѣ нѣсколько человекъ лишились жизни. Въ той же газетѣ уведомляютъ, что пожаръ произошелъ отъ преданія огню бумагъ, лежащихъ уже нѣсколько вѣковъ въ Казначействѣ, и недавно перевезенныхъ въ залу Верхняго Парламента; люди, копорымъ было поручено испребленіе оныхъ, вмѣстѣ со мною, чшобъ сжигать ихъ понемногу, навалили на костеръ цѣлую груду и зажгли; ужасное пламя, прошедшее отъ сего, достигло сухаго дерева, копорымъ обиты стѣны залы, и черезъ четверть часа вспыхнулъ пожаръ.

— Третьяго дня Король прибылъ въ Лондонъ, и собралъ Тайный Совѣтъ, въ коемъ рѣшено отсрочить засѣданія Парламента отъ 23-го Октября до

25-го Ноября. Давъ аудіенціи пѣнопорытъ Министерамъ, Е. В. возвратился въ Виндзоръ.

Правительствѣно, предлагало, Оснѣ-Индской Компаніи Г. Чарльса Гранча въ Генераль Губернаторы и Директоры не приняла его.

Ф р а н ц і я.

Г. Дюпенъ, Президентъ Палаты Депутатовъ, рѣшился посвященіе на филантропическія нособія и на общепользныя издержки епѣлована денъги, производимы ему по сему званію во время отсутствія его изъ Парыжа. Она сумма составляетъ 10.000 фр. Три изъ нихъ изъ дѣхъ Г. Дюпенъ предославилъ Парижскимъ благотворительнымъ Комитетамъ, а остальные обращены въ Нѣарскій Дебартаментъ, которыи оны забрали въ Депутаты.

Принцъ Жоанвильскій возвратился 19 Октября въ Парижъ.

Президентъ Палаты Перовъ уведомилъ Перова, что докладъ Комиссіи по дѣламъ о банкротствѣхъ, происходившихъ въ разныхъ мѣстахъ въ Апрѣлѣ сего года, будетъ представленъ Суду Перовъ въ началѣ Ноября и потому просилъ ихъ собраться въ сему времени въ Парижъ.

Въ одномъ журналѣ говорили, будто Пана подарилъ Маршалу Бурнону, миллу, стоимостью до 600,000 фр. въ другомъ утверждають, что оно несправедливо, что Бурнонъ заплатилъ за эту дачу чѣстными денъгами; но что дѣйствительно цѣна, по приказанію Паны была назначена весьма низка. Г. Бурнонъ, конечно, заслуживаетъ награды отъ Паны, потому что, завоевавъ Алжиръ, Маршалъ избавилъ Папскую Область, отъ италии, которую она ежегодно платила Алжирцамъ.

Изъ Марселя пишутъ, что въ Оранѣ поднялась холера.

Инженеръ Пушей Сообщенія Г. Сюрвилъ, и Архитекторъ Г. Гильомъ составили Компанію акціонеровъ для устройсва чугунной дороги изъ Париза въ Писэж.

Испанскія дѣла.

Комиссія Палаты Процеровъ представила 18-го Октябръ докладъ свой объ иностранномъ долгѣ. Она предлагаетъ принять Министерскій проектъ, названный Палатою Прокураторовъ, намѣреваясь при первой возможности просить о признаніи Гебгардовскаго займа.

Въ одномъ письмѣ изъ Мадрида содержится слѣдующее обозрѣніе Испанскаго бюджета. *Королевскій Домъ*. На содержаніе Королевы производится 35.000.000 реаловъ, Королевы Регентши 19.000.000, Миньяна Дона Франциска съ супругою и семействомъ 5.760.000, Миньяна Дона Себасціана съ супругою 3.000.000, Принцессы Саксонской 540.000; проценты и погашеніе внутренняго долга составляютъ 63.601.911 реаловъ; проценты иностраннаго акквизнаго долга, состоящаго изъ займовъ, заключенныхъ прежде и послѣ 1828 года 100.627.313; полпроцента капитала этого долга 10.062.731; проценты (5%) и погашеніе новаго займа въ 400 милліоновъ реаловъ, полагая что онъ будетъ заключенъ по 60 за сшо, 36.666.666; проценты съ 12 милліоновъ, должныхъ Северо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ 600.000; съ долга Англии и Франціи, по договорамъ 1828 года, 19.000.000 р. *Министерства*. На Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, къ которому причисляются Совѣтъ Регентства, Совѣтъ Испанскій и Индійскій, производится 13.328.553 р. на Департаменты Юстиціи и милосшей 13.575.955, Внутреннихъ дѣлъ 132.133.621, Военный 265.670.914; Морской 55.035.393, Финансовъ 173.738.063; и всего расходовъ 937.340.321

р. *Бюджетъ приходовъ*. Государственные доходы изчисленные среднимъ числомъ за пять лѣтъ, составляютъ 651 567.579 р. разныя части управленію Министрству Внутреннихъ дѣлъ доставляютъ 91.157.292; пріиошенія Басскихъ провинцій и Королевства Наварскаго 7.500.000; такъ называемая подать *крусадо* 2.530.903, лоперен 4.181.778, рудники 6.867.106; и всего 766.804.658 реаловъ. Министрство предполагаетъ, что доходы увеличатся въ текущемъ году 91.833.333 р. и намѣревается сдѣлать сбереженія на 15.986.607 р. и поному дефицитъ долженъ составлять 62.713.722 р.

Мина писалъ, что онъ надѣется всунуть въ опривленіе должностіи Главнокомандующаго въ концѣ Октябръ; но объ этомъ нѣтъ еще никакихъ извѣстій.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я .

Въ Лиссабонской оффиціальной Газетѣ напечатанъ декретъ о всепрощеніи, о которомъ Донъ Педро просилъ дочь свою. — Герцогъ Пальмелла произнесъ рѣчь, въ которой изложилъ свою систему. Онъ говоритъ, что правительство всего болѣе будетъ пецись объ упроченіи свободы и спокойствія гражданъ и объ утверженіи государственнаго кредита.

20 Октябръ исполнилось 24 года съ тѣхъ поръ какъ Карлъ Іоаннъ, Король Шведскій и Норвежскій прибылъ въ Швецію; въ воспомяніе этого событія онъ издалъ амнистію, копорю прощающаея въ, осужденные въ это время за преступленія политическія и прошивъ Величества и въ слѣдствіе того изгнаннымъ по этой причинѣ позволено возвращаться въ Швецію, а содержащихся въ тюрьмѣ повелѣно освободить.

Собрание Голландских Генеральных Штатовъ
открыто 20 Октября.

25-го Октября.

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ съ послѣднею поч-
тою, нѣтъ ничего замѣчательнаго.

26-го Октября.

VI.

М О Д Ы.

MODES DE FEMMES. — On voit au théâtre des peignoirs en belle étoffe blanche, doublés en satin de couleur. Le corsage est couvert de blonde ou de point. — On voit aussi plusieurs chapeaux en crêpe lisse soufre, rose ou bleu pâle.

— Les bouffés portés à la main sont toujours de mode au spectacle, mais n'excluent pas l'évantai tout riche de ses vieilles peintures et ses ciselures du tems de la régence.

MODES D'HOMMES. La mode n'a pas apporté de bien grands changements dans le costume des hommes. Les habits les mieux portés sont toujours les habits bleus et vert bouteille. La plupart de ces derniers sont ornés de boutons ciselés.

— Pour les gilets rien de nouveaux; le goût seul décide sur cette partie du costume, qui ne saurait être soumise aux exigences de la mode. La forme la plus répandue est le gilet à challs.

— Les gants de Suède et les gants jaunes sont toujours en faveur; les manchettes relevant sur l'habit ne

sont pas moins nécessaires à un homme qui veut faire preuve d'élégance.

— Pour le négligé, les hommes portent des cravates de Madras. Les redingotes longues sont revenues avec la saison. Le pantalon de casimir zébré est ce qu'il y a de mieux pour ce costume.

— Quelques jeunes gens ont des pantalons de casimir uni avec des bandes de tresses sur les cotés.

Моды женскія. — Въ театрѣ видны пенъуары изъ прекрасной бѣлой матеріи, съ подкладкою изъ цвѣтнаго апласа. Корсажъ покрытъ блондами или кружевомъ.

— Много также видно шляпокъ изъ лоснящагося крепа, чернаго, розоваго или блѣдно голубаго цвѣта.

— Букемы, которые держатъ въ рукѣ, все еще въ большомъ употребленіи въ спектакляхъ; но они не исключаютъ опахала, богато украшеннаго ошарпированною живописью и чеканкою во вкусъ времени Регеншва.

Моды мужскія. — Мода произвела не много переменъ въ мужскихъ костюмахъ. Фраки все больше носятъ синіе и зеленаго булылочнаго цвѣта. Последніе обыкновенно бывающъ украшены чеканеными пуговками.

— Въ жилетахъ нѣтъ ничего новаго; эта часть костюма всегда опредѣляется однимъ вкусомъ каждаго; она не покоряется преобладаніямъ моды. Форма самая обыкновенная есть жилетъ съ шалью.

— Шведскія и желныя перчатки все еще въ модѣ; маншеты, ошвороченныя на рукавъ, также необходимы человеку, который хочетъ быть одинымъ изъятымъ.

— Въ нарядѣ неглиже носятъ Мадрасовыя галсту-

ки. Длинные ридингомы возвратились съ осенью. Съ винить кеслюномъ всего лучше брюки изъ зебровиднаго казимира.

— Нѣкелорые молодые люди носятъ панталоны изъ гладкаго казимира съ плечеными шесъмами по бокамъ.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes, 20-го Октября.)

КОНЕЦЪ XLV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ XLV ЧАСТИ.

I. ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

а) Стихи.

1. Два явленія изъ Трагедіи: Пётръ Басмановъ, соч. Барона Розена	505
Сочины Н. Бушырскаго.	
2. Три Парголовскія озера	493
3. Наводненіе 7 Ноября 1824 года	494
2. Сомвореніе	—
5. Мершвенность природы	495
6. Трапеза природы	—
7. Человѣкъ	496
8. Первая молитва	497
9. Преесшественная жизнь	—
10. Первая любовь	498
11. Паденіе человѣка	—
12. Идолопоклонство	499

б) Проза.

1. Корсаръ. Повѣсть Евгенія Сю	5 и 65
--	--------

2. Случай изъ давнопрошедшей жизни (соч. В.). 425
 3. Гибель «регаша» (соч. Н. Давыдова). . . 181 и 241
 4. Опырьокъ изъ Морьерова Романа: Зограбъ за-
 ложникъ 315
 5. Я ногъ бы давно женился, — но По-
 вѣсь А. Кончеозерскаго 373 и 425
 6. Адель (соч. К. Пешерсона) 509

II. КРИТИКА.

- О началахъ Геометрии, Г. Лобачевскаго 407

III. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- Томъ Джонсъ Фильдинга и Кларисса Гарлонъ
 Ричардсона 283

IV. ИСТОРИЯ.

1. Взглядъ на положеніе Испанскихъ владѣній въ
 Америкѣ съ 1492 по 1808 годъ 259
 2. Объ Исторіи вообще, предметъ, цѣли и прак-
 тическомъ изложеніи оной (соч. Т. Спена-
 нова) 388 и 438

V. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

1. Вилліамъ Нильсъ, Графъ Чашамъ 45, 105 и 150
 2. Бовльдье 450

VI. ПУТЕШЕСТВІЯ.

1. Письмо къ Редактору изъ Гамбурга (А. В.
 Тимофеева) 26
 2. О растеніяхъ, Ошмаки, пишущіеся зем-
 лею и проч. (изъ Гумбольдта) 83
 3. Свиданіе съ Наполеономъ (изъ Путешествія
 Базилія Галля) 336
 4. Письма изъ Парижа, I (А. Месковскаго) . . . 454
 5. Бермудскіе острова. — Скачекъ китца (изъ
 Путешествія Базилія Галля) 515

VII. СТАТИСТИКА.

- Земля Донскихъ Казаковъ (соч. В. В. Вронев-
 скаго). 135 и 201

VIII. ТЕАТРЪ.

Осада Пскова, Трагедія Барона Е. Ф. Розена 533

IX. ПОЛИТИКА.

1. Новая Палата Депутатовъ. — Спашья I. Общій взглядъ на прежнюю и нынѣшнюю Палату 161
2. Новая Палата Депутатовъ. — Спашья II. Партія Легитимистовъ 355
3. Новая Палата Депутатовъ. — Спашья III. Средняя партія 478
4. Обзорніе новѣйшихъ происшествій. — Извѣстія, полученныя съ послѣднею почтою, 53, 115, 170, 229, 297, 365, 417, 484 и 536

X. СМѢСЬ.

1. Театральныя новости: Грабъ Оръ, Robert le Diable, Осада Пскова, Пётръ Басмановъ, Скопикъ-Шуйскій, Роксолана. — Лондонскіе самоубійцы. — Число преступленій въ Лондонѣ. — Новаго рода суда. — Англійскія владѣнія въ Остѣ-Индіи. — Цѣна воды въ Лондонѣ и Парижѣ. — Доходъ съ кабриолетовъ. — Книгопечатаніе во Франціи. — Северо-Американская армія. — Городъ у Ніагары. — Г. Влассъ. — Г-жа Зоншага. 235

- XI. МОДЫ. (На Французскомъ и Русскомъ языкахъ) 62, 123, 179, 240, 304, 371, 423, 491 и 541

2382 9

3 2044 094 942 505

HD